

Вернувшийся к ответу

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Якубов Олег

Олег Александрович Якубов

Вернувшийся к ответу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69752326

SelfPub; 2023

Аннотация

...Человеку не дано вернуться к самому себе, прежнему. Но он может вернуться к ответу. Наверное, у каждого думающего человека должен наступить такой момент, когда он сам себе обязан ответить на множество вопросов. В том числе, или в первую очередь, на вопрос: «А как ты жил, как живешь теперь?» Новый роман Олега Якубова – это остросюжетное произведение, композиция которого позволяет читателям на протяжении всего повествования переноситься между прошлым и настоящим главного героя и его друзей. Роман написан занимательно, захватывая насыщенностью событий, узнаваемостью многих героев и драматизмом повествования. Олег Якубов – известный писатель, журналист-международник, автор более тридцати книг, общий тираж которых превышает несколько миллионов экземпляров. Произведения Олега Якубова неоднократно переводились в разных странах мира. Автор является членом Союза писателей Европы, удостоен престижных литературных и журналистских международных премий.

Содержание

Пролог	6
Глава первая	9
Глава вторая	19
Глава третья	32
Глава четвертая	43
Глава пятая	49
Глава шестая	62
Глава седьмая	78
Глава восьмая	85
Глава девятая	103
Глава десятая	115
Глава одиннадцатая	137
Глава двенадцатая	148
Глава тринадцатая	162
Глава четырнадцатая	178
Глава пятнадцатая	191
Глава шестнадцатая	210
Глава семнадцатая	229
Глава восемнадцатая	244
Глава девятнадцатая	252
Глава двадцатая	272
Глава двадцать первая	293
Глава двадцать вторая	308

Глава двадцать третья	331
Глава двадцать четвертая	344
Глава двадцать пятая	360
Глава двадцать шестая	385
Глава двадцать седьмая	396
Глава двадцать восьмая	414
Глава двадцать девятая	431
Глава тридцатая	444
Глава тридцать первая	458
Глава тридцать вторая	473
Глава тридцать третья	491
Глава тридцать четвертая	505
Глава тридцать пятая	525
Глава тридцать шестая	535
Глава тридцать седьмая	547
Эпилог	556

Олег Якубов

Вернувшийся к ответу

«Владыка мира, Ты сотворил праведников, Ты сотворил грешников... А все же не сказано заранее, кем должен быть человек – праведником или грешником».

(Философский трактат «Послание о покаянии», 1746 год)

Пролог

«А у нас сосед играет на кларнете и трубе. А у нас сосед играет... тьфу ты», – сплюнул Аркадий. Надо же, с самого утра привязалась эта глупая мелодия и голос долговой Пьехи в ушах стоит. Марков вспомнил от кого-то давно услышанное. Когда всемогущий властелин советского телевидения Лапин утверждал программу очередного новогоднего «Голубого огонька», то, зная пристрастие престарелого генсека, в конце совещания снисходительно бубнил: «Пусть Пьеха чего-нибудь промяукает». И вот надо же, не успел сегодня глаза продрать, а в голову назойливо лезет этот хренов многостаночник: и на кларнете он горазд, и на трубе. Прямо Гай Юлий Цезарь от духовых инструментов. Впрочем, песенка эта прекрасного настроения не портила, скорее наоборот. Сварив крепчайшего ароматного кофе, к этому напитку он пристрастился совсем недавно, раньше чаю отдавал предпочтение, вернулся в свой кабинет, подошел к письменному столу, на котором лежали, еще в оберточной упаковке, новые книги. Открыл верхнюю, с удовольствием, но и с некоторым даже удивлением, прочел на обложке: «Аркадий Марков. Собрание сочинений в пяти томах». С отстраненностью непричастного человека перевернул книгу и на обратной стороне, словно желая убедиться в том, что никакой ошибки нет, долго рассматривал свою собственную фотографию:

узкое лицо, ироничный, так ему хотелось думать, взгляд, аккуратно подстриженная бородка клинышком. «Собрание сочинений в пяти томах», – уже вслух прочел Марков и замотал головой, словно отгоняя наваждение и в то же время боясь, что он, этот прекрасный, неповторимый миг, растает, испарится. Но книга, такая осязаемая, такая увесистая, в твердой обложке благородного серого цвета, с золотым обрезом на корешке и его собственной, вне всяких сомнений, фотографией, то бишь Аркадия Маркова, а не кого-нибудь другого, красуется на обложке, и это он – автор пятитомного собрания сочинений. И стало быть – классик? Ну а как же, конечно, классик! Привыкший иронизировать над всем и всеми, в первую очередь над собой, хмыкнул: «Ты б еще как булгаковский Шариков заявил: «Я – красавец». И тут же извлек из податливой памяти, которой втайне гордился, исконное значение этого слова – «классик» в переводе с древнегреческого означает «совершенный». Ох, как охота потешить свое эго, почувствовать себя литературным совершенством, классиком. Но назвать себя так – ну нет! Уж этого он позволить себе не мог, чувство меры ему все-таки не изменяло, и в непростой его жизни спасло не раз, ну или помогало выбраться из весьма щекотливых ситуаций.

Это Пушкин, завершив работу над «Евгением Онегиным», по преданию, скакал на одной ножке и приговаривал: «Ай да Пушкин, ай да сукин сын!». Так то Пушкин, действительно классик, гений от Бога, а ему, Маркову, в голову не

лезет ничего иного, как слова из песенки Бори Потемкина: «А у нас сосед играет на кларнете и трубе...»

Перелистал несколько страниц первого тома. Несмотря на все возражения редактора и даже многочисленные с ним ссоры, книга начиналась теми самыми «Алёнкиными рассказами», которые принесли ему первую известность, первый гонорар, до копейки пропитый с поэтом Сашкой Файном во время недельного «запоя»; и Алёнкины слезы, когда она увидела тонюсенькую книжонку и крикнула, краснея от стыда: «Дурак! Большой, а дурак. А я все равно на тебе женюсь». Так и крикнула – женюсь. Как давно это было...

Глава первая

Улица носила романтическое название «Двенадцать тополей». Откуда такое название взялось, не знал никто. Старики поговаривали, что когда-то на этой небольшой улочке действительно была аллея, на которой высилась ровным счётом дюжина тополей, но верилось в это с трудом. Улочка вилась и извивалась, и, как на ней могла выровняться целая аллея, было совершенно непонятно. Только мальчишки, это вечно романтическое племя, дочерна загоревшие под нещадным азиатским солнцем и потому, несмотря на разные национальности, похожие друг на друга как родные братья, продолжали упорно утверждать, что когда-то их улица была прямой, как стрела, и росло на ней именно двенадцать тополей – не больше и не меньше.

Горячее всех утверждали это два вечных спорщика Вовка Рашидов и Аркашка Марков. Вообще-то, Вовку по-настоящему зовут Ильхом, но этим узбекским именем его называют только мать и отец, для пацанов же он просто Вовка.

Однажды, когда мальчишки вечером мастерили самокат, Вовка обратился к своему отцу, только что вернувшемуся с работы. Отец Вовки, даже в несносную ташкентскую жару, ходил в костюме и белой сорочке с галстуком, приезжал сначала на «Победе», потом на «ЗИМе», позже пересел на «Волгу», «Чайку», «Зил», но это было уже многие годы спустя,

когда Рашидовы в правительственную резиденцию переехали, а семья Марковых после землетрясения перебралась в район новостроек, названный каким-то мизантропом Чилёнзор, что в переводе с узбекского означает «змеиное урочище». Впрочем, горожане мало задумывались над значением этого слова, и получить в разрушенном землетрясением городе квартиру на Чилёнзоре было мечтой каждого ташкентца.

А в те годы, когда Шараф Рашидович появлялся на улице, соседи здоровались с ним подчеркнуто почтительно, пацанам же невдомёк было, что этот высокий, рано поседевший человек через несколько лет станет «хозяйном республики». Для них он был Вовкин папа, называли они его дядя Шараф и только знали, что домой он, за редким исключением, приезжает в основном поздним вечером, а то и ночью, когда все уже спят. Даже в выходные дни дома он бывал редко, в зоопарк, в кино, в детский парк Вовка ходил чаще всего со своими сверстниками, реже – со старшей сестрой.

А этот день был как раз тем редким случаем, когда Шараф Рашидович вернулся домой засветло.

– Папа, папа, скажите (в их семье, как и в большинстве узбекских семей, было принято к родителям обращаться на «вы»), ведь на нашей улице когда-то давно действительно росли двенадцать тополей, – теребил Вовка отца.

– Не знаю, сынок, может быть, когда-то давно, до войны, но я тогда не в Ташкенте, а в Самарканде жил, – ответил тот,

чему-то улыбаясь, погладил сына по голове и ушел в дом.

Мальчишки были разочарованы, они росли в твердом убеждении, что уж кто-кто, а Вовкин отец знает все, не зря же он, единственный на их улице, приезжает домой на машине с водителем и даже по двору ходит не как другие мужики в майках-безрукавках, а в отутюженных рубашках.

Машина времени

(Оглядываясь на будущее)

Москва, 1979 год, декабрь. Мороз за тридцать. В некоторых домах трубы парового отопления полопались. У входа в северный корпус гостиницы «Россия» топчется молодой, но уже абсолютно седой парень – точная внешняя копия своего отца, первого секретаря ЦК партии Узбекистана Шарфа Рашидова. Парню безумно холодно в пальтишке на «рыбьем меху», остроносых чешских туфельках на тонкой кожаной подошве. Но вовнутрь молодой человек не заходит, знает, что его попросту не пустят: читательский билет в публичную библиотеку имени В. И. Ленина краснорожие церберы, стоящие у входа, как документ, удостоверяющий личность, даже не воспринимают. Он мог бы дать им трешку и оказаться внутри, в благословенном тепле, мог кое-что шепнуть швейцару на ухо, он знает эти «волшебные» слова, но не делает ни того, ни другого. Он просто ждет, когда появится кто-то из тех, кто приглашен на сегодняшней банкет. На-

конец, появляется его бывший сосед по Ташкенту, Аркашка Марков, несостоявшийся альтист, но ныне весьма преуспевающий журналист и даже автор нескольких книг и киносценариев. Марков, даже не удосуживая цербера взглядом, сует тому под нос красную книжечку с надписью на кожаной обложке «Союз журналистов СССР», кивает небрежно на застывшего, зуб на зуб не попадает, Володю, цедит сквозь зубы: «Этот со мной», – и приятели оказываются в благословенном тепле гостиничного вестибюля. «Самой большой гостиницы в СССР», как пишут о «России» советские газеты, а на самом деле, по стандартам европейского гостиничного сервиса, заштатный трехзвездочный отель.

– Володь, тебя не обламывает, что это ты со мной в гостиницу заходишь, а не я с тобой? – смеется Марков. – Какого хрена ты им не сказал, кто ты такой? Да и фамилию называть необязательно. Ты же в академии КГБ учишься, стражники, поди, твои коллеги, только отставные...

– Да ладно, не хватало им еще об этом знать, – бурчит недовольно Рашидов. – К тому же никаких документов я с собой не ношу, у меня только билет в читалку «Ленинки».

– Ну ты даешь! – неподдельно восхищается Марков. – Как был в школе скромняга, так до сих пор им и остаешься.

Они проходят в огромный, неуютный зал ресторана. В углу, возле диванчиков, сервирован стол на пять персон. На стол и на тех, кто за ним устраивается, с нескрываемым любопытством поглядывают сидящие неподалеку «гости сол-

нечной Грузии». Они сами пытались зарезервировать это «блатное» место, но получили от ворот поворот, услышав от метрдотеля обидное: «Не про вашу честь, здесь сегодня особая компания гулять будет», – и мэтр воздел куда-то к потолку указательный палец.

– Да мы сами... – попытался возразить самый из них горячий, но много чего на своей непростой работе повидавший метрдотель бесцеремонно перебил: «Сами, сами. Сами с усами. Только у вас труба пониже, да дым пожиже».

...Компания, куда пришли Володя Рашидов и Аркадий Марков, отмечает день рождения Алишера, мужа младшей из сестер Рашидовых – Светы. Алишер учится в аспирантуре филфака МГУ, он специалист по какому-то редкому кельтскому фольклору. В гости он позвал своего сокурсника Сашку Авакова, с обидной кличкой Собаков, и брата жены; Володя, в свою очередь, пригласил друга детства Аркашку Маркова, который по своим то ли журналистским, то ли писательским делам ошивается в Москве и занимает в «России» шикарный полулюкс. Пятый гость за столом – средних лет плотный узбек, который, несмотря на уговоры, ни за что не хочет снять с головы тубетейку. Кажется, его зовут Турсун. В разговоре он не участвует, зато зорко и строго наблюдает за официантами, проявляя явное недовольство их нерасторопностью. С самого начала Турсун выказал службе свое недовольство. За соседним, грузинским, столом он увидел неведомое ему блюдо в металлических чашечках с длинными руч-

ками.

– Чего такое будет? – спросил Турсун официанта.

– Жюльен, – ответил официант коротко, переминаясь с ноги на ногу.

– Зачем у нас нет? – возмутился Турсун. – Я же сказал – все меню на стол поставь.

– Да у вас и так уже ставить некуда, – попытался возразить официант, но получил ответ, что называется, под дых.

– Ставит некуда – на руки держат будешь, – заявил, как отрезал, Турсун.

Он приехал в Москву в командировку из узбекской провинции – Джизакской области. В том районе, где Турсун нынче секретарь райкома партии, когда-то родился «отец» – сам Шараф-ака Рашидов, первый секретарь ЦК партии Узбекистана, член Политбюро и личный друг Самого – имя Леонида Ильича Брежнева Турсун вслух даже произносить боится. Он человек маленький. И когда едет в Москву, может, нет, обязан, навестить детей хозяина, привезти им дары щедрой узбекской земли. Ну а уж коль случилось такое событие, как день рождения зятя, то нужно все достойно организовать и, само собой, – оплатить. Турсуну хорошо известно, что сам Рашидов такое угодничество не жалуется, но еще ему известно и другое: ни разу он не слышал, чтобы кого-то уволили за внимание. И Турсун старается от души. Он ничего не пьет, почти не ест, в разговор не вмешивается, да и не слушает вовсе, о чем говорит молодежь, – все равно не

поймет. А думает о том, что, когда этот вечер закончится, он приедет в гостиницу «Москва», где у него забронирован номер, закажет ужин с коньяком и шампанским и еще отсюда, из вестибюля этой гостиницы, позвонит Эмме, пышнотелой блондинке, с которой познакомился еще два года назад, когда приезжал в столицу на партийный съезд.

Его сладостные мечтания нарушает неожиданно изменившийся ход событий. Сын хозяина встает и вместе с бородастым другом выходит из зала. Турсун, чтобы не попадаться на глаза, поотстав, плетется за ними. Сначала парни закуривают, весело смеются, вспоминая какого-то Уйгуна и что в каком-то московском доме чуть пожар не устроил, когда плов готовил; потом направляются вглубь вестибюля, явно собираясь войти в дверь, на которой изображены мужской силуэт и красноречивая буква «М». Сообразив, куда они идут, Турсун обгоняет молодых людей и, растопырив руки, преграждает путь, надрывно восклицая: «Не пуцу!»

– Куда не пустишь? – недоумевает Володя.

– Общий тувалет не пуцу! Такой человек общий тувалет – ходит никогда нет! – решительно заявляет райкомовский партайгеноссе.

– Так мне что, прямо в коридоре опорожняться, раз в туалет нельзя? – иронично осведомляется Рашидов.

Турсун умоляюще смотрит на бородача.

– Мы так понимаем, вы в этой гостинице живете? – спрашивает он и, получив согласный кивок, предлагает: – К вам

в номер поедем, там тувалет ходит будете.

– Аркаша, а ты на каком этаже живешь? На четырнадцатом... Нет, я, честное слово, не доеду, – смеется Володя.

Но подхалим его уже не слушает. Он хватает молодых людей за рукава и тащит в сторону лифтов. На четырнадцатом этаже, опережая всех, Турсун подбегает к дежурной, пытается ей сунуть «четвертак» – двадцать пять рублей – и скороговоркой, округляя глаза, шепчет: «Чистое полосенсе, только быстро, очень быстро!» Дежурная невозмутима: «В восемнадцатом сегодня уборку производили, там полотенца чистые». Нервы Турсуна, и без того, видимо, напряженные до предела, отказывают. И хотя он по-прежнему шепчет, но кажется, что вопит во весь голос: «Шистое полосенсе, шистое я сказал!»

Аркашка сует Володе в ладонь ключ от номера, подталкивает их с Турсуном к двери. Сам, задержавшись возле дежурной, говорит женщине с усмешкой:

– У вас что, четвертак в карман не помещается? Возьмите деньги и принесите полотенце. Всех дел-то на полминуты.

Ворча себе под нос что-то типа «совсем с ума посходили, чурки нерусские», дежурная удаляется, однако мгновенно возвращается, неся на сгибе руки сразу несколько чистых полотенец. Инцидент исчерпан. Турсун сияет от удовольствия. Он не придуривается, он искреннее считает, что сын «хозяина» в общественный туалет ходить не может. И не должен. Все возвращаются в ресторан. Вечер заканчивается вполне

мирно. К жюльенам так никто и не притронулся.

...Как-то Маркову пришла в голову любопытная мысль: если бы какому-то градоначальнику вздумалось на одной улице поселить сразу столько знаменитостей, сумел бы он осуществить свой план в таком объеме, как это произошло на улице их ташкентского детства, улице «Двенадцать тополей». Да и то сказать, откуда мог знать какой-то чиновник, что из кого получится. А тогда улица была знаменита разве что своим звучным названием. Даже то, что на этой улице жил главный человек, мало кто знал. Как никто не мог знать, что босоногая Валька станет одной из известнейших в мире балерин, ей будут рукоплескать в самых известных залах; короли и принцы, президенты и финансовые магнаты будут почитать за высочайшую честь и несказанное наслаждение приложиться к Валькиной ручке. Что толстый неповоротливый Павлик по прозвищу Бублик, вечно голодный вдохновенный враль, будет покорять своим редким баритоновым любителям и знатокам оперы. Что Никита, в детстве самый робкий на улице, заставит на несколько часов в напряжении застыть всю планету, которую покорит своей смелостью отважного космонавта, дважды Героя Советского Союза, устранившего в открытом космосе поломку корабля и спасшего от неминуемой гибели весь экипаж международной орбитальной станции. Да и самому Аркашке, который

больше всего на свете любил читать, если бы в его детские годы кто-то сказал, что его собственные книги будут изданы миллионными тиражами и переводить их станут на самые разные языки во всех частях света, он бы точно никогда в это не поверил. Хотя...

Глава вторая

Шумный, пыльный, разноголосый и разноплеменный город, в котором он родился и вырос, был, как две капли похож на архаичный восточный базар, каковым по сути и являлся – приветливым, неприхотливым, безалаберно неряшливым, в меру лживым и бахвалистым, но неизменно приветливым, добродушным и гостеприимным.

Когда-то несостоявшийся вождь мирового пролетариата, ныне непопулярный политтехнолог Ульянов-Ленин сослал сюда весь цвет неугодной ему российской профессуры, цинично обозвав эту ссылку лучших умов империи «эшелонем науки». Аборигены с любопытством и удивлением взирали на седовласых старцев с непривычными здесь пенсне и бородками клинышком, даже в несносную азиатскую жару не позволявших себе появиться на улице без пиджачной пары и галстука под ослепительно белым крахмальным воротничком. Подъезжая к городскому саду на осликах, которых здесь непочтительно называли «ишак», местные слушали музыку духового оркестра, а облаченного в белый мундир дирижера почитали генералом и никак не меньше. Разделенные широким арыком части города – европейская и азиатская – жили каждая своей жизнью, ничуть друг другу не мешая. Приезжие удивительно быстро и сноровисто научились готовить изумительные узбекские блюда, и теперь в их палисадниках

появились неизменные для традиционного азиатского жилища казаны и мангалы, над которыми витали в густом и жарком воздухе ароматы плова и шашлыка.

Как от первого попадания фашистской бомбы перемешалась земля, так перемешалось все в этом городе. Сюда со всех концов огромной необъятной страны хлынули эшелоны с эвакуированными, и было просто непонятно, как нашлось место людям, заводам и даже киностудиям в городе, который еще много лет назад, во время голодомора, снискал, а теперь ежедневно подтверждал своей жизнью славу и благороднейший статус: «Ташкент – город хлебный».

Семья Аркашкиной матери прибыла в этот край одним из первых эшелонов. От неминуемой гибели семью спасла будущая мать Аркадия, которой в 1941-м едва минуло двенадцать. Когда они втроем – две дочери и мать, старшего брата девчонок еще в 1939-м призвали в Красную армию, – возвращались из эвакуопункта, чтобы собрать дома кое-какие вещички в дорогу, по дороге двенадцатилетней Ревекке в туфельку попал камешек и слегка поранил ногу. Она присела на обочину и долго хныкала, жалуясь на боль и не желая идти дальше. Двинулись только после строгого материнского окрика. Их дом уже был виден, когда в него угодила немец-

кая бомба. Окажись семья возле дома даже на несколько секунд раньше... Словом, обычная для того необычного времени история.

Сначала их отправили в колхоз, где они, все трое, выращивали и собирали хлопок. В 1943-м перебрались в Ташкент, где городские власти выделили эвакуированным по делянке земли, помогли кой-какими стройматериалами. Впрочем, основной стройматериал находился, в буквальном смысле слова, под ногами. Из глины, соломы и кизяка местные в огромных деревянных формовочных корытах месили ногами густую смесь, которая потом, обожженная нещадным азиатским солнцем, превращалась в прочные кирпичи.

Участок эвакуированным харьковчанам выделили на улице «Двенадцать тополей». Тенистая, утопающая в зелени деревьев и садов улица, вернее ее обитатели безропотно восприняли известие о том, что здесь начинается стройка, а вместе с ней – все сопутствующие неудобства.

Есть у узбеков древний обычай. Называется он хашар. Буквальный перевод мало что скажет, а по смыслу – сообща, всем миром. Хашаром строят, хашаром проводят свадьбы и похороны. Интересная деталь: когда люди собираются на хашар, то здороваются не традиционным «ассалом алейкум», а говорят «не уставать вам». На хашар никого не зовут – люди приходят сами. И несут с собой, что считают нужным. Если являются на стройку к соседу, то не ждут, пока их обеспечат лопатами или другим инструментом, приносят с собой.

Вот так хашаром и начали строить жилье для тех, кого война, лишив крова, занесла в Ташкент, где и двери, и сердца были открыты.

Но двадцатиметровую комнату, которая полагалась семье из трех человек, еще предстояло построить, а пока надо было где-то жить. Эвакуированных устроили в семью расстрелянного «врага народа». Хозяйкой здесь была еще не старая черноволосая женщина по имени Мария, с первого мгновения возненавидевшая постояльцев. У Марии было четверо детей – шестилетние двойняшки-девчонки, четырехлетний пацаненок и старший сын – двенадцатилетний Саша, которого все называли Шуриком. Шурик по сути и был главой семьи.

Отец Шурика, биндюжник Семен, руководил артелью, которая на своих лошадях-тяжеловесах, «битюгах», перевозила всякие грузы. Лошади все как одна подобрались вороные. Однажды возили муку на местный хлебозавод. К вечеру устали все – и люди, и кони. Нарядчик с хлебозавода стал подгонять грузчиков. Артельный, Сеня Марков, благодушно прогудел: «Да погоди ты, мил человек. У моей черной банды уже копыта отваливаются. Вот отдохнут малость, и тогда продолжим». В стране, где бдительными гражданами было написано друг на друга пять миллионов доносов, еще один донос лег куда надо. Кого имел в виду артельный Семен Марков, говоря «черная банда», разбираться не стали. «Особая тройка» приговорила его к расстрелу, приговор исполнили

незамедлительно. Шурику в ту пору восемь лет уже исполнилось. Учился он в третьем классе. Но не доучился. Пошел работать на ткацкую фабрику и кормил семью, как когда-то говаривали – сампят, то есть из пяти человек, включая его самого. Мария как при муже нигде дня не проработала, так и после его расстрела привычкам своим не изменила...

О том, что в их доме появились эвакуированные, Шурик узнал через неделю – семь дней с фабрики домой не уходил, ночевал на складе, где мотки пряжи были теплее любой перины. Вернувшись домой переодеться, увидел во дворе незнакомую девчонку.

– А я знаю, тебя Шурик зовут, – затараторила она. – А меня Ревекка, но можно просто Рива. Нас из Харькова эвакуировали, мы сначала в колхозе жили, а теперь сюда переехали, комнату строим...

– Да погоди ты, оглушила совсем, – степенно прервал ее Шурик. – Имя какое-то у тебя чудное – Рива. Это как же будет по-русски?

– Ну не знаю, – растерялась девочка. – Мама меня Ривочка называет.

– Ишь ты, Ривочка, – хмыкнул паренек. Это имя ему чем-то понравилось, и он, неожиданно сам для себя, сказал девочке: – Ну, тогда и я тебя так буду звать.

Саша Марков и Ривочка не расставались тридцать лет, ну

разве лишь тогда, когда его в армию призвали, на три года. Ну так то не в счет...

Комнаты эвакуированных были построены к началу весны, и нашедшие в Ташкенте кров люди, из разных краев Союза, на разных языках и наречиях говорившие, перебрались в свои новые жилища – пятнадцать глинобитных кибиток, замкнутых в единый двор. Первой 1944 года отмечали сообщая. Женщины наготовили, что удалось, Саша по просьбе Ривочки сколотил из досок длинный стол и лавки, места всем хватило. Одна из разбитных бабенок протянула пареньку стакан с брагой – других напитков на столе не было: «Выпей-ка с нами, ты же у нас единственный на весь стол мужчина». Шурик стакан взял, но пить не стал – брага шибанула в нос чем-то прокисшим, противным. Он поел немного плова и отправился на фабрику – в праздничные дни платили по двойному тарифу, упустить такую возможность тринадцатилетний кормилец целой семьи Саша Марков себе позволить просто не мог.

Ривочка и ее старшая сестра Маша продолжили прерванную войной учебу в школе, их мать устроилась работать на завод, где из семян хлопка отжимали продукт первой необходимости для всех местных жителей – хлопковое масло. Сима Ароновна обзавелась грелкой и, когда работала в ночную смену, наполняла резиновый сосуд еще теплой тягучей

жидкостью, прятала грелку под подол широкой тяжелой юбки и торопилась на базар. Там пронырливые перекупщики ждали «товар» до пяти утра, не позже. То, что делала Сима, четко было прописано в Уголовном кодексе. По военным временам – статья расстрельная. Однако ни страха, ни угрызений совести она не испытывала, а истово осуществляла самую святую для женщины миссию – кормила своих детей.

Тогда же, в 1944-м, с фронта пришло извещение. Матери сообщали, что ее сын – разведчик Аркадий Бухман пропал без вести. Баба Сима, как к тому времени величал эту сорокатрехлетнюю женщину весь двор, внешне на письмо отреагировала весьма стойко. Она перечитывала извещение по многу раз всем соседям и своим детям, неизменно добавляя, что материнское сердце знает точно – сын найдется. Непременно найдется. Вот только согнулась она с тех пор, как от непомерной тяжести, обрушившейся на нее. Да так больше никогда, до конца дней своих, и не распрямилась.

И фильмы о войне смотреть перестала. Даже когда телевизоры появились, выходила из комнаты, едва только первые выстрелы звучали или на экране появлялся человек в военной форме.

Сына своего Аркашу она просто боготворила. По ее рассказам выходило, что Аркадий обладал незаурядным умом и всегда стремился учиться. Когда у нее уже было трое детей, молодая вдова перебралась из маленького еврейского местечка в Харьков, с единственной целью – дать сыну обра-

зование. Аркадий блестяще закончил рабфак, легко поступил в институт, ему как одаренному юноше предоставили место в общежитии, дали стипендию.

Никогда до этого не работавшая женщина закончила недельные курсы продавцов и стала торговать конфетами с лотка. Девчонки росли, требовали кукол и бантов, сын по воскресеньям приходил к маме и сестренкам. Все было прекрасно, даже замечательно. Вот только денег не хватало. Тогда она скопила, сколько смогла, пришла к директору торгога и выложила на стол скопленное. Позже эту историю рассказывала так:

– Я сказала ему прямо. Товарищ директор, у меня трое детей. Денег с конфет не хватает. Что же мне воровать прикажете. Войдите в мое положение, поставьте меня на пиво. Директор был умный человек, он поставил меня на пиво.

Слушая этот рассказ, Аркашка, его называли в честь погибшего на войне дяди, хохотал от души: «Бабушка, а ты пиво чем разбавляла? Водой из крана или из арыка?» Бабка непритворно сердилась: «Из какого еще арыка? Не было в Харькове никаких арыков». Она быстро успокаивалась, хитро шурилась:

– Ну, я немножко не доливала и пены делала побольше, – и твердо добавляла: – Но я никогда пиво не разбавляла. Весь Харьков знал: у Симы Ароновны пиво настоящее, без обмана.

Когда пришло извещение, что Аркадий пропал без вести, мать заявила дочерям: «Из Ташкента мы никуда не поедem, пока Аркашенька не найдется. Последние письма от нас он получал с местными адресами и, когда объявится, искать нас будет здесь, а не в Харькове. Тем более он из писем знает, что наш дом фашисты разбомбили». Она твердила это, пока не закончилась война и еще шестнадцать долгих послевоенных лет. До тех пор, пока в 1961 году не пришла похоронка, где было сказано, что гвардии капитан, командир разведчиков Аркадий Бухман, оставаясь верным воинскому долгу, за свободу и независимость Родины пал смертью храбрых.

У бабы Симы было в жизни три врага: Буденный, Гитлер и Митька. В годы Гражданской войны лихие конники в серых вислоухих шлемах с криво нашитыми красными звездами, во главе со своим впоследствии легендарным командармом и будущим маршалом, о котором пели всенародно известные песни, дотла разорили их семейное поместье на Украине. Семья была зажиточной, к юной Симочке приходили гувернантка и учителя, ее обучали различным наукам и языкам, она свободно говорила не только на еврейских языках идиш и древний иврит, но и прекрасно знала русский, немецкий, французский... Зажиточной жизни лишил ее Буденный. Гитлер отнял у нее сына. Бравый Митька отнял старшую дочь.

Митька был лихим парнем, вернувшимся с фронта с сияющей на выцветшей гимнастерке единственной медалью, но зато с редким трофеем – мотоциклом марки «Харлей». Женихом по тем временам он считался завидным, окрестные девчонки спорили между собой за право прокатиться с ним на его тархтящем и нещадно дымящем исчадии ада. Митька взирал на их ссоры равнодушно, лишь перекатывал во рту дымящуюся папироску, да на педаль газа нажимал. После того как мотоцикл рухнул в глубокий овраг, не удержавшись на кромке, врачи Митьку кое-как по частям собрали, а вот старшую дочь бабы Симы спасти не удалось.

Возвращаясь с ткацкой фабрики и перекусив – краюха хлеба, луковица и стакан ледяной воды из-под крана, – Шурик спешил к Ривочке. Она рассказывала ему о своих новостях. Он слушал внимательно, дымя дешевой папироской – рабочий человек как-никак, курит на свои, может позволить. О себе, если Ривочка спрашивала, почти не говорил. Работа есть работа, о чем тут толковать. Но слушать умел, как никто другой. Если узнавал, что кто-то на его подружку на улице или в школе взглянул косо или еще того хуже – слово дурное бросил, – расправа наступал мгновенно. Силой и статью его природа не обидела, в отца-биндюжника пошел. Кто-то из пацанов постарше его как-то раз попытался наставить на путь истинный: «Чего ты, Шурка, за эту еврейку горло де-

решь?» – но бит был жестоко и нещадно. Так бит, что даже участковому милиционеру пришлось потом Шурику внешние делать:

– Ты, Марков, гляди мне. Я тебя уважаю за то, что ты паренек рабочий, семью кормишь. Но уважение уважением, а закон нарушать не позволю. Кулаки не распускай. Иначе – посажу.

Ривочка закончила семилетку, поступила работать на фабрику, где детские коляски делали. Когда им с Шуриком исполнилось по восемнадцать, он, как о само собой разумеющемся, сказал: «В субботу у тебя короткий день, паспорт с собой захвати, после работы в загс пойдем, распишемся».

Вернувшись домой, Шурик зубным порошком до снежного сияния надраил свои единственные парусиновые туфли, раскалив на углях утюг, вывел острую стрелку на единственных же брюках. Тем же занималась и суженая. Платье, в котором ходила она на работу, для торжественного случая ну никак не годилось – штопаное-перештопанное. В летнем ситцевом, в веселый мелкий цветочек, выглядевшим куда как поприличнее, вроде еще рановато. Но последний день марта выдался на редкость для этого времени года теплым, и она пошла в летнем.

В загсе народу было немного, через полчаса их расписали. Крашенная тетка, не вынимая изо рта папироски, поздравила новую ячейку советского общества, велела обменяться кольцами и поцеловаться. Колец у них не было. Послушно

поцеловались. Первый раз.

Ривочка от мамы скрывать в то утро не стала, что они с Шуриком «сегодня женятся». Баба Сима всплакнула, как же без этого, но особо не возражала. Саша, обстоятельный не по годам, ей нравился и то, как относится он к ее теперь уже единственной дочери, она видела, и материнским сердцем чувствовала, что и дочь этого парня полюбила. Вот только отношение будущей свекрови к своей дочери ее беспокоило не на шутку.

Из загса пришли в дом к Ривочке. Во дворе уже был накрыт стол, все соседи собрались. Жили-то как одна семья, вот и молодоженов по-семейному решили поздравить.

Уже к столу собрались, когда Ривочка сказала: «Саша, нехорошо получается. Как же можно без твоей мамы, без сестренки, братишки?»

До сих пор она его, как все, называла Шуриком, а в этот день, впервые назвала Сашей. Он вроде и не удивился, но по поводу своей семьи отреагировал хмуро: «Не надо им тут быть. Потом к ним пойдем». Лишь несколько месяцев спустя, уже когда в армию уходил, Саша признался, что тоже утром, в день регистрации, сказал обо всем своей матери. Та устроила грандиозный скандал и заявила, что в свой дом «эту голодранку» на порог не пустит и вообще знать ее не хочет. Привыкшая всю жизнь прятаться за спину мужа, а потом – сына, хотя и малолетнего, Мария не на шутку испугалась, что Шурик все свое внимание переключит теперь на

молодую жену.

Глава третья

Мальчишка родился крупный, здоровенький. В связи с рождением сына призывнику Александру Маркову в военкомате оформили отсрочку от службы в армии – на три месяца. Уезжая, он просил жену только об одном: чтобы каждый месяц в письме присылала ему фотографию сына. Служил артиллерист Марков хорошо. Через полтора года получил отпуск на десять суток, вместе с дорогой. На второй день после того, как до дому добрался, взял юный папаша своего малыша, который едва-едва первые шаги начал делать, и отправился с ним на прогулку. Сынок все время норовил встать на четвереньки, Сашу это забавляло, сердце его было переполнено радостью и счастьем. Подошедший военный патруль он не заметил и лишь когда услышал строгий окрик капитана, распрямился и по-уставному отдал честь. Под приглядом патрульных отвел сынка домой и под их же конвоем был препровожден на гауптвахту, где и просидел до окончания своего отпуска. Слезы Ривочки на начальника «губы» никакого впечатления не произвели. Упиваясь своей властью, офицер, прихлебывая чай, объяснил этой пигалице, что солдат нарушил воинский устав, не поприветствовал, как положено, старшего по званию и понес за это заслуженное наказание. И никакие дети здесь оправданием служить не могут. Конечно, по малости возраста Аркадий этого эпизода не помнил, знал

только со слов родителей, как отец, приехавший в отпуск, видел сына от силы несколько часов.

А вот как отец вернулся из армии, Аркаша запомнил отчетливо, хоть и было ему всего три годика. Поздней ночью в окно их комнаты кто-то громко постучал и в комнату не вошел, а вбежал какой-то дядька, насквозь пропахший табаком. И кололся он своей несносной щетиной, подхватив сына на руки, больно-пребольно. А еще запомнилось, что на диване, куда его из кровати спать переложили, было полно крошек от печенья – отец из армии гостинчик привез. Утром вся окрестная малышня собралась в Безымянном дворе – так на улице «Двенадцать тополей» их двор называли, потому что порядковый номер ему как в 1944 году присвоить не удалось, так и забыли об этом. Все с завистью рассматривали настоящую солдатскую пилотку с красной звездочкой и зеленые погоны с латунными пушечками. Павлик-Бублик тотчас предложил обменять пилотку на настоящий перочинный ножик с двумя лезвиями, но отцовские трофеи Аркашка не променял бы ни на какие ценности в мире. К тому же всем и в Безымянном дворе, и во всей округе было известно, что никакого ножика у Бублика нет и он просто врет.

...Считается, что самые вдохновенные врунишки на свете – это дети. А может, они вовсе и не врут, а просто сочиняют и рассказывают о такой жизни, которую хотят видеть и в кото-

рой хотят жить. Вот так и появляются отцы-пожарники, летчики, полярники. У тех же ребяташек, у которых отцов не было вовсе, все они были непременно героями, пали смертью храбрых, совершив самый героический за всю войну подвиг. Говорят, ложь без корысти – это поэзия. Спорный, что и сказать, постулат. Но если кто и врет без всякой корысти, так это дети. Впрочем, в Безымянном дворе исключением из общего правила был Бублик. По поводу несуществующего отца он, как и все, сочинял небылицы, утверждая при этом, что отец его продолжает в никому не ведомом краю совершать героические подвиги и вскоре непременно вернется со множеством орденов и уж обязательно – генералом.

«Генеральский» сын Паша Каплун родом был из местечковой еврейской семьи, эвакуированной в Ташкент из Украины. Его бабушка и дедушка торговали на площади перед Оперным театром газ-водой, сироп для которой варили у себя во дворе из дешевых фруктов. Когда пацаны бегали на площадь, дядя Миша и тетя Бетя, бабушка и дедушка Бублика, непременно угощали их щекочущей нос газировкой, щедро добавляя двойную порцию сиропа. Пацаны только не понимали, почему при этом тетя Бетя всегда утирала внезапно выступавшие у нее слезы. Много лет спустя Аркадий узнал, что эшелон, в котором эвакуировалась семья Каплун, попал под бомбежку, где погибли их двое маленьких детей. Уцелели только они сами да старшая дочь...

Павлик рос как сорняк. Мать его работала воспитатель-

ницей в интернате, домой приходила поздно, а то и вовсе по нескольку дней не приходила. Соседи, сочувствуя, Павлика подкармливали, но аппетит у Бублика был отменный, и в скудные послевоенные годы соседских подачек ему было явно недостаточно. Растущий организм требовал своего, Бублик тащил все, что плохо лежало. Было у него два несомненных таланта, данных ему природой-матерью. Он невыразимо хорошо пел и... не боялся кипятка. Если первый талант был редким, но хотя бы объяснимым, то второй явно относился к разряду феноменальных. Еду в те годы хозяйки готовили в палисадниках, на примусах и керосинках. В Безымянном дворе во время приготовления еды нужно было быть бдительными. Стоило кому-то отвернуться, тотчас, аки коршун, появлялся невесть откуда Бублик, безбоязненно запускал свою лапу в кипящий бульон, преспокойно вылавливал кусок мяса или курицы и мгновенно исчезал. Заперевшись со своей добычей в комнате, он дверь никому не открывал, на крики, брань и угрозы соседей не реагировал.

Годам к тринадцати школу Бублик забросил, превратился в бродяжку, шлялся по базарам, пел на вокзале, поговаривали, что пристрастился к анаше и в итоге загремел в колонию для несовершеннолетних.

Машина времени

(Оглядываясь на будущее)

В знаменитом миланском «Ла Скала» давали «Трубадура». Аркадий стоял возле афиши как вкопанный. Афиша извещала, что партию графа Ди Луна исполняет известный баритон, лауреат множества международных конкурсов Пабло Каплун. Красовавшаяся на афише фотография знаменитого баритона, хотя и в гриме, не оставляла сомнений, что это не кто иной, как Бублик. К тому же совпадение имени, фамилии и внешности было слишком очевидным, дабы оказаться случайностью. До начала оставалось всего полчаса, пришлось брать билет в ложу, но любопытство взяло верх, и Аркадий безропотно выложил кругленькую сумму.

Когда на сцене появился постаревший, но все же без всяких сомнений – Бублик, – Марков озадаченно покачал головой. С тех пор, как в 1852 году Джузеппе Верди завершил работу над «Трубадуром», партия графа Ди Луна считалась одной из сложнейших для баритонов. «Зачатки» музыкального образования не прошли даром, и теперь Аркадий с волнением ждал, что же покажет друг его далекого детства. Но баритон Каплуна превзошел все ожидания публики. В *Di geloso amor sprezzato* Каплун взял такой темп, что это могло обернуться катастрофой для баритона. Зал замер в напряженном волнении. Но Бублик был великолепен. Голос его звучал столь выразительно, а в мимике, да и во всей плотной фигуре – столько экспрессии, что даже зрителям, не знающим итальянского языка, а в зале было полно зарубежных туристов, и тем было понятно, о чем поет граф Ди Луна.

Аркадий давно не был в опере, но «Трубадура» помнил прекрасно и сейчас с нетерпением ожидал сцены графа Ди Луна с Азученой. Марков еще с юных лет почти наизусть знал слова этой арии. И сейчас, когда он слушал чистый, почти звенящий, без малейшей вибрации великолепный баритон, исчез со сцены неповоротливый, неряшливый в детстве Бублик; даже жестокий и беспощадный граф Ди Луна превратился в нежного и страстного любовника, обуреваемого любовью и ревностью.

«Свет ее улыбки заставляет померкнуть сияние звезд. Ах, если бы ее лучистый взгляд мог погасить ярость, бушующую в моем сердце...», – пел Каплун, да нет, вовсе не Каплун, а граф Ди Луна, влюбленный, страстный, ревнующий и нежный.

Когда отгремели овации и опустился занавес, Марков отправился за кулисы. Но попасть в грим-уборную знаменитого баритона оказалось не так-то просто. Дверь осаждали экзальтированные дамы с роскошными букетами цветов и целая куча театральных репортеров. Трое дюжих охранников стояли стеной у двери. Марков понял, что через этот заслон ему не прорваться, и громко, что было сил, крикнул: «Бублик, открой». Он, собственно, не ждал, что из этой отчаянной выходки что-то получится, но дверь внезапно распахнулась, крепкая лапа уцепилась за лацкан его пиджака и втащила в гримерку.

– Музыкант! Какими судьбами? – назвал его Павлик ста-

рым, детским еще прозвищем. В голосе его, впрочем, не было ни удивления, ни восторга, ни даже особой радости. Скорее просто констатация факта.

– Увидел на афише твое имя, фотографию и решил...

– Понятно, понятно, – перебил его Бублик и тут же заговорил памятной Аркадию еще с детства скороговоркой. – Хорошо, что ты пришел именно сейчас. Редкий случай. Последняя модель «мерседеса», индивидуальная сборка, в порядке подхалимажа сделали для Папы Римского, но ему не понравилась кожа в салоне. Велел избавиться. Продают по нереально низкой цене. Очередь из желающих – от Милана до Рима. А тут ты. Понятное дело, что я решу вопрос в твою пользу. Бери и не думай.

– Послушай, Бублик, – Аркадий присел в кресло и, увидев пепельницу, закурил. – Я сегодня получил огромное удовольствие от твоего пения. На афише написано, что ты лауреат многих международных конкурсов. Надеюсь, это не блеф.

– С ума сошел, что ли? Какой блеф? Истинная правда.

– Так на кой хрен тебе эта афера с «мерседесом». Это же, как я понимаю, как твои перочинные ножики с двумя лезвиями, которых у тебя сроду не было. Ну то ладно, то в детстве было. А теперь? Тебе что, денег не хватает?

– Денег навалом, – признался Каплун, тяжело вздохнув, потом рассмеялся беззаботно: – Привычка, знаешь ли. Может, адреналина в организме недостаточно, как думаешь?

– Мозгов у тебя недостаточно, – невежливо брякнул Аркадий. – В очереди за голосами ты был первым, а там, где умишко раздавали, – последним, вот тебе и не досталось. Ладно, лауреат, пойдём, посидим где-нибудь полчасика, у меня ночью самолет...

В уютном ресторанчике возле «Ла Скалы» Каплун поведал другу детства свою поистине удивительную историю.

Он действительно оказался в колонии для несовершеннолетних, где жизнь его поначалу была просто невыносимой. Жестокие малолетние преступники над толстяком Бубликом попросту издевались: его нещадно били, заставляли вне очереди мыть полы и отхожее место, прислуживать местным «авторитетам». Близился Первомай, в колонию должна была приехать какая-то важная комиссия, начальство из кожи вон лезло, чтобы подготовить хороший концерт художественной самодеятельности, что было весьма проблематично – контингент колонии обладал по большей части иными талантами. Каплун оказался истинной находкой и палочкой-выручалочкой для начальства. Его прослушали. Начальник колонии и зам по воспитательной работе были в полнейшем восторге. Бублик понял, что пришел его час, и шанса своего не упустил. Он не стал напрямую жаловаться, что его третируют, а просто под предлогом частых репетиций попросился на время подготовки пожить в подсобке клуба. Начальство

свой контингент знало хорошо, оперработа была поставлена, стукачи полную картину обрисовали. Ценного певца перевели из барака, как он и просил, в клуб. Больше он своих мучителей практически не видел. Комиссия оценила таланты нового зэка по достоинству, и Каплуна включили в состав объединенной концертной бригады художественной самодеятельности колоний для несовершеннолетних, которая колесила чуть ли не по всему Союзу. На одном из концертов оказалась ни больше ни меньше великая Елена Образцова. Услышав голос юного вокалиста, народная артистка, лауреат Ленинской премии, Герой Соцтруда, депутат Верховного Совета СССР и прочая, и прочая, и прочая не стала размениваться по мелочам, а обратилась сразу к министру внутренних дел Советского Союза Щелокову. Выпивая с ним водочку в перерыве между заседаниями сессии Верховного Совета, Елена Васильевна собственноручно соорудила министру затейливый бутерброд с черной икрой и ломтиком свежего огурчика, продолжая убеждать:

– Послушай, Николай Анисимович, я по всему Союзу езжу, можно сказать, дома не живу, таланты разыскиваю. А тут такой голос, уникальный голос, поверь моему слову!

– Но он же осужден, – вяло возражал министр.

– Подумаешь, осужден! – горячилась Образцова. – Мальчишка, ребенок по сути. Что он мог такого натворить, что его в тюрьме надо держать?! В конце концов, он же не убил никого. И потом он уже целый год с концертной бригадой

гастролирует, ничего плохого за ним не замечено. Я знаю, я специально узнавала.

Депутатов позвали в зал заседаний. Щелоков, не торопясь, выпил еще рюмку, глянул на бутерброд с икрой, но предпочел маринованный грибочек и благодушно проговорил:

– Какой же мужик тебе, свет очей наших Елена Васильевна, отказать посмеет? Только не я. Будь по-твоему, забирай соловья своего. Я распоряжусь завтра, чтобы все чин чинном оформили.

Потом Каплун оказался в интернате при Московской консерватории, учился в консерватории. Успех на международном конкурсе Елены Образцовой, многочисленные гастроли, конкурсы, успешная карьера признанного во всем мире оперного певца.

– А где ты живешь, есть семья?

– Живу в Испании, – ответил Павел-Пабло. – Женат на графине. Страшная, как смертный грех, на ведьму похожа, только клюки не хватает. Но богатая и меня любит до обожания. Совместных детей нет, но есть сын от первого, недолгого брака, еще в Союзе. Парень хороший, но по глупости вляпался, четыре года дали.

– За что? – поинтересовался Аркадий.

– От осинки не родятся апельсинки, – невесело усмехнулся Бублик. – За мошенничество. Лучше бы он мой голос унаследовал, чем мой характер. – Видно, этот разговор был ему

в тягость, он поспешил сменить тему. – Ну а ты-то сам как? Какими судьбами в Милане? Слышал, ты писателем стал...

– Да, пишу, издаюсь. Вот и в Милан, собственно, приехал подписывать договор на перевод и издание в Италии нового романа...

Пора было прощаться. Уже через три часа Аркадий сидел в кресле самолета, улетающего в Москву. После легкого ужина, предложенного стюардессами, весь салон погрузился в сон, только Маркову не спалось. Встреча с другом детства разбередила душу, и он памятью, вновь и вновь, все возвращался и возвращался в тот Безымянный двор на улице «Двенадцать тополей». А когда все же задремал, то приснился ему Бублик, вытаскивающий из кипящей кастрюли почему-то не кусок мяса, а парик графа Ди Луна.

Глава четвертая

Все мальчишки их двора разом пошли в школу. Первого сентября, наряженные в одинаковую форму и фуражки с блестящими козырьками, со скрипучими портфелями, к ручкам которых было привязано два мешочка – с завтраком и чернильницей-невыливайкой, – они отправились – первый раз в первый класс. Аркашка смотрел на эти козырьки фуражек, в которых отражалось солнце, на успевшие промаслиться от бутербродов мешочки и думал о том, как несправедлива жизнь. Почему те же самые пацаны, с которыми он еще вчера бегал босиком по улице, сегодня одеты в эти прекраснее гимнастерки и брюки с остро отглаженными стрелками, а он по-прежнему идет в детский сад, где их, всей группой, будут сажать на горшки, а в обед заставят есть противный, отдающий тряпками суп из рыбных консервов. И с вечным насморком гундосый Андрюшка, после того как нянька заставит его высморкаться в полу ее длинного халата, будет надсадно орать: «Отдай мои сопли обратно». А рыжая Лариска, как всегда, наябедничает, что Аркашка опять свой суп Шавкатику отдал. Ну разве это жизнь?..

Вечером, когда взрослые приходили с работы, новоиспеченные школьники усаживались во дворе за длинным столом – родители проверяли у своих чад домашние задания.

– Ашотик, ишак карабахский, – горячился темперамент-

ный дядя Андроник и норовил отвесить подзатыльник своему отпрыску. – Почему читать не знаешь? Что, трудно запомнить четыре буквы? Вот, смотри – «ма» и «ма». «Мама» тут написано, понимаешь – я твою маму ненавидел! – «мама» написано. «Ишак карабахский» преданно смотрел отцу в глаза, нещадно тер остриженную «под ноль» голову, но никак не мог взять в разумение, как из двух отдельных слогов «ма» и «ма» получается слово «мама».

«Дядя Андроник, здесь букв только две: «м» и «а», – пытался вмешаться Аркашка, но тут же получал энергичный отпор: «Слушай, малчик, не мешай-а, иды дэлом займис».

Через месяц Аркашка, отираясь возле первоклашек, свободно читал по складам, букварь знал чуть не наизусть, считал и запросто складывал двузначные числа. В январе первоклашки пошли на долгие зимние каникулы, уроки, к их радости, делать было не надо, а вот Аркаша загрустил – привык уже, что после детского сада помогает своим товарищам по двору готовить домашние задания. В эти январские дни отец принес из магазина новенькую книжку в яркой обложке. Читать отец и мать любили, книг в доме было достаточно, но новая чем-то привлекла внимание мальчишки. Утром проснулся чуть свет и с нетерпением ждал, когда родители уйдут на работу. Схватил книжку, прочитал на обложке: «Остров сокровищ», – и снова юркнул под одеяло. «У меня горло болит», – пожаловался он бабушке, когда та пришла собирать его в детский сад. Баба Сима, внука обожавшая,

заглянула в его горлышко, нашла, что оно покраснело, и отправилась на кухню кипятить молоко и готовить своему любимцу гоголь-моголь, в который по случаю болезни добавила какао – этот «праздничный» гоголь-моголь назывался у них в семье шоколадным и готовился нечасто.

Не все в этой первой своей книге понял маленький читатель, которому едва исполнилось четыре с половиной года. Но понял детским своим естеством, пусть пока еще и не осознанно, что книги переносят его в новый, неведомый, но такой прекрасный мир.

Детские книжки были ему теперь неинтересны, он их помнил наизусть. Стал читать запоем, хаотично, все, что было в их доме и в домах соседей. В голове его творился хаос и сумбур, сны ребенку снились фантазмагорические. В этих снах Арамис сражался на шпагах с Капитаном Сорви-голова, Евгений Онегин охотился в Аравийской пустыне на львов вместе с Григорием Печориным, а Павел Власов из горьковской «Матери» без ума влюбился в Миледи...

Жизнь воспитательниц детского сада, куда ходил маленький Марков, изменилась в корне. Заняты они теперь были только во время завтрака и обеда. Все остальное время принадлежало Аркаше. Он пересказывал сверстникам прочитанное накануне, щедро разбавляя содержание книг своими фантазиями и домыслами. Кто знает, может, именно тогда и зародилась в нем эта неистребимая и всепоглощающая тяга к сочинительству...

Беда пришла неожиданно-негаданно. На семейном совете было решено, что хватит-де молодому человеку дурака валять, пора заняться делом. То бишь – учиться музыке. И ладно бы – на гитаре, на балалайке или, на худой конец, на гармошке. Так нет же, оглушили так оглушили. Отдали, подумать только, на скрипку! И еще этот старый дядька со смешной «бабочкой» под воротничком масла в огонь подливал и подливал: «Ах, у вашего ребенка идеальный слух, ах, какие у него музыкальные пальцы, ах, это, несомненно, будущий Ойстрах». Кто такой Ойстрах, Аркашка понятия не имел, но фамилия его чем-то пугала.

Соседи по двору добродушно посмеивались. Ну теперь нам в театр Навои (Большой государственный театр оперы и балета имени Алишера Навои в Ташкенте. – прим. автора) ходить не надо. У нас в Безымянном свой театр: Аркашка будет играть, Бублик – петь, а Валька – танцевать. Длинноногая Валька уже тогда училась в хореографическом училище и твердо знала, а жизнью своей впоследствии и подтвердила, что станет балетной звездой мировой величины.

Самое обидное, что у юного Маркова и впрямь был совершенный музыкальный слух, невероятно тонкие, гибкие и длинные пальцы, одним словом, все, что необходимо будущему скрипачу. Он устраивал дома скандалы, закатывал истерики, несколько раз ломал скрипку, сбегал с уроков. И все

равно в музыкальной школе был первым. Как потом первым стал в музыкальном училище, в котором оказался сам не понял как.

Аркаша учился в седьмом классе, когда в их школе решили к Дню победы поставить спектакль «Землянка Симонова». Режиссерская задумка была несложной. Школьники, переодетые в солдатские гимнастерки и сапоги, собирались в сделанной их же руками из фанеры и картона бутафорской «землянке», читали стихи и пели песни на стихи Константина Симонова. Декорации тоже изготовили собственноручно, военную форму предоставила воинская часть, шефствующая над школой. Репетировали с увлечением, стихи Симонова ребятам нравились. Они даже коллективное письмо написали Симонову, в котором благодарили его за выдающееся творчество и сожалели, что он больше стихов не пишет. Писатель ответил, даже попросил их сделать фотографии со школьного спектакля и прислать их ему. Аркашка давно, уже несколько лет, «марал бумагу», как называл он те невнятные то ли дневниковые заметки, то ли литературные наброски, которые потом оседали в нижнем ящике письменного стола. А тут, после того как он несколько раз перечитал письмо Симонова, его словно осенило. Достав чистую тетрадь, он принялся за работу и уже через несколько часов, ненадолго задумавшись, назвал сей опус так, как, собственно, назывался

их самодеятельный спектакль – «Землянка Симонова». Молодежную газету он, как тогда было положено всем школьникам его возраста, выписывал. Прочитав на четвертой странице адрес, отправился в редакцию. Не на шутку оробев, открыл первую же дверь и увидел просторную комнату, где за письменными столами сидели трое парней и две девушки. Все пятеро нещадно дымили сигаретами и чему-то весело смеялись.

– Тебе чего, парень? – поинтересовался тот, кто сидел ближе всех к двери. Глянул на смущенного мальчишку и, увидев в его руках несколько тетрадных листочков, прозорливо добавил: – Не иначе как заметку принес. Ну давай, юнкор, проходи, не робей. Показывай свое творение. Присаживайся поближе. Меня Сергей зовут. А тебя?..

Недели через две мама, доставшая из почтового ящика газеты, увидела на первой странице молодежки надпись: «Аркадий Марков, ученик 7-го класса ташкентской школы». Заметка была малюсенькой, от его текста остался только заголовок. И все же он был счастлив. В этот день ему исполнилось четырнадцать лет.

Глава пятая

Жизнь изменилась кардинальным образом. Учителя недоумевали: как вчерашний отличник Марков скатился чуть не двоек. Все чаще и чаще слышал он окрик педагогов: «Марков, хватит витать в облаках, вернись в класс». Но он был не властен над собой. Не музыка и уж точно не школьные предметы заполняли его голову. В ней роились отдельные слова, фразы, целые страницы фраз, которые заполняли его сознание, да что там сознание – все его существование. Он придумывал любую причину, чтобы сбежать с урока либо вовсе не пойти в школу. Садился в дребезжащий трамвай номер десять, который от его дома до редакции тащился – это уже сотни раз было проверено и перепроверено – ровно тридцать восемь бесконечно тянувшихся минут. Еще десять минут быстрой спортивной ходьбы: пятка – носок – пятка, и вот он уже оказывается в том прекрасном мире, насквозь пропитанном запахами табака, типографской краски, бумаги и еще чем-то таким необыкновенным, что называется волшебным словом – редакция.

Здесь с ним не больно-то нянчились. Сергей Ормели, тот самый парень, к которому попала первая Аркашина заметка, объяснил школьнику, что любой материал надо начинать так, чтобы читатель первую фразу «заглатывал» и уже не мог оторваться до конца текста. Впрочем, относились к вихра-

стому мальчишке с симпатией, выдали удостоверение, отпечатанное на редакционном бланке, стали давать немудрящие задания и даже выписали за опубликованные заметки гонорар. Получать деньги на почту Аркаша отправился вместе с бабой Симой – лицам, не достигшим шестнадцати лет, получать денежные переводы по советским законам не разрешалось.

К началу нового учебного года нужно было выпустить школьную стенгазету. Аркаша Марков был ее редактором. А тут вдруг выпускать газету отказался наотрез. На вопрос старшей пионервожатой, что случилось, Марков гордо ответил: «Я теперь пишу только за гонорары». Захоти старшая вожатая, и дурацкая эта выходка по тем «гуманным» временам могла бы юному зазнайке боком выйти, но, видать, девушка была доброй, не стала из этой глупой мухи политического слона раздувать.

...Как-то раз, приехав в редакцию, Аркадий увидел в знакомом кабинете заплаканных девушек и двух хмурых парней. Пятый стол пустовал. В помещении царило мрачное молчание. К знакомым уже запахам явно примешивался еще какой-то, неприятно острый. Он не сразу сообразил, что это запах водки. Пристроившись в уголке, Аркадий соображал, что ему делать. С одной стороны, назрела острая необходимость срочно посоветоваться с Сергеем по поводу написан-

ной минувшей ночью заметки, с другой – было совершенно очевидно: сейчас не до него, видно, что-то произошло. По отдельным репликам вскоре стало ясно, что Юра Завацкий, чей стол сейчас пустовал, накануне утонул. В голове Аркашки роем проносились картины героической гибели журналиста, который утонул, спасая маленькую девочку, мальчика, инвалида, старика...

– Аркадий, а что ты всегда с этим футляром ходишь? У тебя там что, скрипка? – вывела его из фантастических грез Рая, одна из сотрудниц редакции. И когда он молча кивнул, попросила: «Может, сыграешь нам что-нибудь».

Он действительно частенько приезжал сюда со скрипкой, потому что потом надо было отправляться на вечерние занятия в музыкальной школе. Футляр обычно старался пристроить в уголке, за книжными шкафами, где валялись старые газетные подшивки. Думал, так незаметно. Заметили, однако ж. Отказываться было неловко. Аркадий извлек скрипку, на минуту задумался – что же им сыграть. Почему он выбрал «Чакону», одно из самых сложных произведений великого Иоганна Себастьяна Баха, он и сам объяснить не мог, так на душу легло. Его скрипка плакала и скорбела, «Чакона» пела о том, что жизнь продолжается, и страстно взывала к завтрашнему дню. Он даже не заметил, да и никто в кабинете не заметил, как неслышно отворилась дверь и на пороге столпились другие сотрудники редакции, привлеченные волшебными, чарующими звуками скрипки.

Когда Аркадий опустил смычок, к нему подошла Рая, поцеловала его в макушку и, глубоко вздохнув, сказала: «Ну на хера тебе эта блядская газетная жизнь? Бежал бы ты отсюда, пока не засосало...» Он не понял, о чем она толкует, специально слова эти не запоминал, но вспоминал потом частенько. В одном только опытный журналист Раиса Могилевская ошиблась: к тому моменту, когда давала она юнкору тот мудрый совет, его, Аркадия Маркова, уже засосало. Он увяз в вязком газетном болоте в тот самый миг, когда, едва приоткрыв дверь кабинета, вдохнул в себя непередаваемый редакционный дух. Увяз, и долгие-долгие годы тонул, тонул и тонул, сладостно погружаясь в газетные топи все глубже и глубже.

– Сборная СССР по баскетболу среди девушек выиграла чемпионат мира. В составе сборной была и наша школьница Таня Белова. Она учится в восемьдесят четвертой школе. Поедешь туда и возьмешь у нее интервью, – наставлял Аркадия Сергей Ормели.

– Честно говоря, я в баскетболе не сильно разбираюсь, – промямлил Аркашка.

– Ну хорошо, тогда поедешь в обсерваторию. Говорят, ученые через двести, а может, через пятьсот лет обязательно обнаружат новую планету. Подождешь, чтобы не прозевать, когда произойдет это историческое событие, и напи-

шесть информацию – тридцать строк.

– Ну зачем вы сразу так, – попытался обидеться Аркадий.

– Зачем? А вот зачем. В популярной песенке фронтовых корреспондентов на текст твоего любимого Симонова есть такие слова: «Жив ты, или помер, главное, чтоб в номер материал успел ты передать». Понял? А раз понял – полный вперед. И запомни, нет таких тем, в которых газетчик не разбирается. А если не разбираешься, то разберись. Некомпетентный журналист – это нонсенс. Если не знаешь этого слова, загляни в словарь.

Машина времени

(Оглядываясь на будущее)

В Ташкент приехал звезда мировой эстрады итальянский певец Джанни Моранди. Зарубежные гастролеры Союз вообще не баловали, хотя, скорее всего, это Советский Союз не баловал их, дабы не развращать тлетворным влиянием Запада чистые души советских граждан. Как бы то ни было, а гастроли такой именитости, как Моранди, были событием для культурной жизни патриархального Ташкента. Узнав, когда у звезды репетиция, Марков приехал в концертный зал. Моранди с присущей всем итальянцам экспрессивностью метался по сцене, заламывал руки и, судя по энергичной артикуляции, гнусно матерился на родном языке. Переводчица, довольно сублильная особа, вяло переводила претензии

певца какому-то местному толстяку, потевшему в черном габардиновом костюме, который он напялил, очевидно, по случаю встречи с иностранным гостем. Когда страсти улеглись, выяснилось, что всех дел-то было сдвинуть микрофон на полметра влево. Марков представился переводчице и сказал, что ему нужно взять интервью у приезжей знаменитости.

– Ничего не получится, – вяло отреагировала представительница «Интуриста». – У него в Киеве какой-то скандал произошел с местными журналистами, что-то они о нем не так написали, и он сказал, чтобы до конца гастролей в СССР к нему ни одного журналиста на пушечный выстрел не подпускали.

– Послушай, – стал увещевать переводчицу Аркадий. – Он – иностранец, с него, как говорится, взятки гладки. Но ты-то наша, ты же должна понимать... Тебя, кстати, как зовут?

– Зовут меня Людмила, и я все понимаю, – соглашалась переводчица, – но у тебя своя работа, у меня – своя.

– Ты что, не поняла, я – корреспондент самой главной нашей газеты и я должен взять у него интервью во что бы то ни стало.

– Должен – бери, – индифферентно отреагировала Людмила. – Только без меня. Я тебе вот что скажу. Он, этот Моранди, упертый, что осел. Ты его не переубедишь, не теряя времени. Я единственное чем могу помочь, так это дам тебе его фотографию, у меня есть слайд, и итальянский буклет о его творчестве, с переводом на русский язык. Только буклет

потом верни, он у нас в одном экземпляре.

– Ладно, спасибо и на этом.

Засунув в карман пиджака буклет и слайд, Аркадий вышел из зала, постоял минутку, задумавшись, – задание было явно провалено: ни буклет, ни фотография актера живого интервью заменить не могли. Достал сигарету, но, пошарив по карманам, ни зажигалки, ни спичек не обнаружил. Возле служебного входа стояла сверкающая черным лаком интуристовская «Волга». За баранкой сидел молодой мужик, читал газетку. Аркадий попросил у него огоньку, прикуривая, поинтересовался: «Итальянца обслуживаешь?»

– Ага, – коротко ответил шофер, не склонный, видно, к разговорам.

Решение пришло само собой.

– Ну я так и подумал, а то мне номер машины сказали, а я сдуру не записал и забыл напрочь. Ладно, будем коротать время вместе, неизвестно, сколько еще репетиция продлится.

С этими словами Марков распахнул переднюю дверцу машины и с уверенным видом уселся рядом с водителем. Вечером Аркадий собирался идти на день рождения к знакомой девушке, по этому случаю надел светло-серый костюм, голубую сорочку и красивый синий галстук – недавно приятель из Чехословакии привез. Интуристовский шофер окинул взглядом фигуру незваного гостя, и лишь спросил: «Ты оттуда?» Аркадий благоразумно не стал ничего уточнять, а

лишь туманно ответил: «Откуда же еще?..»

Через минут сорок в сопровождении переводчицы появился Джанни Моранди. Усевшись в машину, что-то буркнул переводчице. «Он спрашивает, кто рядом с водителем», – перевела Людмила.

– Скажи – охранник, – не оборачиваясь, ответил Марков. Неизвестно, узнала ли его Людмила со спины, но даже если и узнала, виду не подала. Судя по тому, что гость вольготно развалился на заднем сиденье, ответ переводчицы его вполне удовлетворил.

Аркадий лихорадочно думал, как бы половчее завязать разговор. Хочешь не хочешь, а придется обращаться к переводчице, а эта зараза все испортит... В этот момент машина проезжала мимо стадиона «Пахтакор». Накануне здесь прошел футбольный матч, на площади перед стадионом валялись обрывки афиш, огромное изображение звероподобного футболиста украшало плакатную тумбу.

– Это что, стадион? – заинтересованно встрепенулся певец.

– Это стадион, – добросовестно перевела Людмила.

– Переведи ему, что это не просто стадион, это третий по величине стадион Советского Союза, на котором местная команда «Пахтакор» проводит матчи высшей лиги и вчера здесь была игра с чемпионом СССР прошлого сезона – московским «Динамо», – по-прежнему не оборачиваясь, с ходу включился в разговор Аркадий, уже догадываясь, что Мо-

ранди – страстный болельщик.

– О! – воскликнул экспансивный итальянец, подтверждая догадку журналиста. – Я должен это видеть. Третий стадион страны, я должен это видеть!

– Можно заехать, я покажу стадион, – предложил Аркадий.

– Нет-нет, у него сейчас отдых перед выступлением, я не могу менять программу, – залепетала Людмила.

– Это ты ему переведи, он тебе враз объяснит, что ты можешь менять, а чего не можешь, – посоветовал ей Аркадий и уже более миролюбиво добавил: – Пятнадцать минут, под мою ответственность.

Репортер продолжал блефовать.

После коротких переговоров выяснилось, что ради посещения футбольного стадиона певец готов пожертвовать хоть целым часом своего отдыха, и они свернули к стадиону. Переводчица, видимо, поняв безысходность происходящего, смирилась и только жалобно попросила Маркова не задерживаться на стадионе.

Вот уже несколько лет в своей газете Аркадий Марков, помимо иных репортерских обязанностей, отвечал за спортивную рубрику и вел телевизионные репортажи с футбольных матчей. Ему не составило никакого труда ответить на все вопросы фанатичного болельщика. Но и о главной своей цели журналист не забывал. Впрочем, ему интересно было узнать, что итальянский певец свои гастроли планирует только в со-

ответствии с футбольным календарем и готов скорее сорвать концерт, чем пропустить матч любимой команды. Не говоря уже о кубковых европейских турнирах или чемпионатах мира. Он из тех, кто с футбольной таблицей не расстается ни днем, ни ночью, и принадлежит к тому разряду болельщиков, кого разбуди в три часа ночи, и они без запинки скажут, кто, когда, на какой минуте и в каком матче гол забил, и лучше собственного рациона знают, что ел на обед Гарринча и какой сок предпочитает к завтраку Пеле...

Подъехали к недавно построенной высотной интуристовской гостинице «Узбекистан». Уже попрощались, когда Джанни неожиданно предложил: «А знаете что, давайте зайдем в бар, после вашего солнца мне хочется чего-нибудь холодного, – и, истолковав по-своему замешательство переводчицы и «охранника», торопливо добавил: – Я угощаю. К тому же вы, сеньор, такой прекрасный чичероне, что я вам обязан.

Поскольку «сеньор» далеко еще не исчерпал своих вопросов, то с удовольствием согласился на любезное приглашение. В валютном интуристовском баре, о котором простые советские граждане только краем уха слышали и потому сочиняли самые невероятные легенды, в этот полуденный час было пусто. Итальянец из прохладительных напитков решил отдать предпочтение русской водке со льдом, новоявленный чичероне согласно кивнул, одобряя выбор гостя. Но подвинуто к нему вазочку со льдом проигнорировал. Людмила

колебалась, не зная, на что решиться.

– Ну, чего ты, старуха, мнешься, как невеста на выданье, – подтолкнул ее Аркадий.

– Вообще-то, здесь есть розовое шампанское «Абрау-Дюрсо». Я его обожаю, но нам же на работе нельзя и от гостей угощение принимать запрещено.

– А кто узнает? – спокойно возразил ей Марков. – Я тебя точно не сдам, а наш водила не слышал, что итальянец нас в бар пригласил, и уж подавно не знает, что мы сюда пошли. Если только бармен стуканет...

– Нет, Маратик – парень свой, мы с ним друзья...

За столом разговор о футболе возобновился, но и на вопросы Аркадия о своем творчестве певец тоже отвечал охотно. В баре просидели не меньше часа. Когда расставались, Аркашка не смог отказать себе в удовольствии, видно, прохладительный напиток под названием «Столичная» тоже этому способствовал, и признался Джанни, что никакой он не охранник, а репортер и сегодня имел огромное удовольствие от беседы с певцом. Моранди не обиделся, напротив – беззаботно рассмеялся, дружелюбно хлопнул Аркадия по плечу и заявил вполне серьезно:

– Я уважаю профессионалов в любой сфере. Даже когда они меня обыгрывают. Но я не сомневаюсь, что твое интервью будет отличным и ты не станешь писать, что я приехал в СССР потому, что жить не могу без коммунистических идей и перед сном читаю не Библию, а Карла Маркса. Людмила, –

обратился он к переводчице, – позаботьтесь, чтобы на служебном входе для сеньора Аркадия на все мои концерты в Ташкенте были оставлены контрамарки на два лица, – он крепко пожал Аркадию руку, но на прощанье лукаво добавил: – Все-таки ты зря пьешь водку безо льда...

А то, первое в своей жизни, интервью он бездарно провалил. Вымахавшая под два метра десятиклассница Танька Белова с презрением смерила сверху вниз невысокого щуплого мальчишку с потрепанным блокнотом в руках и, отвернувшись, зашагал прочь, не удостоив корреспондента молодежной газеты, как он успел представиться, ни единым словом. Незадачливый журналист догадался все же поговорить с учителем физкультуры, по совместительству тренером школьной баскетбольной команды. Невысокого роста, с круглым животиком, обтянутым вылинявшей «олимпийской», энергичный лысый мужичок, сам похожий на баскетбольный мяч, быстро уразумел, какую выгоду можно получить от этого мальчишки с бумажным удостоверением внештатника. Из его рассказа выходило, что если бы не он, Евгений Иванович Плешаков, то никто и никогда не разглядел бы в угловатой девчонке будущую звезду мирового баскетбола. И как только он, Евгений Иванович, Татьяну увидел, так тотчас есть, пить и спать перестал, а занимался только тем, что пестовал ее и готовил к будущим ответственным матчам.

Аркашка все это добросовестно записал. Но многоопытный Сергей Ормели, прочитавший на следующий день сей опус, безжалостно разоблачил внештатника: «Так ты что, только с этим надутым индюком беседовал? А с Татьяной?..» Ответить было нечего, оправдываться он не стал, сидел молча, тупо уставясь в пол. Тягостное молчание затянулось. Ормели, не дождавшись ответа, разорвал листки с неудачным интервью, швырнул в мусорную корзину, поднялся из-за стола и многозначительно распахнул дверь кабинета.

Глава шестая

Что-то в нем будто надорвалось, после грубой выходки Ормели, когда Сергей недвусмысленно указал ему на дверь. Он охладел к своим записям, в училище ходил по инерции, практически не замечая, что творится вокруг; невпопад отвечал на вопросы и даже книги, без которых жизни своей не мыслил, читал, не в состоянии вникнуть в содержание.

Вспоминая свое бесславное, точнее – несостоявшееся интервью с зазнайкой-баскетболисткой, он не себя, а ее, Белову, во всём винил. Оправдывая себя, любимого, находил тысячи объективных причин, по которым беседа не просто не состоялась, а не могла состояться. В таком сомнамбулическом состоянии он прожил месяц, пока отчетливо и ясно не всплыл перед ним вопрос: а дальше-то что?

...Аркаше было лет около десяти, когда заболел он странной, никому не ведомой болезнью. Просто однажды утром подняться был не в силах, а когда измеряли температуру, то оказалась она всего лишь на одну десятую, как потом констатировал доктор, выше температуры трупа. Всякие доценты-профессора в дом ходили косяками, это уж встревоженная баба Сима расстаралась, всех, кого могла, на ноги подняла, не на шутку встревоженная странной болезнью любимого.

го внука. Седые эскулапы осматривали мальчишку и только руками разводили. В итоге пришли к мнению, что у пациента «упадок сил», не конкретизируя, впрочем, где и на каком поприще мог так надорвать свои силы этот сопливый пациент, чтобы израсходовать их до жизненного предела. Факт, однако ж, остается фактом – в постели, слабый и ко всему равнодушный, пролежал он три месяца.

Однажды, без вызова, пришла к ним в дом молодая докторица. Недавняя выпускница местного мединститута, отличница, получила она красный диплом, а вместе с ним распределение не в отдаленный кишлак, а в городскую детскую поликлинику. По каким-то там инструкциям Минздрава участковые врачи должны были на дому посещать хронически больных детишек. Малолетний Аркаша оказался «в списке», и докторша, имени которой так никто и не запомнил, отправилась к Марковым. Осмотрев мальчишку и выслушав от опечаленной бабы Симы рассказ о странной болезни внука, районный доктор откинула одеяло, ощупала того с ног до головы, а потом... пощекотала ему пятки. Аркашка, до безумия боявшийся щекотки, извивался, как уж, заливаясь смехом. После чего докторша попросила оставить ее с пациентом наедине и разговаривала с ним чуть ли не целый час. Затем вышла из комнаты, вымыла руки, от вежливо предложенного бабой Симой чаю отказалась, а вот шоколадную конфетку из вазочки не удержалась – взяла – сама еще девочка.

– Здоров ваш внук, абсолютно здоров, – твердо и уверенно заявила врач. – Просто он у вас очень много читает, постоянно о чем-то думает, а справиться со своими мыслями пока не может – мал еще. Вот и наступила у него апатия. Нужно просто его на что-то переключить. На какую-то активную деятельность.

– Так ведь он на скрипке учится, – попыталась возразить баба Сима.

– Скрипка – это не совсем то, – поморщилась доктор. – Ему нужны физические занятия. Пусть кто-то из взрослых заставляет его по утрам делать зарядку, но желательно, чтобы это какую-нибудь игру напоминало. А лучше всего – отдайте его в спортивную секцию, неважно какую, пусть сам выберет, – и, увидев недоверие во взгляде пожилой женщины, добавила строго и уверенно: – Ваш внук здоров, а спортом ему заняться необходимо. И перестаньте пичкать его лекарствами, пощадите молодую печень.

Когда Аркаша услышал, что доктор рекомендовала ему заниматься спортом, то загорелся этой идеей мгновенно. Недавно он прочитал две книжки о боксерах, и обе произвели на него огромное впечатление. Первая, так, даже не книжка, а скорее брошюрка, называлась «Мальчик из Дворца пионеров» – о том, как ленинградский школьник Гена Шатков, едва сдав выпускные экзамены, поехал в далекую Австралию и там, в Мельбурне, стал олимпийским чемпионом по боксу.

Вторая книга была увесистой, солидной. Называлась

«Джексон остается в России». В предисловии было сказано, что автор – Георгий Свиридов – в прошлом сам боксер, а ныне возглавляет недавно созданную в стране Федерацию бокса СССР. Роман рассказывал о удивительной судьбе американского мальчишки Сидди, который с детства увлекался боксом, стал чемпионом Соединенных Штатов Америки. Волею судьбы американский гражданин Сидней Луи Джексон (подлинное имя чемпиона США, впоследствии заслуженного тренера СССР С. Л. Джексона. – прим. автора) оказался накануне Первой мировой войны в заснеженном российском Архангельске. Пытаясь добраться до Америки кружным путем, через Китай, он очутился в Ташкенте, где и застал его Октябрьский переворот.

Джексон остался, создал первую в Центральной Азии секцию боксу, впоследствии стал заслуженным тренером СССР, его выпускники поднимались на высшие ступени пьедесталов почета самых крупных союзных и международных турниров. В Ташкенте о Джексоне ходили легенды. Мальчишки рассказывали, что у тех, кто попадает к Сергею Львовичу, так его здесь звали на русский манер, не стать чемпионом по боксу просто шансов нет. Кроме взрослых боксеров Джексон тренировал и детей. Во Дворце пионеров.

Живое воображение, привыкшее к беспрестанным фантазиям, подсказало Аркашке, что сие совпадение весьма символично и случайным быть не может: Геннадий Шатков стал Олимпийским чемпионом, тренируясь во Дворце пионеров.

Джаксон тренирует мальчишек во Дворце пионеров. Стало быть, путь к олимпийскому пьедесталу надо начинать со Дворца пионеров. В своих грезах он видел себя сильным, мужественным. Вот Аркадий Марков выходит на ринг, и звук гонга, извещающий о начале поединка, еще не успеваешь стихнуть, а поверженный противник уже лежит на полу. «Нокаут», говорит судья и поднимает руку победителя. А вот он же, Аркаша, идет по улице, и какие-то хулиганы не дают проходу Ирочке Беляевой, которая в его сторону даже и не смотрит. «Подержи», – говорит Аркаша и протягивает Ирочке спортивную сумку, через ручку которой перекинута боксерские перчатки. Удар, второй, третий. Посрамленные хулиганы бегут без оглядки. А Ирочка, возвращая герою сумку, смотрит на него с нескрываемым восхищением...

Когда отпрыск заявил о своем желании заниматься боксом, женская часть семьи пришла в ужас. «Но у тебя же скрипка! Какой же может быть бокс?!», – причитала баба Сима. «Сыночек, тебя там будут бить», – прошептала мама.

Н-да, не следовало ей бросаться такой неосторожной фразой.

– Это я буду их бить, – заявил будущий чемпион и распрямил, как сумел, свои узенькие плечики.

Отец, подводя итог этому невеселому семейному совету, закурил свою неизменную «беломорину» и произнес спокойно:

– Пусть пойдет. Получит пару раз по морде и очухается.

Или научиться сдачу давать. Меня, малого, на улице лупили до тех пор, пока я сам всех лупить не стал.

– Ты и курить с малолетства начал, – сварливо пробурчала теща в адрес зятя. – Что ж, и ему прикажешь?

Робея, пришел десятилетний Марков на первое занятие во Дворец пионеров, с удивлением рассматривая зал, стены которого были сплошь зеркальными. Посередине зала на небольшом возвышении белели канаты боксерского ринга. Староста младшей школьной группы подвел его к тренеру: «Вот, Сергей Львович, новенький, хочет к нам в секцию записаться». Джексон лишь кивнул молча.

Началась разминка. Сначала просто бежали вокруг зала, потом бежали спиной, потом был бег боковыми шагами, после чего – вприсядку. Он уже ног под собой не чуял и боялся только одного – растянуться по полу на глазах у всех. Тренер хлопнул в ладоши, отдал команду, понятную лишь тем, кто знал, о чем речь идет. Часть мальчишек встали перед зеркалами и стали делать какие-то странные движения, словно перекачивались с ноги на ногу. Остальные взяли в руки скакалки и стали скакать. Но как! Девчонки с их улицы просто с ума бы походили от зависти. Скакалки сначала мелькали в руках у юных боксеров, а потом только свист их в воздухе раздавался, а от невероятно быстрого вращения резиновый прут даже видно не было.

Аркадий в растерянности остановился невдалеке от ринга, не зная, чем ему заняться. Но тут подошел тренер: небольшого роста, седой, как лунь, но подтянутый, быстрый в движениях. На руках у тренера были какие-то странные перчатки – огромные, но не круглые, а продолговатые. Джек-сон объяснил новичку, что это «лапы» и по ним нужно бить, стараясь попасть. Аркашка начал прыгать, следя за тем, как тренер то и дело меняет положение «лап», и вскоре... оказался на полу. Он и сам не заметил, куда его ударили, в живот ли, в подбородок, а может, в плечо... Просто ноги подогнулись, и он растянулся. Огляделся по сторонам, никто над ним не смеялся, да и вообще каждый был занят и до новичка никому дела не было. Поднялся, вроде ничего не болело. Но было чуть ли не до слез обидно. И отчего-то – очень стыдно.

– Твоя тренировка на сегодня закончена, – заявил Джек-сон и пошел прочь.

Конечно, Аркадий не мог знать, что это была излюбленная манера старого тренера проверять новичков. Если сумеет пережить страх от полученного удара, справиться с обидой и придет на следующую тренировку, значит, останется в секции. Ничего этого не зная, Аркашка мучился сомнениями, но через два дня снова отправился во Дворец пионеров, чем несказанно удивил Сиднея Джексона.

И все же бокс вскоре пришлось бросить – с занятиями скрипкой этот вид спорта и впрямь был никак не совместим. Однако те несколько занятий, которые он провел во Дворце

пионеров, вспоминал часто.

«Может, и Ормели поступил со мной так же жестоко, как когда-то, на первой тренировке, Сергей Львович», – терзался сомнениями изгнанный из редакции молодежи Марков. И надо сказать, он был недалек от истины. Хотя, по правде говоря, неуравновешенный и склонный к экзальтации Сергей Ормели действовал скорее импульсивно, нежели в обдуманно воспитательных целях.

«Я поднялся на ноги после удара тренера, вернулся на тренировку, поднимусь и сейчас», – красиво фантазировал Марков, трясясь в вагоне трамвая. Ах, какие страстные, убедительные речи и неопровержимые, в свою пользу, аргументы приводил он в той мысленной пламенной полемике, которую воображал себе по дороге в редакцию. Как был убедителен в своей правоте, которую не сможет не признать Сергей.

Но! Юнкор предполагает, а редакция располагает. Ормели в кабинете не оказалось, он был в командировке, и вообще выяснилось, что у Аркадия Маркова теперь совсем другой наставник – Раиса Семеновна Могилевская, та самая Рая, которая когда-то попросила его сыграть на скрипке.

Раису осенила идея объединить всех школьников – авторов молодежной газеты в единый клуб. Идея пришлась по душе главному редактору. Клуб – это красиво, объединение «школьной учащейся молодежи», редактор даже мыслил

штампами комсомольского работника, идеологически правильное и выверенное решение. Клуб называли «Факел». Для «факелят» даже заказали специальные удостоверения, которыми они несказанно гордились. Пацаны, девчонок в «Факеле» почему-то почти не было, за глаза называли Раю «мама», слушались беспрекословно. И молча завидовали «Музыканту». Могилевская и впрямь благоволила к этому худющему нескладному подростку. С того, наверное, дня, когда он своей скрипкой разбередил ей душу. Но скрипка скрипкой, а, будучи опытным журналистом, Рая углядела в Маркове что-то такое, чего пока не видели в нем остальные, да и сам он тоже не видел.

– Вот о ком писать надо! – как-то раз вечером, когда в редакции уже почти никого не было, воскликнула Могилевская и прочитала заметку на первой полосе центральной газеты: «Академику Академии наук Узбекской ССР Виктору Ивановичу Губину присуждена Ленинская премия...» И пояснила для Маркова – в тот поздний час они в кабинете были вдвоем, все «факельцы» уже разошлись:

– Виктор Иванович изобрел принципиально новый прибор, который способен за сутки, а то и больше, спрогнозировать выпадение града. Аналогов такого прибора нет во всем мире. Ты представляешь, какой это для народного хозяйства бесценный прибор.

Аркадий не представлял ни в первом, ни в далеком приближении, о чем идет речь, но, не желая выказать перед «мамой» своей полнейшей безграмотности, согласно кивнул.

– А знаешь, Аркаша, мы с Виктором Ивановичем когда-то были соседями, в одном дворе жили. Мои родители с ним и его женой даже дружили. Я постараюсь до него дозвониться и попробую убедить, чтобы он тебе рассказал о своем новом приборе.

– Рая, я о баскетболистке Беловой написать не сумел, а ты меня в пасть к академику собираешься засунуть, – мрачно отреагировал Марков. – И имей ввиду: у меня по физике тройка, а двойку мне не ставят только потому, чтобы меня из училища не отчислили.

– Знаешь что, – вспыхнула Могилевская, – хватит голову пеплом посыпать. И жалеть себя тоже хватит – ах, я бедненький, я несчастненький, меня баскетболистка прогнала. В конце концов, за одного битого двух небитых дают. Слышал такое?

Могилевская была фантазеркой и выдумщицей, идеями фонтанировала беспрестанно – в редакции все это знали. Аркадий успокаивал себя тем, что «мама» либо забудет о своей идее, либо академик, даже если она действительно до него дозвонится, пошлет ее куда подальше. Но через неделю Рая его огорошила: «Записывай. Улица Гоголя, 35, президиум академии наук, третий этаж, кабинет 111, завтра в пять часов вечера. Губин Виктор Иванович. Он уделит тебе трид-

цать минут». И, видя растерянность своего подопечного, Рая сделала вид, что ей крайне некогда: «Иди, иди, Аркаша, у меня полоса нечитанная, не до тебя сейчас...» Она и сама теперь страшилась, что втянула мальчишку в такую историю.

Дома Аркадий достал из книжного шкафа свою палочку-выручалочку – детскую энциклопедию, подарок родителей. В общеобразовательных предметах, кроме литературы, истории и обществоведения, учащийся музыкального училища Марков мало чего смыслил – мягко говоря. А по правде сказать, ни бельмеса не смыслил вообще. Перед контрольными, вызнав тему, он брал соответственный том той самой детской энциклопедии, наизусть, как стихотворение, заучивал соответствующую статью и потом добросовестно ее переписывал в классе. Преподаватели смотрели на это сквозь пальцы, все же главным критерием в училище была и оставалась музыкальная специальность.

Прочитав в энциклопедии всё, что касалось града и природы его происхождения, Марков, так ничего и не поняв, отправился спать, и снилось ему, что Сидней Луи Джаксон ни за что не хочет принимать в секцию бокса Дворца пионеров Раису Семеновну Могилевскую, потому что она не умеет прыгать на скакалке. После этого идиотского сна он проснулся вконец разбитым и весь день думал о том, как бы полочее соскочить с этого задания, где, кроме позора, его ждать ничего не может. Так ничего и не придумав, надел костюм, который терпеть не мог, и отправился на улицу Гоголя, где

размещался храм республиканской науки.

Виктор Иванович Губин никак не соответствовал представлению юнкора молодежной газеты Маркова об академиках. На его взъерошенной шевелюре не было академической шапочки, облачен он был не в мантию и даже не в костюм, а в ковбойку и какую-то довольно потертую несолидную курточку, говорил смешным фальцетом и беспрестанно курил папиросы, то и дело забывая стряхивать пепел в пепельницу и роняя его на собственные брюки.

– Так что же вас, молодой человек, интересует? – спросил академик и, видя, что молодой человек не в состоянии сформулировать, что именно его интересует, сам начал рассказывать о своем изобретении.

Из этого рассказа Аркадий, кроме слова «град», не понял ни единого другого слова. Он просто добросовестно законспектировал все сказанное Губиным. Когда академик завершил свой рассказ, то поинтересовался, нет ли вопросов, все ли ясно. Вопросов, как выяснилось, не было, по поводу ясности Аркадий благоразумно промолчал. После чего Губин, глубоко вздохнув, произнес довольно грустно:

– Правда, мой юный друг, это такая штука, что ее можно только признавать, ибо искажение правды есть ложь. К чему я это говорю, спросите вы меня. А вот к чему. Я воевал с фашистами, и фашизм мне глубоко ненавистен – на той войне я потерял родных мне людей, друзей, сам чудом жив остался. А фраза, которая сегодня известна каждому – «Все

гениальное просто», – принадлежит не какому-то древнему философу или мыслителю, а фашистюге, одному из ближайших сподвижников проклятого Гитлера – Йозефу Геббельсу. И это, к сожалению, правда. Н-да, так к чему это я? А к тому, что, не считая себя гениальным, обращаю ваше внимание на непреложный факт – моя разработка чрезвычайно проста. Надеюсь, я сумел вас в этом убедить.

Академик глянул на часы, протянул руку и, прощаясь, добавил: – Не считите за труд, молодой человек, показать мне ваш опус, дабы избежать возможных ошибок, вызванных моим невнятным толкованием. Я, знаете ли, не привык интервью давать...

Промучившись неделю, Аркадий не смог выдать из себя ни единой фразы. Перенесенный на бумагу конспект речи Губина являл собой полнейшую, на взгляд Маркова, абракадабру, из которой что-либо понять не представлялось возможности. На прощание Губин оставил ему свой служебный телефон. Набрившись храбрости, Аркаша после нескольких попыток дозвонился до академика и попросил его еще об одной, хотя бы коротенькой, встрече, сославшись, что кое-что все-таки хотел бы уточнить.

Позже, спустя годы, Марков, всякий раз вспоминая эту историю, так и не мог сам себе ответить на вопрос, почему академик, мировая величина, пошел навстречу ему, маль-

чишке.

– Дело в том, что я послезавтра уезжаю, и довольно надолго. – сказал Губин по телефону. Помолчал, потом добавил: – Ладно, приезжайте завтра, только не в академию, а ко мне домой, часикам эдак к двум.

– Так завтра же праздник, День Победы, – удивился Аркадий.

– Вот потому что праздник, потому домой и приезжайте. Жена грозилась гуся в духовке запечь.

Когда Аркаша сообщил, что приглашен к праздничному обеду в дом академика Губина, отец недоверчиво хмыкнул, а мама и баба Сима всполошились и стали что-то обсуждать. На следующий день они всучили своему любимцу весьма объемистую сумку, в которой были произведения их кондитерского искусства – печенье, вишневый штрудель, рогалики с маком и даже мамина «коронка» – торт «Наполеон». Аркадий пытался отказаться, но его и слушать никто не стал.

Подарки семьи Марковых пришлись весьма кстати. Нина Сергеевна, жена академика, руками всплеснула от удовольствия, когда увидела содержимое сумки: «Ну, надо же! Какие ваши мама и бабушка кудесницы. А у меня, признаться, с пирогами да пышками ничего не выходит. Проходите к столу, Аркадий, мы больше никого не ждем. Мы с Виктором Ивановичем оба фронтовики и этот праздник привыкли вдвоем отмечать».

Виктор Иванович, нарядный, уже сидел за столом. На

спинке стула красовался пиджак с многочисленными фронтовыми наградами академика. Открыв бутылку вина, Губин наполнил рюмки, сказал глухим голосом: «В нашем доме первый тост – за тех, кто не дожил до этого дня». Он поднялся и со словами: «Вечная память», – осушил свою рюмку. Аркашка смело последовал его примеру.

Под гуся, который Нине Сергеевне несомненно удался, выпили еще по паре рюмок, после чего Виктор Иванович и Нина Сергеевна стали вспоминать разные эпизоды, по большей части смешные и курьезные, своего фронтового прошлого, достали из шкафа фотоальбом. Аркашка слушал как замороженный. Глянув на часы, академик обратился к гостю:

– Так что ты хотел уточнить, давай спрашивай, а то мне еще в дорогу собраться надо.

Осмелевший после трех рюмок, Аркадий заявил бесстрашно:

– Вот вы, Виктор Иванович, в прошлый раз про правду говорили, и я вам правду скажу – я ничего про ваше изобретение не понял. А раз я ничего не понял, то и своим читателям о вашем приборе рассказать не могу.

Губин взглянул на паренька так, словно увидел его впервые. Неожиданно он широко улыбнулся и заявил:

– Молодец. Как говорят на флоте: «Так держать!» Никогда не бойся признаваться в своих ошибках. Каяться не надо, а признаваться и исправлять – необходимо. Ну ты это, я надеюсь, с годами и сам поймешь, раз уже сегодня такое

решение принял. А теперь о деле. Может, оно и к лучшему, что ты ничего не понял, – и, увидев удивленный взгляд паренька, пояснил:

– Дело в том, что моим изобретением заинтересовалась оборонка, так что оно того и гляди теперь под грифом «сов. секретно» окажется. Поэтому ты напиши просто ... – и академик Губин продиктовал Маркову несколько четких фраз, из которых ясно было только то, что все газеты давно уже опубликовали, – изобретен новый, очень важный для народного хозяйства прибор.

Впрочем, прибор, изобретенный академиком, теперь интересовал Аркашу меньше всего. Фронтовые рассказы Губиных – вот что его будоражило, и он разразился целым очерком, в котором одним-единственным абзацем отметил, что герой войны Виктор Иванович Губин стал академиком и его очень важное изобретение удостоено Ленинской премии.

В этот день, не отмеченный никакими семейными памятными датами, родился, еще сам об этом не ведая, журналист Аркадий Марков.

Глава седьмая

Поезд номер пять «Москва – Ташкент» прибыл к станции назначения точно по расписанию. Участник – увы, не лауреат, а просто участник всесоюзного конкурса альтистов Аркадий Марков вышел на привокзальную площадь, вдохнул привычный с детства знойный воздух родного города, закинул на плечо сумку с немудрящими пожитками и столичными подарками и на своих двоих отправился домой. Трамваи и автобусы по раннему предрассветному времени еще не ходили, о такси ему и мысль в голову не приходила, а пройтись по любимому Ташкенту каких-нибудь полчаса-сорок минут – никаких проблем.

На последнем курсе музучилища Аркадий поменял специализацию – переключился со скрипки на альт. Долгое время альт называли «скрипкой неудачников». Если про музыкантов сочиняли анекдоты, то альтисты в них всегда выглядели ленивыми тугодумами. Но Аркадию на эти анекдоты и подначки было наплевать. Альт, как ему представлялось, требовал куда как меньше усилий, чем скрипка, и, следовательно, оставлял больше свободного времени для газетных дел.

Новоявленный альтист Марков на конкурс в Москву отправился, провалился с треском, да иначе и быть не могло – на новом инструменте он играл без году неделю, на что тут

было рассчитывать. Впрочем, провал на конкурсе струнников музыканта Маркова ничуть не огорчил, мысли его были заняты совершенно иным...

Около пяти утра он заявился домой и, конечно же, всех разбудил. Семейство собралось в палисаднике, баба Сима затеяла любимому внучеку яишню жарить; Аркаша достал из сумки традиционные подарки, без которых ни один периферийный житель из столицы не возвращается – конфеты «Лимонные дольки», сыр, сырокопченую колбасу. В тот самый момент, когда Аркадий делился своими впечатлениями о Третьяковке, раздался страшный гул. Нет, не так. Сначала жутко завывали собаки. Потом раздался этот леденящий душу гул, шедший откуда-то из-под земли, в воздух поднялись клубы желтой пыли, и, когда пыльный столб осел, Марковы увидели, что их комнатухи большой нет. На ее месте высилась груда кирпичей, а над этой грудой нелепо раскачивался вишневого цвета абажур с бахромой, который висел у них под потолком.

Стрелки всех городских часов замерли на цифрах 5 – маленькая и 25 – большая. Страшное, силой больше девяти баллов, землетрясение, разрушившее полгорода и унесшее сотни жизней, произошло в Ташкенте 26 апреля в 5 часов 25 минут, когда огромный миллионный город едва начал просыпаться. Если бы Аркадий в то утро не приехал из Москвы и семья по этому поводу не собралась в палисаднике, вряд ли бы из них кто-то остался в живых.

Соседи собрались в центре двора. То, что большинство женщин были в ночных сорочках, а мужчины – в «семейных» трусах, – никого не смущало. Вид у всех был понурый – в Безымянном дворе не уцелело ни единой комнаты, хотя жилище Марковых пострадало больше всех. Просто чудо, что никто не погиб, хотя у многих были ушибы, ссадины, кровоподтеки, которые тут же, во дворе, промывали, перевязывали. Внезапно раздался чей-то смех, а через минуту хохотал уже весь двор. Один из соседей, выскакивая из дома, успел схватить... телевизор. Устроив его на общем столе посередине двора, сосед уселся напротив и тупо уставился в экран.

– Миша, шо там показывают? – спросил его кто-то из соседей, что и вызвало общий смех.

Потом сообще отправились осматривать жилище Марковых, вернее то, что еще несколько минут назад было комнатой, а теперь – кирпичной грудой. Так же сообще пытались разбирать завалы, чтобы спасти документы, кое-что из одежды раздобыть – но какое там! В этом кирпично-песочном месиве ничего не уцелело. Как-то отрешенно Аркашка вспомнил, что в углу комнаты он, уезжая, пристроил футляр со скрипкой. И хотя он на ней уже давно не играл, ему отчего-то стало жалко именно скрипку, которая вряд ли уцелела.

Посередине улицы «Двенадцать тополей» поставили

огромные солдатские палатки. В полуразрушенных домах людям жить было запрещено – синоптики предупреждали, что возможно повторение подземных толчков, и они действительно продолжались. Самым популярным человеком в городе стал никому доселе неизвестный скромный кандидат наук Валентин Иванович Уломов, начальник местной сейсмологической станции. Его выступления по телевидению все ждали с таким же напряжением, как в годы войны – сводки Совинформбюро.

Подземные толчки продолжались, и журналисты на крыше сейсмостанции установили круглосуточный пост. Кто-то из газетчиков водрузил на сейсмостанции плакат: «Трясемся, но не сдаемся». Один раз Маркову удалось уговорить Раю, чтобы на ночное дежурство к Уломову отправили именно его. Валентин Иванович оказался человеком простым и общительным, он доступно рассказал Аркашке про характер подземных толчков, и тот потом написал довольно толковый материал.

У него вообще теперь была совсем иная жизнь. Сверстники разъехались – все пионерские лагеря Советского Союза, всякие там санатории и здравницы без ограничений принимали детей Ташкента. А в сам разрушенный землетрясением город потянулись бесконечные эшелоны со стройматериалами.

Приехавший в те дни на гастроли в СССР югославский певец Джордже Марьянович захотел непременно дать концерт

в Ташкенте, сбор от которого передал на строительство города. Ему написали немудрящий куплет на мотив популярной тогда песенки, который он к полнейшему восторгу зрителей по многу раз исполнял на бис:

«Полшестого утра город спал, как всегда.

Вдруг в Ташкенте случилось несчастье.

Объявил Левитан, что в стране непокой,

Что Ташкент развалился на части».

А дальше следовал припев:

«Что это? Что это?

Месится цемент.

Это строится красавец –

Молодой Ташкент».

На заседании Политбюро ЦК КПСС было принято решение на примере узбекской столицы продемонстрировать всему миру крепкую и нерушимую дружбу советских народов. Может быть, и даже наверняка, идея носила чисто пропагандистский и идеологический характер. И что с того? В невероятные, фантастически короткие сроки на месте разрушенного Ташкента был по сути построен новый, суперсовременный город. Лучшие архитекторы страны считали за честь представить здесь свои самые смелые проекты жилых домов и общественных зданий.

Сработала и поистине гениальная идея «хозяина республики» – Шарафа Рашидова. Он официально заявил, что каждому приезжему строителю, который захочет остаться в

Ташкенте, в строящемся им доме будет предоставлена квартира. При условии, что человек будет продолжать трудиться на стройке. Вместе с оборудованием и стройматериалами, привлеченные возможностью обзавестись собственным жильем, в узбекскую столицу хлынули полчища молодых строителей, так что в рабочей силе недостатка не ощущалось.

Утром, наспех проглотив какое-нибудь подобие завтрака, Аркадий мчался в редакцию. Получив очередное задание, отправлялся разыскивать то или иное СУ – стройуправление – или СМУ – строительно-монтажное управление. На уговоры хоть на пару неделек поехать куда-нибудь к морю – когда еще такая возможность представится? – он только отмахивался. Его заметки, пока еще небольшие репортажи, интервью появлялись теперь на страницах молодежной газеты чуть ли ни ежедневно. От переходных и даже выпускных экзаменов школьники Ташкента в тот год были освобождены, так что ему просто пришлось каким-то из дней выкроить пару часиков, заехать в училище и получить диплом об окончании.

Следовало подумать о поступлении в вуз. Он хотел поступать на филфак, но с его более чем «скромными» оценками шансов на поступление в университет было немного. Так что оставалась консерватория.

Рая Могилевская его утешала:

– Журналист – это прежде всего эрудированный, широко образованный человек. Вовсе не обязательно обучаться литературе, чтобы уметь писать. Ты посмотри, сколько прекрасных писателей среди врачей – Чехов, Аксенов... Кстати, подающая надежды наша землячка Дана Рудина, она же тоже в консерватории учится. А какие прекрасные пишет рассказы...

Данку Рудину Аркашка знал прекрасно. Эта нескладная длинноногая девчонка в вечных ситцевых платьях со своими рукописями обивала пороги всех газет, а потом ее рассказ напечатал журнал «Юность» и каждому, кто хоть что-нибудь смыслил в литературе, стало ясно, что на писательском небосклоне зажглась если пока еще и не звезда, то очень яркая звездочка.

Дана закончила то же музыкальное училище, что и Аркадий, только на год раньше, и теперь уже перешла на второй курс консерватории. Когда он сдавал документы, то встретил ее в приемной комиссии. На его сомнения Рудина лишь рукой махнула:

– Правильно тебе твоя Могилевская говорит. Какая разница, диплом какого вуза у тебя будет, главное в нашей стране – это «корочки». Тебе что, кто-то запрещает сотрудничать с газетой или рассказы писать? Кончай, Аркашка, дурию маяться. Надо поступить, все остальное потом приложится.

Глава восьмая

Не приложилось.

В первые сентябрьские денечки, когда азиатское солнце светит еще во всю свою мощь, но уже не обжигает зноем, а лишь ласкает теплом; когда воздух насквозь пропитан приторно сладким запахом дынь и поздних фруктов, когда по утрам в комнату через открытое окно врывается бодрящий ветерок, таким вот ранним утром Аркаша, сидя в прокуренном строительном вагончике, торопливыми записями заполнял странички издававшего виды блокнота. С начальником стройуправления Толиком, Анатолием Ганиевичем Тешабаевым, Марков познакомился еще в мае, в первые же дни строительства разрушенного Ташкента. Тешабаев был старше Аркадия лет на десять, но держался на равных, положением начальника не кичился, и уже со второй встречи они легко и непринужденно перешли на «ты». В этот день молодой журналист приехал к своему новому другу до начала рабочего дня – знал, что потом Анатолий закрутится по своим многосложным делам и даже минуты для разговора выделить не сможет. А его управление в самом конце августа построило в том самом месте, где был эпицентр землетрясения, роскошную, таких еще в Ташкенте не видывали, школу. Со стеклянными галереями, большим бассейном и двумя спортзалами, просторным светлыми классами и ярким кра-

сочным мозаичным панно во всю фасадную стену. А в конце сентября должны были сдать большой многоэтажный дом, куда предстояло заселиться учителям этой чудо-школы. Поглядывая на часы, Тешабаев торопливо диктовал журналисту цифры, фамилии и с явным наслаждением затягивался первой утренней сигаретой.

В строительный вагончик начальника управления ввалился огромный парень в испачканных глиной кирзачах и пропыленном рабочем комбинеzone. Он заговорил неожиданным для его мощной фигуры писклявым жалобным голосом:

– Анатолий Ганиевич, свадьба через неделю, а Ризаев ничего не дает: ни фаты, ни колец, ни продуктов. Сейчас заходил к нему, так он вместо мяса мне свиную тушёнку предложил. И еще смеется, гад...

– Вот Аркадий, рекомендую, – Тешабаев жестом остановил поток излиятий парня. – Лучший бригадир нашего управления – Савельев, мой, кстати, тезка – Анатолий. Приехал из Артемовска. Бывший монтажник-высотник, верхолаз. А теперь передовик среди каменщиков. И не только среди каменщиков. Еще и на личном фронте передовик – успел здесь с местной девчонкой познакомиться, а теперь вот, извольте видеть, женятся. И правильно, я тебе скажу, делают. В соответствии с правительственным постановлением Анатолию предоставляется квартира, тем более что он теперь семейный. И не какая-нибудь однушка, а полноценная двухкомнатная квартира. Так что живи и радуйся.

– Да где ж радуйся, Анатолий Ганиевич, когда этот гад Ризаев ничего не дает, – снова завелся Савельев и стал загибать пальцы, перечисляя: – Ни колец, ни фаты, ни продуктов...

Марков слушал, ничего не понимая: кто такой этот самый «гад Ризаев» и почему он должен давать бригадиру свадебную фату, обручальные кольца и продукты.

– По решению союзного совмина сюда, в Ташкент, поступают не только все необходимые стройматериалы и оборудование, но и, как говорится, товары народного потребления. Дефицитные, заметь, товары, – пояснил Тешабаев. – Распоряжаются всем этим дефицитом ОРСы – отделы рабочего снабжения. Им же поступают всякие там причиндалы, необходимые для свадеб, ну, знаешь, как в магазинах для новобрачных. Народ-то у нас в основном молодой трудится, так что свадьбы – дело, как говорится, нередкое. А эти орсовцы весь дефицит налево пускают, а работягам – на тебе, Боже, что мне негоже. Ты вот загляни к ним, сам увидишь – на прилавках только сапоги кирзовые да тушёнка, и то ее наверняка уже жрать нельзя, полгода назад привезли, а она у них на самой жаре стоит, без всякого холодильника. Вот бы ты, товарищ корреспондент молодежной газеты, бабахнул фельетон, как местные торговые работники издеваются над молодыми строителями. Чем тебе не тема?

– Тема действительно классная, только кто ж меня в этот ОРС пустит? – усомнился Аркадий.

– А я вот тебе анекдот расскажу, – неожиданно предложил

Анатолий Ганиевич. – К известному иллюзионисту Кио приходит какой-то чувак и говорит: «Игорь Эмильевич, я классный аттракцион придумал. На арене в темноте свет мгновенно вспыхивает и в центре вы – в ослепительно белом фраке. Свет на мгновение гаснет, снова вспыхивает – вы в черном фраке, гаснет, вспыхивает – вы в красном фраке. Ну, как?» «Эффектно, – отвечает Кио. – А как это сделать?» «Ну, на то ты и Кио, – отвечает чувак, – сам думай».

– Это ты к чему? – спросил Марков Анатолия.

– Ну к тому, что ты сам журналист, вот сам и думай, как тебе в ОРС попасть.

Со стройки Аркадий поехал не на занятия в консерваторию, а напрямик в редакцию. Рассказал Рае о том, что узнал сегодня в стройуправлении. Могилевская загорелась мгновенно и решительно потащила Аркадия к главному редактору газеты Юрию Рыбкину. До этого главного Аркадию приходилось видеть всего пару раз, да и то лишь мельком, в редакционном коридоре. Он не без робости переступил порог кабинета, где огромный стол был завален рукописями и газетными полосами, остро пахнущими типографской краской.

– Это Аркадий Марков, – представила его Раиса, – наш юнкор, – и уточнила: – Теперь уже студент.

– Ага! – радостно воскликнул Рыбкин, будто с нетерпением только этой встречи и ждал. – Ну ты, старичок, молодец, отгрохал про академика Губина очерк – будь здоров. Мне

даже из президиума Академии наук звонили, благодарили. Да и о строительстве Ташкента ты бойко пишешь. У нас в штате поработать не хочешь? – огорошил главный редактор вопросом.

– Да я... Конечно, – сбивчиво заговорил Аркадий, не смея поверить, что вот здесь, прямо сейчас сбывается его самая заветная мечта. Сбывается то, о чем он грезил, не смея пока еще даже надеяться, что это когда-то осуществится. – Я, правда, в консерваторию поступил в этом году...

– Эка беда, – хмыкнул Рыбкин, – переведись на заочное.

– Я по классу альта учусь, у нас нет заочного отделения.

– Ну, знаешь, старик, это уж твои проблемы. А таких предложений, как я тебе сейчас сделал, два раза не повторяют.

– Я понимаю, я согласен, – торопливо проговорил Марков, мысленно костеря себя за то, что влез с этим дурацким разговором про консерваторию.

– А с чем вы, Раиса Семеновна, собственно пришли? – построжал главный.

Могилевская изложила суть того, что Марков узнал сегодня утром на стройке.

Юрий Иванович вышел из-за своего огромного стола, подошел к Аркадию, положил ему руку на плечо, пытливо взглянул в глаза:

– Похоже, я в тебе не ошибся, музыкант. Но в одиночку тебе с этой проблемой не совладать. Мы сейчас вот как сдела-

ем. Я позвоню в горком комсомола, в «Комсомольский проектор», у них есть официальные полномочия, они помогут тебе с нужными документами ознакомиться. А ты отправляйся снова на стройку, только желательно не в одно управление, а в несколько. Походи там по этим орсовским магазинам, посмотри, что и как, думаю, картина везде одинаковая – ворье они, эти торгаши. Поговори со строителями, они тебе много чего понараскажут – не сомневаюсь. Только знаешь что, ты б оделся как-нибудь попроще, ну не так пижонисто, да и постригся заодно, а то у тебя «скрипач» на лбу огромными буквами написано. Все понял? Тогда будем считать это твое задание – испытательным. В тот день, когда твой материал будет опубликован, можешь выходить на работу. Как, согласен?

Масштаб воровства в строительных ОРСах масштабу самого строительства ничуть не уступал. В этом Аркадий убедился доподлинно. Со всех концов страны, что занимала тогда, как горделиво подчеркивалось всюду, шестую часть земной суши, шли в Ташкент самые что ни на есть дефицитные товары. Рыдая от беспомощной злобы, начальники торгов всех союзных республик перераспределяли львиную часть импорта в узбекскую столицу, сюда нескончаемыми контейнерами шли рижские дефицитные портативные транзисторные радиоприемники «Спидола», минские мебельные гар-

нитуры, которые, по мнению многих, ничуть не уступали румынским и польским; в невероятных количествах поступали самые деликатесные рыбные консервы, включая супердефицитные тогда балык и печень трески, шоколадные конфеты московских и молдавских кондитерских фабрик, одежда и обувь стран Восточной Европы, даже Финляндии и Австрии. Объемы поставок были грандиозны. И из всего этого огромного потока товарного великолепия до обычных рабочих не доходило ровным счетом ничего. Торгаши рассуждали цинично, но весьма, со своей, разумеется точки зрения, здраво. Строительство в Ташкенте, такими темпами, как оно ведется, продлится никак не больше трех, ну от силы – пяти лет. Закончится великая стройка, закончится и великая поставка товаров. А значит, что? Значит, надо успеть. Не зря же сказано: для кого – война, а для кого – мать родна.

В один из магазинов ОРСа, как раз в управлении, где начальником был Тешабаев, Аркадий зашел уже на следующий день. Как ему и предрекали, на прилавках в изобилии стояли кирзовые сапоги, рядом высились груды консервных банок с тушёнкой. В изобилии были трехлитровые банки с помутневшим березовым соком. Аркадий извлек из папки свой редакционный бланк, удостоверяющий, что он нештатный корреспондент молодежной газеты. Директор долго вчитывался в коротенький текст, потом вернул бланк Маркову и спросил: «Чего хочешь?»

– Мне надо взглянуть на документы и...

– Пошел на хер, – не дослушав, перебил его директор. – А еще раз придешь, ноги поломаю. Ты что думаешь, бумажку приволок, так я от страха обосрусь. Иди, иди, в другом месте дураков ищи, – и он расхохотался, обнажив два ряда золотых коронок.

– А ты уволить его не можешь? – спросил Аркадий Анатолия Ганиевича.

– В том-то и дело, что не могу. ОРС не в моем ведении, у них своя контора и прямое подчинение. Рука руку моет – слышал про такое? О! – оживился Тешабаев. – Кажется, я смогу тебе помочь. Сегодня вечером мы собираемся в чайхане. У одного нашего бригадира сын родился. Он раньше в ОРСе работал, простым грузчиком, так что нагляделся там всякого. Поговори с ним...

Бывший грузчик Дима был не особо разговорчив, но кое-что все же рассказал. Система работает безотказно. На каждый товар имеется своя наценка – от вышестоящей инстанции к следующей наценка, естественно, увеличивается. Пока, допустим, банка печени трески дойдёт от городского склада главного управления рабочего снабжения до орсовского магазина в стройуправлении, то есть низового звена, то она уже будет стоить не сорок копеек по номиналу, а все девяносто, а то и рубль. По какой цене её будет сдавать завмаг – никого не интересует. Он свои копейки, рубли, сотни тысячи, в зависимости от ценности товара, уже куда надо внес. Фиксированно. Так что в дальнейших действиях его никто

не ограничивает и не контролирует. Продавай кому хочешь и по какой хочешь цене.

Ребятам из «Комсомольского прожектора», хоть у них и впрямь были кое-какие полномочия, все же документов удалось раздобыть немного. Но и тех хватило, чтобы ужаснуться масштабам этого невиданного, беззастенчивого и безбоязненного воровства.

Назвав свой, первый в его пока еще только начинающейся журналистской жизни фельетон «Кривое зеркало» – заголовки у него тогда еще изрядно «хромали», – Аркадий, просидев над своим творением всю ночь, отвез его в редакцию, оставил на столе у Могилевской и отправился к Тешабаеву. Вагончик начальника СУ оказался закрытым, и Марков отправился разыскивать друга. Он шел вдоль отвально-го котлована. За спиной раздался какой-то шорох, но Аркадий не успел оглянуться: в этот момент почувствовал легкий толчок в спину. Вернее, ему показалось, что толчок был легким. Позже установили, что огрели его по спине найденной поблизости доской, из которой к тому же торчало острием множество гвоздей, – орудие преступления заготовили заранее. Сознание, он, видно, потерял сразу и без сознания уже скатился на дно котлована. Нашли его через сутки, да и то случайно. Перед тем как вывалить битый кирпич из кузова самосвала, никуда не спешащий водитель решил перекурить. Выщелкнув окурок и наблюдая за траекторией его полета, водила зорко углядел на дне котлована что-то бле-

стящее. Любопытство взяло верх над осторожностью, шагочек за шагочком он спустился вниз, где и обнаружил полуприсыпанного песком Маркова. А блестели часы на его руке. Плоские, очень модные в те годы, часы «Полет», что в честь поступления в консерваторию подарила любимому Аркашеньке баба Сима. Чем и спасла своего внука.

Машина времени

(Оглядываясь на будущее)

Худсовет проходил вяло. Высказываться никому не хотелось, потому что в зал неожиданно-негаданно явился сам великий и ужасный Малик Каюмов, директор киностудии «Узбекфильм», Герой Соцтруда, лауреат Ленинской премии, народный артист СССР и обладатель еще невероятного множества званий и регалий. Тот самый Малик Каюмов, который, будучи начинающим оператором-документалистом, 21 июня 1941 года, то есть за день до начала Отечественной войны, снимал в Самарканде вскрытие гробницы завоевателя Тамерлана, Тимура, Амира Тимура, сына Тарагая из монгольского рода Барлас, что родился в 1336 году в узбекском городе Кеш.

Завоевав немало земель, Тамерлан правил большей частью Средней Азии, Месопотамии и Кавказа, а также территориями, где находятся современные Сирия, Афганистан и Пакистан. Великий хромой не был потомком Чингисхана

и не имел права носить титул хана, а поэтому довольствовался статусом великого эмира. Видать, буйному полководцу это не давало покоя, и он, женившись на дочери какого-то из потомков Чингисхана, все же присвоил себе титул «ханский зять». Упокоился завоеватель Тимур, прожив около семидесяти лет, в древнем Самарканде. Гробница его считалась неприкосновенной, ходили легенды, что того, кто только посмеет к ней прикоснуться, ждут невероятные несчастья, смерть и разрушения. Советские археологи, безбожники, не верящие ни в какие предсказания и приметы, забили на это проклятье и в 1941 году начали раскопки вокруг захоронения Тимура. Вооружившись кетменями и любимым оружием пролетариата – увесистыми камнями, – местные узбеки попытались отогнать богохульников-ученых от захоронения, но грянули выстрелы храбрых красноармейцев, местные вынуждены были ретироваться, раскопки продолжились.

Кто-то из идеологов страны Советов решил, что данное событие необходимо запечатлеть на киноленту. Дабы не гнать оператора из Москвы, велели привлечь к съемкам местную киностудию. Но ни один из старых и опытных операторов не согласился отправиться в Самарканд. Они все, до единого, либо срочно заболели, либо скоропалительно уехали в отпуск. Нашли одного-единственного, тогда еще всего несколько дней проработавшего на студии, оператора по имени Малик Каюмов. Он и снял раскопки, о которых газета «Известия» 21 июня 1941 года сообщила: «Сегодня про-

должились раскопки в мавзолее «Гур-Эмир». Антропологи и химики подвергли тщательному исследованию останки Тамерлана. Ученые обнаружили, что на черепе сохранились остатки волос. Определена возможность восстановить достаточно точный портретный облик завоевателя». Ученый мир не успел восхититься открытием советских археологов – 22 июня гитлеровская Германия напала на СССР. В Узбекистане никто не сомневался – проклятие сработало, и еще четыре с лишним года уносило жизни миллионов людей по всему миру.

Малик Каюмов тем временем стал прекрасным оператором, он работал с выдающимися режиссерами и сценаристами, киностудию возглавлял и по регалиям, и по праву.

Так сложилось, что сценарий своей первой документашки Аркадий Марков написал с легкой руки Малика Каюмова, и теперь мэтр не упускал возможности поинтересоваться творчеством своего «крестника». Вот и сейчас, когда худсовет смотрел фильм про Афганистан, снятый по сценарию Маркова, директор киностудии собственной персоной заявился в просмотровый зал. Потому и молчали члены худсовета – что толку говорить, когда все равно будет так, как скажет Каюмов. Он поднялся со своего места – высокий, костистый, все еще крепкий, – зажал в зубах папиросу, сигарет не признавал, сказал своим глухим голосом:

– Фильм хоть сейчас можно выпускать на экран. И все же я бы попросил авторов доснять один эпизод. Вы, Аркадий,

когда возвращаетесь в Афганистан? – спросил Малик Каюмович, обращаясь к Маркову.

– Еще вчера должен был отбыть, задержался из-за худсовета.

– Ну вот и прекрасно, пойдете ко мне, я расскажу вам, что бы мне хотелось видеть.

Мнение членов худсовета его интересовало в последнюю очередь, если интересовало вообще.

Директор студии повел сценариста не в рабочий кабинет, а в чайхану. Знаменитую чайхану «Басмачфильма», как обидно прозвали киностудию «Узбекфильм» советские киношники, намекая, что в Ташкенте, кроме фильмов о басмачах, ни хрена больше не снимается. Буфеты, кафешки, ресторанчики и бары есть на любой киностудии мира. Чайхана – только на «Узбекфильме». Большой знаток и любитель национальной кухни, Малик Каюмов лично следил, чтобы в его чайхане работали самые лучшие мастера по приготовлению узбекских блюд.

– Казан с утренним пловом открою через пятнадцать минут, домулло (в переводе с узбекского – «уважаемый учитель». – прим. автора), – почтительно обратился к директору студии повар, едва они заняли место в уютном уголке чайханы. – Пока могу предложить съесть по шампуру шашлыка из свежайшей молодой баранины.

Каюмов вопрошающе взглянул на молодого автора.

– Шашлык я и в Афганистане поем, там его готовят от-

менно. А вот такого плова, как у вас, Малик Каюмович, нигде нет. Так что не хочу себе аппетит перебивать.

– Согласен, попьем чаю и подождем плов. А пока поделюсь своей идеей, – заявил Малик Каюмович. – Твой фильм начинается с того, как пограничную заставу на рассвете будят выстрелы душманов. Я несколько раз бывал в тех местах и обратил внимание, какой невероятно красивый рассвет над Амударьей. На мой взгляд, нужно доснять коротенький эпизод восхода солнца, а потом – выстрелы. Как переход от мирного дня к войне. Ты понимаешь, о чем я говорю?

– Гениально! – с энтузиазмом отреагировал Марков. К тому времени он, если не полностью, то уж, во всяком случае, в достаточной мере овладел искусством угадывать настроение и даже ход мыслей сильных мира сего, что в проститутской профессии журналиста было не только не лишним, но чаще всего – необходимым. Эпизод, предложенный мэтром кинематографии, ничего гениального в себе не содержал. Всем киношникам было прекрасно известно, что «дед» повернут на всяких там закатах-восходах и его хлебом не корми – дай только воткнуть куда-нибудь в кинокартину вид восходящего, или закатного, солнца. – Только режиссер, Малик Каюмович, уже группу-то распустил, даже не знаю, как теперь быть. И упускать такой эпизод – это картину обеднить, – заявил сценарист.

– Никаких «обеднить», – решительно заявил директор студии. Вдохновленный тем, что его идея нашла столь горя-

чую поддержку сценариста, он готов был административные горы свернуть. – Вся группа тебе, собственно, не нужна, даже звук не нужен. Возьмешь с собой оператора и камеру, вот и все. Мы еще с тобой не успеем плов доесть, а оператор будет готов. Во сколько у тебя самолет на Кабул? Отснимитесь, и оператор сам пленку привезет. У тебя картину кто снимал, Хмара? Ну Николай оператор опытный, и вкус у Хмары отменный, на него можно положиться. А смонтируем без тебя, можешь не беспокоиться, я сам проконтролирую. Надеюсь, ты мне доверяешь... – и Малик Каюмович от души рассмеялся, показывая, как развеселила его собственная шутка.

Всякий раз, когда военно-транспортный Ил-76 начинал снижаться над Кабулом, настроение у Маркова портилось. Эта выжженная солнцем грязно-рыжая земля, вечно свинцовое от пыли небо, липкий зной, унылые холмы на горизонте – все наводило на него тоску и уныние.

Первым, кого он увидел у трапа, был собкор советского телевидения в Афганистане Миша Лещинский. Он провожал известного политического обозревателя Александра Каверзнева. Тот пытался забрать у молоденького лейтенантика свой объемистый командировочный портфель.

– Ну что вы, Александр Александрович, – возражал лейтенант. – Мне же совсем не трудно, я вам ваш портфель прямо в самолет занесу. Для меня это честь. Я потом всем расска-

зывать буду, что живого Каверзнева видел, – и увидев недовольный взгляд знаменитого журналиста, смущенно забормотал: – Ну я в том смысле, что не в телевизоре, а живьем, – и, окончательно смутившись от собственной нелепости, махнул огорченно рукой и полез внутрь огромного самолетного брюха, который в народе был больше известен как «Черный тюльпан». Для Каверзнева этот рейс Ил-76 и дурацкая фраза лейтенантика «живым видел» оказались зловеще пророческими. Через несколько часов он, по неизвестной до сего дня причине, скончался в своей собственной московской квартире.

А в тот день, проводив гостя, Лещинский отозвал Аркадия в сторону и, взяв за локоть, сказал: «Извини, старик, я знаю, что на Востоке гонцам, принесшим дурную весть, отрубали голову, – Михаил грустно усмехнулся. – Но так уж вышло, что мне приходится тебе сообщать: дружок твой, Валера Глезденев, вчера погиб. Полетел на «вертушке» в Кандагар, ну и... Прямым попаданием, никто не уцелел.

Валера был собкором военной газеты Туркестанского округа в Афганистане, недавно капитана получил. Они дружили много лет. Здесь, в Кабуле, Глезденев жил в соседнем от Маркова доме. Но больше времени проводил у него, чем в своей квартире, – вдвоем в этом диком, полуразрушенном городе, который подвергался ежедневным ракетным обстрелам, было не то что веселее, а как-то спокойнее. И вот теперь Валеры не стало...

Марков глянул на часы. Скоро начнет светать. Если не расслабляться, можно уже сегодня успеть все сделать и ночным рейсом отправить оператора обратно в Ташкент. Раздобыть военный «газик» было делом несложным, и они с Колей Хмарой отправились в путь. Безошибочно опытным взглядом, определив великолепное место на склоне – внизу Амударья делает плавный изгиб, на противоположном берегу – камыши, из-за которых вот-вот появится солнце, – оператор установил штатив, извлек из кофра камеру. Поколдовав немного, подозвал Аркадия, жестом предложил взглянуть в видоискатель – верно ли кадр выбрал? Он взглянул, но ничего не увидел. Вмиг взошедшее солнце так нещадно било в объектив, что Марков ничего не мог разглядеть. Поднял, согнув в локте руку, чтобы загородиться от солнца, и оно... погасло. Снайпер, засевший в камышовых кустах на другом берегу реки, увидел блеснувшее стекло объектива кинокамеры и выстрелил на этот блик. Пуля раздробила руку, и без того искалеченную при давнем падении в строительный котлован. Но если бы не поднятая рука, выстрел угодил бы точно в висок. Николай подхватил истекающего кровью Аркадия и вместе с ним покатылся по склону вниз.

На «газике» его привезли в медсанбат, где сделали срочную операцию, потом отправили в главный военный госпиталь Кабула. Но ничего этого Марков уже не знал. Через пару часов после операции потерял сознание. Выяснилось, что в полевом медсанбате ему в рану внесли страшную заразу с

нежным названием золотистый стафилококк. Выжил он чудом, во многом благодаря круглосуточному вниманию и опеке заведующего первой хирургией госпиталя подполковника Николая Николаевича Касаткина. В далеком теперь уже детстве просто Кольки, с которым в одной школе учились и которому Аркашка помогал подготовиться к вступительному экзамену по сочинению при поступлении в Ташкентский мединститут.

Глава девятая

...В больнице Аркадий пролежал чуть не с полгода. При падении в котлован он ударился о края сваленных туда бетонных плит и арматуры; множественные переломы и травмы заживали с трудом. Особенно досталось левой руке и ключице. Когда хирург, оперирующий Маркова, узнал, что его пациент – студент консерватории, будущий альтист, – он лишь вздохнул сокрушенно.

Интересно устроена психология человека. Еще вчера на свои занятия музыкой Марков смотрел как на необходимую, но все же обузу, отвлекающую его от журналистики. А сегодня, узнав, что о музыке, во всяком случае, об исполнительской деятельности, следует забыть навсегда, впал в депрессию, несколько дней почти ничего не ел, не хотел никого видеть, ни с кем разговаривать.

Его статья «Кривое зеркало» в молодежной газете была опубликована, по словам Раисы Могилевской, наделала много шума. Строительные ОРСы тряхнули так, что почти все руководители управления и директора магазинов оказались под следствием и им грозили реальные тюремные сроки, причем немалые. Приходил к Аркадию и следователь. Он полагал, что на Маркова было совершено покушение, причем, утверждал следователь, те, кто это покушение организовали, попросту не знали, что статья уже сдана в редакцию.

Самого исполнителя нашли довольно быстро. Им оказался бывший маляр, алкаш, который утверждал, что напал на Аркадия с единственной целью – забрать часы и деньги. На вопрос, почему не забрал, отвечал с идиотизмом, присущим только пропившим мозги алкоголикам: «Забыл».

Рая поначалу приезжала в больницу довольно часто, в основном по вечерам, – она жила поблизости. Рассказывала о редакционных новостях, говорила, что все Аркашу ждут, гордятся им. Как-то раз заскочила до работы, принесла горячую, пахучую узбекскую лепешку и литровую банку кислого молока, явно торопилась, скороговоркой пояснив, что у них сегодня намечается какая-то очень важная то ли планерка, то ли летучка – Аркадий так и не понял. После этого Могилевская пропала, в больнице больше не появлялась. Аркадий сам себя убеждал, что Рая человек очень занятой, она заведует отделом, член редколлегии, ведет школьное объединение «Факел», так что ей просто недосуг по больницам мотаться. Но в душе все равно было обидно, что его забыли.

Поначалу частенько навещали пострадавшего однокурсники. Заваливались шумной студенческой толпой, словно и не в больницу шли. Приносили с собой гитару, извлекали из футляров скрипки, флейты, кларнеты, устраивали в холле хирургического отделения целые концерты, на которые собиравались и все ходячие больные, и свободные врачи, и медсестры. Под шумок проносили с собой легкое сухое вино местного разлива – дешевенькое и очень хмельное.

Выписавшись из больницы, Аркадий первым делом отправился в редакцию. Раи на месте не оказалось, уехала в командировку. Сидевшая с ней теперь в одном кабинете сотрудник отдела культуры – бывшая балерина Большого театра, хохотушка Любаша Пелевина рассказала Маркову о редакционных новостях. Главного редактора молодежи Юрия Ивановича Рыбкина срочно отозвали в Москву, где он теперь, как высказалась Любаша, «летает так высоко, что до него и не дотянуться».

– Рыбкин высоко летать не может, он может только глубоко плавать, – невесело скаламбурил Аркадий, но Пелевина только руками замахала:

– Ты еще остришь! Только послушай, кто теперь на его месте. А на его месте Владимир Петрович Тюрин, который к журналистике вообще никакого отношения не имеет, он из бывших комсомольских работников, потом недолго в горкоме партии работал. Пока что он поменял обоих заместителей, полностью изменил состав редакционной коллегии, теперь, никто и не сомневается, очередь за рядовыми сотрудниками. Кое-кто из ребят, не дожидаясь, уже сам ушел. Народ резко полюбил командировки, сам видишь – редакция пустая. Мотаются по всей республике, лишь бы новому начальству на глаза не попадаться. Вон, твою ненаглядную Могилевскую из редакции ни за какие коврижки выгнать было

нельзя, лет десять вообще никуда не ездила, а тут – третья командировка за месяц.

– А мне-то что делать, как думаешь? – уныло поинтересовался Аркадий. – Рыбкин мне сказал, что эта статья испытательная, когда будет опубликована, могу на работу выходить.

– Ох, Аркаша, ничего я не знаю, – вздохнула Пелевина и неуверенно предложила, – попробуй зайти к Тюрину, ты-то ничего не теряешь.

Новый главный редактор встретил его хмуро, даже присесть не предложил. Выслушав посетителя, уставясь глазами в стол и не поднимая на него взгляда, сказал, не скрывая раздражения:

– Вас Рыбкин собирался на работу взять? Вот Рыбкин пусть и берет, можете к нему в Москву отправляться. А по поводу пресловутой статьи «Кривое зеркало», так я бы на вашем месте поостерегся даже упоминать о ней вслух.

– Это почему же? – опешил Марков. – Мне говорили, что после моей статьи всех этих ворюг-торгашей разогнали и собираются судить.

– Прекратите здесь разводить эту демагогию! – перешел на крик редактор. – И не смейте наклеивать ярлыки на ни в чем неповинных людей. Ишь, какой судья выискался – «торгаши», «ворюги». Если желаете знать, факты, изложенные в вашей статье, не подтвердились, и нам теперь, того и гляди, придется писать опровержение. Советую вам впредь редакцию нашей газеты обходить стороной. Мне такие авторы не

нужны.

Эту гневную тираду Тюрин произнес, все так же не поднимая глаз на собеседника.

С тяжелым сердцем выходил Аркадий из здания, которое за эти несколько лет стало родным и таким важным в его жизни. С ним кто-то здоровался, его хлопали по плечу, спрашивали, как здоровье, давно ли выписался. Он вымученно улыбался, отвечая на вопросы. Потом бесцельно брел по улицам, серым и холодным, под стать его настроению. Опомнился только тогда, когда услышал нестройные переплетающиеся звуки разных музыкальных инструментов, проникающих даже через закрытые окна, – он стоял перед консерваторией. «Ташкентская государственная консерватория имени Тамары Ханум», – прочел он на фасаде, словно впервые увидел эту надпись.

Машина времени

(Оглядываясь на будущее)

В центральном концертном зале Ташкента гастролировал английский эстрадный певец Роберт Янг. Народу было битком, но у корреспондента центральной газеты Аркадия Маркова был служебный пропуск. Пропуск пропуском, а свободного места ему найти не удалось, и он пристроился на

ступеньках в проходе. Концерт уже начался, когда к нему пробрался запыхавшийся администратор зала и прошептал: «Вас Тамара Ханум подойти просит, она в литературном ряду». Согнувшись, чтобы никому не загораживать сцену, Аркадий прошмыгнул к литературному ряду, где в центре восседала знаменитая актриса. У ног ее стояла огромная корзина благоухающих чайных роз. Рядом с Тамарой Артемовной сидел ее секретарь, она что-то шепнула, и тот в мгновение ока исчез. Тамара Ханум показала Аркадию на место рядом с собой и, когда он уселся, прошептала: «Корзина неподъемная, когда пойду на сцену, поможешь донести».

Закончилось выступление именитого гастролера, Тамара Артемовна, блестя невероятно замысловатым серебряным платьем и сияя серьгами с огромными бриллиантами, в один из них был вправлен импортный слуховой аппарат, величаво поднялась на сцену. Марков, пыхтя и отдуваясь, плелся сзади, мечтая только об одном – как бы не облажаться и не грохнуться с этой, действительно неподъемной, корзиной – не иначе какая-то сволочь туда земли с полтонны напихала. Тамара Ханум от души поздравила английского певца, сказала, что он доставил ей огромное удовольствие и преподнес своим пением прекрасный подарок, так как именно сегодня ей исполнилось восемьдесят четыре года.

Роберт Янг развел руками, через переводчицу заявил, что ему крайне неловко принимать от дамы цветы, тем более в день ее рождения, когда цветы должен дарить он ей, а не она

ему.

Выслушав этот галантный ответ, Тамара Артемовна подошла к англичанину и, поскольку он был ростом намного выше ее, пригнула его голову, и долгим поцелуем поцеловала в губы.

– Аркашенька, пусть эта кукла переведет, – она кивнула на переводчицу, – что он прямо сегодня может исправить свою оплошность и преподнести мне цветы по поводу моего дня рождения. Через полчаса жду его у себя дома. Вместе с тобой, разумеется. А я пошла картошку готовить...

С легендарной народной артисткой СССР Тамарой Ханум – Тамарой Артемовной Петросян Аркаша Марков познакомился, еще будучи учеником музыкального училища, в канун юбилея Победы, когда пришел в ее знаменитый дом-музей. Перед тем как прийти к ней, чтобы взять интервью, он постарался узнать о прославленной артистке как можно больше. Именно этой армянке, в молодые ее годы, удалось всему миру показать своеобразную красоту плавного и в то же время зажигательного узбекского танца. Она сама выбрала жанр своих выступлений, которому осталась верна до последних дней своей жизни, – песни и танцы народов СССР. Сама, помогала только ее родная сестра-рукодельница Лиза, шила костюмы для выступлений. Когда началась война, бесстрашно лезла на передовую, вступая перед бойцами и

командирами. Была награждена многими боевыми орденами и медалями, а в 1943 году ей, первой из всех артистов страны, было присвоено воинское звание капитана Советской Армии.

С первого своего фронтового выступления Тамара Артемовна дала зарок и не потратила на себя ни копейки из денег, полученных за фронтовые концерты выступлений. На заработанные гонорары она построила в годы войны три самолета и два танка, а в послевоенном 1946-м на ее деньги было построено здание госконсерватории, которой дали имя народной артистки. Сшитые ею за долгие сценические годы костюмы она разместила на специально изготовленных для нее стеллажах-вешалках, превратив свою квартиру в дом-музей. Побывав в этом дивном доме однажды, Аркадий частенько бывал там и позже, не забывая всякий раз раздобыть, что в Ташкенте было делом далеко не простым, шоколадный грильяж – Тамара Артемовна обожала эти конфеты. Но непременно под рюмочку, одну-единственную, не больше, армянского коньяка «Ахтамар». Другого не признавала.

Янгу, видимо, рассказали, кто такая Тамара Ханум, приглашение он принял с удовольствием и, несмотря на полуночное время, охотно отправился в гости.

Стол уже ломился от всевозможных яств, но центр стола пустовал, и вскоре хозяйка собственноручно вынесла огром-

ное блюдо, наполненное дымящимся картофелем. Весь театральный мир знал про коронное блюдо Тамары Ханум; она утверждала, что картошку в мундире с салом ее на фронте учил готовить чуть ли не сам Рокоссовский.

Вечер, вернее, ночь прошла весело и непринужденно. Гости и хозяйка пели, шутили, рассказывали всевозможные байки, на которые так горазды и охочи артисты всех стран и народов. На улицу вышли, когда уже светало. Роберт высказал опасение, что сегодняшней концерт ему будет провести нелегко.

– Ерунда, – беспечно заявил Аркаша. – У нас есть такая «реанимация», после которой ты порхать будешь, – и предложил певцу поехать в «Яму».

«Ямой» ташкентцы называли овраг в старой части города. По дну оврага протекал довольно зловонный ручеек, на оба берега которого предприимчивые местные жители ранним утром выносили небольшие мангалы, где жарили узбекский шашлык – мясной и печеночный, а также в котелках приносили огненный обжигающий лагман. Все это было, конечно же, совершенно незаконно, как и любое частное предпринимательство, но вкуснее, чем в «Яме» ни лагмана, ни шашлыка не было во всем Ташкенте.

Захмелевшая от вина и общения переводчица была не против, они втроем отправились в старый город. Ни грязь и антисанитария, ни то, что сидеть пришлось на корточках, ни стульев, ни тем более столов в «Яме» не было, англичанина

не смутили. Он был в полнейшем восторге от лагмана, попростецки утирал обильный пот рукавом своего дорогущего дакронового костюма. По дороге в гостиницу Роберт безмятежно уснул, положив голову на плечо переводчицы.

В редакцию Марков заявился после обеда и тотчас был вызван к заместителю главного редактора. В кабинете Ивана Капитоновича, Ивана Скопидомыча, как называли его редакционные, сидел мужчина, взгляд и повадки которого не оставляли сомнений в его служебной принадлежности. В редакции этот безмянный человек был известен как Куратор. Служил он в том самом здании, что было расположено напротив Дома печати. Редакционные острословы цитировали известную песенку: «Наши окна друг на друга смотрят вечером и днем». Русскоязычное население здание КГБ называло без особых претензий «серый дом», узбекское название было куда более красочным – «узун кулок», что означало «длинное ухо».

Уставившись Аркадию в глаза, Куратор скрипучим голосом принялся выяснять, кто был инициатором пригласить зарубежного артиста в дом к гражданке Петросян и как посмел товарищ Марков отвезти зарубежного гостя в «этот рассадник антисанитарии».

Аркаша Куратора частенько видел в буфете ресторана «Ташкент», куда и сам любил заглянуть. Тот, воровато оглядываясь, прямо у буфетной стойки проглатывал сто граммов водки, торопливо закусывал куском вымоченной в соленой

воде редьки и торопливо семенил к выходу.

Не выказывая важному посетителю никакого почтения, Аркадий грубовато поинтересовался:

– Вы, собственно, от меня чего хотите?

– Марков, не забываетесь! – прикрикнул Иван Скопидомыч, а Куратор строго заявил:

– Мы будем за вами смотреть, товарищ Марков. Внимательно смотреть.

– Это сколько угодно, – нахально, тогда он уже мог себе это позволить, заявил Аркадий.

...Незадолго до смерти народной артистки Советского Союза Тамары Ханум здание консерватории было переименовано. «Выяснилось», что существует такой закон, в соответствии с которым нельзя присваивать государственным учреждениям имена живущих. Старая артистка тяжело переживала это решение. Как знать, может, из-за этого она и из жизни ушла раньше...

...Зайдя в деканат, Аркадий отдал больничный лист, который ему выдали после выписки из травматологии, сказал, что хочет написать заявление об отчислении. Декан внимательно его выслушал и посоветовал не торопиться.

– Напишите пока заявление о предоставлении вам академического отпуска. А там видно будет, – и на прощанье сказал проникновенно: – Аркадий, поверьте, мне очень, очень

жаль, что так все получилось.

Через пару дней к нему домой пришла Рая Могилевская.

– Какого черта ты поперся к этому Тюрину, – с порога набросилась она на Аркадия, потом, поостыв, призналась: – Впрочем, это ничего не изменило. Он о тебе и слышать не желает, сразу орать начинает.

– Но почему, Рая? Я ничего не пойму. Ты же сама мне говорила, что этих торгашей всех разогнали и посадить хотят. А Тюрин говорит, что факты не подтвердились.

– Подтвердились, еще как подтвердились, в этом-то вся проблема. Дело в том, что заместителем в главном управлении всех строительных ОРСов работал какой-то близкий родственник Тюрина, то ли брат его жены, то ли родной племянник, черт их разберет. И вот теперь наш главнюк жопу рвет, хочет доказать, что факты твоей статьи были искажены.

– Но разве так можно?

– Эх, ты, святая наивность! Помнишь, ты еще совсем мальчишкой был, когда я тебя предупреждала – сто раз подумай, прежде чем связываться с журналистикой. Мы же все – проститутки, все до единого.

Глава десятая

Коля Волков, или Волчок, как звали его все без исключения, был достопримечательностью музучилища. Он перепробовал все факультеты, включая отделение узбекских народных инструментов, бесчисленное количество раз оформлял академотпуска и готовился отметить свой десятилетний юбилей пребывания в альма-матер, как он пышно именовал училище. Волчок к музыке был равнодушен. Он бредил сценой, но каждый год бесславно проваливал вступительные экзамены в театральный институт. Главной же особенностью Коли было то, что он знал все городские новости и сплетни. Причем во всех областях. Коле было известно, какие дефицитные товары будут продавать сегодня в ЦУМе после обеда; он с мельчайшими подробностями рассказывал, кто вчера в ресторане ужинал вместе с известным футболистом «Пахтакора»; о театральных интригах, в лицах, мог повествовать часами.

Поэтому Аркадий ничуть не удивился, когда, встретив Волкова в городском сквере, услышал от него все городские новости, включая журналистские.

Горожане любили свой сквер. Здесь росли высаженные еще в девятнадцатом веке, в три обхвата, деревья, а таких роскошных огромных роз, как в сквере, не было нигде. Сквер, естественным для того времени образом, носил имя

Октябрьской революции, но об этом знали только чиновники. Ташкентцы говорили попросту «сквер», приходили сюда отдохнуть в тени развесистых деревьев, с кем-нибудь встретиться и поболтать. Посидев в сквере минут пятнадцать-двадцать, каждый непременно встречал здесь если не близких друзей, то знакомых – точно. В незапамятные времена в самом центре сквера на невысоком постаменте стояла скульптурная композиция: на садовой скамейке, до неприличия плотно прижавшись друг к другу, сидели Ленин и Сталин. Ильич дружелюбно водрузил каменную лапу с растопыренными пальцами на сталинское плечо и по замыслу скульптора, очевидно, улыбался, хотя улыбка скорее напоминала хищный оскал. Маленького Аркашку отец водил в сквер, где он катался на трехколесном велосипеде и, объезжая вождей, зажмуривал глаза – отчего-то он боялся этих каменных истуканов.

В одну ночь Владимир Ильич остался без своего соседа по скамейке. После знаменитого хрущевского разоблачения культа личности, когда Никите удалось все же выкинуть из мавзолея гроб с забальзамированным телом «отца народов», городские власти Сталина со скамейки содрали. Ленину без «другана» было неудобно, да и руку, которая до этого на плече лежала, девать стало совершенно некуда. К тому же скамейка, лишившись второго «сидельца», теперь выглядела так, словно над ней хулиганы надругались. Одинокого Ленина сначала перетащили в самый отдаленный угол скве-

ра, а потом и вовсе куда-то убрали. Центр надолго огородили брезентом, а когда брезент сняли, на общее обозрение предстала возвышающаяся на постаменте огромная башка с развевающейся неопрятной бородой. Отныне на горожан взирал Карл Маркс. Степенные ташкентцы, собираясь погулять, по-прежнему говорили: «Пойдем в сквер», – молодежь, с появлением бородатого чудища, на своем сленге договаривалась: «Встретимся у лохматого». Юные завсегдатаи сквера, часами просиживающие в здешнем кафе, где дешевое вино из местного винограда продавали в розлив, называли себя «скверные мальчишки».

...Когда Волков покончил с городскими новостями, неожиданно огорошил Маркова вопросом: «Подработать не хочешь? В редакции газеты «Геолог» курьер требуется. Работа не пыльная, я узнавал – три раза в неделю из редакции в типографию гранки отвезти, а из типографии в редакцию – сверстанные полосы. Даже есть спецтранспорт – мотороллер «Вятка», почти новый. Я бы и сам пошел, но меня тут пригласили помочь в постановке спектакля...» – и Волчок понес такую завиральную ахинею, что Аркаша попросту пропустил ее мимо ушей.

За несколько месяцев, что прошли после выписки из больницы, он добросовестно обошел все редакции. «Взрослые» газеты на вчерашнего юнкора смотрели со снисходительным пренебрежением, в единственную в республике молодежку ему путь был закрыт. «А почему бы не попробовать

устроиться в этот «Геолог»? – мелькнула у него мысль. – Хотя бы и курьером, а там видно будет».

– Хорошо, что я случайно сюда забрёл, – прервал он излияния Волкова. – А где эта газета находится? Пожалуй, загляну туда.

– Случайностей в этом мире нет, а есть служба совпадений, которая работает круглосуточно, – напыщенно провозгласил Волчок и назидательно велел: – Не загляну, а мчись на всех парусах. Ты не первый, кому я об этом сказал. Беги и молись, чтобы вакансию не заняли, место-то хлебное.

Редакция газеты «Геолог» ютилась в крохотной двухкомнатной деревянной пристройке, которая притулилась на задворках министерства геологии. В первой комнатенке сидела машинистка с лицом, которое глубокими морщинами и цветом напоминало печеное яблоко. Она колотила по клавишам всеми десятью пальцами с невероятной быстротой. Пулеметная дробь и лежащий перед ней текст ничуть не мешали женщине вести с каким-то невзрачным типом ожесточенный спор, в котором матерные слова составляли основу, а обычные служили не более чем связующими междометиями. Соображая, как бы половчее вклинить в этот спор со своим вопросом, Марков сначала не понял, что машинистка обращается к нему: – Ты что оглох, я тебя уже десятый раз спрашиваю: тебе чего?

– Я по поводу работы, мне сказали, вам курьер нужен.

Не отрываясь от клавиатуры, машинистка зычно крикнула: «Гавнадий Иваныч, тут курьер пришел», – и кивнула Маркову на открытую дверь в соседнюю комнату.

Человек пять мужчин окружили довольно большой письменный стол, за которым восседал человек в костюме и даже в пальто. Посередине стола лежала огромная велюровая шляпа, которая на вид была ничуть не моложе своего владельца.

– Это вы курьер? – спросил мужчина красивым басом.

«Ему бы в опере петь», – мелькнула у Аркадия мысль, но он торопливо ответил: – Да, то есть я хотел узнать, нужен ли вам курьер. Мне сказали...

– Подходите поближе, присаживайтесь, – доброжелательным тоном пригласил Маркова тот, кого машинистка так непочтительно назвала Гавнадием Иванычем. Остальные расступились и занялись своими делами.

– Ну-с, как ваше имя и вообще – кто вы такой?

– Меня зовут Аркадий Марков. Я печатался в молодежной газете. Закончил ташкентское музыкальное училище, поступил в консерваторию, сейчас взял академический отпуск. Хотелось бы поработать.

– Мечтаете стать журналистом? – прозорливо догадался редактор. – Ну что ж, вы безошибочно пришли туда, куда надо. Наша газета может стать для вас настоящей школой, так сказать, трамплином в большую журналистику. Здесь ра-

ботають, не побоююсь этого определения, сливки, столпы республиканской и даже отечественной журналистики. Ну, а я имею честь возглавлять сей славный коллектив золотых и серебряных перьев, и зовут меня Геннадий Иванович Леонтьев. Когда готовы приступить к работе?

– Да хоть сейчас! – горячо воскликнул Аркадий, еще не веря в свою удачу.

– Прекрасно, прекрасно. В таком случае готов дать вам первое задание. Но сначала скажите, вы в детстве мечтали стать суворовцем?

Вопрос был настолько неожиданным, что Аркадий сначала опешил и ответил не сразу:

– Ну, конечно, как все мальчишки. Мне очень нравилась форма суворовцев, их черные брюки с лампасами, белые гимнастерки с красными погонами...

– Аркадий, не говори красиво, – величавым жестом прервал его Леонтьев, демонстрируя, что с романом Тургенева «Отцы и дети» он как минимум знаком. – Все намного проще. Напротив нашего министерства раньше было суворовское училище.

– Да, я знаю, мы здесь жили неподалеку, – вставил «новобранец» свои «пять копеек».

– Вот и прекрасно, – обрадовался редактор. – Возле училища есть продовольственный магазинчик, его местные жители по старой памяти «суворовский» называют. Так вот. Сбегай в магазин и купи две бутылки водки, буханку серо-

го хлеба, к вечеру как раз горячий подвозят, и две селедки, только обязательно бочковые, и пожирнее выбирай. Валька! Лук у нас есть? – своим звучным голосом прокричал редактор, и из соседней комнаты тотчас раздался голос машинистки: «Целых три луковицы».

– Значит, лук покупать не надо. Держи деньги и – одна нога здесь, вторая уже тоже здесь.

Отправляясь в суворовский магазин, куда он еще детсадовским малышом, зажав в кулачке медный пятак, частенько прибегал, чтобы купить свежий бублик, Аркаша одно лишь заклинание твердил: только бы никого из знакомых не встретить. И первой, кого он увидел, была уборщица Айниса, тетя Аня, как ее звали и взрослые, и дети. «Ноги вытирай», – буркнула тётя Аня, но, к счастью, его не узнавая. Он взял с полки хлеб, со знанием выбрал две селедки – дело привычное, не раз в этом магазине по поручению родных селедку покупал, – и протиснулся к прилавку. Хорошо, что продавцы здесь давно поменялись. Преодолевая смущение – водку-то покупал впервые в жизни, протянул деньги и, сам не понимая, с чего вдруг, брякнул: «Килограмм водки».

– Чего, чего? – опешила продавщица, а потом рассмеялась. – Ну ты хохмач. Надо же – водки ему килограмм. Ну, держи свой килограммчик, – она протянула ему две поллитровки и снова рассмеялась.

С объемистым свертком в руках поспешил в редакцию, где юного гонца ждали с нетерпением.

Сославшись на какие-то неотложные дела, Аркадий отказался от участия в попойке и отправился домой. На следующий день, часам к десяти, он приехал в редакцию, где, кроме Вальки-машинистки, никого не было. Она запихивала в полуразвалившийся шкаф свернутый матрас – не было никаких сомнений, что ночевала она здесь же. В помещении, что называется, дышать было нечем – тяжелый запах алкоголя и табака перешивался с запахами неубранной еды, на столах валялись куски недоеденной селедки. Повсюду – пустые бутылки, из-под водки и дешевого портвейна. Судя по всему, приверженность к суворовцам здесь вчера проявляли еще не раз.

– Ты чего приперся ни свет ни срамши? – попеняла ему машинистка. – У нас сегодня верстки нет, раньше двенадцати никого не будет.

Она принялась собирать грязную посуду, потом бросила, взялась за веник.

– Чего стоишь –руки в брюки, – прикрикнула она на новичка. – Все равно дел никаких нет. Давай, помогай.

– Я позже зайду, часам к двенадцати, – ответил Аркадий и твердо, с вызовом даже, добавил: – Я сюда курьером устроился, а не уборщицей.

– Ишь ты, барин какой выискался, – визгливо начала Валька, но, видя, что парень направился к двери, тут же искательным тоном запричитала:

– Погоди, погоди, дай хоть рубчик-то на поправку, я в по-

лучку отдам.

Возле входа Аркадий еще накануне заметил «почти новый» мотороллер – проржавевшую «Вятку», которая с трудом, кашляя, как больной в последней стадии чахотки, но все же завелась. Номерного знака на этом допотопном транспортном средстве не было. Аркадий снова зашел в редакцию, ножницами вырезал заголовок газеты, приклеил на картонку и приспособил свое изобретение вместо номера. После чего, удовлетворенный, отправился по своим делам.

Когда он вернулся, в комнатах был относительный порядок. Раскрасневшаяся, явно поправившая здоровье Валька пристроилась у нерасчехлённой пишущей машинки и что-то грустно напевала. За письменным столом сидела опрятно одетая женщина и читала газетные гранки, сверяя их с оригиналами. Геннадий Иванович, всё также в пальто, восседал за своим огромным столом и трапезничал: перед ним стояла уже наполовину опустошенная бутылка водки, на газете лежали ломти хлеба и все та же низменная селедка. Селедку редактор кромсал не ножом, а строкомером – такой длинной тончайшей металлической линейкой, на которой обозначены размеры типографских шрифтов. На Маркова Леонтьев уставился с явным непониманием. На выручку «благодетлю», рубля вполне ей хватило, чтобы славно опохмелиться, пришла машинистка. – Вы, Геннадий Иванович, вчера этого мальчика курьером взяли, – плотоядно облизываясь и недвусмысленно поглядывая на водку, напомнила она.

– Точно! – прихлопнул себя по лбу редактор. – Вспомнил, тебя Марк зовут.

– Нет, поправил вновь испеченный курьер. – Моя фамилия – Марков, а зовут меня Аркадий.

– Ну, а я что говорю? Марков. Аркадий. Ты, Аркадий, паспорт принес? – заглянул в протянутый документ и удивленно присвистнул: – Эге! Да тебе, старик, еще и восемнадцати нет, только через месяц исполнится. Через месяц и оформим, – решил он и, видя, что паренек явно приуныл, успокоил: – Пока так работай, без оформления, а с оплатой что-нибудь придумаем, в крайнем случае, гонорар выпишем. Ну а на сегодня свободен, в понедельник приходи.

– Как свободен? – услышала разговор редактора с новичком читавшая гранки женщина. – Пусть мне подчитает, а потом гранки в типографию отвезет, раньше сдадим, в понедельник верстку раньше начнем.

Так в первый свой рабочий день начал Аркадий осваивать и еще одну, низовую, газетную специальность – подчитчика. Теперь уже, в компьютерный наш век, безвозвратно ушедшую в небытие. После того как закончили читать гранки, дело близилось к вечеру, корректор Людмила толково объяснила Аркадию, где находится типография и к кому там следует обратиться. Геннадий Иванович к тому времени, нетвердо ступая, уже уехал, Валька мирно посапывала, положив голову на пишущую машинку, к которой в тот день так и не прикоснулась. Оседлав «Вятку» под номером-назва-

нием «Геолог», курьер отправился в типографию.

Гена Леонтьев вырос в маленьком зауральском городке. Сосед Гены был редактором местной газетенки, которая выходила один раз в неделю. Юный Гена, по просьбе жены редактора, частенько относил ему кастрюльку с обедом. Когда чуть-чуть подрос, стал выполнять несложные поручения, коротенькие заметки писать, что сразу его в городе сделало человеком известным. В 1947 году Гена закончил десятилетку. У них с редактором была договоренность, что годик он поработает в редакции, а потом поедет в Свердловск поступать на факультет журналистики Уральского госуниверситета. Армия ему по причине сильного плоскостопия не грозила.

В то самое время, когда юный Леонтьев после выпускного вечера, где он выпил, официально, стакан вина, а потом в школьном туалете с пацанами опорожнили бутылку самогона, в то самое время, когда пухлая одноклассница вяло отбивалась от Генкиных слюнявых поцелуев и отпихивала от себя его вспотевшие от вожделения руки, в этот самый момент за редактором пришли люди в форменных фуражках. Утром следующего дня выяснилось, что Леонтьев является единственным человеком в городе, который, хотя бы приблизительно, знает, как выпускать газету. Так в новенькой трудовой книжке, заведенной на имя Геннадия Ивановича

Леонтьева, появилась первая запись: «редактор». Записей с указанием иной должности в его трудовой не было и впредь. Леонтьев кочевал по всему Уралу и Зауралью и всюду, куда заносила его беспокойная судьба, был только редактором. И никем иным. Журфак прославленного Уральского университета он все же закончил, хотя и заочно. Педагоги с уважением относились к студенту, который был редактором городской газеты, с курса на курс он переходил безо всяких проблем, хотя в учебники заглядывал крайне редко. С годами в своем деле он поднаторел, стал примерным демагогом, научился говорить лозунгами, призывая и мобилизуя. Однако, оставаясь безграмотным и будучи человеком ленивым, неорганизованным и достаточно примитивным, совершал такие ошибки, после которых оставалось только писать заявление об увольнении по собственному желанию. Вот так и кочевал из одного редакторского кресла в другое. Пока не совершил такое, о чем еще многие годы спустя журналисты всего необъятного Союза рассказывали друг другу в качестве удивительной байки.

К этому моменту Леонтьев уже возглавлял городскую ежедневную газету, штат которой состоял из шести человек. Стояла поздняя осень, когда редакции были выделены деньги на покупку дров, коими печи отапливались. Осень выдалась на удивление теплая, хотелось думать, что морозов нынче не будет и вовсе. Редактор вместе со товарищи денежки, на дрова предназначенные, пропил в одночасье. А тут и мо-

розы грянули, с ними и первый снежок. Дождавшись кое-как ближайших выходных дней, Леонтьев собрал всю свою гопкоманду, и пятеро, встав на лыжи, отправились на заготовку дров в тайгу. В редакции осталась одна лишь престарелая уборщица. Ночью разыгралась пурга, на смену ей пришли метели, заготовщики укрылись в охотничьем домике, где были и дрова, и вода, и кое-что из провианта. Когда природа чуток угомонилась, незадачливых заготовителей дров спасатели из убежища вывели. Газета в городе не выходила десять дней. Секретарь тамошнего обкома партии человеком был решительным и горячим, он велел, чтобы Леонтьев убирался подобру-поздорову и на Урале больше не появлялся. Никогда.

Делать было нечего. Собрав немудрящие пожитки, забрав жену и трехлетнего сынишку, проштрафившийся Геннадий Иванович отправился аж в далекую Центральную Азию, где в Ташкенте, судя по слухам, процветал в большой газете его бывший однокурсник.

Свалившись на несчастного однокурсника как снег на голову, Геннадий утешил, что проживет у него ну максимум пару деньков. Пока не снимет какую-нибудь халупу, а потом, дескать, должность, а вместе с ней и квартиру ему предоставят. Для добряка, но мягкотелого университетского товарища кончилась эта история весьма плачевно. Жена его обладала характером куда как более решительным, чем у мужа, делить свою квартиру с незванными гостями, оказавшимися к

тому же жуткими неряхами, она не желала. На третий месяц, когда хозяйка квартиры поняла, что нахальные гости съезжать не собираются, забрала дочку и укатила в родной город, к родителям, заявив мужу, что он сам сделал выбор, предпочтя «новую семью».

Леонтьев тем временем отправился в ЦК компартии, где предъявил сотруднику, курирующему печать, свою дивную трудовую книжку. Увидев, что товарищ с первого же дня своей деятельности был только редактором, ответственный товарищ призадумался. Но тут же его осенило. На каком-то из заседаний министр геологии пожаловался, что в его ведомственной газете редактор – человек совершенно неподходящий, редакторского опыта не имеющий. А тут на тебе – пожалуйста, редактор с таким гигантским стажем и, надо полагать, опытом. Через пару дней Леонтьев занял место в деревянном флигелёчке на задворках министерства геологии.

Редакция, куда попал Аркаша, была сборищем спившихся журналистов, тех, кого уже не брали ни в одну мало-мальски приличную газету. Три раза в неделю они собирались в редакции, что-то делали, работая максимум до обеда. Потом начиналась пьянка.

Марков быстро учился – жизнь заставила. Он был, когда надо, корректором и подчитчиком, в типографии уже умел верстать полосы и отливать в специальной машине заголов-

ки. Когда ответственный секретарь «Геолога» заболел, выяснилось, что, кроме пацана, так его здесь все звали, заметить ответсека некем. В тот вечер, когда Аркаша ломал голову над планом следующего номера, он впервые отказался идти в суворовский магазин за водкой.

Единственным непьющим здесь человеком был пожилой фотокорреспондент Михалыч. Он приносил пакет с великолепными фотоснимками, оставлял на столе и, почти ни с кем не разговаривая, удалялся. Поговаривали, что когда-то имя Михалыча было хорошо известно в самых крупных изданиях Союза. Но за воротник закладывал неумеренно, вот и скатился до «Геолога». То ли сам сумел «болезнь» преодолеть, то ли медики помогли – неизвестно. Однако, хотя и был теперь трезвенником, дурная слава разошлась быстро и на работу его больше никуда не брали. К тому же еще и возраст...

Однажды Аркадий встретил Михалыча в цинкографии, где фотографии превращали в цинковые клише для газетных полос.

– Давно к тебе приглядываюсь, – сказал Михалыч Маркову. – И не пойму, что ты, такой молодой, делаешь в этом притоне. Ты же у них только водку можешь научиться пить, хорошему-то не научат, поскольку сами не знают.

Время было обеденное, зашли в издательскую столовку. Аркадий поведал коллеге свою историю.

А я ведь о тебе слышал. Мне ребята из молодежи рассказывали, как тебя убить хотели. Я даже статью твою о торго-

шах этих прочитал. Молодец. Мне понравилось.

Помолчал, потом добавил: – Я тебе вот что скажу. Ты слишком рано начал. Но все эти годы был внештатником. Поэтому тебя никто всерьез и не воспринимает. Молодой, опыта никакого. Тебе, милый мой, надо на периферию ехать. У них там на людей вечный голод. Хоть черта возьмут, лишь бы алкашом не был. А ты непьющий, с руками оторвут в любой областнухе. Вот там ты действительно опыта наберешься, писать научишься. С пяток годиков поработаешь, потом на белом коне в столицу вернешься. Послушай меня, я дело говорю.

Слова Михалыча запали в душу. Аркадий все чаще и чаще мысленно возвращался к этому разговору, впрочем, пока еще не понимая, как этот, похоже, и впрямь мудрый совет, воплотить в жизнь. Он только с каждым днем все отчетливее понимал, что из этого вертепа надо ноги уносить. И как можно скорее.

Вся техническая подготовка газеты к выпуску теперь была на его плечах. Из дому он уезжал чуть свет, возвращался чаще всего за полночь – все вечера приходилось проводить в типографии. Бесконечный стрекот линотипов, отливающих свинцовые газетные строчки, и гул ротационных машин преследовали его даже ночью. Когда он выходил на улицу, то после едкой смеси запахов свинца, жженного картона

и типографской краски свежий воздух пьянил его до головокружения. Он был молод, с усталостью справлялся легко, но угнетало его то, что он превратился в редакционную лошадку, которая безропотно тащит на себе технический газетный груз. За несколько месяцев он не написал ни единой строки.

Человек предполагает, а ЦК КПСС располагает. Как гром среди ясного неба ударило по многотиражкам постановление закрыть по всему Советскому Союзу ведомственные газеты – геологические, автомобильные, даже милицейские.

Столпы республиканской журналистики, как Леонтьев называл спившихся сотрудников, и он сам, «один из столпов отечественной журналистики», коим величал себя, в одночасье оказались на улице. Перед тем как покинуть редакцию, Леонтьев заполнял трудовые книжки. Не мудрствуя лукаво, каждому из сотрудников в графу «занимаемая должность» вписал «заместитель главного редактора». Призадумался, лишь открыв трудовую Маркова.

– Н-да, для замредактора ты возрастом не вышел, никто не поверит. Ладно, запишу тебя ответственным секретарем, – решил он.

Раздав трудовые книжки сотрудникам, вспомнил:

– Надо в Фергану съездить, наша газета была зарегистрирована в тамошнем геологическом управлении. Документы нужно забрать и привезти в министерство. Кто поедет?

Желающих не оказалось: министерству надо, пусть своего человека за документами и посылают – таково было общее мнение.

– А командировочные за поездку заплатят? – поинтересовался Аркадий и, получив подтверждение, решительно заявил:

– Я поеду, – решив, что лучшего шанса побывать в редакции областной газеты не придумаешь.

В поезде Марков разговорился с соседом по купе. Гидростроитель Радик тоже ехал в командировку, но не только в Фергану, а по всем областным центрам Ферганской долины – Фергана, Андижан, Наманган.

– А это что, всё рядом? – поинтересовался Аркадий.

– Да, совсем близко, не больше часа езды от каждого города. Я вообще планирую за два дня во всех трех областях побывать, и денек дома побалдею, – сказал Радик.

Поезд прибыл в Фергану ранним утром. К началу рабочего дня Аркадий уж был в геологическом управлении, забрал документы и, выяснив, что редакция областной газеты находится на соседней улице, поспешил туда. В редакции рабочий день начинался попозже, чем у геологов, журналистов на местах еще не было, однако дверь в кабинет редактора была приоткрыта, и он, постучав, вошел. Коротко рассказал, что работал в «Геологе», газету закрыли, вот теперь хотел бы

поработать в областной газете.

– А в «Геологе» ты что делал? – поинтересовался редактор.

Аркадий замялся. Врать не хотелось, правда, по его мнению, была неприглядной, и потому он принял компромиссное решение – молча протянул редактору трудовую книжку, где заполнено было всего две строчки: «принят», «уволен».

– О! Да ты ценный кадр, – воскликнул редактор, увидев запись «ответственный секретарь». – У нас как раз замответсека ушел на пенсию, так что ты как нельзя кстати. Когда сможешь приехать на работу?

– Честно говоря, я бы не хотел в секретариат, мне бы в отдел...

– Это почему так?

– Я хочу пишущей журналистикой заниматься, а не со строкомером сиднем сидеть, – пояснил Марков.

Редактор вышел из-за стола, подошел к окну, поманил Аркадия:

– Поди сюда. Видишь, на противоположной стороне новенькая пятиэтажка стоит. Это для издательства построили. Там и наших несколько сотрудников квартиры получили. А одна квартира свободная. Два крайних справа окна на третьем этаже. Однокомнатная квартирка ждет своего жильца.

Редактор вернулся к столу, выдвинул ящик, достал оттуда ключ.

– Оформляйся на работу и получай ключ. Такие предло-

жения делают раз в жизни – работа и квартира, все сразу. Не упусти свой шанс.

– Подумать можно?

– Можно, – снисходительно ответил редактор и строго добавил: – До вечера. У нас рабочий день до семи часов. К семи не явишься, можешь не приходить. Уговаривать тебя здесь никто не собирается. Много чести.

Аркашка пулей выскочил из редакции, решив, что до вечера он успеет побывать еще хотя бы в одном из ближайших областных центров. А подумать и все как следует взвесить можно и по дороге. Вот только куда сначала отправиться – в Наманган или Андижан. Про Наманган песенка есть, припомнилось Аркадию: «В Намангане яблочки зреют ароматные, на меня не смотришь ты – неприятно мне». Решено: едет в Наманган. Насвистывая с детства знакомый мотив, он подошел к окошку кассы и попросил билет до Намангана.

– Наманганский только что ушел. Следующий через час, билеты пока не продаем, через сорок минут приходи, – равнодушно сказала кассирша.

– А в Андижан когда автобус?

– А вон он отходит, беги, успеешь, за билет водителю заплатишь.

Запрыгнув на ходу в автобус, он уселся на свободное место и уже через несколько минут задремал.

Через час автобус остановился на просторной, шумной привокзальной площади, где находилась и автостанция. Выяснилось, что на этой же площади находится и редакция «Андижанской газеты».

Дверь редакторского кабинета была обита дерматином, да еще и с каким-то толстым уплотнителем. Стучи, не стучи – никто не услышит. Была не была, он приоткрыл дверь, просунул голову: «Разрешите?»

В кабинете находились трое. За столом, обитым зеленым сукном, сидел совсем еще не старый, но уже седеющий человек в щегольском сером костюме из дакрона. Двое стояли чуть поодаль и беззаботно чему-то смеялись.

Аркадий изложил цель визита. Спросил напрямую: «У вас есть вакансии? Только не в секретариате, а в отделе».

– Видали, какой деловой. Сразу быка за рога. Вынь да подай ему вакансии, да еще и условия ставит: только не в секретариате. Ну присядь, расскажи нам, кто ты таков, откуда к нам на головы свалился, – энергично проговорил седой, явно здесь главный. – Рассказывай, не стесняйся, здесь все свои – это мои заместители – Николай Степанович и Георгий Алексеевич, меня зовут Рубен Акопович.

Опустив свою ферганскую эпопею, Аркадий сказал, что приехал из Ташкента. Рубен Акопович придвинул гостю пиджак с чаем, вазочку с конфетами.

– Хоть чайку с дороги попей, да бери конфеты, бери, не стесняйся. К сожалению, больше предложить тебе нечего, по

радио о твоём приезде ничего не сообщали, а ты нам телеграмму, видимо, забыл прислать, так что плов мы не приготовили, – глаза его смеялись, говорил он весело, и Аркаше стало просто и спокойно с этими людьми, ушло волнение, он успокоился, толково о себе рассказал.

– Вакансия-то у нас есть, – сказал, выслушав его, редактор. – Вот только не знаю, подойдешь ли ты для этой вакансии.

– Я подойду, вот увидите, подойду! – воскликнул Аркадий. Чем несказанно всех развеселил.

– Ну что, товарищи, рискнем? – предложил редактор. – Мне, честно говоря, такое нахальство по душе. Вот ведь, не сомневается человек, что подойдет нам. Правда, и у нас есть право принять его на работу с испытательным сроком. Так и порешим. Возвращайся-ка ты, Аркадий, домой, с родителями посоветуйся, обдумай все, как следует, и, если не передумаешь, возвращайся. Да не торопись, как следует все взвесь. Не волнуйся, раз я тебе пообещал, место твое за тобой будет, – твердо произнес Рубен Акопович.

Глава одиннадцатая

Когда Аркадий рассказал дома о своем намерении уехать в другой город, мама расплакалась, а отец три дня ни с кем не разговаривал. Такая манера была у Маркова-старшего: если он на кого-то или на что-то обижался, то не сердился, не кричал и вообще не проявлял никаких внешних эмоций. Он просто на пару-тройку дней замолкал. Порой домочадцы терялись в догадках, что могло вызвать недовольство главы семьи.

Через три дня мама зашла в комнату сына: «Иди, Аркаша, папа тебя зовет». Александр Семенович лежал в кровати, дымил папиросой – с этой дурной привычкой он с юных лет так и не расставался.

– Чего тебе не хватает? – напрямик спросил он сына строго.

– Папа, мне хватает всего. Но я хочу стать журналистом. В Ташкенте меня на работу не берут, здесь солидные столичные газеты, им нужны сотрудники с опытом. Вот я и решил поехать в областной город, опыта набраться.

– На кой ляд тебе эта специальность далась? – хмуро возразил отец. – Журналисты, все как один, пьяницы и развратники. Ты там, в этом городе, не опыта наберешься, а водку пить научишься. Ну ладно, не получилось у тебя с музыкой, не твоя эта вина. И кстати, это все из-за твоей журналистики

получилось, чуть не угробили тебя. Так после этого нет, чтобы проклясть и забыть, так ты сам опять из огня да в полымя лезешь. Поступил бы куда-нибудь учиться, жил, как все твои товарищи. Нет, из дому надо уехать. А люди скажут, что Саша Марков своего сына прокормить не может, вот пацан на чужбину и подался – на всяк роток не накинешь платок.

– Так тебя, папа, моя судьба беспокоит или то, что о тебе скажут? – тоже напрямик спросил Аркадий.

– Ты! – аж задохнулся отец от возмущения и гнева. Расплющил с ожесточением в пепельнице папиросу, тут же закурил другую и, успокоившись, произнес: – Ты уже парень взрослый, запереть в доме я тебя не могу и на цепь не посажу. Но разрешения своего на твой отъезд я тебе не даю. Если уедешь, так и знай – против моей воли.

Он отвернулся к стенке, давая понять, что разговор с сыном закончен.

На следующий день, приехав с работы, мама, даже не переодеваясь в домашнее, зашла в комнату сына.

– Сыночек, ты же знаешь, мы с папой тебе только добра желаем. Я тебя понимаю. И я верю, что ты станешь хорошим журналистом. Я все твои статьи, с самой первой газетки, откладываю, у меня они до единой хранятся. Но сердце болит, как ты там один, в чужом городе, будешь. В общем, сынок, я хочу поговорить с твоим начальником.

– С каким начальником, мама? – удивился Аркадий.

– Ну там, куда ты едешь, там же будет у тебя начальник.

Не знаю, как он называется.

– С редактором, что ли?

– Ну пусть будет с редактором.

– Ма, ну что ты придумала? Я взрослый парень. И что я ему скажу: с вами хочет моя мама поговорить?

– Да, вот именно так и скажи.

Мама, его всегда тихая мама, которая, казалось, громко и говорить не умеет, ни разу в жизни, даже когда он капризничал, не повысившая на него голос, на сей раз была непреклонна – Аркадий это понял и перечить не стал. Они отправились на почту, заказали междугородный разговор, и через полчаса их соединили с Андижаном.

– Рубен Акопович, здравствуйте, это вас Аркадий Марков беспокоит из Ташкента, – поздоровался он, услышав в трубке характерный голос редактора. – Вы меня помните? Я через пару дней могу к вам приехать.

– Ну так приезжай, а звонишь зачем? Хочешь, чтобы мы тебе торжественную встречу подготовили – красную ковровую дорожку, пионеров с цветами, горны, барабаны, карнаи, сурнаи (карнай и сурнай – узбекские национальные инструменты, звучащие на праздниках. – прим. автора), – веселился редактор.

– Да нет, что вы, – растерялся Аркадий. – Тут понимаете какое дело... С вами моя мама хочет поговорить. Я ее отговаривал, но она настаивает...

– Ну и дурак, что отговаривал. Нормальная мама, дай Бог

всем такую. Говори, как ее имя-отчество, и передай ей трубку.

Мама чуть не в толчки выпихала Аркашку из переговорной кабинки, плотно прикрыла за ним дверь. Через несколько минут вышла, раскрасневшаяся то ли от жары, то ли от волнения, утерла пот, сказала: «Он хороший человек. Можешь ехать. Отца я как-нибудь успокою».

О чем мама говорила в тот вечер с редактором, Аркадий так никогда и не узнал: она на этот вопрос отвечать отказалась, а у Рубена Акоповича спрашивать ему казалось неудобным.

У подъезда дома мама остановилась, стала открывать почтовый ящик:

– Давно тебя хотела спросить, Аркаша. Я вот смотрю, в газетах разные статьи бывают, большие и маленькие. У тебя почему-то все больше маленькие, большие всего пару раз.

– Потому что я еще только учусь этому делу. Но я тебе обещаю – у меня будут большие статьи, очень большие, – проговорил он почти торжественно и повторил: – Обещаю тебе, мама.

Ох, как часто вспоминал он потом этот, казалось бы, ничего не значащий, разговор у подъезда родительского дома. Пожалуй, всякий раз, когда в авторитетной газете или солидном журнале появлялись его важные репортажи или когда выходила в свет новая книга, вспоминал он маму – уже начавшую сесть, небольшого росточка, ему едва до плеча,

в скромном застиранном платице, с пачкой газет у раскрытого почтового ящика. И он, серьезно сказавший: «Обещаю тебе, мама».

Проводить друга в «ссылку», как сохмил все и всех готовый осмеять Витька Энкер, приперлась в аэропорт целая компания его консерваторских друзей. Мишка Салашный извлекал из своего портфеля одну за другой бутылки белого сухого вина, и казалось, портфель у него бездонный. Они пили терпкое вино, на радость всем устроили целый концерт: Энкер приволок гитару, Людочка Арсеньева достала из футляра скрипку, а Витя Воронин – кларнет.

Кто-то предложил Салашному снять с головы его модняцкую кожаную шляпу-тирольку и собирать для музыкантов подаяние, но идея так и осталась без поддержки.

Примчалась на минутку Данка Рудина, скороговоркой рассказала, что в «Юности» выходит в следующем номере ее новая повесть, пожелала Аркашке удачи, чмокнула в щеку.

– Вот так всегда и будет, – притворно вздохнул Витька Энкер. – Данка будет писать романы и повести, а Аркашка – брать интервью у знаменитой писательницы и рассказывать в своих рецензиях нам, неразумным, какая Рудина гениальная и как глубоко умеет раскрыть все тайны нашей души.

Они безудержно веселились, когда, смешно семеня в несоразмерно огромном рабочем комбинезоне, появилась

неожиданно мама. Работала она тогда на авиаремонтном заводе, территория которого примыкала непосредственно к аэропорту. Отпросившись у мастера на десять минуточек, Рива Юрьевна спешила, запыхавшись, хоть на минуточку увидеть сына, попрощаться с ним. Она обхватила своего любимца за шею, притянула к своему лицу его голову, поцеловала и, понимая, что сейчас не сможет удержаться от слез, так ничего и не сказала. Не хотелось ей при этих молодых ребятах, так красиво и модно одетых, таких блестящих и весело беззаботных, показывать свою слабость. И смущение сына она не то чтобы увидела, а безошибочно своим материнским сердцем поняла. Потому и исчезла так же внезапно, как и появилась.

– Это кто был? – поинтересовался Воронин.

– Мать моя, – буркнул Аркадий.

Воронин, который уже в армии отслужил и был пацанов этих постарше и посерьезней, нешуточно отвесил Маркову подзатыльник и передразнил сердито:

– «Мать». Мама к тебе приходила, главный человек твоей жизни, а ты от нее рожу воротил, думаешь, я не заметил. Эх ты, олух царя небесного.

Аркашка и впрямь испытал смущение при появлении мамы на этой людной аэропортовой площади. Ему было неловко за ее несуразный комбинезон, заляпанный краской, за грубые, даже на вид, тяжелые ботинки, за едкий запах авиационного керосина и ацетона, исходящий от ее рабочей

одежды. Весь ее облик как-то не вязался, так ему, дураку, тогда показалось, с этой нарядной и беззаботной группой молодых людей в шуршащих плащах-болоньях, ярко окрашенных девиц в вызывающих мини-юбках и сверхдефицитных ажурных чулочках...

С чувством стыда за гадкое свое поведение, за то, что не нашел для матери даже пары добрых слов на прощанье, сел он в самолет. С этим чувством суждено ему было жить все последующие годы, коря себя, да что там коря – ругая самыми последними словами.

Он бы, конечно, извинился перед мамой, встал бы перед ней на колени, молил о прощении. Но упущенный миг судьбы вернуть не в нашей власти. Никогда больше не пришлось Аркадию увидеть свою маму живой. И это страшное слово «никогда» стало его проклятьем, тем проклятьем, с которым надо дышать, жить, работать, просыпаться и засыпать, есть и пить, петь песни и смотреть кино...

Редактор «Андижанской газеты» Рубен Акопович Сафаров определил новичка под начало заведующего отделом культуры Марка Кошеватого. Высокий, огненно-рыжий, Кошеватый считался в «Андижанке» одним из самых опытных журналистов. По крайней мере, Марк «строку гнал» с такой бешеной энергией, что коллеги от зависти только вздыхали. Четвертая полоса газеты практически безраздельно была от-

дана отделу культуры, и Марк являлся ее узаконенным монополистом. Делиться он ни с кем не собирался, и потому появление новичка воспринял без всякой радости. Впрочем, увидев этого юнца, тут же и успокоился – ну что он может...

Кошеватый в первый же день, прохаживаясь по своему достаточно просторному отдельному кабинету, охотно рассказывал новичку о нравах редакции, о тех, с кем ему придется работать. Рассказал без утайки и свою, полную романтики и опасных приключений, историю.

...Марк работал в многотиражной газете судоремонтного завода в Одессе. К 7 ноября, очередному юбилею Октябрьской революции, нужно было написать доклад для торжественного собрания парторгу завода. Поручили, понятное дело, редактору многотиражки. Спорить было бесполезно, писать доклад муторно, и Кошеватый отправился в городскую библиотеку, где добросовестно переписал передовицу из союзного журнала «Партийная жизнь». Сдавая журнал, он обратил внимание на статную молодую библиотекарьшу, чьи светлые волнистые волосы и небесно-голубые глаза лишили его покоя. Привыкший действовать энергично и решительно, Марк на углу Дерибасовской и Советской Армии купил букетик цветов и тотчас вернулся в библиотеку. Надежда, так звали блондинку, строго заявила, что она замужем, и тут же согласилась пойти на морвокзал в кафе-мороженое.

Позже она признавалась, что чем-то этот рыжий ее покори́л мгновенно и она не в силах была устоять против его чар.

Надежда не обманула – она действительно была замужем. Но это еще оказалось полбе́ды. Бедой, да еще какой(!), был ее муж – начальник Одесского высшего мореходного училища, контр-адмирал. Узнав, что у его жены роман, адмирал возбудился невероятно, орал, что пойдет под трибунал, но «проклятого рыжего кота пристрелит, как собаку», и похоже, угрозу свою собирался осуществить. Во всяком случае, поздней ночью кто-то ломился к Марку в дверь, и он едва унес ноги через черный ход. Утром, не без опаски и с известной долей риска, подкараулил Надежду на подходах к библиотеке и рассказал ей о ночном приключении. Надя, в свою очередь, поведала, что и у нее выдалась не самая спокойная ночь, о чем красноречиво свидетельствовал синяк на ее шее. Возлюбленные решили судьбу не искушать. Маршрут бегства был извилистым и долгим, привел их в итоге в узбекский город Андижан, о котором коренные одесситы Марк и Надежда раньше и слыхом не слыхивали.

Вот так эта романтическая история выглядела в изложении Кошеватого.

В Андижане им понравились восточный базар и большие заработки Марка. Надежда устроилась в местную библиотеку, и вскоре они получили двухкомнатную квартиру в новом микрорайоне.

– Классный город. Мы с Надюхой посчитали, здесь на три

рубля в день можно жить, прекрасно питаюсь. А заработков таких, как здесь, фиг где найдешь. В газете главные темы отраслевые – партийная, промышленная и основная – сельское хозяйство. Поскольку культура здесь как таковая отсутствует, то на нее никто и не претендует. Так что четвертая полоса – моя, печатаюсь, сколько хочу, – цинично рассуждал Марк. – Покуда проживем здесь, деньжонок поднакопим, а там видно будет.

Кошеватый охотно рассказал Аркадию обо всех обитателях редакции, заметив при этом, что близко ни с кем сходиться не собирается и новичку не советует – уж больно много пьют. И не то чтобы он, Кошеватый, был таким уж поборником трезвого образа жизни, просто с редакционными связись – никаких денег накопить не удастся. Так и норвят стрельнуть трешку или пятерку до зарплаты.

Завотделом культуры говорил много и охотно обо всем. Кроме работы. Марков ждал, что вот сейчас он получит задание, отправится его выполнять, но ничего подобного не произошло. В конце рабочего дня Марк только поинтересовался, где приезжий думает остановиться, и, узнав, что жить ему решительно негде, собственноручно позвонил директору гостиницы и попросил расселить нового сотрудника областной газеты. «Желательно подешевле», – добавил он, прощаясь с директором.

Номер и впрямь оказался дешевым – 37 копеек за сутки, но жили в нем пятнадцать человек. Преимущественно геологи и несколько воронежцев, командированных налаживать новую установку на местном гидролизном заводе. Шестнадцатого жильца, то бишь Маркова, встретили «радушно» – заявили, что не грех бы проставиться по случаю новоселья, и объявили, что ближайший гастроном находится в соседнем здании, далеко бегать не приходится. «А какой здесь портвейн – закачаешься, восхищался один из геологов. – Не портвейн, а чистый нектар. Чесслово, кушать не надо, пей себе портяшку, и сыт будешь, и пьян».

Опыт работы в геологической газете даром не прошел, как общаться с этой публикой, Марков знал и сказал, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Когда мне нужно будет выпить, я сам решу, с кем пить. Ко мне не лезьте.

Эти люди умели ценить твердое слово. К молодому соседу больше никто не приставал. Чего он, собственно, и добивался.

Глава двенадцатая

Редакция андижанской областной газеты, «Андижанки», как называли ее в городе, была почти точной копией всех иных «областных». Это «почти» заключалось в ее редакторе. Рубен Сафаров к своим сорока годам успел закончить два факультета МГУ – исторический и юридический, защитил диссертацию. Но будучи горячим патриотом родного города, вернулся в Андижан, где вскоре возглавил областную газету. Избавившись от откровенных алкашей и явных бездарей и лодырей, ему удалось сформировать в итоге неплохую команду газетчиков, по большей части приезжих, но и местные работали. Конечно, у любого в мире газетчика с этой сволочной работой всегда найдется повод протянуть руку к рюмке, но в «Андижанке» пили умеренно, и уж во всяком случае не на рабочем месте и не в рабочее время. «Сто пятьдесят граммук» в обед, понятное дело, никто пьянством не считал. Ну, а после работы посидеть в ближайшей от редакции чайхане, распить бутылочку-другую и потравить байки на любимую тему – как создаются газетные сенсации, – так то не пьянство, а клуб по интересам, можно даже сказать – повышение квалификации, курсы профессионального мастерства.

Молодого новичка две недели не трогали, проверить «нашивость» решили в день первой зарплаты. «Надо проста-

витья», – заявили категорично и объяснили, где спиртное закупить и что в чайхане заказать требуется. Толково помог новый коллега – пришедший с Марковым в редакцию в один день фотокорреспондент Боря Юсупов. Боря, родившийся в Андижане, со школьных лет таскал в «Андижанку» свои снимки и был давно здесь своим человеком. Поскольку Боре тоже надо было проставляться, два новичка объединили свои усилия. Будучи местным, Юсупов взял на себя все организационные хлопоты, Маркову осталось ему только нужную сумму денег отдать. После работы собрались в чайхане. Когда Аркадий увидел входящих сюда обоих заместителей редактора и ответственного секретаря, он оробел не на шутку. Остальных это, судя по всему, совершенно не смущало. Впрочем, начальство долго не засиделось – махнули по стакану, закусили шашлычком и покинули общество. Борю на прощание добродушно похлопали по плечу, на Аркадия внимания не обратили, будто его за столом и не было. Едва замы удались, за новичка всерьез взялся коренастый, кряжистый и вместе с тем подвижный, как ртуть, завсельхозотделом Евгений Николаевич Сорокин. Пересев к новичку поближе, он наполнил стакан водкой и придвинул Аркадию.

– Ты непьющих журналистов часто встречал? – спросил он, напустив на себя строгость.

– Каждый день, – ответил Аркадий.

– Где?! – изумился Сорокин.

– В зеркале.

Все дружно заржали, оценив смелую шутку новичка. Сорокин придвинул стакан с водкой еще ближе. Аркашка понял, что на этот раз ему не отвертеться. Водку он до сих пор не пил, так, в училище с ребятами винишком, по большей части сухим, баловались. Но теперь испытания было не избежать. Никто никогда его этому не учил, по какому-то наитию он просто широко разинул рот и одним глотком влил в себя содержимое стакана. После чего отломил кусочек лепешки и понюхал душистый хлеб, шумно втянув в себя воздух. Ну точь-в-точь, как делал солдат Соколов перед фашистами в фильме «Судьба человека». За столом воцарилось молчание. Потом Сорокин протянул руку и торжественно произнес: «Женя, просто Женя, и на «ты»».

Видимо, так называемый еврейский ген ADH2*2, отвечающий в человеческом организме за расщепление алкоголя, в конкретном организме Маркова присутствовал в полном объеме. Он не опьянел, ну уж, во всяком случае, мог себя держать так, чтобы не было стыдно за свое поведение, и говорил достаточно связно и внятно. А вот новый фотокор Боря, гордо заявивший, что водку терпеть не может и пьет исключительно вино «Саперави», так насосался этого нектара из черного грузинского винограда, что домой его волокли волоком. Аркадий брел следом и тащил на плече увесистый кофр, удивляясь, что фотопринадлежности весят, как кирпичи. Только перед самым домом незадачливой пьянчужки он решил выяснить, что там все время позвякивает. Открыв

кофр, среди фотоаппарата и парочки объективов Аркадий увидел две бутылки все того же любимого фотокором «Сапериави».

Дни тянулись однообразно. Задания от своего начальника он получал крайне редко, да и то какие-то незначительные. Все они укладывались в тридцать газетных строк, к тому же чаще всего набранных самым мелким обидным шрифтом нонпарель, в просторечии «нонка». Дошло до того, что кое-кто из коллег стал обращаться к новичку с просьбой напечатать под диктовку ту или иную статью. В редакции, конечно, было свое машбюро, но две машинистки зашивались, и иногда очереди напечатать материал приходилось ждать часами. Вот и обращались к Аркаше.

Машина времени

(Заглядывая в прошлое)

Уезжая из дома, вещей он взял немного, основное место в спортивной сумке занимала портативная машинка «Москва». Это антикварное чудо появилось у него в первый же день работы в «Геологе». Аркадий уже собирался домой, когда к нему обратился Валера Журавлев. Говорили, что Журавлев когда-то работал в центральной партийной газете, где слыл чуть ли не лучшим очеркистом, но «заболел»,

докатился до ЛТП – были тогда такие лечебно-трудовые профилактории, где пытались алкоголиков избавить от пагубной зависимости. В итоге бывший лучший очеркист оказался в «Геологе».

– У тебя пишущая машинка есть? – спросил он новичка.

– Нет, откуда...

– Ну, и как же ты собираешься стать журналистом, если не умеешь печатать на машинке? Ладно, считай, что тебе повезло. У меня как раз есть портативная «Москва», могу тебе уступить за полтинник. Её только почистить надо...

Купив эту рухлядь за пятьдесят рублей и отдав за «почистить» еще шестьдесят, Аркадий стал обладателем прекрасной пишущей машинки – мастер постарался на славу и реанимировал старушку. За две бутылки портвейна Марков взял у машинистки Вальки несколько уроков машинописи. Валька, хоть и пила беспробудно, но дело свое знала – скорость у нее была космическая, печатала она всеми десятью пальцами, виртуозно владея так называемым слепым методом, то есть не глядя на клавиатуру.

Увидев, чем занимается подчиненный, Кошеватый, мягко говоря, в восторг не пришел.

– Ты что, частное машбюро тут открыл? – недовольно спросил Марк.

– Ну почему частное? Просто помогаю товарищам.

– Ты бы лучше себе помог. У тебя гонорар за прошлый месяц составил семнадцать рублей. Вот я, для примера, заработал четыреста.

– Но у меня не было почти никаких заданий, вы же знаете...

– Что я знаю?! – взвился Марк. – Каких заданий ты ждешь? Или ты думаешь, мне кто-то дает задания? Надо искать, информацию тебе на блюдечке никто не принесет, – и уже более мягко добавил: – Ты подумай над моими словами.

На следующий день Кошеватый вызвал Аркадия в свой кабинет.

– Жаловался, что заданий нет, ну так вот, отправляйся на механический завод, они в обком передали рапорт о досрочном перевыполнении плана или что-то в этом роде. Я толком не понял, а в промышленном отделе никого нет, все в разъезде. Короче, поезжай, найди там директора, он тебе все растолкует. Только давай оперативнее, информацию надо в номер ставить.

В приемной директора завода Марков просидел никак не меньше двух часов. Сначала шло какое-то заседание, потом директор долго разговаривал по телефону с обкомом, после чего к нему заходили главный инженер, главный механик... Потеряв терпение, Аркадий воспользовался тем, что секретарь из приемной куда-то вышла, и напрямик направился в кабинет директора. На ходу доставая из кармана красное редакционное удостоверение, он приблизился к столу, пред-

ставляясь: «Я корреспондент «Андижанской газеты» Аркадий Марков...»

– Какой ты корреспондент? – грубо перебил его директор. – Ты хоть школу закончил? Кто тебя сюда прислал?

– Что значит, кто прислал, я выполняю редакционное задание. И вообще, по какому праву вы на меня голос повышаете?

– Что? – вовсе разъярился директор. – Пошел вон отсюда. Кипя от негодования, Марков влетел в кабинет к заведомому, но тот не дал ему и слова сказать.

– Наслышан про твое геройство. Уже звонил секретарь парткома завода, рассказывал, как ты ворвался в кабинет к директору, прервал важное совещание, да еще и нахамил ему. Вот уж не ожидал от тебя, – корил его Марк.

– Это все неправда, никакого совещания я не прерывал, – запротестовал Аркадий. – Все было совсем иначе.

– Мне неважно, как там все у тебя было. Слова секретаря парткома крупного завода никто под сомнение ставить не будет. К тому же задание ты так и не выполнил. Ведь не выполнил?

– Не выполнил, он со мной и разговаривать не стал, – по-нуру согласился Марков.

– А что ты сделал для того, чтобы с тобой стали разговаривать? Главный принцип репортера знаешь?

– Знаю, «жив ты или помер», – стал он цитировать Симоннова.

– Ну и это тоже. Хотя это лирика. А главное – тебя гонят в дверь, а ты лезь в окно, гонят в окно, лезь в печную трубу. Но только лезь, а не стой. И не ной, что с тобой разговаривать не захотели.

Машина времени

(Оглядываясь на будущее)

Премьер-министр Израиля Ицхак Рабин летел в Москву. Это была первая официальная встреча глав двух государств – России и Израиля. Поздней ночью, накануне отлета, кто-то подумал, что в группу израильского лидера неплохо было бы включить хотя бы одного журналиста, знающего русский язык. Позвонили в службу, ведающую выдачей загранпаспортов, и выяснили, что несколько дней назад паспорт получил журналист газеты «Наша страна» Аркадий Марков, новый репатриант, недавно приехавший в Израиль. Ни в какой правительственный пул он не входил, имя его еще мало кому было известно. Но загранпаспорт распахнул перед ним дверь в правительственную делегацию.

Когда группа израильтян отправилась на экскурсию по Москве, Аркадий решил себе придумать занятие поинтереснее. Утром в радионовостях он услышал, что лидеру ЛДПР Жириновскому сегодня исполняется сорок восемь лет. О Жириновском на Западе слухи ходили самые противоречивые. То ли либерал, то ли фашист, никто не разберет. Узнав

адрес штаб-квартиры партии и выяснив, что от отеля «Метрополь», куда поселили израильскую прессу, ехать всего минут десять, он вызвал такси. На лестничных пролетах здания было шумно и накурено, кое-где под гитару пели песни. На одной из площадок стояла группа молодых людей со стриженными затылками. Все как один в черной униформе, высоких на шнуровке ботинках, на рукавах – фашистская свастика. Они подозрительно измерили посетителя взглядами, но ничего не сказали.

Пресс-секретарь ЛДПР зарубежному гостю был несказанно рад, предложил на выбор чай, кофе, что-нибудь покрепче, дождался, когда Марков включит диктофон, и явно приготовился произнести программную речь. В этот самый момент дверь распахнулась так резко, что чуть с петель не слетела, и в комнату ворвались несколько человек.

– Почему здесь посторонние? – зычно заорал один из них.

– Это не посторонний, это журналист из Израиля, – попытался возразить пресс-секретарь.

– Что?! Какой на хер журналист из Израиля? Да ты, старый идиот, вообще охренел. Через пятнадцать минут папа приедет, а тут какой-то израильский лазутчик. Убирайся отсюда, – рявкнул он, теперь уже обращаясь явно к Аркадию.

Марков не спеша поднялся, извлек из внутреннего кармана пиджака пресс-карту ООН и спокойно, несколько даже строго заявил:

– Мне представляется, что вы сейчас своими действиями

нарушаете те принципы, которые декларирует эта уважаемая организация, – и он пальцем многозначительно постучал по твердому пластику.

Грозный крикун тут же дал заднюю:

– Извините, в запале погорячился. Но и вы меня поймите. Сегодня день рождения лидера нашей партии. Сейчас он должен подъехать, мы хотим поздравить его исключительно в тесном партийном кругу. Полагаю, причина вполне уважительная, даже для ООН, чтобы в штаб-квартире не было посторонних.

– Иными словами, вы меня выгоняете? – уточнил Марков.

– Ни в коем случае, – выдержал удар его оппонент. – Просто просим вас удалиться.

Не солоно хлебавши вернулся он в отель. Открыл блокнот. Написать о том, как израильского репортера изгнали из штаб-квартиры русской партии ЛДПР, – как-то мелковажно для скандального репортажа. В голову закралась озорная мысль. Еще раз все обдумав, он снова взялся за телефонную трубку и набрал уже знакомый номер партийной канцелярии. Услышав традиционное «дежурный слушает», заговорил нарочито грубым голосом:

– Это член ЛДПР Никифоров из Челябинска. Хочу папу поздравить с днем рождения! – фамилию только что придумал, а слово «папа» позаимствовал во время визита в штаб-квартиру.

– Ладно, Никифоров, молодец, что позвонил, мы переда-

дим твое поздравление.

– Хрена вам лысого – передадим! – завизжал что было мочи в трубку мнимый челябинский фанат Жириновского. – Ишь чего придумали. Я, может, сегодня первый раз за год в баню ходил ради такого дня, а он мне «передадим». Живо давай трубку папе, а не то я сейчас пойду на городскую площадь и сожгу себя там к едрене фене, – нагнетал Аркадий, сам не понимая, откуда только слова эти у него берутся.

– Да погоди ты, бешеный, – раздалось в трубке, и тут же он услышал, как дежурный говорит кому-то: – Какой-то псих звонит из Челябинска, хочет папу поздравить, а не то, говорит, пойду на площадь и сожгу себя. Ты там спроси Вольфовича, может, ему и правда приятно будет, что из Челябинска звонят.

Наступило молчание, в трубке раздавались лишь какие-то шорохи, а потом прозвучал четкий голос: «Жириновский слушает».

– Добрый день, Владимир Вольфович. Я израильский журналист Аркадий Марков, приехавший в Москву в сопровождении нашего премьер-министра. Звоню вам с единственной целью – поздравить с днем рождения.

Жириновский ничем не выказал ни своего возмущения, ни удивления по поводу того, что челябинский работяга Никифоров оказался израильским журналистом Марковым.

– Спасибо за поздравление. Очень жаль, что не удалось увидеться. Тут меня некоторые западные издания клеймят

антисемитом. Я мог бы вам рассказать подробно, что все это – их вымысел и даже клевета.

– А вы пригласите меня, и я приеду, – совсем уже осмелел Аркадий.

Жириновский явно замялся, потом произнес:

– Понимаете, сейчас меня поздравляют соратники по партии, это практически семейное мероприятие... А впрочем, мы можем поступить иначе. Как, вы сказали, ваша фамилия? Так вот, господин Марков. Вечером я отмечаю свой день рождения в ресторане. Поскольку все приглашительные билеты уже разосланы, я включу вас в список своих личных гостей. Приезжайте к девятнадцати часам, только, пожалуйста, не забудьте паспорт. Найдете удобный момент, и мы с вами поговорим.

Ровно в семь вечера Марков, предъявив паспорт, входил в ресторан, где гремела музыка. Столы были уставлены всевозможными яствами. Из напитков преобладала только водка под названием «Жириновский» с портретом лидера ЛДПР на этикетке. Владимир Вольфович был в ударе. В украинской вышиванке отплясывал на сцене гопака, целовал хорошеньких танцовщиц, затем, переодевшись, произнес пламенную речь. Вот когда он отходил от микрофона, его и подловил Марков, представившись и напомнив про обещанное интервью. Жириновский, надо отдать ему должное, принял этот пас мгновенно и отыграл на все сто.

– Господа! – воскликнул он громким голосом, перекрывая

шум зала. – Минуточку внимания. Прошу поприветствовать одного из наших гостей. Это израильский журналист, который специально прибыл в Москву в день моего рождения, чтобы поздравить меня и побеседовать со мной.

Раздались аплодисменты, пьяные выкрики, среди которых кто-то, не разобравшись, в чем дело, требовал «вышвырнуть вон эту жидовскую морду».

Интервью было недолгим, Жириновский, стряхнув с себя маску гуляки, отвечал на вопросы четко и односложно. Попросив у метрдотеля бутылку водки, лучшего сувенира из Москвы и не привезешь, Аркадий поспешил в «Метрополь», где, дозвонившись до редакции, продиктовал свое интервью со скандальным лидером ЛДПР.

Утром следующего дня вся израильская делегация, во главе с премьер-министром Ицхаком Рабиным, посетила посольство своей страны. Аркадий позорно проспал и, чтобы не опоздать, добирался на такси. Вся группа толпилась во дворе посольства. Едва он ступил за узорчатую ограду, услышал аплодисменты. Марков подумал, что премьер уже начал выступление, и торопливо полез в наплечную сумку за диктофоном. Но тут выяснилось, что аплодисменты предназначены не кому иному, как... Аркадию Маркову. Да-да, именно ему. Кто-то из коллег протянул ему пачку утренних израильских газет. В каждой из них на первой полосе крупным шрифтом была набрана фраза: «Израильский журналист на дне рождения Владимира Жириновского». Под этим брос-

ким заголовком красовалась его, Аркашкина, фотография, и где ее только удалось добыть, и продиктованное им вчера интервью. «Они бы еще написали: «Израильский журналист в клетке со львом», – мелькнула у него мысль.

День выдался хлопотным, у премьера было много встреч. На приеме у президента России Ельцина задержались изрядно, решили пресс-конференцию не проводить, задать лидерам государств только по одному вопросу. К Ельцину, по единогласному решению коллег, обращался Марков – ведь он знал русский язык. А может, не только поэтому...

Поздней ночью группа журналистов вернулась в отель. Старший премьерского пула Рони Бекман, известный и авторитетнейший политический обозреватель, предложил пройти в бар и пропустить по стаканчику. Когда определились, кто что пьет, Бекман предложил: «А теперь пусть молодой коллега поведает нам, как ему удалось попасть туда, куда все мы, не скрою, пытались проникнуть и потерпели полное фиаско».

Аркадия слушали не перебивая, лишь в тех местах, где он изображал Никифорова, раздавался смех. Особенно по душе пришлась коллегам фраза «Первый раз за год в баню пошел». Когда он закончил, Рони торжественно пожал ему руку:

– Выражу общее мнение, что подобные репортерские подвиги навсегда остаются в анналах мировой журналистики. Это прекрасная работа, коллега. Так скажет любой.

Глава тринадцатая

Девятнадцатый день рождения Аркаша решил пусть скромно, но отметить. Он теперь был обладателем отдельной комнаты. Не совсем, правда, обладателем – всего лишь квартирантом, и не совсем комнаты – баптист Фёдор оштукатурил стоявший в глубине двора курятник, прорубил в стене окно, поставил печку-буржуйку и затащил кровать с панцирной сеткой, назначив за это великолепие несмышленину квартиранту двадцать рублей в месяц. Аркашка приобрел постельные принадлежности и за пятёрку – кухонный шкафчик, который можно было использовать и как обеденный, и как письменный стол. Фёдор оглядел, как обживается жилец, поскреб густую бороду и произнес:

– Занавеску повесь, плотную, – и пояснил свою мысль: – Ты парень молодой, запрещай, не запрещай, всё одно – девок водить будешь. А у меня дети. Не надо им этого видеть.

Прикинув, что больше четырех человек в комнатенке не разместить, Аркадий позвал на день рождения своего начальника Марка, фотокора Борю и заместителя ответсекретаря Марата, с которым за последнее время не то чтобы сдружился, но несколько раз, во время ночных дежурств, подолгу беседовал о книгах.

Вспомнив, как мама готовила изумительный салат из печени трески, Аркаша отправился в гастроном. Чего-чего, а

этих консервов, по всей стране дефицитных и считавшихся деликатесом, в Андижане было навалом. Местные узбеки почему-то тресковой печению брезговали, внешний вид продукта не внушал им доверия. Прикупив на базаре целую кучу острых и пряных корейских салатов, остался весьма доволен своим угощением. На горячее он купил в чайхане тандырную самсу, решив, что сумеет ее разогреть на «буржуйке».

Первые гости – Марат и Боря – пришли в точно назначенное время. Марат преподнес трубку с длинным изогнутым мундштуком и пачку табака «Золотое руно». Боря, загадочно улыбаясь, сказал, что его подарок – сюрприз, и громко хлопнул в ладоши. На пороге появилась худенькая невысокая девушка с густой копной русых волос и серыми, в поллица, глазищами.

– Знакомься, – сказал Боря, – это Зойка, мой подарок. Узнаешь поближе, расставаться не захочешь.

Девушка, судя по всему, знала, куда и зачем идет, но сейчас была явно смущена происходящим – уж больно неприкрыто циничен был в своей бесцеремонной откровенности Боря. Чтобы сгладить неловкость, Марат, самый старший из всех присутствующих, предложил выпить за новорожденно-го.

– Да как-то неудобно, может, все-таки Марка подождем, – засомневался Аркадий.

– Хотя нас не семеро, а всего четверо, но мы никого ждать не будем, – веско возразил Марат. – Выпьем и закусим. У

тебя где-то самса припрятана, мой нос не проведешь, я чую, я все чую, – балагурил Марат.

Гости накиннулись на еду с таким энтузиазмом, что Аркадий поневоле забеспокоился, останется ли хоть что-нибудь опоздавшему. По своей неопытности он с закусками явно не рассчитал и теперь лихорадочно соображал, как выйти из щекотливой ситуации. Впрочем, все быстро насытились.

– Пойдем, покурим, – предложил Марат.

– Да кури здесь, я потом проветрю, – разрешил гостеприимный хозяин.

– Нет-нет, пойдем, нам самим надо проветриться, – настаивал Марат.

Курить Аркадий начал не так давно, занятие это, признаться, ему доставляло мало удовольствия, но в редакции курили все, а за компанию, как известно... Выщелкнув из пальцев окурок, Марат тут же достал из пачки новую сигарету, но, так и не прикурив, решительно произнес:

– Да не смотри ты каждую минуту на часы – Марк не придет. Он мне позвонил перед самым моим выходом из дому и сказал, что у него горло болит.

Они направились в сторону комнаты, когда Марат взял Аркадия за рукав, приостановил его и снова заговорил:

– Аркадий, я тебя обманул. Марк не заболел. Он не захотел к тебе приходить. Если совсем уж быть точным, то он и не может к тебе прийти. Дело в том, что вчера у него состоялся разговор с Рубеном и Марк сказал, что тебя надо уво-

лить. Он считает, что из тебя никогда не получится журналист и не надо тебе портить жизнь и терять время. Ты, по его мнению, должен вернуться домой, получить высшее образование, выбрать себе какую-то другую специальность. Так он считает, – еще раз повторил Марат. – Я сначала не хотел тебе об этом говорить, чтобы не портить день рождения. Но потом решил сказать. Если ты мужик, ты будешь за себя бороться и докажешь всем, на что ты способен. Ну, а если нет, то, значит, я в тебе ошибся.

– Бороться? Доказывать? Как, кому?

– Себе, в первую очередь – себе. Поверишь в себя сам, поверят и остальные, – убеждал его Марат. – Послушай, редактор только выслушал Марка, но никакого решения еще не принял. Завтра он тебя вызовет, хочет дать какое-то задание, вроде испытательного. Ты должен отнестись к э тому заданию очень серьезно. Если тебе что-то будет непонятно, посоветуйся со мной, я помогу. А теперь покажи себя настоящим мужчиной. Пойдем праздновать дальше, и не показывай виду, что у тебя на душе кошки скребут. Знаешь такую байку: «Если на душе скребутся кошки, надо кошек покормить»?

– Ты иди, я покурю еще.

– Ну нет, так с гостями не поступают. Хватит раскисать, я тебе сказал – идем, и не хнычь.

Они вернулись, продолжали выпивать, закусывать. Гости шутили, Боря беспрестанно рассказывал какие-то истории,

над которыми сам громче всех и смеялся. Наконец, он еле этого дождался, стали прощаться. Под предлогом помочь хозяину навести порядок, Зойка задержалась. Ему было все равно.

Девушка, прибираясь в комнате, рассказала, что в Андижан она приехала из отдаленного района, граничащего с Киргизией, здесь учится на последнем курсе медучилища, живет в общежитии. Борю знает уже несколько лет, он для их училища делал фотографии, а Аркадия видела с Борисом на улице, и он ей очень понравился... Аркадий слушал её и не слышал.

Когда забрезжил рассвет, он все еще не спал. «Подарочная» Зойка не смогла его утешить и, понимая женским своим нутром, что что-то сложилось не так, утром невесть за что стала извиняться. Прощаясь, она сказала:

– У меня телефона нет, если хочешь, оставь мне свой номер. Я позвоню, – и повторила: – Если хочешь.

На вырванном из блокнота листочке он накарябал свой номер, так ничего девушке и не ответив. Мысли его были заняты совсем другим.

На ежедневной утренней планерке Марков сидел как на раскаленных углях. Зная, что никакие секреты в редакции не держатся, он думал, что о разговоре Кошеватого с редактором уже знают все. И теперь ему казалось, что все смотрят

только на него. Едва дождавшись окончания планерки, он заспешил на выход, когда раздался голос Сафарова: «Марков, задержись на минутку».

Протянув Аркадию довольно помятый конверт, Рубен Акопович, перебирая бумаги, сказал: «Прочти прямо здесь, потом объясню, что надо делать». Анонимный автор сообщал, что у них в колхозе творятся форменные безобразия. С началом уборочной страды школьников отправляют на сбор хлопчатника. За работу им выписывают деньги, чаще всего по завышенным расценкам. Но эти деньги присваивает главбух колхоза, делясь с председателем и секретарем парткома колхоза.

– Прочел? – осведомился редактор. – Тебе нужно съездить в этот колхоз. К сожалению, в глубинке подобные финансовые нарушения встречаются нередко. Так что, думаю, факты, изложенные в письме, подтвердятся. Советую тебе поговорить с родителями школьников, подними в бухгалтерии ведомости, посмотри, кто в них расписывался – детский почерк от взрослого отличить нетрудно. Одним словом, поезжай. Колхоз этот на самом краю области находится, хорошо, если к обеду доберешься. Но я тебя не тороплю. В крайнем случае заночуешь в райцентре. Я позвоню в райком, чтобы тебе помогли с размещением. Ты там будь повнимательнее, разберись во всем как следует.

Ни словом, ни намеком Сафаров не обмолвился о разговоре с Кошеватым, и Аркадий решил, что называется, сам

прозондировать почву.

– Рубен Акопович, это важное задание?

– Что за дурацкий вопрос, Марков? Разве может быть в редакции неважное задание? У нас всё важно. Но если говорить конкретно об этом письме, то это, как ты видишь, анонимка, хотя, скорее всего, правдивая. Поэтому я тебя и посылаю с проверкой.

Он все прекрасно понял, мудрый и прозорливый Сафаров, умеющий балансировать даже в самых высоких властных кабинетах. А уж этого мальчика можно было прочесть как открытую книгу. Рубен Акопович относился к приезжему парнишке с симпатией. Ему нравились его интеллигентность, начитанность, он прекрасно знал, стукачей хватало, что с местными выпивохами Аркадий не сближается. Но вот с работой у него пока явно не ладится. Впрочем, тут и вина его начальника тоже есть. Марк Кошеватый только и думает, что о своем кармане, для него ничего важнее не существует. Вместо того чтобы помочь новичку, просто не обращает на него внимания, а теперь вот делает скоропалительный вывод – из редакции, мол, долой. Ладно, решил про себя Сафаров, поглядим, на что он годен.

Маленький автобус пазик был набит битком. Из областного центра в район всяк ехал груженный мешками, свертками. Корзинами, которые сгрудившись в проходе, всем мешали.

Три часа несносной тряски по осенней хляби и бездорожью показались Аркадию вечностью. А еще надо было добираться до колхоза. Но тут ему повезло с попуткой, и уже вскоре он стоял у приземистого одноэтажного здания с вывеской «Правление колхоза имени Кирова». Все двери в правлении были распахнуты настежь, но ни в одной из комнат никого не было. Только в самом конце коридора он увидел склонившуюся над бумагами женщину, закутанную в теплый меховой платок. Марков представился. Женщина подняла на него усталые глаза, произнесла певучим голосом: «Не иначе наш Викулов опять что-то написал. Ведомости проверять будете?»

– Почему вы решили, что мне нужны ведомости? И кто такой Викулов? – Марков был явно обескуражен.

– Викулов – это наш бывший главбух. А теперь его должность я занимаю. Вот он и пишет анонимки – на меня, на председателя колхоза и на секретаря парткома, с того самого дня пишет, как его отправили на пенсию. То есть уже два года. Пишет во все инстанции, что мы воруют деньги и делим их между собой. Поэтому все проверяющие начинают с ведомостей.

– Но если все письма анонимные, то откуда известно, что их пишет некий Викулов? – усомнился журналист.

– Так это он сейчас стал анонимки писать. А раньше подписывал своей фамилией. Я, говорил, рано или поздно все равно с вами счета сведу, спокойной жизни не ждите.

– А о каких все-таки счетах идет речь, если он ушел на пенсию? – уточнил Марков.

– Викулов был замешан в различных махинациях, в итоге его, как говорится, за руку поймали. Часть денег он вернул, ну вот председатель его и пожалел – пожилой человек, всю жизнь здесь прожил. Да и сор из избы, если уж честно говорить, выносить не хотелось. Сами понимаете, председателя бы тоже по голове не погладили за то, что расхитителя у себя под боком не заметил.

Аркадий достал письмо, сверился, хотя все фамилии помнил прекрасно.

– Так значит, вы – Кариева? Вот бы не сказал.

– Кариева, Кариева, – открыто улыбнулась женщина. – Но Кариева я по мужу. А в девичестве-то я Сафонова, Наталья Анатольевна Сафонова. Но вот вышла замуж и здесь оказалась. Да и прижилась. По-узбекски говорю лучше, чем мой муж по-русски.

Аркадий озадаченно потер лоб. Ситуация складывалась поистине необычная. Автор письма в первую голову обвиняет во всем эту самую Кариеву – она, дескать, главный организатор хищений, а раис – председатель и секретарь парткома у нее просто на подкормке, вот и помалкивают. А теперь выходит, что он, представитель газеты, расследующий всю эту грязную историю, беседует с главной обвиняемой. Понятное дело, что она высказывает ему все так, как ей выгодно. Что же делать?

Его размышления прервала Наталья Анатольевна:

– Товарищ Марков, а как ваше имя, я не расслышала.

– Аркадий Александрович, – солидно представился он.

– Так вот, Аркадий Александрович, вы наверняка с дороги проголодались. Ни раиса, ни секретаря парткома сегодня не будет, они в Андижан уехали, только завтра вернутся, а то и послезавтра. Давайте пойдем ко мне домой, я вас покормлю. А потом советую вам навестить Викулова. Послушаете, что он вам скажет, наш Эмиль Хайдарович Викулов.

«А что, это мысль – пойти побеседовать с предполагаемым автором письма, вот только надо какой-нибудь предлог придумать», – мелькнуло у в голове у Маркова, и он ответил:

– Знаете, я, пожалуй, напрямик к Викулову отправлюсь.

Подскажете, как его разыскать?

– Вы как настоящий мусульманин, – снова рассмеялась Кариева и неожиданно витиевато высказалась: – Отказываетесь от моего угощения, потому что человек, преломивший в чужом доме хлеб, не имеет права на враждебные действия по отношению к тому, кто его угощает.

– Ну зачем вы так, Наталья Анатольевна? – смутился Аркадий. – Ничего такого я ввиду не имел, просто тороплюсь...

– Ну ладно, ладно, только знайте – в доме Викулова вам и стакана воды не предложат. Так что, может, хоть чаю попьете?..

Викулов жил в основательном, сложенном из камня просторном доме. В комнате, куда его пригласили, стоял добротный импортный гарнитур, глубокие кресла и диван были затянуты парусиновыми чехлами, сиденья стульев защищены целлофановой пленкой. «Летом, поди, как муха к липкой бумаге к этим стульям прилипнешь», – подумал Аркадий, пока Викулов, нацепив на нос очки, тщательно изучал его редакционное удостоверение.

– Чем могу? – осведомился хозяин.

Марков поведал, что в редакцию поступило письмо. Изложенные в нем факты нуждаются в проверке.

– Могу я ознакомиться с письмом? – осведомился Викулов.

– К сожалению, документы подобного содержания из редакции выносить строго запрещено, – с ходу придумал Аркадий.

– Понимаю, понимаю, – закивал хозяин дома. – Ну а ко мне вы, собственно, с чем пожаловали?

– Ну, как же, вы много лет были главным бухгалтером колхоза, кому, как не вам, знать подлинное положение дел и способы, так сказать, неправомερных действий некоторых ответственных лиц, – довольно прозрачно изложил журналист заранее придуманную легенду посещения этого дома.

– Да уж знаем, знаем, на что они способны, эти, с позволения сказать, ответственные лица.

Сняв очки и предложив гостю сесть, Эмиль Хайдаро-

вич... полностью, слово в слово, процитировал свое письмо, отправленное в газету.

– А не подскажите, кто бы мог написать нам такое письмо? – наивно поинтересовался Аркадий.

– Любой честный человек, – напыщенно ответил Викулов.

– Но честному человек нечего бояться, и если он пишет правду, то зачем ему прятать свое имя? – возразил Марков.

– Вы еще слишком молоды, чтобы судить об этом, – с явным раздражением заметил экс-главбух. – Вы просто не знаете, на что способны эти люди.

На улице давно уже осела темень, возвращаться в Андижан не имело смысла, да и вряд ли в такое время в этой глухомани ходили автобусы. Марков зашел на почту, позвонил в редакцию, предупредил ответсекретаря, что заночует в райцентре. За перегородкой сидела совсем молоденькая девушка, по виду вчерашняя школьница, и перебирал бланки телеграмм. И тут Аркадию в голову пришла шальная мысль.

– На праздник много телеграмм отправляете? – спросил он девушку.

– Много, – кивнула она.

– Покажите мне бланки телеграмм, которые отправляли недавно на праздник, – потребовал он.

– Нельзя, – испуганно округлила глаза девчушка. – Нельзя посторонним показывать.

– Я не посторонний, – внушительно произнес Марков. – Мне можно, – и он извлек из кармана удостоверение газеты

в красной обложке.

Красный цвет подействовал магически, перед журналистом легла целая стопка телеграфных бланков. Перебирая один за другим, он уже вскоре увидел фамилию Викулова – дядя поздравлял своих племянников в Стерлитамаке. Отбрав еще два бланка с более или менее похожими почерками, он, воровато озираясь, незаметно для почтовой девушки спрятал все три телеграммы в карман и вернул ей стопку бланков. Аркадий понимал, что по сути совершает преступление, к тому же он не совсем отчетливо представлял себе, для чего нужны ему эти телеграммы. В тот момент им просто овладел азарт, тот самый азарт, что гонит человека вперед, лишая возможности задуматься о последствиях.

Утром в правлении председатель колхоза оказался на месте. Выяснилось, что по подобному же анонимному письму он отдувался в областном комитете народного контроля, а секретарь парткома – в обкоме партии.

– Житья от него нет, строчит и строчит, – пожаловался председатель. – Сам виноват, его, мерзавца, под суд надо было отдать, а я пожалел. Его пожалел и за себя испугался, чего уж теперь скрывать.

– А почему он анонимки пишет? – поинтересовался журналист, решив перепроверить то, что накануне узнал от бухгалтера Кариевой.

– Он поначалу начал свои жалобы подписывать, нас комиссии замордовали. А потом на правлении колхоза ему такую взбучку устроили, что он при всем народе клятву дал, что больше жалоб писать не будет. На какое-то время притих, а потом, видать, додумался и стал писать анонимки.

Еще полдня провел Аркадий в колхозе, изучая документы, разговаривая с родителями, чьи дети ездили на сбор хлопка. Все уверяли, что расчет с их детьми был произведен полностью и без задержек. Только один папаша высказался в том духе, что пора уже обходиться без школьников.

«Какие науки у них в голове могут остаться, если они не уроки учат, а то и дело на хлопковом поле торчат, горячился возмущенный родитель. У нас даже стишок об этом сложили: «Нет голов, но много попок – дети собирают хлопок».

К делу, которое приехал разбирать Аркадий, этот разговор, однако, отношения не имел, и, выпросив у райса машину до райцентра, где он пересел в автобус, Аркадий часам к десяти вечера благополучно добрался до своего курятника, где первым делом жарко растопил «буржуйку».

Редакция областной газеты соседствовала с областным отделом милиции, у них даже столовая была общая. Когда Аркадий обратился со своей просьбой к начальнику научно-технического отдела, капитан милиции Славик Родионов, метр пятьдесят на коньках и в кепке, по кличке Циклоп,

поначалу даже не понял, о чем речь идет. Но когда въехал, оторопел:

– Ты чё, стырил эти телеграммы, что ли? Дак ты же самый что ни на есть наш контингент. По тебе тюрьма плачет.

Потом успокоился и спросил уже серьезно: – Скажи, чувак, а что тебе это даст? Ну установим мы почерк. Так это же такая же незаконная экспертиза, как и твое изъятие телеграмм с почты. Сослаться на результат ты не можешь...

– Понимаешь, Слава, мне надо точно знать – он это или не он. Тогда у меня руки будут развязаны. Я не могу обвинять человека только на основании своих подозрений и интуиции.

– Скажи-те, какой щепетильный. Воровать из государственной организации документы он может, а подозрения свои высказать ему совесть мешает. Ладно, я этих херовых анонимщиков сам терпеть ненавижу. Давай свои бланки и письмо, завтра получишь ответ.

– Славик, с меня бутылка!

– Ни-ни, никаких бутылок. Это уже взятка. Если возьмут за жопу, скажу, что согласился тебе помочь по дурости. Дурака еще простить могут, взяточника – никогда.

На следующий день Циклоп протянул телеграмму Викулова, сказал: «Этот».

– Точно? – переспросил Аркадий.

– Точнее не бывает – почерк характерный.

Свой газетный материал Марков построил в виде открытого письма анониму. Указывать фамилию Викулова он не

имел права, обозначил его литерой «В» и, обращаясь непосредственно к анонимщику, подписал свое открытое письмо весьма эффектно: «Неуважающий вас А. Марков, спецкор «Андижанской газеты».

Статья была подана броско, тема – злободневная, одним словом, как говорят актеры после удачной роли: «В это утро я проснулся знаменитым». Знаменитым Аркадий пока еще не стал, но опытные газетчики углядели в этом материале умение, а главное – стремление молодого коллеги добраться до сути.

Глава четырнадцатая

– Ну что, доволен? – спросил Марат.

– Доволен, – улыбнулся Аркадий.

– Гонорар получил и премию?

– Гонорар получил и премию, – подтвердил Марков.

Они сидели в небольшом дворике в доме Марата, вернее сказать, это Марат пригласил молодого коллегу в гости, а дом принадлежал его теще, маленькой сухонькой старушке, которая сидела поодаль, в беседе мужчин не вмешивалась, лишь изредка властно отдавала команды своим дочерям: «Аська, чай неси», «Алька, лепешки подай». Дочери были высокие, статные, красавицы – глаз не отвести. Даже непонятно, как могли родиться у этой сморщенной от прожитых лет старушки такие крупные девицы.

...Марат вырос в Казахстане, в семье крупного партийного функционера. Его отец, Хамза Садвакасов, по карьерной лестнице поднимался стремительно – райком, горком, первый секретарь Карагандинского обкома партии. Брежнев, который и сам когда-то работал секретарем ЦК компартии Казахстана, откровенно благоволил энергичному карагандинскому «партайгеноссе», и именно по инициативе Леонида Ильича Хамза Садвакасов был назначен на высокий

пост председателя совета министров Казахстана. Семья переехала в Алма-Ату, где Марат, младший из сыновей, закончил школу, поступил на факультет журналистики в университет.

На четвертом курсе Марат Садвакасов в составе волейбольной команды своего университета поехал на всесоюзный студенческий турнир в Казань. Красавицу Асию, Асю, он увидел в первый же день соревнований – она играла за команду Андиганского мединститута. Это была та самая любовь с первого взгляда, которая воспета в стихах и в которую мало кто верит. Марат и Ася доказали себе и всем окружающим, что любовь с первого взгляда существует, что она может не угасать всю жизнь.

Конфликт между молодыми людьми возник один-единственный раз, когда в ночь накануне отъезда они гуляли по Казани и Марат предложил ей уехать с ним в Алма-Ату. Ася положила ему руки на плечи и, строго глядя в глаза, сказала:

– У меня в Андигане мама и сестра. Я люблю тебя и не смогу без тебя жить. Но без них я тоже жить не смогу. Такая у нас семья. Мы всегда жили и будем жить вместе. И ты будешь жить с нами, – добавила она так, будто всё уже за них двоих решила и в согласии своего суженого не сомневалась.

Родители Марата думали, что сына кто-то заколдовал – он бормотал что-то несвязное; никому из родных не сообщив, оформил в университете академотпуск и в один прекрасный день просто исчез из дому.

– А почему надо было бежать? – наивно спросил Аркашка своего нового друга, когда Марат рассказал ему свою историю.

– Вот ты рассказывал, как твой отец воспротивился отъезду. Он тебе сказал – я против, но ты взрослый, сам решаешь. Твой отец кто? Только ты не обижайся – простой рабочий завода. А мой тогда был предсовмина, второе лицо в республике. Пойми меня правильно, я не грань сословную провожу, а просто хочу тебе объяснить, что у моего отца хватило бы и власти, и возможностей сделать так, чтобы я не смог уехать.

Марат приехал в Андижан, они поженились. Стали жить в доме Асиной матери, младшая сестра-погодка Алиа, Аля, точная копия старшей, тоже жила с ними и тоже училась в местном медицинском. Теща приняла зятя как сына, всячески подчеркивала, что он в доме единственный мужчина, а потому главный. Вековые устои татарского домостроя здесь были незыблемы. Аська и Алька, как мать их называла, принимали такой уклад жизни как должное. Ну а когда Марат стал работать в областной газете, теща и вовсе прониклась к зятю таким нескрываемым уважением, что запрещала в доме шуметь, когда он отдыхал.

Аркадий впервые был в гостях в андижанском доме и сейчас с любопытством осматривался. Ему все здесь было интересно. Интересно было наблюдать, как беспрекословно под-

чиняются этой «старухе Изергиль», так он про себя окрестил хозяйку дома, красавицы сестры, хотя в глазах у них бесенята плясали. Как вальяжно, словно эмир какой, возлежал на восточных подушках Марат, как должное воспринимая, что вокруг него все пляшут. Потом раздался из комнаты детский плач, Ася поспешила в дом, через несколько минут принесла на руках похожую на куклу девочку годиков двух. Дочку Марата звали фантастическим именем Аэлита, и ее появление на время прервало их беседу.

– Понимаешь, ты действительно написал сильный материал. Но газета, как известно, живет только сегодняшним днем. Завтра в нее завернут селедку, а то и вовсе используют, сам знаешь, по какому назначению, и забудут, что в ней было напечатано вчера. И ты забудь, оглядываться на вчерашний день – пагубная привычка, – продолжил их разговор Марат, когда женщины с ребенком ушли в дом и они остались за столом в дворике вдвоем. – Вот возьмем, к примеру, нашего Юрку, заведомом народного контроля. Ты знаешь, что он за свой фельетон республиканскую премию получил?

– Знаю, конечно, мы с ним недавно дежурили, и он мне рассказывал. И когда после работы сидели в чайхане, тоже рассказывал.

– Вот-вот, – усмехнулся Марат. – И как ты думаешь, когда он премию за фельетон получил?

– Ну не знаю, может, месяц назад, может, даже два...

– Пять лет назад. Пять лет! Ты представляешь? Вот уже

столько времени он рассказывает про свой фельетон, о котором, кроме него самого, никто больше не помнит. А почему? Да потому, что, кроме этого фельетона, он с тех пор ничего путного не написал. Вот я и не хочу, чтобы ты ему уподобился. Юрке и ему подобным, а таких, увы, среди нас немало. Тебе надо искать свою тему. Ты же не думаешь, я надеюсь, что Рубен тебе будет каждую неделю подкидывать подобные задания.

– Легко сказать, найди свою тему. А как ее искать? – уныло проговорил Аркадий. Проблема еще в том, что я и города не знаю, и знакомых у меня здесь почти нет.

– Проблема не в том, что ты города не знаешь, – резко возразил Марат. – Проблема в тебе самом. Ты город не знаешь, потому что ты его не любишь. И знакомых у тебя здесь нет именно поэтому же. Вот я тебя в гости пригласил в воскресенье, и ты тут же, не задумываясь, согласился. Ты же молодой парень. У тебя на выходной должно было быть десять приглашений, чтобы тебе выбирать приходилось, куда идти. А у тебя ни одного.

– Ты скажешь тоже – не любишь город. Что же я, заставить себя должен полюбить ваш Андижан. Может, и полюблю когда-нибудь, но для этого время нужно.

– Нет у тебя никакого времени. Вот я что для тебя придумал. Слушай меня внимательно. Марку глубоко наплевать и на тебя, и на то, чем ты занимаешься. Так что согласовывать с ним ничего не нужно. Он и так бесится, что своим мате-

риалом ты перечеркнул все его выпады против тебя. С завтрашнего утра отправляйся в город. Иди куда глаза глядят. Читай вывески и заходи в любую организацию, вне зависимости от рода ее деятельности – образно говоря, от прачечной до горисполкома. Ты должен поставить себе сверхзадачу – ни из одной организации ты не имеешь права уйти без информации для газеты. Без информации – как минимум. О репортажах потом поговорим, отдельно.

– А если у них действительно нет ничего интересного или достойного внимания газеты? – усомнился Аркадий.

– Значит – одно из двух. Либо ты плохо спрашивал, либо плохо их слушал. И запомни, умение газетчика – это, в первую очередь, умение слушать. Да, конечно, умение задавать вопросы для репортера – важное умение. Но знаешь, есть такая поговорка: «Человеку, чтобы научиться говорить и слышать, достаточно максимум двух лет жизни, а для того, чтобы научиться молчать и слушать, ему иногда не хватает всей жизни». Так вот, умением задавать вопросы более или менее со временем овладевает любой газетчик, а вот умение слушать приходит далеко не ко всем.

Да, и еще одно, чуть не забыл, а это важно, – продолжил Марат, закурив. – Тебе нужно учиться. У нас в областном университете есть факультет русской филологии, тебе надо перевестись из своей консерватории сюда. Я с проектором по учебной части уже по твоему поводу переговорил, он считает, что это вполне возможно. Отправь в Ташкент запрос,

чтобы тебе срочно высылали документы, и оформляйся. Диплом необходим, это не обсуждается. Ладно, вижу, что я тебя сегодня совсем загрузил. Допивай чай и иди домой, думай. А мне отдыхать пора, я устал от тебя.

И он пошел в город. В город, который не сразу, но открылся ему, открылся его любопытству, его желанию увидеть, жажде узнать, стремлению услышать как можно больше. Через каких-нибудь пару месяцев он уже не плутал, как слепой, а знал улицы и закоулки Андижана не хуже старожилов.

Добывать информацию оказалось далеко не таким простым делом, как это пытался внушить ему Садвакасов. Но в основном идея Марата сработала и оказалась для Маркова палочкой-выручалочкой. Аркашка внес в идею свои, так сказать, коррективы, превратив добычу информации в увлекательную и азартную игру. Высказывание Юрия Олеши «Ни дня без строчки» стало для него, как это ни примитивно звучит, его личным девизом, руководством к действию и стимулом. Нет, не зря друзья называли Юрия Карловича Олешу королем метафор, точнее и не скажешь. Просыпаясь утром в своем «курытнике» и определяя маршрут нынешнего дня, Аркашка бубнил себе под нос: «Ни дня без строчки».

Конечно, он был начитанным парнем. Читал с самого раннего детства, и в эрудиции ему было не отказать. Но в своем

деле, в газетном ремесле, по сути пока еще оставался дилетантом, едва-едва начинавшим понимать хоть что-то в тайнствах этой профессии. Да и то сказать, где ему было учиться? В молодежи, где Могилевская собирала своих «факелы» раз в месяц и в основном расспрашивала, как у них дела идут в школе?.. Или в «Геологе», этом сборище алкашей, где если он чему и научился, так это верстке газеты и типографским премудростям, но уж точно не репортерскому делу.

Древняя поговорка гласит: «Если хочешь помочь голодному человеку, не давай ему рыбу, не давай ему удочку, а покажи место, где можно рыбу поймать». Старый фотокор Михалыч в Ташкенте и Марат Садвакасов в Андижане объяснили несмышленому коллеге, где ловится рыба. Теперь дело было за ним.

Марат оказался прав и в другом. У Аркадия появилось невероятное множество новых знакомых. Теперь его телефон в редакции трещал, не замолкая. Его стали узнавать, здоровались с ним на улице. Как-то раз позвонила «подарочная» Зойка, та самая, которую привел к нему на день рождения Боря.

– Аркаша, наше училище в субботу играет в центральном клубе в КВН с медучилищем Ферганы.

– И что, ты предлагаешь мне переодеться в медсестру и выступить за вас?

– Ну что ты сразу смеешься! Во-первых, у нас мальчишки тоже учатся, так что переодеваться ни в кого не надо. Но я

хочу попросить, чтобы ты помог собрать жюри.

КВН он любил, в музучилище сам организовал команду, потому легко и с удовольствием воспринял просьбу девушки, обзвонил несколько новых знакомых – преподавателей местного университета, врачей, начальника автоколонны Юру Дальянца, который бесподобно рассказывал анекдоты и считался самым главным весельчаком города.

С легкой Зойкиной руки его стали приглашать во всевозможные жюри – тогда была повальная мода на профессиональные конкурсы. Выявляли лучших механиков, лучших пекарей, лучших медсестер, лучших воспитательниц детсадов...

«В каждом городе, в каждом селении главная улица – улица Ленина», – изрек безвестный поэт. Андижан не был исключением. В выходные дни улица Ленина превращалась в пешеходную. На лотках продавали книги и выпечку, очередь у двух шашлычных змеилась на десятки метров, в центральном гастрономе в эти дни сбывалось все то, что не удавалось продать за всю неделю. Единственное в городе молодежное кафе «Золотая долина» не могло вместить всех желающих. Горожане слонялись по улице Ленина весь день.

В книжном магазине, понятно, что он тоже был на улице Ленина, образовалось что-то вроде клуба любителей «бель летр» – изящной словесности, – в котором уже вскоре Мар-

ков стал своим человеком. Помимо обсуждения литературных новинок здесь можно было узнать и все городские новости. Частенько именно здесь, в книжном, Аркадий узнавал о таких предстоящих событиях, что потом черпал информацию всю неделю.

Так было и с новой аптекой, об открытии которой он узнал, встретив в книжном магазине начальника горздрава. Аптека была хороша. Двухэтажное здание являло собой стеклянно-бетонное сооружение невиданной доселе формы. Просторные торговые залы, провизорский отдел и даже лаборатория, где кое-какие лекарственные препараты изготавливались на месте. Одним словом, корреспондент «Андижанской газеты» Аркадий Марков восхитился до такой степени, что на едином дыхании «отгрохал» целую полосу – ни больше, ни меньше. Постарался и фотокор Боря Юсупов: два его снимка чудесно иллюстрировали написанное в репортаже. Каково же было удивление друзей, когда утром, на четвертой полосе газеты, они обнаружили лишь один из снимков и куцые тридцать строк информашки, в которых только и уместилось сообщение об открытии новой аптеки. А на ежедневной редакционной планерке Сафаров, с присущим ему сарказмом, еще и добавил:

– Тут наши молодые дарования решили отличиться. Разродились по поводу открытия новой аптеки панегириком на целую полосу. Хорошо, что я вчера дежурил, так что невольно вспомнил редакционный стишок, который один свирепый

редактор придумал: «Читал и духом возмутился – зачем читать я научился!» Вот и я вчера духом возмутился и сократил сие творение до тридцати строк. Вы уж меня, товарищ Марков, милостиво простите, не судите строго. А то я вашего гнева боюсь.

После этих слов редактора в кабинете начались смешки.

– А теперь серьезно, – прервал смех редактор. – Открытие в городе аптеки – событие, безусловно, существенное, но больше тридцати строк не заслуживает. Вот когда в городе, в связи с тем, что больше не осталось ни одного больного, закроют последнюю аптеку, тогда я тебе, Марков, всю полосу выделю с огромным удовольствием. На этом – у меня всё. Расходитесь. Марков, останься.

Аркашка не сомневался, что сейчас Сафаров ему, с глазу на глаз, еще наподдаст, но ошибся.

– Надеюсь, даже не сомневаюсь, что сегодняшний урок тебе пойдет впрок и ты его усвоишь. А теперь подслащу тебе пилюлю, извини за аптечный каламбур, – и Рубен Акопович рассмеялся. – К двенадцати часам пойдешь на жилищную комиссию в горисполком. Редакции выделили трехкомнатную квартиру в новом микрорайоне, а в жилье никто из наших не нуждается, все обеспечены. Ты у нас один бездомный остался. Конечно, «трешка» для тебя слишком жирно, но и упускать жилье мы тоже не можем. Отдадут другой организации, потом не вернешь. Так что ступай да держи там нос по ветру. Председатель исполкома на нашей стороне, ты

на него ориентироваться, он тебя в обиду не даст.

В жилищную комиссию входили в основном всякие престарелые, по большей части отставные номенклатурщики – «народные мстители», как их называли те, кому пришлось продирааться через «сито» этой комиссии. Услышав, что юнцу хотят дать трехкомнатную квартиру, да еще и в новом доме, да еще и на втором этаже, «народные мстители» устроили такой хай, что слышно, наверное, было даже на улице.

– Все высказались? – спокойно произнес председатель горисполкома, когда страсти понемногу улеглись. – А теперь меня послушайте. Товарищ Марков молодой, но очень перспективный сотрудник нашей уважаемой «Андижанской газеты», которая является органом областного комитета коммунистической партии. Попросил бы, уважаемые члены комиссии, об этом не забывать. А теперь по поводу того, что товарищ Марков один претендует на большую жилплощадь. Как вы видите, он человек молодой. Нам известно, что у товарища Маркова есть невеста. Ведь есть невеста, товарищ Марков? – и председатель, словно подсказывая, кивнул головой.

– Есть, – неуверенно пробормотал Аркадий.

– Значит, скоро свадьба, – председатель снова кивнул.

– Совсем скоро, – теперь уже уверенно поддержал Марков.

– Ну а то, что у молодых будут дети, в этом, надеюсь, никто не сомневается, – гнул свою линию председатель. – Ну

дадим мы ему сейчас однокомнатную, потом надо будет расширять все время. А так сразу – три комнаты, и пусть к нам больше не пристаёт по квартирному вопросу.

Через неделю Аркадий Марков отмечал новоселье.

Глава пятнадцатая

Отношения с первым замом редактора у Аркашки не сложились с первых же дней работы в «Андижанке». Андрей Михайлович Кондратенко, или как его все за глаза называли – Кондрат, – отчего-то сразу невзлюбил новичка. Кондрат был человеком, как говорится, от сохи. Когда-то работал в сельском райкоме комсомола, потом был освобожденным парторгом на строительстве Большого Ферганского канала, заведовал областной библиотекой, хотя, кроме букваря и устава КПСС, вряд ли в своей жизни что-то прочел. Каким ветром занесло его в редакцию, никто уже и не помнил. Сафаров несколько раз пытался избавиться от заместителя, но в обкоме ему четко дали понять: терпи, Кондратенко уже до пенсии чуток осталось, пусть старик дотянет. Но старик, похоже, о том, что ему надлежит «дотягивать», даже не подозревал. Был крепок, энергичен, вел здоровый образ жизни – не курил, а водку пил не больше одного стакана в день. Правда, крови редакционных пахарей высасывал куда больше. Не написав в своей жизни ни единой строки, Кондрат занимался тем, что только правил чужие материалы. Причем правка его ограничивалась исключительно сокращениями. Вымарывая из текста целые абзацы, а то и страницы, Кондрат даже не давал себе труда восстановить утраченные при этой мясницкой работе логические связи. Когда по поводу его неадек-

ватных сокращений кто-то являлся к нему в кабинет «выяснить отношения», Кондрат в упор смотрел на бузотера своими черными, глубоко посаженными глазами-буравчиками – ну чистая двустволка – и насмешливо осведомлялся: «А ты всерьез полагаешь, что написал шедевр? Ну тогда наши мнения расходятся».

Аркашкины материалы он кромсал с каким-то особым садистским наслаждением и остервенением. Именно Кондрат и спровадил Маркова в командировку, которая едва не завершилась для него трагедией.

– Чабану Чуджи Каримову присвоено звание Героя Социалистического Труда, – сказал Кондрат, вызвав Маркова к себе в кабинет. – Послезавтра на Памир, в район высокогорных пастбищ, вылетает вертолет «Санавиации». Можешь полететь с ними. Сейчас отправляйся в милицию и оформляй пропуск в погранзону, – приказным тоном объявил Кондратенко, буравя журналиста своими глазами-двустволкой. – Соберешь материал для очерка и вернешься. Вообще-то, это тема для сельхозотдела, но в разгар сбора хлопка ни о каких длительных командировках и речи быть не может.

Из слов заместителя редактора выходило, что ребята из отдела сельского хозяйства – люди до крайности занятые, а в прогулочную командировку на Памир только такого бездельника, как Марков, не жалко отправить.

Сафаров был в отъезде, поэтому Кондратенко сам подписал Маркову командировочное удостоверение. Марат, узнав, куда отправляется Аркаша, только головой покачал: «Мудрит что-то Кондрат. У нас полно фотографий этого чабана, ему только и знают, что каждый сезон новые ордена вешают, а теперь вот и Гертруда – тоже к нему (Гертрудой, сокращенно от первых двух слогов, называли золотую звезду Героя Труда. – прим. автора). Сезон у чабанов заканчивается, какая необходимость сейчас мчаться на Памир, вообще не понимаю.

– Да ладно тебе, – беспечно отмахнулся Аркадий. – Следаю на Памир, это тоже дорогого стоит...

Старенький и дряхлый вертолет «Санавиации», с какими-нибудь пятью посадками, чихая и кашляя, как туберкулезный, все-таки долетел до Памиро-Алая. На плато, куда они приземлились в конце своего тошнотворно многочасового полета, размещался так называемый штаб. Здесь, на каменистых склонах, поросших жесткой желтоватой травкой, находились маленькая больничка на три палаты, радио- и метеостанции, магазин, куда чабаны приезжали за солью, хлебом и водкой. Штаб расположился на высоте около трех тысяч метров, выше, там, где уже белели снежные шапки Памира, находились непосредственно пастбища.

Вертолет забрал, собственно, за этим и прилетал, сломав-

шего ногу и ключицу чабана – неудачно упал с лошади, теперь требовалась операция, – и улетел в долину.

– А вы когда обратно прилетите? – спросил Марков пилота.

– Когда вызовут, – неопределенно ответил тот.

– А если через год вызовут?

– Значит, через год прилетим, – флегматично, без тени юмора, ответил вертолетчик.

– Если я через три дня свои дела закончу, а вас не будет, мне что – ногу себе ломать, чтобы вас вызвали?

– Ты лучше себе язык откуси, чем такие глупости говорить, – осерчал летчик и, сердито сопя, забрался в кабину вертолета.

Аркашка прошел немного вверх, запыхался, стал спускаться, запыхался еще больше. Присел отдохнуть. Голова кружилась от разряженного горного воздуха с повышенным содержанием кислорода. Появился начальник штаба – пожилой толстый человек, у которого к засаленному узбекскому халату – чапану – был привинчен орден Ленина.

– Давайте я вас сфотографирую, – предложил ему Аркадий, чтобы установить хоть какой-то контакт с местным начальством. Расчет оказался верным. Не чуждый тщеславия Фархад Джураев проверил, ровно ли расположен на чапане орден, уселся, не мигая уставившись в объектив фотоаппарата. Прибежала девчонка с множеством тонких тугих косичек, заговорила с Фархадом.

– Это мой дочка, – пояснил начальник штаба. – Тоже картошка хочет.

Аркадий не понял, зачем начальник штаба рассказывает, что его дочка хочет картошку. Пришлось несколько раз переспросить, пока до него дошло, что девчонка хочет не картошку, а карточку. Фотокарточку. Она стала усаживаться на место отца, но он ей что-то строго сказал, и девчонка убежала в дом.

– Сказал, чтоб новый галош одел, а то в старый ходит.

Вернулась, снова села, долго вертелась, потом ойкнула и опять убежала.

– Куда это она? – спросил Аркадий.

– Лядно, пускай, – проговорил Фархад снисходительным тоном. – Он же девшонка, пошел одеколон на себя ставить.

Наконец «фотосессия» была закончена. Фотографа позвали к столу.

– Водка кушать будешь? – спросил гостеприимный хозяин.

Аркадий отказался. Во время обеда он поинтересовался, как же ему все-таки попасть на пастбище к чабану Чуджи Каримову. Выяснилось, что надо ждать, когда чабан сам придет в штаб. По расчетам Джураева это может произойти завтра, а может, через три дня.

– А мне что делать, где жить?

Начальник штаба повел его в больничку, где все палаты были свободны. «Выбирай любую», – предложили заезжему

корреспонденту.

На следующий день знаменитый чабан все же приехал, на собственном мотоцикле. Запасся мешком соли, парой ящиков водки, купил с десяток буханок хлеба, и через два часа они уже были на пастбище.

Остановив мотоцикл возле большой юрты, чабан вошел внутрь и жестом пригласил Аркадия. Запах в юрте был ужасно тошнотворным, он сначала чуть не задохнулся. В дальнем углу на кошме сидела женщина, кормила младенца грудью. Хозяин что-то неразборчивое буркнул, она поднялась, на ту же кошму положила младенца и принесла поднос с овощами и хлебом, поставила на какую-то полосатую засаленную тряпку, тоже лежащую на полу. Чуджа уселся, поджав под себя ноги, гость – а что ему делать оставалось? – последовал его примеру. Аркадий не был уверен, что в этом свинарнике ему удастся проглотить хоть кусок, но похоже, что и выбора у него не было вовсе. Женщина принесла две миски с дымящейся бараниной, бутылку водки и снова вернулась к ребенку. Пить Аркаше не хотелось вовсе, но он решил, что без алкогольной дезинфекции тут можно подцепить любую заразу.

...С алкоголем он определился в Андижане уже на второй месяц работы в редакции. Как-то его отправили в недалекий пригородный колхоз, где построили новый клуб. В правлении корреспондента уже ждали, стол был накрыт. Появилась

и водка. Аркаша стал отнекиваться, убеждать, что хорошо бы сначала дело сделать, а потом уже пообедать можно, но его никто и слушать не стал. У местных были четкие понятия – если журналист отказывается от еды и от выпивки, значит, приехал с недобрыми целями, жди разгромную статью. Поел и выпил – тогда порядок, опасаться нечего. Пришлось ему приложиться к рюмке.

Задание было срочным. Вернувшись в редакцию, он сел за машинку и лихо настучал довольно изящный репортажик. Вот эта лихость его не на шутку и напугала. Работая в «Геологе», он насмотрелся на спившихся журналистов, которые без спиртного не могли из себя не то что строчки – слова выдавить. В тот день, когда его «хмельной» репортаж был опубликован, молодой журналист Аркадий Марков дал сам себе твердое слово, скорее даже – зарок: если пинешь, не пьешь ни капли, если выпил – не пинешь ни строчки. К чести его сказать, зарок он этот не нарушал никогда.

Однако здесь, на Памире, писать ему явно не придется, а без водки вынести эти запахи, царившую повсюду грязь и непонятно какую еду было и впрямь невозможно.

Чуджи Каримов оказался человеком на редкость молчаливым. Но даже те немногие слова, которые он произносил, шамкая беззубым ртом, разобрать можно было не сразу.

С большим трудом Аркадию удалось узнать, что на этих

труднодоступных высокогорных пастбищах, что расположены в отрогах Памиро-Алайского хребта, вблизи границы СССР и Китая, совершенно волшебная по своей питательности трава. Вот эта самая трава и необыкновенный горный воздух обеспечивают овцам такой приплод, что поголовье увеличивается просто фантастически.

– Баран этот воздух кушает, трава кушает, потом много-много маленький баран получаю, – чабан ткнул пальцем себя в грудь и самодовольно высказался: – Чуджи трава не кушает. Чуджи баран кушает и этот воздух кушает, поэтому тоже много маленький Чуджи получает.

Аркашка уже знал, что у чабана в семье одни мальчишки – мал мала меньше. Четверо, с родителями чабана, жили в долине, в школе учились, двое самых маленьких находились здесь, в горах. Тот, кого мать еще грудью кормила, и трехлетний пацаненок, которого утром отец сажал на лошадь и только к вечеру снимал. Оказавшись на земле, малыш бойко полз к юрте – ходить он к трем годам так и не научился.

Секрет производственных успехов Героя Социалистического Труда Чуджи Каримова был чрезвычайно прост. Он воровал ягнят для своей личной отары намного меньше, чем это делали другие чабаны. Личная отара Чуджи насчитывала не более трехсот голов. И чабаны над ним посмеивались. Здесь личные стада некоторых чабанов превосходили по количеству голов колхозные отары. Зато государство Чуджи Каримова ценило. За скотский труд и скотскую жизнь, за вы-

павшие зубы, за то, что месяцами жил в горах и толком не помнил, как зовут его детей, за все за это щедро награждали орденами, медалями, ценными подарками. Аркашке удалось узнать, что у чабана в долине большой дом, два мотоцикла, две машины – «Победа» и «Волга». Вопрос, зачем ему такое количество мотоциклов и машин, поставил чабана явно в тупик. Он долго в замешательстве молчал, так и не ответив, ушел в юрту.

Чуджи рассказал, что весь высокогорный массив Памиро-Алая разделен на строгие участки-пастбища, где пасутся стада колхозов Узбекистана, Киргизии, Таджикистана и Туркмении. «Границы» нарушать нельзя – чужой баран становится законной добычей. Иногда, когда на чужую территорию забредает не один барашек, а с десятков или больше, чабан отправляется на переговоры к сопредельному соседу. Заканчиваются переговоры либо грандиозной пьянкой-примирением, либо поножовщиной, а то и стрельбой.

Пища у чабанов была предельно простой. Ранним утром жены разводили очаг, в огромных казанах варили баранину. Если была соль – солили, ну а нет – так нет. Отварную баранину ели на завтрак, в обед и на ужин. Когда заканчивались соль и хлеб, чабан в штабной магазин ехать не торопился, без хлеба и без соли обойтись можно. Поездка в штаб становилась необходимой лишь тогда, когда заканчивалась водка.

Аркадий прожил на пастбище десять дней. Но ехать в штаб чабан не собирался – у него сломался мотоцикл, да и

водка еще не кончилась.

– Что же мне делать?

– Я тебе коня дам. Только уезжай сегодня, прямо сейчас, – сказал чабан.

– Это почему? – удивился Аркадий.

– Завтра снег будет. Сильный, не выберешься. Сегодня уезжай.

– Я же дороги не знаю. Может, ты тоже поедешь, покажешь мне дорогу до штаба.

– Я не могу, мне ограды надо срочно укреплять, чтобы стадо не погибло, – возразил чабан. – Я тебя на тропу выведу, до штаба другой тропы нет, только прямо будешь ехать, конь дорогу знает, сам тебя привезет.

Он вывел худющего коня. Похоже, что этот доходяга питался одним только горным воздухом. Седла на нем не было, через круп был перекинут кусок тонкой кошмы.

– Как зовут этого коня? – спросил Аркадий.

– От, – удивленно пожал плечами Чуджи («от» в переводе с узбекского «лошадь»). – прим. автора).

Кряхтя, репортер взобрался на коня. Первый раз в жизни. Хозяин взял животину под уздцы, повел вниз по горному склону, потом вывел на хорошо утопанную и довольно широкую тропу. Махнул рукой, показывая направление движения, и, не прощаясь, отправился восвояси.

Чуджи Каримов, награжденный званием Героя Соцтруда, был хорошим чабаном. Но синоптиком он оказался скверным. Снег пошел не на следующий день, он начался через полчаса после того, как Аркадий отъехал от пастбища. Сначала сыпала с неба мелкая крупа, и ничего не предвещало той белой лавины, что обрушилась через несколько минут. Словно кто-то небо разорвал. В горах разом стемнело, в наступившей непроглядно черной мгле конь упрямо плелся вперед. Или назад, а, может, вбок? Аркадий уже ничего не понимал. Его куртка давно заледенела, волосы на не покрытой ничем голове превратились в сосульки. Сколько все это продолжалось, он не представлял. Страх не было, только очень хотелось спать. Глаза просто слипались. Какой-то отдаленный участок мозга тревожно нашептывал: «Не спи, нельзя спать». Но отяжелевшие, словно свинцом налившиеся веки упрямо смыкались. Он встряхивал головой, просыпался, снова наползала дрема. Развести руками, размяться он не решался, судорожно вцепившись в обледеневшую веревку, заменявшую уздечку, и боясь упасть.

– Стой! Кто идет? – раздался грозный окрик, но Аркадий сначала подумал, что ему это снится. Окрик раздался снова, еще более строгий, – Стой! Стрелять буду!

– Не стреляйте, я коня остановить не могу! – что было сил в отчаянии закричал Аркадий.

В это время кромешную тьму прорезали яркие лучи фонарей, его кто-то бесцеремонно стащил с коня, и он, не в си-

лах устоять на отмороженных ногах, упал, потеряв сознание.

– Ты, брат, в рубашке родился, – говорил ему начальник заставы капитан Николай Куликов. – Ты же к нам прибрел с китайской стороны. Как тебя туда занесло, ума не приложу.

– От знает, как меня туда занесло, – устало проговорил Марков.

– Какой еще «от», – не понял пограничник.

– Ну, от, моя лошадь, вернее конь.

– А, шутишь! – понял Коля. – А мне вот не до шуток. И то, что тебя китайские погранцы не пристрелили, это просто чудо какое-то. Я так понимаю, что твой от шел зигзагами, от китайцев к нам, от нас – к китайцам, или наоборот, кто теперь поймет. Это хорошо, что из-за снежной лавины тебя не заметили, а то бы шлепнули, ей-ей шлепнули. И разразился бы очередной советско-китайский конфликт. Представляешь, сколько было бы шума. Китайцы бы орал на весь мир, что уничтожили нарушителя границы. А нам и ответить бы нечего было...

На заставе ему пришлось пробыть три дня. Пропуск пропуском, а личность попавшего на границу столь экстравагантным способом репортера следовало уточнить. С Николаем за три дня они успели подружиться, и капитан с сожалением провожал своего незваного гостя.

Как же хорошо ему было в городе. Полчаса, никак не меньше, стоял он под тугими обжигающими струями душа, долго и тщательно сбрасывал двухнедельную бороду. Потом надел свой лучший костюм, белую сорочку, выбрал любимый галстук и тщательно вывязал модный узел. Никуда не спеша, пошел на работу пешком. На шумном базаре плотно позавтракал. Ему уже давно пришелся по душе «завтрак Тимура» – один маленький шампур шашлыка из баранины, стакан густой сметаны каймак, горячая лепешка и увесистая гроздь белого винограда кишмиш. Знатоки утверждали, что именно так завтракал Великий Хромой. Купив по дороге целую кипу газет, он еще выпил на привокзальной площади стакан газировки с двойным сиропом, и только после этого отправился в редакцию.

Первым, кого он встретил – ну надо же! – был замредактора.

– Марков, ты почему на планерку опоздал? Очерк о чабаче не написал? – спросил Кондрат, даже не поздоровавшись. – И вообще, где ты шляется столько времени?

«Шлялся?!» Аркашка чуть не задохнулся от возмущения. Он-то думал, что в редакции его будут встречать как героя, чуть ли не с фанфарами, а тут надо же – оказывается, шляется. То, что он по воле Кондрата оказался на Памире, отрезанный от всего белого света, то, что чуть не погиб в снежном буряне, то, что чудом избежал пули китайских погранични-

ков, – все это ерунда, выеденного яйца не стоит. Опоздание на планерку – вот чего нельзя простить.

Но заместителю редактора было в высшей степени наплевать на переживания репортера. Мавр сделал свое дело, мавр может удалиться. В уборную. После планерки Кондрат всегда шел первым делом не в свой кабинет, а в уборную, и по этому поводу в редакции строились всякие догадки.

Ну да ладно. Кондрат Кондратом, а ребята встретили героя бурной, явно неподдельной радостью и потребовали рассказа во всех подробностях. Но тут его вызвал редактор.

– Появился и носу не кажешь, – шутливо погрозил ему пальцем Сафаров. – Мне тут уже местные чекисты о твоих подвигах на китайской границе с три короба понарасказали. Но я, как говорится, из первоисточника хочу подробности услышать. Как ты в Китае оказался? И вообще, чего вдруг, с бухты-барухты, тебя понесло на Памиро-Алай? Кондратенко жаловался, что ты у него эту командировку из горла выгрызал, целые истерики ему закатывал, пока он тебя не отпустил.

Сдерживая эмоции, Аркадий рассказал редактору, как было дело. – Нечто подобное я и предполагал, – признался Сафаров, и добавил с невеселой усмешкой: – Любит тебя Андрей Михайлович, ох, любит. Ну с этим, брат, уже ничего не поделаешь, терпи.

Шеф впервые позволил себе такую откровенность с молодым сотрудником, и Аркадий воспринял этот как добрый

знак. Настолько добрый, что по сравнению с ним придирки Кондрата представлялись никчемной возней, на которую ни нервов, ни времени тратить не следовало.

Аркадий географию поиска для своих информации и репортажей постоянно расширял. Город ему был уже тесен. Он стал много ездить по области, побывал во всех районах, в колхозах, совхозах, крупных агропромышленных объединениях. Приехав в какой-нибудь райцентр, первым делом отправлялся на книжную базу – редакционное удостоверение открывало ему любые двери без проблем. Книги на русском языке сюда поступали, как на любую районную базу Советского Союза, без учета национальных особенностей. Тупая и равнодушная система планирования – ах, какое же ей спасибо! – способствовала тому, что у Аркадия вскоре собралась не просто хорошая, а великолепная библиотека.

Книги на русском языке в узбекской глубинке спросом почти не пользовались. Заведующие базами журналисту областной газеты рады были отдать книги даже в подарок, без всяких денег. Но он этого не позволял. Единственную мог дать слабину, когда не хватало при себе наличных денег. Скрупулезно записывая сумму долга, Аркадий непременно снова приезжал в этот район и долг возвращал. Заведующие базами теперь уже хорошо знали этого парнишку, у которого глаза начинали лихорадочно блестеть, когда он брал в руки

книги. Они звонили ему по телефону, как только получали очередные новинки, и он, бросив все, мчался, чтобы не упустить новые сборники стихов Цветаевой, Евтушенко, Рождественского, Вознесенского, собрание сочинений Паустовского, только что вышедший роман Катаева, повесть Аксенова, сборники рассказов Зощенко, Бабеля, Бухова... Одна из комнат его «трешки» была теперь полностью забита книгами, заботливо укрытыми простынями. Он с тоской размышлял, как бы сэкономить денег, чтобы соорудить стеллажи.

Если раньше зарплаты и гонораров за статьи ему хватало с избытком, то теперь, почти все тратя на книги, едва сводил концы с концами. Одежду себе не покупал; вспомнив уроки Марка Кошеватого, строго планировал свой рацион, питался скудно и скверно, но отказаться от приобретения таких замечательных книг, которые были на районных базах, был не в состоянии. Свою страсть к книгам он не афишировал, и редакционные, видя постоянную безденежность коллеги, недоумевали и строили всяческие догадки по поводу того, на что он тратит свои «чемпионские гонорары», которые у него и впрямь теперь бывали рекордными – так много он публиковался.

Разумеется, не только за книгами ездил он по районам. Каждая поездка непременно и непреложно воплощалась в репортаж, а то и несколько публикаций. Но даже не это стало для него главным.

Частенько оставаясь в райцентре на ночлег, он по вечерам

вел долгие беседы с кем-то из секретарей райкомов, чаще всего с секретарями по идеологии, которые считали своим долгом сопровождать приезжего журналиста.

Вопреки расхожему мнению, что в глубинке работают одни только «чурки», среди этих партийных секретарей было достаточно людей образованных, думающих. Безусловно, и они уже были, в той или иной степени, испорчены системой, но иметь-то свое мнение им никто запретить не мог. Вечерние эти беседы, иногда затягивающиеся далеко за полночь, открывали Аркаше ту сторону жизни области, в которой он работал, о которой он и понятия не имел.

Очень самобытная, с плодородными землями и самая густонаселенная в Узбекистане, Андижанская область могла бы процветать, если бы не сгибалась под невыносимым хлопковым бременем. Земли, которые способны были давать невиданные урожаи овощей, фруктов, безжалостно засеивались хлопчатником. Овощеводство и животноводство приходили в упадок, народ чуть ли не голодал, но Москва требовала только одного – ей нужен был хлопок, «белое золото», как пышно именовали эту ставшую роком народа капризную сельхозкультуру. И хлопок давали. Давали реальный, давали «нарисованный» на бумаге.

Ржавчина всеобщего, всесоюзного обмана, разъедала всю жизнь этого народа. Приписывали всё и приписывали все. Хлопкоробы приписывали хлопок, животноводы – количество голов скота, строители – дома, спортивные функцио-

неры – липовых мастеров спорта... Кремлевские башни из красного кирпича, с рубиновыми звездами на куполах, были прожорливее сказочных чудовищ. Вот только сводками о небывалых темпах производства мяса, молока и прочих продуктов накормить этот доверчивый, веками одураченный народ досыта ну никак не удавалось.

В силу своего возраста, недостатка элементарного житейского, да и профессионального опыта молодой журналист не мог охватить всего масштаба бедствия, но многое из того, что ему доводилось увидеть и услышать, помноженное на интуицию, уже подсказывало ему, что вокруг творится что-то неладное. И редакция была лучшим тому подтверждением.

«Трубадуры режима» лучше других ощущали, что отражают не подлинную жизнь, а такую, как им велят отображать. Они даже сочинили немудрящую, но достаточно зловещую шутку: «В газете есть одна правда, одна полуправда, а все остальное – вранье. Правда – это число, за которое вышла газета, полуправда – прогноз погоды, все остальное, стало быть, – вранье». А для того, чтобы не чувствовать себя продажными, как панельные девки, лучше всего помогали цинизм и водка.

Цинизм газетчиков вовсе не был удобной позой. Ну разве лишь самую малость. Просто, проработав какое-то время в газете, невозможно не стать циником. А уже потом начи-

наешь понимать, как это удобно. За маской цинизма можно спрятать все что угодно и все что угодно оправдать. И чем больше в этой жизни и в окружающей тебя действительности ты понимаешь, тем большим становишься циником, тем охотнее и легче оправдываешь пьянство, измены, ложь.

Конечно, он не отдавал себя отчета в том, что и сам со временем становится типично циничным газетчиком. Но уже, не сильно страдая, когда нормальные слова не лезли в голову, прибегал к стандартным газетным штампам. Научился, если надо, писать: «выполняя решения партии», «претворяя в жизнь», «советские люди, все как один, в едином трудовом порыве...» и прочую ахинею. Без зазрения совести врал, что позвонит, и если не хотел, то и не звонил, не думая извиняться.

Глава шестнадцатая

Приближался первомайский праздник. Редактор вызвал Маркова.

– Аркашка, – он последнее время так называл его все чаще и чаще. Сына Рубена Акоповича звали Аркадием, и иначе, как Аркашка, он его не называл. – У тебя на праздники какие планы?

– Хотел, наконец, домой съездить. Родителей давно не видел, с мамой раз в неделю только по телефону разговариваю. Дома телефона нет, так она по четвергам на почту ходит.

– Причина, конечно, уважительная, но я тебя попрошу задержаться, домой после праздников слетаешь, я тебе даже командировку выпишу в Ташкент денька на три. А в праздничный номер нам с тобой подежурить придется. Больше некому – в редакции всего двое непьющих, ты и я.

Шеф знал, что говорит, отчасти даже сам этому способствовал. На каждый праздник его водитель Расул готовил для всех редакционных плов. Плов у Расула был восхитительный, народ с вожделением ждал каждого праздника. К тому же это прекрасное блюдо редактор субсидировал из собственного кармана. Разумеется, у Сафарова и сомнений не было, что к плову будет закуплено водки немерено, но что было поделать?.. Традиция есть традиция.

Вот и на этот раз все шло по обычному сценарию. Ровно в

двенадцать дня Расул внес в большую комнату, где уже были в центре составлены столы, покрытые газетами – не зря фольклор гласил: «Газета – скатерть журналиста», – огромное блюдо с пловом. Аромат от блюда исходил такой, что все немедленно похватали ложки. Во главе стола уселся редактор. Он настоял, чтобы и Аркадий тоже на торжество явился. «От коллектива отрываться нельзя, посиди минут пятнадцать-двадцать и домой езжай, отоспаться перед дежурством». Отведав этого на самом деле волшебного плова, о котором Марков уже был наслышан, он по-тихому смылся и на редакционной «Волге» отправился домой – дежурному полагалось.

Дежурство выдалось нехлопотным. Из Москвы, по каналам ТАСС, пришел на телетайп отчет о первомайской демонстрации на Красной площади, фотоснимки по бильду поступили тоже без особых задержек. Прочитав полосы, Аркадий открыл недавно приобретенный новый роман Леонида Жуховицкого «Остановиться, оглянуться» и приготовился к долгому ожиданию – ему предстояло подписывать газету в свет, а в ротационный цех его позовут не раньше, чем часов через пять-шесть. Роман рассказывал о жизни крупной московской редакции и о том, как фельетонист, поленившись тщательно проверить факты, стал невольным пособником, во всяком случае, он сам себя в этом корил, смерти своего близкого друга. Жуховицкий писал просто, без витиеватостей, текст ложился, что называется, на душу.

«Остановиться, оглянуться,

На том случайном этаже,

Где вам приходится проснуться»,

– прочитал Аркадий. «Как здорово сказано», – подумал он, и в это время на столе зазвонил телефон. «Кто бы это?» – удивился Марков и глянул на настенные часы в кабинете, они показывали без нескольких минут одиннадцать ночи.

– Товарищ дежурный, зайдите ко мне, – услышал он официальный голос редактора.

– С полосами, Рубен Акопович?

– Нет, – последовал лаконичный ответ, и в трубке раздались короткие гудки.

Недоумевая, что делает шеф в редакции в столь поздний час и что могло от него, Маркова, понадобиться, раз велел явиться без газетных полос, он направился в редакторское крыло. В кабинете у Сафарова сидел какой-то вальяжный человек в черном костюме, со значком депутата Верховного Совета.

– Вот, Мирза Ходжаевич, это наш новый, вернее уже не совсем новый сотрудник – Аркадий Александрович Марков. Приехал к нам из Ташкента, я вам о нем докладывал, – и, уже обращаясь к Аркадию, добавил: – Секретарь областного комитета партии Мирза Ходжаевич Мухитдинов заехал в редакцию поздравить с праздником дежурную группу. То есть нас с тобой.

В этот момент дверь в кабинет отворилась, зашел чело-

век с блюдом плова, прикрытого лепешками, водрузил его на стол, извлек из карманов банку черной икры, бутылку армянского коньяка, и удалился. Сафаров откупорил коньяк, разлил по пиалам, выжидательно посмотрел на гостя.

Мухитдинов о достижениях области и важной роли журналистов в жизни советского общества говорил долго и так вдохновенно, будто слушали его не два, а по крайней мере двести человек. А Аркашка с тоской смотрел на пиалу с коньяком. К спиртному он в итоге более или менее привык – выпивал с ребятами из редакции, а в колхозах так и вовсе без вариантов. «Удар» держал хорошо, мог выпить много, не пьянея. Вот только из пиалы не получалось пить ну никак. То ли дело стакан – опрокинул и вся недолга, а из широких краев пиалы напитки у него вечно проливались. В итоге он приспособился широко разевать рот и вливать в него содержимое, называя это упражнение натягиванием пасти на сосуд. Но в присутствии редактора, да еще и секретаря обкома партии такая выходка вряд ли получила бы их одобрение. Мухитдинов, наконец, добрался до конца своего нескончаемого тоста, все дружно чокнулись, и Аркашка, отхлебнув из пиалы обжигающую жидкость, тотчас отломил кусок пахучей, еще горячей узбекской лепешки. После обеденного плова в редакции он ничего не ел и изрядно проголодался. С удовольствием отведал бы и икорки, и плова, который источал такой аромат, что у него, голодного, даже голова закружилась. Но, оглядевшись, не увидел на редакторском столе

ни ложек, ни вилок, ни даже ножа какого, чтобы икры подцепить.

– Икра-микра отдыхает, когда плов на столе, – глубоко-мысленно заявил Мухитдинов. – Плов надо есть, пока он горячий, – и первым, сложив ладонь жменей, запустил ее в блюдо, мгновенно и ловко собрав горку риса с кусочком мяса поверху, отправляя все это сооружение в рот. Сафаров в искусстве есть рукой партийному боссу не уступал, и плов они уплетали с видимым наслаждением. Аркашка же жевал единственное доступное ему на этом столе блюдо – хлеб.

– Вы почему плов не кушаете? – спросил Мирза Ходжаевич, обратив в итоге внимание на странное поведение молодого человека.

– Спасибо, я не голоден, недавно поужинал, – вежливо соврал Марков.

Но Сафарова этой отговоркой было не провести: «Мирза Ходжаевич, он же ташкентский, руками есть ош («ош» в переводе с узбекского «плов». – прим. автора) не умеет.

Редактор и секретарь обкома от души рассмеялись, хлопнули кончиками пальцев друг друга по ладони, что на Востоке означает в том числе высшую степень взаимного откровения и восхищения, и Сафаров уже серьезно сказал: «Давай, учись, пока здесь все свои, мы из тебя сейчас человека делаем».

Прежде чем делать из него человека, снова наполнили пиалы коньяком, и Аркашка, а, была не была, запустил всю пя-

терню в плов. Обжёгся и поспешно отдёргнул руку.

– Нет, сынок, не так, – терпеливо поправил его Мирза Ходжаевич. – Ну-ка дай мне твою руку.

Он взял ладонь Аркадия, сложил его пальцы вместе и, приговаривая: «Кончиками, кончиками», – стал собирать рис с края блюда. Сначала рисинки осыпались, не хотели держаться на ладони горкой, но с каждым разом получалось все ловчее и ловчее, и под конец он даже испытал удовольствие от этого процесса.

Время близилось к часу ночи, когда секретарь обкома стал прощаться. Уже на пороге остановился, что-то явно вспомнив, сказал:

– Рубен Акопович, у нашего городского детского дома юбилей. Надо бы кому-то из твоих поручить, пусть напишут что-нибудь хорошее, душевное. Ты же знаешь, сколько детей здесь во время войны кров нашли.

– А вот ему и поручим, – кивнул Сафаров на Аркадия. – Вы не против, Мирза Ходжаевич?

– Ну если ты, Рубен Акопович, его за свой дастархан («дастархан» в буквальном переводе с узбекского «скатерть», в широком смысле – гостеприимный стол. – прим. автора) приглашаешь, то, значит, ему любое дело поручить можно, – без тени улыбки произнес Мухитдинов.

Детский дом находился на самой окраине Андижана. Ста-

ренькое, но чисто побеленное одноэтажное здание на высоком берегу широкого быстротечного арыка. Во дворе бегают, играют ребятишки. Но странно как-то играют – не шумно. Возле дома Аркашки находился детский сад, так отсюда с утра до вечера такой гомон доносился, хоть уши затыкай, а эти, детдомовские, тихие какие-то. Разыскал директора. Совсем еще молоденькая выпускница пединститута Малика Аширова работала здесь меньше года. «У меня мама больная, я по распределению ехать не могла. Мне сказали, в кишлак ехать не хочешь, в городе оставаться хочешь, тогда иди в детдом директором. Сюда никто идти не хотел. Я пошла», – откровенно поведала молодая директриса. Обошли дом. К чести сотрудников, чистота царила повсюду. Только чистота какая-то сиротская. Заглянул на кухню. Там готовили суп из рыбных консервов «килька в томате». До этого дня Аркадий находился в полной уверенности, что эти дешевые консервы, кроме алкашей, никто не покупает.

– Детям положено есть рыбу два раза в неделю, – пояснила Аширова. – Рыбу нам не завозят, привозят рыбные консервы, вот из них суп готовим.

Дав себе слово разобраться, какая сволочь в детдом рыбу не завозит, а заодно проверить, в каком количестве завозят другие продукты, Аркадий спросил: «А не осталось ли каких-то документов или фотографий со времен войны, когда здесь были эвакуированные дети?»

– У нас полгода назад ремонт был, архивные документы

в отдел народного образования сдали, а фотографии Ирина Петровна к себе домой увезла, – ответила Малика.

– А кто такая Ирина Петровна?

– Она в годы войны здесь директором была. Очень хороший человек Ирина Петровна. Детям как родная мать была.

– Адрес или, может, телефон домашний не дадите?

Нашелся и адрес, и телефон. Аркадий смотрел на записку с удивлением: на листке бумаги Малика Аширова написала его собственный адрес, только номер квартиры был другой.

Пожилую женщину, живущую на первом этаже, с неизменной папиросой, зажатой в зубах, он видел частенько. По утрам она поливала цветы, растущие возле их подъезда. Просто не знал, что она Ирина Петровна, он вообще никого из соседей не знал. Когда встречал в подъезде, непременно здоровался, но знакомств не заводил.

Из детского дома поехал к своему дому, позвонил в квартиру на первом этаже. Ирина Петровна улыбнулась приветливо: «Не иначе у товарища Маркова ко мне какое-то дело».

– Вы меня знаете? – удивился Аркадий.

– Помилуйте, кто же вас не знает? Такая знаменитость! А мы, соседи, так просто гордимся, что живем в одном доме с корреспондентом «Андижанской газеты» Аркадием Марковым.

Преодолевая смущение от такой встречи, Аркадий стал объяснять, что привело его к ней.

– Так и будем на пороге разговаривать? Проходите же в

дом. Имейте в виду, мы, пенсионеры, – народ болтливый. Не боитесь? – и Ирина Петровна провела его в комнату.

Уяснив, в чем причина визита, достала из шкафа несколько папок с пожелтевшими уже фотографиями, какими-то письмами. Это было богатство! Аркашка только с ужасом подумал, что для того, чтобы разобраться в этом богатстве как следует, понадобится ну никак не меньше недели, а то и больше. Они проговорили несколько часов. Потом он сбегал в магазин, вытряс из завмага, напуганного внезапным визитом журналиста, дефицитный голландский сыр, торт с жуткими сливочными розочками, коробку зефира в шоколаде – завмаг чуть не расплакался, отдавая этот редчайший в их краях продукт – немного поколебавшись, купил еще и высокую причудливой формы бутылку финского малинового ликера. Вернулся к Ирине Петровне. И они снова перебирали фотографии, письма. О каждом письме, о каждой фотографии Ирина Петровна могла рассказать целую историю.

В десятом часу вечера Марков вызвал скорую помощь – пожилой женщине от всех этих эмоций, связанных с воспоминаниями, стало плохо с сердцем. Он ругался с подстанцией, которая не торопилась выслать машину, грозился сообщить в горздрав. Наконец, они приехали, сделали укол, Ирина Петровна уснула, и он, тихонечко притворив дверь, поднялся на свой второй этаж.

Утром снова зашел к ней. Она, бодрая и энергичная и опять с папироской, ждала его с завтраком. И снова говори-

ли, говорили. Вернее, говорила она, а он только слушал, даже мало что записывал в свой блокнот, понимая, что услышанное не забудет.

Выпускница двухгодичного учительского института Ирочка Голдаевич стала директором андижанского детского дома 25 июня 1941 года. Вскоре туда стали прибывать дети из Ленинграда. Кто же мог представить, что эшелоны, которыми они ехали, подвергались обстрелам и бомбежкам фашистов, что у многих из них в дороге погибли или потерялись родители. Дети прибывали без документов, малыши не знали ни своего возраста, ни фамилий, а иногда даже и имен...

К концу войны 120 детей из андижанского дома носили фамилию Голдаевич – так и не узнав фамилий многих воспитанников, Ирина Петровна записывала их на свою фамилию. Продуктов не хватало, не хватало одежды и обуви. Она могла им дать только свою заботу, ласку, искреннюю, поистине материнскую любовь. И фамилию. Вот и давала то, что могла.

В детском доме проработала до пенсии, еще сколько-то лет после. Да и жила здесь же. Сказали, что пора ей и на покой, спасибо, дали однокомнатную квартирку, есть куда голову приклонить.

– Многие из моих пишут, не забывают, теперь-то Голдае-

вичей по всему Советскому Союзу почти четыреста человек, у моих же и дети, и внуки есть, вот и разрослась моя семья, – всплакнула Ирина Петровна.

Назвав очерк «Сердце матери», с заголовками он по-прежнему не дружил, Аркадий пошел к редактору – его же задание выполнял. Но выяснилось, что Сафаров накануне улетел в срочную командировку и будет теперь только через неделю. Была еще надежда, что материал прочитает Марат, он к тому времени стал ответственным секретарем.

– Конечно, конечно, – заверил Садвакасов, – положи в папку, раскручусь к вечеру и обязательно прочитаю.

Утром Аркадий заглянул в секретариат. «Ну как, прочел?» – спросил он друга. Марат виновато вздохнул:

– Понимаешь, только ты ушел, заявился Кондрат, стал рыться в папке, забрал несколько материалов, в том числе и твой очерк. Он на время отсутствия шефа исполняет обязанности редактора. Что я мог ему сказать?

Вот уже несколько месяцев удавалось Маркову лавировать так, чтобы его материалы к ненавистному заму не попадали. Но, видно, пришло время Кондратенко. Отыгрался он по полной. От очерка «Сердце матери» остался по сути только заголовок. Аркашка психанул, заявил, что отказывается от материала и просит снять его с полосы. Но Кондратенко был непреклонен в своем садизме. «Это не в вашей компе-

тенции, Марков», – не смог он сдержать гнусной ухмылки. И вечером забил последний «гвоздь». Аркашка уже в полосе вычеркнул свою фамилию и поставил какой-то наспех придуманный псевдоним под этим до безобразия искаженным и сокращенным материалом. Но дежурящий по номеру Кондратенко восстановил его фамилию.

Вечером к Маркову домой заглянул собственный корреспондент центральной партийной газеты Узбекистана Иван Новоженин. Его особый статус и высокое положение в области позволяло Новоженину держаться особняком. Не то чтобы он кичился, но с периферийными коллегами дружбы не водил, в общих пьянках не участвовал. К Аркашке иногда заглядывал по соседству, книжку взять почитать. Как раз взятую недавно книгу в тот вечер и занес.

– Что там у вас за базар сегодня был с Кондратенко? – вскользь поинтересовался он.

– Сам посмотри, – Аркадий достал второй экземпляр очерка, который оставил у себя, и экземпляр газеты. – Вот что было, а вот – то, что Кондрат оставил.

– Дай-ка мне копию, – попросил Новоженин. – Глядишь, ты меня и выручишь. У меня к Дню Победы нет ничего, вот я и пошлю твой материал. Не возражаешь?

Утром, просматривая, как обычно, свежие газеты, Аркадий увидел на четвертой полосе центральной газеты свой очерк – слово в слово, без единого изменения. Материал занимал целый подвал – самое броское место, не заметить та-

кой «кирпич», как газетчики называли крупные материалы, было невозможно. Аркаша аккуратно сложил газету, написал несколько слов на листке: «Мама, посылаю тебе большую статью. Как обещал. Твой сын», – сбегал на почту и отправил заказным письмом в Ташкент.

Когда он вернулся в редакцию, ему сказали, что его разыскивает Марат. Что-то срочное. В секретариате, как всегда, было полно народу. Садвакасов бесцеремонно всех выпроводил, кого-то просто вытолкав за дверь. Народ ничего не понял, настолько необычным было поведение Марата.

– Даже не знаю, как сказать, пожалуй, лучше, если ты сам прочитаешь, – и он протянул Аркаше бланк телеграммы.

«Срочно вылетай похороны папы», – прочитал Аркадий. Прочитал еще раз, второй, третий. Что могло случиться? Из прострации его вывел голос Марата:

– Старик, я позвонил начальнику аэропорта, тебе забронировали место на ближайший рейс. Но надо торопиться, домой ты уже заехать не успеешь. Зайди к Надежде Борисовне, я попросил, чтобы она тебе из кассы взаимопомощи выделила, сколько возможно, там деньги понадобятся.

Выйдя возле дома из такси, Аркадий увидел толпящихся возле подъезда людей – знакомых и незнакомых. Молча, ни на кого не глядя, он поднялся по лестнице, зашел в квартиру, где зеркало в прихожей было завешено черной тканью. И тут

появился... отец. Он взял сына за руку, как брал когда-то в детстве, провел его в комнату. Посередине, на каком-то возвышении, стоял гроб. В нем лежала мама.

Уже после похорон выяснилось, что на почту попросили сходить кого-то то ли из дальних родственников, то ли соседей. В телеграмме нужно было написать: «Срочно вылетай похороны. Папа». Точку пропустили, вместо «папа» написали «папы», вот и получилось «прилетай похороны папы». Кто виноват, поди теперь разбери. Да и в этом разве дело.

Он стоял у гроба, перед глазами была одна-единственная картина: залитая неярким осенним солнцем площадь, модно одетая веселящаяся молодежь и маленькая женщина в заляпанном краской рабочем комбинезоне и тяжелых ботинках. Его мама. Мама, которой он тогда застенялся. И она это поняла, почувствовала. Но не упрекнула. Просто ушла. Ушла, чтобы уже никогда к сыну не вернуться.

...Карщик Тёма спёр бутылку спирта. Настоящего, медицинского. Вот уж повезло так повезло. Лет десять назад он выиграл в лотерею рубль, но бутылка спирта это вам не рупь какой-то; если разбавить, то аккурат две бутылки водяры получится, подсчитывал карщик. Карщиком Тёма назывался потому, что ездил по заводской территории на автокаре, по утрам вместе с помощником Колюней они подвозили к самолетам высоченные стремянки на колесиках, укрепляли их

металлическими «башмаками» – Тёма держал стремянки, а Колюня втыкал «башмаки» под колесики, ногой проверял прочность; вечером стремянки отвозили обратно в ангар, на склад. Другой работы у Тёмы не было, и весь рабочий день он либо слонялся по заводской территории, либо выполнял нехитрые поручения мастера Григорьича. Овладев бутылкой со спиртом, Тёма первым делом разыскал своего напарника и верного кореша Колюню и поделился с ним радостью. До конца рабочего времени оставалось всего минут сорок – пятница, короткий рабочий день, но эти сорок минут казались вечностью. Душа горела, требовала пожар немедленно потушить, тем более, что спасительная влага – вот она, в руках, только греется зря.

– Айда к Григорьичу, отпросимся у него, работы все равно нет, – решил Тёма как старший по должности.

– Григорьича придется третьим брать, – скаречно засомневался Колюня.

– Без него никак, – сурово возразил карщик. – Опять-таки, Григорьичу много не надо, он уже старенький, плеснешь чуток, с него и хватит.

Мастер к страданиям своих рабочих отнесся с пониманием – сам пьющий. Посмотрел в журнал учета – все стремянки, кроме одной, уже значились на складе.

– Стоянка 33, там стремянка на ремонте восемнадцатого «Илюши». Отгоните на склад, и пошабашим. Я тоже не с пустыми руками. Мне моя сегодня утром пирожков с собой

дала, а я забыл и в столовке порубал.

– О, классный закусон, – восхитился Тёма и, уже заводя автокар, уточнил: – А люди на 33-й есть?

– Да не должно быть в такое время, – усомнился мастер, – но вы все же посмотрите.

На 33-й стоянке у Ил-18 действительно стояла стремянка. Рабочие обошли «Илюшу» вокруг, задрали головы, но никого не увидели. По инструкции они должны были подняться на фюзеляж и убедиться, что сверху не ведется никаких работ. Но о какой инструкции можно было думать, если их ждала дармовая выпивка, да к тому же с домашними пирожками на закуску. Подцепив стремянку, они повезли ее на склад.

Едва разлили по второй, как завыла протяжно, леденя душу, сирена, гудя промчались две спецмашины – пожарная и скорая помощь, – и, хотя смена уже на заводе закончилась, откуда-то появились люди, что-то тревожно кричали, бежали куда-то.

...Рива Маркова в тот вечер работала на фюзеляже только что поступившего в ремонт Ил-18, специальным раствором смывала краску. Самолет был старый, краска, как говорили заводские смывщицы, «приварилась», отдиралась с трудом. Наконец, она справилась с тем участком, который наметила закончить до конца смены, облегченно вздохнула и шагнула к краю самолета, туда, где стояла стремянка. Изюмный день те, кому приходилось работать на фюзеляжах само-

летов, ступали на деревянную площадку стремянки спиной, иначе было неудобно. Она и ступила, как обычно, только не на площадку, а в пустоту. Дальше... Никакого «дальше» не было. Упав с десятиметровой высоты на бетон, женщина, как констатировали потом врачи, упала на висок и скончалась мгновенно.

Марковы вернулись с кладбища. Отец достал из кармана маленький кошелек. Из кожзаменителя с облезлой металлической застежкой. Ривочка держала в нем деньги на обед, мелочь на проезд, прятала в него обручальное кольцо, снимая, когда работала с ядовитой смывкой, размывающей любой металл.

Когда Саша и Ривочка пошли в загс, денег на обручальные кольца у них не было. Всякий раз, вспоминая об этом, мама говорила: «Мне так хотелось обручальное колечко, но все не до этого было. А потом я решила – вырастет сын и с первой зарплаты купит мне обручальное кольцо».

Получив в «Геологе» первую зарплату, Аркашка отправился в ювелирный магазин. Ему повезло, кольца в продаже были, правда, одного образца. Ничего в этом не смысла, купил, что было, заплатив двадцать рублей. В гастрономе по дороге приобрел зефирный торт, тетке, что сидела на пороге магазина, отдал рубчик за хиленький букетик цветов и, довольный собой, ввалился домой. Взяв в руки кольцо, мама

расплакалась и долго не могла его примерить, все никак не удавалось ей успокоиться...

И вот теперь отец достал пустой кошелек.

– Мне в морге отдали, сказали, что ничего в кошельке не было. А я точно знаю, у нее восемь рублей было, она после работы хотела на базар забежать. И кольца нет, – Александр Семенович сморщился, как от невыносимой боли.

– Папа, можно я этот кошелек себе возьму, на память? – попросил сын.

На восьмой день после похорон Аркадий улетел в Андижан. Все семь дней подряд они с отцом ездили на кладбище, хотя по религиозным канонам это вроде и не полагалось. Но они все равно приезжали – к жене, к матери, все еще не веря, что ее больше нет. На восьмой день отправились на кладбище пораньше – прямо оттуда Аркадий собирался ехать в аэропорт. В подъезде отец открыл переполненный, не до того было, почтовый ящик, достал газеты, журналы, большой конверт. Повертел его в руках, сказал растерянно: «Это от тебя. Маме». В конверте была статья «Сердце матери», которую он отсылал тогда, когда сердце его матери уже остановилось.

– Ты приезжай почаще, – попросил отец, когда они прощались, – а то, может, и вообще вернешься. Нас же теперь только двое осталось. Да и мама здесь.

– Папа, я вернусь, обязательно вернусь, – пообещал Аркадий. – Вот сейчас разберусь со своими делами в Андижане и вернусь.

Глава семнадцатая

На его письменном столе лежала записка: «Когда вернешься, срочно позвони. И. Новоженин». Судя по дате, собкор написал записку четыре дня назад.

– Вернулся? – Услышал он голос Ивана. – Прими мои соболезнования. Я сразу к делу, не против? Твой материал получил на редакционной летучке очень высокую оценку, представлен на внутриредакционный конкурс в номинации «Лучший очерк года». Но главное не это. С тобой хочет поговорить главный редактор Николай Федорович Тимофеев.

– О чем? – растерялся Аркадий.

Новоженин рассмеялся:

– Ну, старик, я еще не научился читать мысли на расстоянии, тем более мысли своего главного редактора. Могу лишь догадываться: он предложит тебе стать моим штатным автором по Андижанской области.

– Штатным автором центральной газеты, мне?

– Не будем загадывать. Это я так предполагаю. Сейчас позвоню в редакцию, узнаю, когда может состояться разговор.

Через час Новоженин перезвонил: – В шесть часов вечера будь у своего телефона в редакции, тебе позвонят.

Ровно в шесть раздались длинные трели междугородного звонка. «Здравствуйте, – услышал он в трубке женский го-

лос. – Товарищ Марков? Сейчас будете разговаривать с главным редактором». И сразу за этим глуховатый мужской голос:

– Здравствуйте. Тимофеев.

– Здравствуйте, Николай Федорович, меня зовут Аркадий Марков.

– Иван Петрович вам уже, я думаю, сообщил, что ваш материал на редакционной летучке получил высокую оценку. Мне лично он тоже понравился. Хотелось бы с вами встретиться, побеседовать. Насколько мне известно, вы родом из Ташкента. Когда планируете дома побывать?

– Дело в том, что я только сегодня прилетел в Андижан...

– Ах, да, мне Новоженин говорил о вашем горе. Примите мои соболезнования. И дайте знать, когда будете в Ташкенте. Да, вот еще что. Когда соберетесь, прихватите с собой несколько вырезок наиболее значимых своих материалов. Желательно разножанровых: интервью, репортажи, ну вы сами знаете. Позвоните, как приедете. Телефон приемной возьмете у Ивана Петровича.

– Николай Федорович, а насколько срочно я должен приехать?

– Ну это вы уж сами решайте, – в голосе главного редактора послышалось явное недовольство.

Договорившись по телефону о встрече, Аркадий подошел к дому Ивана, в подробностях передал ему содержание разговора, не скрыв, что главный, как ему показалось, был раз-

дражен окончанием разговора.

– Ну, ты даешь, – укоризненно проговорил Иван Петрович. – Кто ж задает такие вопросы Тимофееву. Любой журналист нашей республики по его зову пешком должен бежать, обгоняя собственный визг от радости. А ты додумался. «насколько срочно»... Давай, дуй максимум через неделю.

Но через пару дней Новоженин сообщил, что Тимофеев на целый месяц уехал во главе какой-то делегации в страны Юго-Восточной Азии, так что Аркашка может спокойно заниматься своими делами.

Неожиданно в Андижан приехал отец.

– Пап, что-то случилось? – встревожился Аркадий, встретив его на вокзале.

– Ничего не случилось. Просто стал подбирать мрамор для памятника маме, вот взял пару образцов, чтобы с тобой посоветоваться.

– Ты что же, эти камни с собой приволок?

– Не велика тяжесть, – хмыкнул Александр Семенович.

И все же Аркашке показалось, что отец чего-то недоговаривает. Они позавтракали в привокзальной чайхане, и Александр Семенович признался, что такого лагмана ему попробовать отродясь не приходилось. Потом Аркадий повез его к себе домой. Старший Марков не спеша обошел все три комнаты, для чего-то пооткрывал поочередно краны в ванной,

вышел на балкон.

– Планировка точно такая же, как у нас в Ташкенте, и ком-нат тоже три. Только мы с мамой всю жизнь горбатились и в итоге квартиру в кооперативе купили, за деньги, а ты в свои годы от государства получил...

– Ты это к чему?

– Да к тому, что, может, я действительно ничего в твоей работе не понимаю, – признался отец.

Они гуляли по городу, день был субботний, улица Ленина, как всегда, полна народу. Отец с удивлением подмечал, как с его сыном беспрестанно здороваются, величают по имени и отчеству, останавливаются, спрашивают о делах, здоровье. И не пацаны какие, ровесники Аркашки, а люди взрослые, солидные. Ему нравилось, что сын не суетится, на вопросы отвечает степенно, не забывая сказать: «Знакомьтесь, отец мой, Александр Семенович, в гости ко мне приехал». Он пожимал руки, его приглашали в гости, выказывали радость по поводу того, что «к нашему уважаемому Аркадию Александровичу папа приехал».

– Это что же, все твои друзья-знакомые? – удивлялся отец.

– Ну как тебе сказать? Андижан город небольшой. А нас, журналистов, всего несколько человек. Поэтому нас и по именам, и в лицо почти все знают. А кто не знает, тот хочет узнать, – закончил Аркашка шутливо.

Подошли к зданию редакции. У подъезда стояла редакторская «Волга».

– Значит, шеф у себя, – понял Аркадий и предложил отцу: – Редактор сейчас у себя. Хочешь, я тебя с ним познакомлю? Он очень хороший человек и ко мне хорошо относится.

– Да я даже сам тебя хотел попросить об этом. Мама тоже говорила, что человек хороший, наверное, с твоих слов...

Выходит, и отец тоже ничего не знал о том давнем, с почтового переговорного пункта, разговоре Ривы Юрьевны с Рубеном Акоповичем.

Оставив отца в приемной, Аркадий зашел в кабинет к редактору. Сафаров поднял на него недовольный взгляд, видно, Марков явился некстати.

– Извините, Рубен Акопович, – забормотал Аркашка, – тут ко мне отец приехал, я подумал...

– Где он? – резко перебил его Сафаров.

– У вас в приемной.

– Ох, дурак, ну и дурак, – редактор порывисто сорвался из-за своего стола и, устремившись к двери, на ходу спросил: «Как зовут отца?»

– Здравствуйте, Александр Семенович! – протянул он руку. – Меня зовут Рубен Акопович. Я – начальник этого охладомона, – он ткнул пальцем в сторону Аркадия. – Воспитываешь их, воспитываешь, а мозгов все равно, как у младенца. Надо же додуматься – отца родного в приемной оставить. Вы уж извините, – с этими словами он пригласил гостя в кабинет, стал заваривать чай. – Не обессудьте, Александр Семенович, сегодня у нас выходной день, секретаря на работе нет,

кроме чая, вам ничего предложить не могу.

– Да вы не беспокойтесь, мы с сыном позавтракали. Я только поздороваться зашел и, если пять минут найдете, поговорить бы хотел.

«Так вот для чего он приехал, – внезапно понял Аркадий. – А мне все про образцы мрамора втирал, а сам их даже из чемодана не достал, если вообще привез».

– Для вас – сколько угодно, – заверил Сафаров, – только знаете что, давайте не здесь. Вы еще часика три по городу погуляйте, аппетит заодно нагуляете, но с условием, что обедаем вместе, у меня дома. Супруга, разумеется, тоже будет рада. И не вздумайте отказываться, – решительно заявил он, увидев растерянность и сомнение на лице гостя.

Дом у Сафарова был просторный и в то же время уютный. В красиво обставленной гостиной стол уже накрыт. Принимали хозяева радушно, потчевали от души. Распитая мужчинами бутылка армянского коньяка способствовала непринужденной беседе. И все же Аркадий чувствовал, как внутренне напряжен отец. Наверняка, не укрылось это и от хозяйина дома.

– А ведь я знаю, Александр Семенович, с какой целью вы приехали в Андижан, – заявил Сафаров, прерывая какой-то ничего не значащий разговор.

Марков вроде и не удивился, напротив, сказал с явным

облегчением:

– Ну раз знаете, так что же мы, Рубен Акопович, вокруг да около ходить будем. Я человек простой, рабочий, манерам всяким не обучен. Скажите мне свое слово.

Это Аркашка, в силу своего пока еще очень незначительного жизненного опыта, не мог понять, о чем говорят эти со-рокалетние люди. А они друг друга понимали прекрасно.

– Ну что ж, полагаю, Аркадий при нашем разговоре не помеха, так что пусть остается, – произнес Сафаров. – Как отец я вас, Александр Семенович, прекрасно понимаю. И горю вашему сочувствую искренне – потерять в таком возрасте любимую женщину, друга жизни – у меня слов нет... Поэтому ваше желание жить рядом с сыном я понимаю, и как человек, и как отец. Не постесняюсь в присутствии Аркадия сказать, что я его, как сотрудника, ценю. Из него со временем может получиться большой журналист. Конечно, отпускать мне его не хочется. Но если он сам не против, отпущу. Что скажешь, Аркадий?

– Не знаю, – растерялся он, – я об этом совершенно не думал.

– Ну так подумай, – хором сказали Рубен Акопович и Александр Семенович и весело рассмеялись от такого неожиданного дуэта.

Первый раз после похорон жены Саша смеялся так беззаботно. Ему на душе вдруг стало легко и хорошо от того, что сын, его мальчик, скоро снова будет рядом с ним. Он неве-

роятно тяжело переживал разлуку и давнюю ссору с Аркадием, все это долгое время корил себя за то, что не нашел тогда нужных слов. И вот сейчас эта тяжесть, давившая на него, свалилась с плеч, освободила дыхание.

В пятницу днем ему в редакцию позвонил Новоженин:

– Марков, ты сегодня вечером в Ташкент можешь вылететь?

– В принципе могу, а что за спешка?

– Завтра в двенадцать ноль-ноль тебя ждет Тимофеев. Не вздумай опоздать даже на минуту, он в прошлом военный, терпеть этого не может.

– Так завтра утром восьмичасовой рейс есть, в девять в Ташкенте буду.

– А если рейс задержится, туманы каждое утро. Я бы на твоём месте не стал рисковать. Завтра-послезавтра выходные, тебе даже отпрашиваться не надо.

Положив в портфель изрядное количество вырезок своих статей, опубликованных в «Андижанке», Аркадий отправился в аэропорт. А на следующее утро он входил во внушительное массивное трехэтажное здание, выложенное из крупного камня. На центральном подъезде красовалась солидная вывеска: «Редакция газеты «Звезда Востока». Улица, на которой стояло здание, также носило имя газеты «Звезда Востока».

В начале двадцатого столетия рабочие ташкентских железнодорожных мастерских стали выпускать подпольную листовку, которую претенциозно называли газета «Звезда». Таким образом, газета, впоследствии получившая название «Звезда Востока», стала вторым, после ленинской «Искры», большевистским изданием. В советские годы это была уже крупная газета, пожалуй, самая крупная из всех партийных в Средней Азии и Казахстане. Здесь собраны лучшие журналистские кадры, газетная элита. Обласканные властью, сотрудники «Звезды Востока» были обеспечены всем необходимым, как для работы, так и для жизни – улучшенная планировка квартиры, ведомственный детский сад и пионерский лагерь, поликлиника, спецраспределитель, где два раза в неделю те, кто писал, могли приобрести продукты, недоступные для тех, кто читал. Таким нехитрым способом власть держала на жестком поводке тех, о ком напыщенно говорили: «Слово партийной газеты – это слово ЦК партии».

Полтора года назад, когда единым постановлением прихлопнули ведомственные газеты, оставшиеся без работы журналисты заглядывали в любую редакцию, кроме «Звезды Востока» – здесь с ними и разговаривать бы никто не стал. Аркадий Марков о центральной газете в то время и помыслить не смел. Искать там работу было так же немислимо, как отправиться в космос на велосипеде. И вот теперь он вхо-

дил в приемную главного редактора той самой газеты, которую делали исключительно небожители журналистики. Так он, во всяком случае, думал.

Тимофеев, крепкий пятидесятилетний мужчина, сурового вида, с загорелым не по сезону лицом, жестом пригласил его садиться, не прерывая разговор по телефону. Разговор шел на узбекском языке, Николай Федорович говорил совершенно свободно, причем без всякого акцента, как может говорить только человек, родившийся и выросший в конкретной языковой среде. Закончив разговор, спросил, даже не осведомившись, кто перед ним:

– Вырезки привезли? Давайте, – и только потом, спохватившись, уточнил: – Вы Марков, из Андижана?

Аркадий вывалил на приставной стол все, что захватил с собой. Тимофеев глянул на эту кипу вырезок, явно одобрительно заметил: – Плодовитый.

– Поступим с вами так, – проговорил он, перебирая газетные вырезки. – Найдите себе какое-нибудь занятие и к шестнадцати ноль-ноль возвращайтесь. Я пока с вашим творчеством ознакомлюсь.

Аркадий дошел до сквера, обогнул возвышающуюся на постаменте бородатую башку «лохматого», заглянул в кафе,

в надежде встретить если не своих консерваторских, то хоть кого-нибудь из «скверных мальчиков». К своей радости увидел Витю Энкера, с которым еще в музучилище учился, а потом на первом курсе консерватории, в одной даже группе. Не изменяя своим привычкам, Витька пил сухое вино в обществе очередной смазливой блондинки с боевым раскрасом на лице.

– Вот обсуждаем с кукурузой души моей, кого на свадьбу приглашать, – доверительно сообщил Витя, ничем не выказав удивления по поводу появления приятеля, которого полтора года не видел.

Энкер всех своих новых пассий, исключительно блондинок, другого цвета волос он у женщин не признавал, называл «кукуруза души моей»; знакомство с ними начинал с предложения руки и сердца, на полном серьезе договаривался о предстоящей свадьбе, и лишь потом тащил в койку.

Отказавшись от сухого вина, Аркаша спросил: «Как там наши?», – и, пока блондинка ходила «носик попудрить», выслушал подробный отчет. Мишка Салашный уехал в Киев, музыку бросил, поступил в торговый институт. На Лариске он так и не женился – ему мамаша не позволила, заявила «только через мой труп на этой жидовке женишься». Витя Воронин подрабатывает в каком-то клубе, обучает сопляков игре на духовых инструментах. Людочка Арсеньева по-прежнему – первая скрипка, она талант, уже дважды на международные конкурсы ездила. О себе Энкер ничего не ска-

зал, только развел руками: «Сам видишь, в аудитории бываю реже, чем здесь». Вернулась блондинка, одарила непрошеного гостя таким взглядом, что Аркашка поторопился сказать: «Ну, не буду вам мешать», – и ретировался.

Кое-как скоротав время, ровно в четыре он снова входил в кабинет к Тимофееву. Главный был не один. За длинным столом для заседаний сидели трое мужчин и две женщины. Получив разрешение, Марков уселся у дальнего торца.

– Мы с членами редакционной коллегии ознакомились с вашим творчеством, – без всяких предисловий начал Тимофеев. – У нас в редакции планируется некоторая реорганизация отдела писем и жалоб трудящихся. До сих пор отдел только регистрировал письма, распределял их по нашим отделам и отправлял в соответствующие инстанции. Теперь мы хотим пополнить отдел, так сказать, пишущей единицей. Журналистом, который не только может проверить письмо, но и написать социально значимый материал по итогам своей проверки. Эту должность мы намерены предложить вам. Что скажете, товарищ Марков?

– Я... Для меня... «Звезда Востока»... – несвязно забормотал смущенный и не ожидавший такого поворота событий Аркадий.

– Ну я так и думал, что вы согласны, – улыбнулся Тимофеев, и улыбка преобразила его суровое, изборожденное глубокими морщинами лицо. Одна из женщин, та, что помоложе, смотрела на него пристально и приветливо – он поймал

на себе ее взгляд.

– Ну что ж, товарищи, всем спасибо, что нашли время приехать в выходной день. Мы с товарищем Марковым обсудим кое-какие технические детали. Лола Санджаровна, вы тоже останьтесь, – обратился он к той женщине, что пристально смотрела на Аркадия. Когда все вышли, Тимофеев ее представил: – Лола Санджаровна Исамухамедова – завед-делом писем, ваш будущий начальник. Лола Санджаровна не только заведует отделом, она секретарь нашего партбюро, так что у меня от нее секретов нет.

Тимофеев поинтересовался, когда Марков сможет приступить к работе.

– Думаю, за недельку сумею закончить все дела в редак-ции и собраться...

– Нет-нет, – решительно возразил Тимофеев. – Я очень уважаю Рубена Акоповича Сафарова, он возглавляет одну из лучших областных газет республики. И я не хочу, чтобы ваш переход к нам выглядел, будто мы переманиваем кадры. По-дайте заявление, отработайте все, что положено по закону, и тогда – милости просим.

– После гибели мамы у нас с Рубеном Акоповичем был разговор о моем вероятном возвращении в Ташкент. Он не против. Так что, думаю, проблем с увольнением и переездом у меня не возникнет.

– Ну что ж, тем лучше, – заметил Тимофеев. – Но в любом случае вы должны уехать из Андижана по-доброму, без кон-

фликтов. И не стоит пока никого ставить в известность, что вы будете работать в «Звезде Востока», во избежание возможных кривотолков, – туманно посоветовал Тимофеев.

Пьяный Вовка Чепелев, литсотрудник из промышленного отдела, всё лез к нему целоваться и заверял, что все к нему, Аркаше, в «Андижанке» так привыкли и так его полюбили, что без него и жизнь им будет не мила. Вовка уснул, пристроив беспокойную голову на край стола.

Аркадий собрал в чайхане всю редакцию, устраивал отвальную. Только Кондрата не пригласил. Но тот в приглашении не нуждался. Как ни в чем не бывало, явился вместе со всеми, маханул свой «законный» стакан водки, поел и был таков, ни слова не молвив на прощание.

– Чепель, конечно, напился, но он правду сказал – мы действительно к тебе привыкли, – подсел к Маркову поближе Женя Сорокин. – И вообще, ты подумай, стоит ли тебе ехать. Здесь ты уже король. Печатаешься, сколько хочешь, вон в прошлом месяце по гонорарам Марка обогнал. А там, в столице, что будешь делать? Ну, допустим, устроишься. Напечатаешься раз в год – и привет. У них в штате по сто с лишним человек работают, за место на полосе друг другу глотку перегрызут. По мне, так лучше быть первым парнем на деревне, чем последним в городе.

«С чего это он решил, что в городе я буду последним?», –

подумал Аркадий, но мыслями своими делиться не стал, при себе оставил. Он вспомнил свой прощальный разговор с редактором.

– На твоём месте я бы начал либо с «вечёрки», либо с областной газеты «Ташкентская правда». Областная для тебя даже предпочтительнее. Формат, периодичность – все, как у нас, – советовал Рубен Акопович. – И знай: если понадобится, ты всегда можешь твердо рассчитывать на мою самую благожелательную характеристику.

Он не мог нарушить указаний Тимофеева и рассказать о своих переговорах в «Звезде Востока», поэтому при разговоре с Сафаровым испытывал угрызения совести, словно обманывал человека, который относился к нему с открытой душой. Это беспокойное чувство не покидало его до тех пор, пока он не вышел из вагона поезда на ташкентскую платформу.

Михалыч пророчил ему пять лет работы на периферии и возвращение в столицу на белом коне. Аркадий возвращался через год и семь месяцев. Белого коня он под собой не ощущал.

Глава восемнадцатая

– Ну, знаете, это уже просто ни в какие ворота не лезет, – зашедший в кабинет заместитель главного редактора Кости-ков был, как обычно, застегнут на все пуговицы, говорил своим неизменным скрипучим голосом, не повышая тона, но Тимофеев, хорошо изучивший своего зама, видел, что тот вне себя от неподдельного гнева.

Ивану Капитоновичу Костикову минуло семьдесят пять, но выглядел он куда моложе своего почтенного возраста. Кое-кто всерьез утверждал, что причина такой молодости в дате рождения – Костиков родился в високосный год, 29 февраля, и, стало быть, дни рождения отмечал только раз в четыре года. Худощавый, подтянутый педант, не выкуривший в жизни ни единой сигареты, поднимающий бокал с шампанским раз в году – на Новый год, едва пригубливая, он вел исключительно здоровый образ жизни, даже на работу ходил пешком, а персональная служебная машина, с матерящимся от бессильной злобы водителем, ползла за ним. В редакции Иван Капитонович отвечал за кадры и за распределение финансов, твердой и жесткой рукой пресекая любые поползновения на перерасход гонорарного или командировочного фондов. Эстетствующие дамы из отдела литературы и искусства за глаза величали его «Человек в футляре», мужики прозвали по-простому – Скопидомыч.

– Вот, извольте видеть, кого вы собрались на работу принять, – и Иван Капитонович положил перед Тимофеевым заполненную Марковым анкету, вернее сказать, многостраничный «Листок по учету кадров».

Николай Федорович, мельком просмотрев Аркашкины каракули и не обнаружив там ничего крамольного, вопросительно взглянул на заместителя.

– Как же вы не видите?! Ему двадцать о-дин год! – по складам произнес Скопидомыч и повторил, словно уличая в чем-то неприличном или даже преступном. – Двадцать один год!

– Н-да, выглядит он постарше, – пробормотал Тимофеев.

– Дело не в том, как он выглядит, – не унимался Кости-ков. – Я специально проверил – за всю историю нашей газе-ты у нас не было ни одного творческого сотрудника такого возраста. К тому же он беспартийный.

– Ну в двадцать один год о какой партийности вы гово-рите, Иван Капитонович. К тому же вот здесь указано, – он ткнул карандашом в анкету, – член ВЛКСМ. Комсомолец, как и положено по его возрасту. И почему вы говорите, что я собирался взять Маркова в штат. Я его беру.

– Он не может, ему еще просто рано работать в нашей га-зете, которая, смею вам напомнить, является органом цен-трального комитета партии, – перешел на сугубо официаль-ный тон заместитель, совершив этим непоправимую ошибку.

– Это мне решать, кто может, а кто не может работать в

газете, которую центральный комитет доверил мне подписывать своей фамилией. К тому же хочу вам, Иван Капитонович, напомнить в свою очередь, когда на бюро центрального комитета меня назначали на эту должность, то поставили в известность, что я буду руководить печатным органом ЦК партии, а не банно-прачечным комбинатом, – Тимофеев умел быть властным и жестким.

Прекрасно зная, насколько прочное положение у его шефа и как благоволит ему «хозяин республики», опытный конъюнктурщик Костиков немедленно отработал «задний ход»:

– Помилуйте, Николай Федорович, я вовсе не собирался вмешиваться в ваши решения и нарушать субординацию. Поверьте, я лишь хотел обратить внимание на недопустимо молодой возраст нового сотрудника.

– Молодой возраст не помешал ему написать очерк, который мы все, и вы в том числе, признали лучшим.

– Отдельная удача еще ни о чем не говорит, – не сдавался Костиков.

– Не отдельная, – твердо отрезал Тимофеев. – Наш собкор по Андижанской области утверждает, что в своей газете Марков печатался большей всех и зарекомендовал себя умелым и оперативным репортером. Я обещал ему должность в отделе писем, сорвал из другого города, и от своего слова отказываться не намерен. К тому же бегать по городу проверять жалобы трудящихся – вот тут ему как раз молодость и

поможет, – уже мягче заключил главный редактор.

– Но против испытательного срока для этого юного дарования вы, надеюсь, возражать не станете, – оставил за собой Костиков последнее слово.

Едва только заместитель вышел из кабинета, Тимофеев поднял трубку на аппарате, где вместо наборного диска золотело изображение герба СССР. По «ВЧ» – высокочастотной прямой правительственной связи – велел связать его с редактором «Андижанской газеты». После взаимных приветствий перешел к делу:

– Рубен Акопович, тут ко мне твой парень обратился по поводу трудоустройства. Как бишь его... – Тимофеев сделал вид, что вспоминает фамилию, – ах, да, Марков, Аркадий. У меня как раз образовалась вакансия в отделе писем. Молод, конечно, но в отделе писем может стодиться. Что ты о нем можешь сказать? – Долго, не перебивая, слушал. Попрошавшись и положив трубку, велел секретарю вызвать к нему Маркова.

– С сегодняшнего дня вы зачислены в штат «Звезды Востока». Приказ я только что подписал, поздравляю, – Тимофеев протянул руку новому сотруднику. – Зачислены вы с испытательным сроком, но это обычная процедура. Я не хочу скрывать, что навел о вас справки, разговаривал с Сафаровым. Все равно узнаете, так я хочу, чтобы вы узнали об этом от меня. Рубен Акопович, а я ему доверяю, дал вам такую характеристику, что я буду рад, если вы ее оправдаете

хотя бы на пятьдесят процентов...

Машина времени

(Оглядываясь на будущее)

Все вопросы, вынесенные на заседание бюро ЦК партии Узбекистана, были рассмотрены, оставалось только проголосовать за список представленных к наградам. Формально награждал президиум Верховного Совета. Практически все решалось по согласованию с членами бюро. В этот день представляли к награждению почетными званиями. Ответственный за представление бубнил фамилии, члены бюро, не вслушиваясь, лениво поднимали, едва оторвав от стола, руки.

«Марков, Аркадий Александрович, заведующий отделом газеты «Звезда Востока», – прозвучала очередная фамилия. – Представляется к званию «Заслуженный журналист» за серию репортажей и очерков из Демократической Республики Афганистан и с места ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС». Члены бюро уже подняли было руки, когда зачитывающий список удивленно произнес: «Минуточку, здесь имеется особое мнение». Термин «особое мнение» означал, что в период прохождения документов кандидата на награду кто-то из партийных работников высказал возражение. И теперь это возражение предстояло выслушать.

– Особое мнение высказал заведующий организационным

отделом горкома партии товарищ Чиженок, – сообщил ведущий.

В зал заседаний бюро вошел Чиженок, высокий широкоплечий мужчина, в безукоризненно сидящем на нем черном костюме. Зная, по какому поводу его вызвали, четко произнес:

– Я высказал свои возражения в связи с тем, что товарищу Маркову только недавно исполнилось тридцать шесть лет, а когда его представляли, ему вообще тридцать пять было. Товарищи, мы все знаем, насколько высоко почетное звание, какие льготы и по работе, и впоследствии оно предоставляет, давая право на персональную пенсию. До сих пор почетные звания присваивались только в связи с юбилеями – шестьдесят, семьдесят лет, а тут тридцать шесть. К тому же товарищ Марков не является членом КПСС. Так мы скоро выпускникам детсадов награды начнем раздавать, – позволил себе шутку горкомовский блюститель чистоты рядов партии.

Пока он произносил свою обличительную речь, председатель Верховного Совета Рафик Нишанов придвинул анкету Маркова и вчитывался в нее.

– Я лично читал репортажи товарища Маркова. И из Афганистана, и из Чернобыля. Хорошие репортажи, сочные, яркие. Безусловно, талантливое перо. Но не о таланте и не о своем мнении хочу сказать, – со своим неподражаемым акцентом заговорил Рафик Нишанович. – Наша республика доверила товарищу Маркову выполнение очень ответ-

ственной миссии – рассказать читателям о том, как оказывает интернациональную помощь дружественному Афганистану Советский Союз, как наши люди героически борются со страшными последствиями чернобыльской катастрофы. Товарищ Марков получил в Афганистане тяжелое ранение. Долго лечился в госпитале. Потом отправился в Чернобыль, после значительного облучения снова попал в госпиталь. Награжден орденом Красной Звезды и афганским орденом «Родина», он лауреат премии Союза журналистов СССР. В свои тридцать с небольшим лет товарищ Марков, рискуя своей жизнью и здоровьем, порученное ему дело с честью выполнил. А поблагодарить за это – видите ли, возраст не позволяет, рано еще. Так вы считаете, товарищ Чиженок?

– Я, товарищ Нишанов, в таком аспекте вопрос не рассматривал, – залепетал горкомовец, враз потерявший свой бравый облик. Возражать второму человеку в республике ему по рангу было непозволительно.

– А нам в руководящих партийных органах не нужны люди, которые мыслят узко и не способны рассматривать проблему всесторонне, – как приговор провозгласил Нишанов.

... Через две недели, награждая Аркадия, в зале приемов Верховного Совета Нишанов сказал:

– Недавно в Советском Союзе учреждено новое почетное звание «Заслуженный журналист». И я рад сегодня сообщить, что первым в нашей республике это звание присвоено заведующему отделом нашей главной газеты «Звезда Во-

стока» Аркадию Александровичу Маркову. По статистике, Аркадий Александрович стал самым молодым обладателем почетного звания у нас в республике. Поздравляю вас, товарищ Марков.

Официанты внесли подносы с традиционным шампанским. Нишанов подозвал к себе Аркадия.

– В вашем возрасте – заведомо центральной партийной газеты – дорогого стоит, – заметил он.

– Так я, Рафик Нишанович, в «Звезде Востока» уже пятнадцать лет.

– Вы что же, прямо из детсада в партийную газету пришли? – невольно вспомнив Чиженка, улыбнулся Нишанов.

– Ну почему же, – смущенно возразил Аркадий. – Мне уже двадцать один год тогда был.

– А! Ну если целых двадцать один год, тогда это в корне меняет дело, – серьезно произнес председатель Верховного Совета. Но глаза его при этом смеялись.

Аркашка, впрочем, не понял, что так развеселило всегда строгого Нишанова. Ни про разговор о его несолидном возрасте Костикова с Тимофеевым пятнадцать лет назад, ни о возражениях Чиженка на бюро ЦК ему известно не было...

Глава девятнадцатая

Первый месяц работы в новой газете Аркадия неотступно свербила мысль: «Залез не в свои сани». Ставшая ему родной и привычной областная «Андижанка» отличалась от главной партийной газеты, как кружок художественной самодеятельности сельского клуба от труппы Большого театра. Поначалу его подавлял даже внешний антураж: красные ковровые дорожки в коридорах, степенные сотрудники – всегда в костюмах, с неизменным галстуком; множество вспомогательных служб – юридическая служба, бюро проверок, стенографистки, архив, библиотека с великолепным набором справочников, словарей, машбюро, в котором стрекотали с утра до позднего вечера не две, как в Андижане, а двенадцать – современнейшие электрические «Оптимы»...

Он благодарил судьбу за то, что оказался не в отраслевом отделе, где его периферийную отсталость, так ему казалось, разоблачили бы мгновенно, а в тихой заводи под названием «Отдел писем и жалоб трудящихся».

Народ любил свою газету, верил ей, поэтому в редакцию приходило ежедневно несколько сот писем. До появления Маркова отдел был исключительно женским. Четыре сотрудницы с утра до вечера читали письма, две – самая пожилая в отделе, Зина, и вчерашняя школьница Маринка, зарабатывающая стаж перед поступлением на журфак, письма реги-

стрировали. Лола Санджаровна, в редакции ее звали попросту Ляля, всем этим бабьим царством руководила. Новичка приняли без особого восторга, скорее настороженно: в отделе писем мужики отродясь не работали, поэтому никто не понимал, чем новенький будет заниматься. Сообщение Ляли, что в отдел приняли творческую единицу, женщин покорило. «А мы, выходит, не творческие, мы технические», – роптали они. Первой опомнилась практичная Алла Рогозян. «Пока эта творческая единица начнет творить, пусть вместе с нами письма читает», – заявила она и, хромя, у Аллы от рождения одна нога была «сухая», плюхнула Аркадию на стол увесистую пачку конвертов, раза в два больше, чем у остальных сотрудниц. Но он подвоха не усмотрел, даже рад был, что ему нашлось хоть какое-то дело.

...Коля Тимофеев ушел на фронт восемнадцатилетним мальчишкой. До Сталинграда судьба парнишку берегла, потом нашлась и его пуля. В госпитале он получил свой первый орден, там же, в палате, написал заявление о вступлении в партию. Вернулся на фронт. Потом были еще одно ранение и контузия, ордена, медали, всё, как у всех. После войны молодого коммуниста направили в партком крупного машиностроительного завода, потом были казахстанская целина, учеба в высшей партийной школе, работа в областной газете и повышение – главная партийная газета республики. «Звез-

ду Востока» создавали и формировали на протяжении десятилетий высококлассные журналисты, можно сказать, асы газетного дела. Тимофеев, понимая, что в газетном деле своим предшественникам уступает, считал, что главное для него – не растерять того, что уже создано. К пишущим журналистам он относился чуть ли не с благоговением. А мэтры смотрели на своего главного все-таки свысока, не понимая, что благодаря организаторским способностям Тимофеева у них такая, в общем-то, вольготная и сытая жизнь.

Тимофеев был завзятым охотником и рыбаком. Своему увлечению посвящал всё свободное время. Купив у вояк старенький списанный «газик», отремонтировал его и уезжал в редкие выходные порыбачить, а когда удавалось, то поохотиться, возвращаясь в город посвежевшим и отдохнувшим. Возле вечернего костра, где рыбаки травили свои нескончаемые байки, познакомился с директором зоокомбината Владимиром Савельевичем Левитиным. Левитин так увлекательно рассказывал о своем хозяйстве, что Тимофеев не выдержал и однажды принял его приглашение, побывал в зоокомбинате. Увиденное настолько поразило его воображение, что он тут же вызвал к себе заведующего отделом репортажа и дал ему задание.

Если журналистского дара Тимофеев был лишен напрочь, то редакторские способности в нем к тому времени уже были развиты и отшлифованы до совершенства. И уж хороший материал, в который душа была вложена, от формально-

го халтурного строчкогонства он отличал мгновенно. Спросив напрямую репортера, отчего материал получился таким скучным, главный редактор выслушал ответ сноба:

– Где ничего не положено, там нечего взять, – заявил зав-отделом. – В этом зоокомбинате ничего интересного. Во всяком случае, для творческого взгляда и восприятия. Каких-то лягушек разводят и продают, змееловы, вечно бухие, крутятся... И вообще, как-то мелко это, не наш уровень.

– Наш это уровень или не наш, решать мне, – жестко одернул главный сотрудника. – Вы получили задание и не выполнили его.

– Что значит «не выполнил»? Вот же репортаж перед вами, – ухмыльнулся репортер.

– То, что вы сейчас назвали репортажем, таковым не является. Вот это как раз не наш уровень, – подвел Тимофеев итог разговора.

Он еще долго не мог успокоиться, бормоча про себя: «Ишь ты, он будет решать, что наш уровень, а что не наш уровень». Уже поздно вечером, дома, Николай Федорович подумал, что в редакции нет ни одного человека, с которым бы у него сложились доверительные отношения. До сих пор он полагал, что так и должно быть. Слишком высоко было его положение. Статус главного редактора центральной газеты, члена бюро ЦК партии, депутата Верховного Совета создавал между ним и остальными сотрудниками редакции непреодолимую глубокую пропасть.

Тимофеев вспомнил байку, которую услышал в Москве, на совещании главных редакторов, от своего грузинского коллеги. Тот рассказывал, что на каком-то этапе футболисты тбилисского «Динамо» скатились в турнирной таблице чемпионата страны резко вниз. Секретарь ЦК, курирующий спорт, вызвал к себе спортивных руководителей. Выслушав их, пришел к мнению, что есть серьезные недостатки в тренерской работе. Сказал категорично: «Нужен ахалкаци». Через несколько дней тбилисское «Динамо», играющее в высшей лиге, возглавил тренер из какой-то безвестной периферийной команды по фамилии Ахалкаци. Секретарь ЦК вообще не его имел в виду, «ахалкаци» по-грузински значит «новый человек».

«Мне нужен свой «ахалкаци», – подумал Тимофеев. Вскоре в газете был опубликован очерк андижанского журналиста Маркова о детском доме. В редакции статья произвел на всех очень хорошее впечатление. На редактора в том числе. Через собкора Новоженина он навел справки о Маркове, узнал, что тот родом из Ташкента, и пригласил на собеседование. Можно было бы, конечно, найти для новичка вакансию и в отраслевом отделе, но Тимофеев специально упрятал его в отдел писем, полагая, что так у него будет больше возможностей для манёвра. И первое задание, которое Аркадий получил непосредственно от главного редактора, – побывать в зоокомбинате.

Репортаж А. Маркова «Десять гектаров экзотики» произвел настоящий фурор. Старейший и один из самых почитаемых в редакции сотрудников Яков Израйлевич Нудельман, еще в годы войны возглавлявший дивизионную газету, не поленился и зашел в отдел писем, чтобы позжать Аркашке руку. То, чего несколько месяцев назад не увидел, а скорее не захотел увидеть на комбинате старший коллега, Аркашку попросту восхитило. И он не стал сдерживать эмоций. Он даже договорился на будущее отправиться со змееловами в экспедицию в пустыню Кызыл-Кумы на ловлю гюрзы.

И снова потянулись скучные и однообразные дни в «женском царстве», бесконечные конверты, листки в линейку и в клеточку, корявые, чаще всего неразборчивые почерки, о которые приходилось глаза ломать.

Долгими вечерами он теперь старался почаще бывать дома, с отцом и бабой Симой, которая перебралась жить к ним. Аркашка доставал из нижнего ящика своего письменного стола старые записки и, наконец, решил приступить к давно задуманному – книжке, название которой уже было придумано: «Алёнкины рассказы».

Красная лампочка селектора на его столе замигала только

через месяц. «Марков, зайдите ко мне», – услышал он голос главного и отправился в кабинет в конце коридора.

– Вы уже получили постоянное удостоверение? – спросил Тимофеев, едва он вошел.

– Нет, пока только временное. Иван Капитонович сказал, что мне назначен испытательный срок на три месяца, а я работаю всего...

– Понятно, понятно, – досадливо перебил редактор, про себя костеря несносного бюрократа Скопидомыча. Нажав на селекторе кнопку, осведомился: – Отдел кадров? Сейчас к вам зайдет Марков из отдела писем. Подготовьте приказ о завершении испытательного срока и выпишите постоянное удостоверение. Срочно. Через полчаса и приказ, и удостоверение должны быть у меня на подписи.

Тимофеев объяснил, что Маркову предстоит немедленно отправляться в районный суд, где слушается дело какого-то кладбищенского сторожа.

– В суд, сам понимаешь, со временным удостоверением и соваться нечего, там такие крючкотворы... Поэтому я и велел выдать тебе постоянный документ. Считай, повезло, твой испытательный срок закончен раньше времени. Теперь о деле. Скажу откровенно, но делиться этой информацией ни с кем не надо. Я не знаю, зачем ты едешь в суд. Скажем так: необходимо, чтобы там присутствовал представитель прессы. Для большей, как говорится, объективности участников сторон. Не уверен, что тебе придется об этом процессе пи-

сать. Кладбищенская тема, сам понимаешь, весьма щекотливая, мы её стараемся избегать. Но мне надо, чтобы ты присутствовал в процессе. Ты меня понимаешь?

Аркашка ровным счетом ничего из сказанного не понял, но заверил Николая Фёдоровича, что все прекрасно понимает и задание выполнит.

Едва началось судебное слушание, председательствующая обратилась к нему:

– Вы, молодой человек, разве являетесь прямым родственником обвиняемого или потерпевшей?

– Я корреспондент газеты «Звезда Востока», – заявил Марков и извлек из кармана новенькое кожаное удостоверение.

– Объявляется перерыв на пять минут, – провозгласила судья и, уже обращаясь непосредственно к Аркадию, предложила:

– Прошу вас пройти ко мне в кабинет.

В кабинете она тщательно изучила его удостоверение, хмыкнула: – Ну надо же, выдано сегодня, – и уже строго пояснила: – Дело в том, что данное дело, в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом, относится к категории закрытых. А на закрытые заседания представители прессы не допускаются. Сожалею, но я вынуждена просить вас покинуть зал судебного заседания.

Провалил, и что самое обидно, так бесславно провалил, первое серьезное задание, полученное от главного редакто-

ра! Нет, такого допускать было нельзя. Однако и говорить этой даме, от кого он получил задание, тоже не следует – ведь Тимофеев, как знал, предупредил, чтобы он не больно распространялся.

– Товарищ судья, – обратился Марков. – Прекрасно понимаю, что вы действуете исключительно в рамках закона. Однако вынужден вам напомнить, что я не просто представитель прессы, а сотрудник единственного в республике издания, которое является органом центрального комитета партии. И в связи с этим у меня есть все основания, что вы найдёте возможность допустить меня в зал суда.

Судья надолго задумалась. Ей, многоопытной, было совершенно очевидно, что мальчишка с документом такой пробивной силы явился сюда отнюдь не случайно. От этого, на первый взгляд, простого дела за версту разило дерьмом. Как ей не хотелось его брать, но председательствующий давил и давил, вот она и согласилась. А теперь пожалуйста – представитель партийной газеты тут как тут. Молчание явно затянулось, надо было принимать хоть какое-то решение.

– Хорошо, вы можете присутствовать, но я не разрешаю вам делать фотографии, – огласила своё решение судья, добавив запрет о фотографиях как компромисс для себя. – Было бы хорошо, если бы вы привезли в суд на имя председателя письмо-ходатайство о допуске вас в закрытый процесс. – Завтра у вас такое письмо будет, – заверил её Аркадий. Минут через пятнадцать после того, как возобновилось

слушание в райсуде, секретарь главного редактора «Звезды Востока» доложила, что по городскому телефону звонит заместитель председателя Ташгосуда. Этот звонок был удивительным уже сам по себе. По ранжиру главному редактору мог позвонить председатель городского суда, но уж никак не заместитель. И все же Тимофеев, понимая, что звонок не случайный, дал согласие на разговор.

– Товарищ Тимофеев, – раздался в трубке голос. – Сегодня в районный суд приехал представитель вашей газеты товарищ Марков. Вы подтверждаете его полномочия?

– Что?! Да как вы смеете? – взъярился Тимофеев. – Вы забываетесь.

– Извините, Николай Фёдорович, может быть, я не совсем корректно сформулировал вопрос, – залезбил судейский, – но дело в том, что у товарища Маркова весьма странное удостоверение, выданное только сегодня. Да и сам товарищ Марков явно неадекватен. Он закатил судье форменный скандал, чтобы она его допустила в зал, где слушается закрытое дело, скандалил, угрожал. Такое впечатление, что он, может быть, даже нетрезв. Конечно, это всего лишь предположение...

– Я назначу служебное расследование, – ледяным тоном прервал своего собеседника Тимофеев. – В том числе мы проведем экспертизу, которая даст четкий ответ на вопрос, был ли сотрудник партийной газеты нетрезвым. И если результат экспертизы окажется отрицательным, вам придется

отвечать за свое голословное обвинение.

– Ну, зачем же так? У меня и в мыслях не было никого обвинять. Я ведь всего-навсего поделился своими соображениями, сомнениями, так сказать.

– О каких сомнениях вы тут мне толкуете? – Тимофеев и не думал щадить этого человека. – Ни представитель советского суда, ни представитель партийной печати ни на какие сомнения права не имеют. Мы обязаны апеллировать только фактами.

Во время разговора Тимофеев открыл телефонный справочник руководящих работников города и нашел фамилию и должность своего собеседника.

– Насколько я понимаю, вы являетесь заместителем председателя городского суда по гражданским делам, так что вообще неясно, в связи с чем вы сегодня проявили интерес к уголовному процессу. О содержании нашего разговора прошу вас поставить в известность председателя городского суда товарища Шамсутдинова, – жестко закончил Тимофеев, и это был уже нокаутирующий удар, как сказали бы боксеры.

Когда прокурор, хорошенькая, совсем молоденькая, с тремя звездочками в синих петлицах мундира – Аркашка влюбился в нее с первого взгляда, – изложила суть дела, Марков сначала даже ушам своим не поверил.

У сорокадвухлетнего сторожа городского кладбища Ма-

хмуда умерла жена. Огорчившись, что утратил помощницу, никак не более того, Махмуд отправился в далекий горный кишлак, где не поскупился на щедрый калым и увез в город новую жену – шестнадцатилетнюю Гульчехру. Боязливо вошла он в свой новый дом, окруженный могилами и склепами, тревожно шумящими деревьями, отчего ей было безотчетно страшно. В первую же ночь после приезда Махмуд растолкал девчонку, вывел ее из дому и, подсвечивая фонарем, повел за собой. Шли долго. Остановились у могильного холмика, заваленного венками. Махмуд дал жене фонарь, приказал держать. Сам деловито принялся раскапывать свежую еще могилу. Когда он вытащил гроб и открыл его, Гульчехра повалилась в обморок, да так неудачно, что скатилась в только что освобожденную от гроба могильную яму. Матерясь и проклиная девчонку, Махмуд извлек ее оттуда, довел до конца свое дело, а утром достойно «поучил» чересчур впечатлительную жену.

На следующую ночь все повторилось. Фонарь, могила, гроб, обморок. Только к четвертой ночи Гульчехра смогла держать фонарь до конца жуткой процедуры. Махмуд, освободив гроб, спихнул покойника обратно в яму, закидал ее землей, гроб забрал и спрятал в сарае. Здесь у него была оборудована столярная мастерская – из гробов умелый Махмуд делал табуретки, кухонные шкафчики и прочные деревянные лестницы, которые потом сбывал на ближайшем рынке. Спрос на его прекрасные изделия был отменным, покупате-

ли по достоинству ценили качественные изделия мастера.

Гульчехра с месяц маялась головными болями, предрасветными кошмарами и леденящим душу страхом. Потом вспомнила, что она комсомолка, и разыскала райком комсомола – по случайному совпадению он оказался неподалеку от кладбища. В райкоме ее внимательно выслушали, связались с милицией, остальное было делом техники. Когда Махмуд вытащил из могилы очередной гроб и, словно ненужную вещь, вытряхнул оттуда покойника, на кладбище вспыхнули прожектора, зажужжала кинокамера.

Дело казалось очевидным, Аркашка без омерзения не мог смотреть на это чудовище, но адвокат, дородный вальяжный мужчина с густой гривой седых волос и очень красивым, хорошо поставленным голосом, разливался соловьем, убеждая суд в том, что его подсудимый – не более чем несчастная жертва религиозных предрассудков. Красавица-прокурор опровергала его доводы ужасающими фактами, жуткими фотографиями, но защитник отмахивался от ее аргументов, как от назойливой мухи.

Судья объявила перерыв. Время было обеденное, адвокат, прокурор и Аркадий, они сами его пригласили, отправились в ближайшее кафе. Маркова удивило, что защитник и обвинитель, еще несколько минут назад готовые друг другу вцепиться в глотки, беседуют как хорошие приятели.

– Иосиф Маркович, а вам не противно защищать этого упыря? – спросила за обедом Валентина Михайловна, так прокурор представилась Аркадию.

– Милейшая Валентина Михайловна, если бы сей вопрос мне задал уважаемый молодой человек, я бы еще понял. Но от вас, работника прокуратуры, мне это слышать, право, удивительно. При чем тут личность, мне на эту мразь глубоко наплевать. Но следствие допустило ряд промахов, что даёт мне возможность добиваться торжества закона. Ничего личного.

– Вы не зря входите в золотую пятерку адвокатов, – заметила Валентина Михайловна.

– Полагаю, что не зря, – самодовольно ухмыльнулся защитник.

Адвокат попытался оплатить обед за всех, но прокурор на него так глянула, что он, смешно замахав руками, проворковал:

– Ну, извините, не серчайте – бес попутал.

Аркашка же просто молча положил на столик деньги.

После обеда судебное заседание продолжилось, но до вынесения приговора дело не дошло. Аркадию хотелось продолжить знакомство с очаровательной Валентиной Михайловной, и он сказал, что ему необходимо задать ей несколько вопросов.

– К сожалению, я тороплюсь в театр, а мне еще нужно захватить домой переодеться, не могу же я в оперу идти в фор-

ме. Давайте так сделаем: вы мне оставьте свой телефон, и я вам часов около одиннадцати, если для вас не поздно, сама позвоню, – предложила Валентина Михайловна.

Горячо заверив, что ему вовсе не поздно и после двенадцати, Аркашка помчался в редакцию, но торопился напрасно, шеф уже уехал. Он отпечатал на редакционном бланке письмо-ходатайство в суд, подписал его у ответсекретаря, поставил в канцелярии печать и поехал домой. Валентина Михайловна позвонила, как и обещала, около одиннадцати вечера. Из разговора с прокуроршей выяснились удивительные детали.

Сторож кладбища – фигура столь незначительная, что вряд ли судебный процесс над ним мог привлечь чье-либо внимание. И вдруг в зале суда появляется собственной персоной один из лучших адвокатов республики Иосиф Маркович Лавацкий.

– Вы понимаете, о чем это говорит? – спросила собеседница Маркова.

– Не очень, – признался Аркадий.

– Ну как же! Посудите сами, мог ли этот сторож на своих табуретках да тумбочках заработать столько денег, чтобы нанять Лавацкого? Да никогда в жизни! Значит, его пригласил некто. Некто имеющий либо большие деньги, либо большую власть.

– А вы не усложняете? – усомнился Аркадий. – Вы же сами только что утверждали, что сторож – фигура никчем-

ная. Откуда же, спрашивается, у него могут быть такие знакомые?

– Вы, Аркадий, вероятно, не обратили внимание на одну деталь. Когда у Махмуда умерла жена, он поехал за новой в горный кишлак Шахимардан, который находится под Ферганой. Потому что он сам оттуда родом. Не мне вам объяснять, насколько сильны у нас в регионах клановые связи. Вполне возможно, и даже вероятно, что своими родовыми корнями он связан с кем-то из тех, на кого, будучи осужденным за столь неприглядное, мягко говоря, преступление, может бросить тень. Вот вам и наиболее вероятная отгадка этого ребуса. Кстати сказать, а как вы сами на процессе оказались и с какой целью? Если не можете ответить откровенно, лучше не отвечайте вообще. Но только не врите – иначе поссоримся, – прозвучало строгое предупреждение.

Связанный наказом редактора не распространяться о полученном задании, Аркаша немного помолчал, потом сказал твердо:

– Врать не стану, честно ответить пока не могу. Я еще сам не во всем разобрался.

– Ну спасибо и на этом, – явно усмехнулась женщина и повесила трубку.

Утром он снова поехал в районный суд. Зачитали приговор. Махмуда осудили на один год заключения с отбыванием

срока в колонии общего режима. Адвокат, явно недовольный приговором, первым покинул зал судебного заседания. Аркадий и Валентина Михайловна вышли вместе.

– За такое кощунство и всего год тюрьмы, – не скрыл своего разочарования Аркадий.

– В военное время подобные действия рассматриваются как мародёрство и караются смертной казнью. В мирное время статья за надругательство над могилами и памятниками предусматривает всего год лагеря общего режима. Кстати, и этот год негодяй Махмуд получил, как мне представляется, благодаря вашему присутствию в суде.

– Моему? – неподдельно изумился Аркадий.

– Вашему-вашему. Все шло к тому, что он либо был бы признан полностью невиновным, что скорее всего, либо получил условный срок. И вдруг появляется пресса... Вы же видели, с каким недовольным видом уходил Лавацкий. Он явно не ожидал такого поворота событий. Но судья не осмелилась вынести оправдательный приговор. Она предпочла действовать строго по закону, и её упрекнуть в этом никто не посмеет. Кстати, о сроке заключения. Уверяю вас, этого Махмуда в лагере ждет нелегкая жизнь. Зэки не простят ему такого – ведь он мог надругаться над могилой родственников любого из них.

Тимофеев, выслушав отчет своего сотрудника, остался

явно доволен действиями молодого журналиста, хотя, в воспитательных целях, виду не подал. Он оценил, что Марков сумел проявить твердость и пробиться на закрытое заседание суда. Но позже иного он оценил, что журналист сумел разобраться в сути происходящего в зале суда. Тимофеев и сам до конца не знал, зачем понадобилось присутствие представителя партийной газеты на суде. И знать, честно говоря, не желал. Его попросил об этом один из тех людей, кому в республике могут отказать всего один-два человека.

Вспомнив о звонке заместителя председателя горсуда, Николай Фёдорович все же счел нужным уточнить:

– Нелегко было убедить судью пустить тебя на закрытый процесс?

– Да нет, особых проблем не возникло, она только попросила принести ей письмо от редакции. Я на следующий день принес...

Прошло полгода, когда в телефонной трубке Марков услышал звонкий женский голос:

– Аркадий, это вы? Здравствуйте, это Тетерина из городской прокуратуры.

Все эти месяцы он не раз вспоминал красивую молодую женщину и всё не мог найти повода, чтобы ей позвонить. И вот она звонит ему сама!

– Аркадий, у меня к вам предложение. Вы, журналисты,

можете попасть куда угодно. Я в этом уже убедилась. Если вы в обед свободны, закажите столик в кафе «Голубые купола». Туда, говорят, в обеденное время не попасть. А я получила повышение в звании и приглашаю вас на обед. И имейте в виду, не просто приглашаю, а я вас угощаю. Заодно расскажу кое-что для вас интересное.

Они встретились возле кафе. Валентина была в этот раз одета в белую блузку, светлую юбку и явно только что вышла из салона красоты – еще даже лак на ее замысловатой пышной прическе не просох. Выглядела она еще моложе, чем в форме, и Аркадий, не скрывая, залюбовался молодой женщиной.

– Перестаньте меня так откровенно рассматривать, это, в конце концов, неприлично, – рассердилась Валентина. – вы меня в краску вгоняете.

Они пили шампанское, разговаривали о всяких пустяках. Когда с обедом было покончено, Валентина извлекла из сумочки тонкий лист бумаги.

– Это спецсообщение из лагеря, где отбывал срок кладбищенский сторож Махмуд. – пояснила она. – Впрочем, я своими словами. Эки, узнав, по какой статье он осужден, придумали ему изощренное наказание. После отбоя вынимали из прикроватной тумбочки перегородку и засовывали туда скрюченного Махмуда. Потом выбрасывали тумбочку в окно. До утра Махмуд должен был ее починить. Ну они его там подвергали и другим унижениям. Одним словом, Ма-

хмуд месяц назад повесился. Я сочла нужным вам об этом рассказать.

Конечно, он не позволил ей заплатить за обед, вызвался проводить. Валентина в этот день взяла отгул, потому и шампанское себе позволила. Они шли по тенистым улицам Ташкента, о чем-то беззаботно говорили, Аркашка лихорадочно думал, под каким бы предлогом назначить ей следующую встречу. Дошли до ее дома, у подъезда остановились. Враз став очень серьезной, Валентина сказала:

– Ни на чашечку кофе, ни на чай я вас не приглашаю, впредь встречаться мы с вами будем только по делу, если понадобится. Вы сегодня на меня так смотрели, что я считаю необходимым вам сообщить: я замужем, у меня двое детей, и вообще я старше вас на двенадцать лет.

– Как на двенадцать?! – опешил Аркадий. – А откуда вы знаете сколько мне лет?

– Узнать ваш возраст было не сложно. Вы забыли, где я работаю? А за комплимент моему возрасту – спасибо, – Валентина махнула ладошкой и исчезла в подъезде.

... Тимофеев, которому Марков счел нужным доложить о злосчастной судьбе бывшего кладбищенского сторожа, отреагировал коротко: «Собаке собачья смерть».

Глава двадцатая

«И жить торопится, и чувствовать спешит». Это о нем, и ни о ком другом, написал Петр Вяземский. Его, Аркашку Маркова, пронзив толщу веков, узрел поэт своим пронзительным всевидящим взглядом. Ведь это его жизнь предрек Вяземский в своих бессмертных строках:

«Стеснилось время им в один крылатый миг.

По жизни так скользит горячность молодая.

И жить торопится, и чувствовать спешит».

Это он, Аркашка, в один крылатый миг стеснил время, трясясь утром в переполненном автобусе, навстречу новому дню. Это же его молодая горячность скользит по жизни, это он торопится и чувствовать спешит.

В те дни он мало задумывался над тем, что происходит вокруг него. Да что там мало, можно сказать, вообще не задумывался. Ему просто некогда было думать о чем-то «стороннем». Надо было мчаться, ехать, бежать, лететь, чтобы все успеть. И он мчался, бежал, ехал, летел и все успевал; все у него в те, по сути беззаботные годы ладилось. Он вообще, строго говоря, был везунчиком, этот Аркадий Марков. То, на что другие тратили невероятные усилия, месяцы, а иногда и годы кропотливой работы, ему удавалось легко и сразу. Хорошо, что он этого не осознавал, иначе еще в молодые свои лета зазнался бы, вознесся над всеми и, в нака-

зание, потерял бы все, чем наградил его Всевышний.

Редакция, куда волею судьбы и благодаря в немалой степени своему везению попал начинающий журналист Марков, отличалась не только солидным внешним видом. Здесь и нравы были иными, не такими, как в областной газете. Как иными были нравы и в самом городе. Это в захолустном Андижане, где все друг друга если не по именам, то уж в лицо точно знали, можно было выйти в домашних тапочках, по-простому, без звонка и без предупреждения, заглянуть к соседу на рюмку чая или на партейку в шахматы да и засидеться на несколько часов. В столичном городе нравы иные, да и расстояния диктуют свой ритм. В областнухе обычным делом было хлопнуть «законные» сто пятьдесят в обед, для аппетита, а после работы еще и в чайхану забрести, где разгорались жаркие споры о журналистике, о месте газетчика в обществе, об умении писать, о подаче материала. В «Звезде Востока», где работали около двух сотен человек, каждый жил своей жизнью, не до общих дискуссий было, как не принято было ходить друг к другу в гости или «дружить домами». Вместе собирались раз в году. Эту традицию ввел, придя в редакцию, Тимофеев. Николай Фёдорович договорился со знакомым секретарем райкома, и каждый год, во вторую неделю мая, газетчики ехали на маевку в живописный предгорный поселок Бричмулла, название которого че-

рез несколько лет станет известно всей стране благодаря популярной песне. В тени тех самых чинар, о которых так проникновенно пели в песне «Бричмулла» Татьяна и Сергей Никитины, журналисты проводили весь день – купались в пруду, удили рыбу в ледяной воде быстротечной, сбегаящей с гор речки, пекли, как когда-то в пионерлагерях, в золе картошку, выпивали, пели под гитару проникновенно о своей замечательной профессии: «Трое суток шагать, трое суток не спать ради нескольких строчек в газете. Если снова начать, я бы выбрал опять бесконечные хлопоты эти», – и свято в этот момент верили, что на самом бы деле выбрали опять бесконечные хлопоты эти.

Уезжая, говорили, как было здорово, что надо бы собираться вот так, всем вместе, не раз в году, а почаще, хмельные и от того душевно добренькие, приглашали друг друга в гости. Утром приходили на работу, разбредались по своим кабинетам и продолжали жить каждый своей жизнью, лишь кивком здороваясь при встрече в коридоре или в столовой. Здесь не принято было обедать вместе, никто не собирался после работы – кроме репортерского отдела – эти «акулы пера», как в любой редакции мира, жили своей, обособленной жизнью.

Аркашку, когда он начал работать в «Звезде Востока», никто не призывал «прописываться» по поводу первой зарплаты, и он своим почтенным дамам и вертлявой Маринке прилобок огромный торт, чему дамы были несказанно рады, а

еще больше обрадовались, когда он ушел и о своих женских делах они смогли посудачить спокойно.

Еще собираясь ехать на свое первое задание, в зоокомбинат, Аркадий сменил привычный уже костюм и сорочку с галстуком на джинсы и вельветовую курточку. Джинсами своими, настоящий американский «Вранглер», большая по тем временам редкость, он необычайно гордился. Едва переступил порог редакции, как его тут же вызвал к себе Кости-ков.

– В каком виде вы себе позволяете явиться в редакцию? – строго спросил Скопидомыч.

– Иван Капитонович, я в зоокомбинат еду, вот и оделся соответственно.

– Вы должны одеваться не соответственно месту, куда едете, а соответственно статусу той газеты, которую представляете. Вот это – ваше соответствие, и никакого другого. – Костиков потянулся к телефону внутренней связи. – Сейчас я, в порядке исключения, вызову из гаража машину, вы поедете домой и переоденетесь. И больше никогда в таком виде порог редакции не переступайте. Да, вот еще что. Вы, Марков, человек неженатый...

Аркашка подумал, что разговор пойдет о предоставлении ему квартиры, и тут же выдвинул защитный аргумент, как когда-то в андижанском горисполкоме: «У меня невеста

есть».

– Вы человек неженатый, – повторил замглавного, – а у нас в коллективе работают много молодых женщин – машинистки, стенографистки, корректоры. Правда, в отличие от вас, они все замужем... Вы понимаете, к чему я вам это говорю?

«Может, этот старый козел считает, что мне надо замуж выйти», – мелькнула у Аркашки озорная мысль, но вслух он ее, конечно, не высказал, лишь пожал плечами:

– Не совсем, Иван Капитонович.

– Никаких служебных романов в стенах редакции мы не потерпим. Это, надеюсь, ясно.

– Это ясно, – браво отчеканил Марков и, облегченно вздохнув, выскочил из кабинета этого престарелого пуританина.

Костиков знал, о чем он говорил. Видно, опасения у него вызвал не только молоденький новичок, но и те замужние сотрудницы, которые, по мнению Скопидомыча, носили непозволительно короткие юбки, вызывающие прически, чересчур ярко подводили глаза и красили губы.

И пары дней не прошло после строгого внушения, как к Аркадию в столовой подошла машинистка Леночка, яркая крашеная блондинка с невероятно длинными перламутровыми ногтями. «Как она такими ногтями печатает?», – по-

думал Аркадий, но спрашивать не стал, тем более девица и слова не дала ему вставить.

– Я присяду, – не спросила, а сообщила она, пристраивая свой поднос на его стол. – Вас, я знаю, зовут Аркадий. А меня – Леночка. И не вздумайте называть меня Лена или того хуже – Елена, только Леночка. А почему вы, Аркадий, к нам в машбюро никогда не приходите, вы что, сами печатаете свои материалы?

«Если она печатает с той же скоростью, с которой говорит, то она неплохая машинистка», – подумал Марков, но отвечать не стал, поскольку в его ответах Леночка, похоже, и не нуждалась. Она взглянула на наручные часики, вздохнула:

– Перерыв заканчивается, а мне еще надо с вами одним секретом поделиться. Понимаете, наши местные кумушки уже начали по поводу нас с вами шушукаться.

– Это о чем же? – с недоумением спросил Аркадий.

– Какой вы недогадливый. Ну о чем можно шушукаться? Они считают, что у нас с вами роман. Попросту говоря, что мы любовники.

– Но мы с вами даже разговариваем в первый раз. Я полчаса назад имени вашего не знал.

– Какой вы наивный, – хмыкнула Леночка и удалилась, повиливая своими далеко не худенькими бедрами.

Через неделю она, вызвав Аркадия «на разговор вне этих жутких стен», заявила, что больше не может жить в этой атмосфере сплошных сплетен и готова с этим смириться, если

сплетни будут обоснованы. На следующий день они уже лежали в ее постели.

Эта связь прекратилась довольно быстро. Леночка пригласила Аркадия на день рождения, сказав, что кроме него приглашены только две ее самые близкие подружки. Никаких подружек не было и в помине. Зато в полном комплекте были родители и муж – атлетически сложенный красавец, к тому же, как выяснилось, мастер спорт по самбо. Гриша работал таксистом, обожал анекдоты, чем его гость весь вечер и развлекал.

– Ленка, – кричал Гриша с балкона, куда они то и дело выходили покурить. – Тащи нам водку сюда, – и когда «покорная» жена появлялась, шумно восторгался, хлопая Аркашку по плечу так, что у него ноги подгибались. – Ленка! Я-то думал, что у вас в редакции одни старпёры работают, а тут такой золотой паренёк. Аркашка, ты мой друг, – заверял он Маркова. – Имей ввиду, если тебе понадобится такси, вызывай меня, я с тебя ни копейки денег не возьму.

Он прекратил с Леночкой все отношения сразу же, заявив ей твердо:

– Между нами все кончено. Как мне в глаза смотреть твоему мужу?

– Никто и не требует, чтобы ты ему в глаза смотрел. Тебе даже в мои глаза смотреть вовсе не обязательно, – цинично усмехнулась молодая женщина.

– Я не могу плевать в душу человеку, который мне ни сде-

лал ничего плохого. Вообще, я не понимаю, чего тебе не хватает – такой муж!

– Тебе этого не понять, – заявила Леночка, но объясняться не стала. Она предприняла еще парочку попыток затащить Аркашку в постель, но он проявил непонятную и неожиданную для нее твердость. Так что Иван Капитонович мог спать относительно спокойно. Мгновенно вспыхивающие и так же мгновенно угасавшие страстишки по отношению к другим представительницам прекрасного пола в расчет принимать не следовало.

Лола Санджаровна, Ляля, заведующей был золотой. Не сразу, но все-таки догадавшись, зачем главному понадобилось вводить в отдел «творческую единицу», она Аркадию заданиями не докучала, и если он, по поручениям шефа, уезжал из редакции, то женский бунт гасила твердой рукой, распределяя письма среди оставшихся. Изредка она и сама давала Аркадию задания. Так было и в тот день, когда она поручила ему съездить в городской суд.

– Я же журфак МГУ заканчивала, – рассказала Ляля своему сотруднику. Я когда ещё на первом курсе училась, у нас на юрфаке, на пятом курсе, учился Боря Окс, тоже из Ташкента. Сейчас Боря, Борис Бенционович Окс, заместитель председателя городского суда по уголовным делам. У них слушалось недавно какое-то очень интересное и запутанное

дело, он готов нас ознакомить с материалами. Знаешь, Боря – человек чрезвычайной, я бы даже сказала, щепетильной порядочности, – добавила Ляля.

Борис Бенционович встретил сотрудника своей давней знакомой весьма радушно. Выложил на стол целый ворох приговоров:

– Это все дела уже рассмотренные, здесь приговоры, исключительно вступившие в законную силу, так что можете не сомневаться...

– Но мне Ляля Санджаровна говорила про какое-то конкретное дело.

– Да, это очень интересное дело. Просто я хотел вам показать еще несколько, чтобы у вас был выбор. И вообще, почему бы вам у себя в газете не завести судебную рубрику, ну что-то вроде «из зала суда». Поверьте, будет пользоваться спросом. Я бы вам в этом с удовольствием помог. Для нас очень важно, чтобы пресса освещала неизбежность наказания злостных преступлений, так сказать, в порядке правового воспитания общества.

«А что, он ведь прав», – подумал Аркадий, – рубрики «Из зала суда» в газете нет, а она действительно могла бы стать популярной. Надо будет с Лялей посоветоваться». Ничего Оксу не ответив, он стал вчитываться в копии приговоров и уже вскоре отложил в сторонку три из них, спросив хозяина кабинета:

– Вот эти взять можно?

– Всё, что я для вас отобрал, всё можете взять с собой, это копии. Ну, а теперь я вас ознакомил с тем интересным делом, ради которого вы приехали. Надеюсь, вас оно заинтересует.

– Жили два друга-товарища, назовем их Шавкат и Шухрат, – эпически начал Окс.

...Шавкат и Шухрат жили по соседству, учились в одном классе. В один год в университет поступили – Шавкат на математический факультет, Шухрат на исторический. Шавкат сумел не то какую-то теорему решить, не то новую формулу придумал, но к тридцати двум годам уже стал доктором наук, профессором кафедры Политехнического университета. Шухрат звезд с неба не хватал, сначала учителем в школе работал, потом в Академии наук бумажки из кабинета в кабинет носил. В итоге тот же Шавкат пристроил школьного друга преподавателем истории в свой университет.

Когда молодой профессор получил от университета новую просторную квартиру, на новоселье позвал и Шухрата. Друг детства ходил из комнаты в комнату, рассматривая новенькую югославскую мебель, включил и послушал изумительное звучание японской стереосистемы, радостно улыбался, но на самом деле совсем не радовался, когда хозяин снимал гостей на видеокамеру «Панасоник» – его съедала зависть. Вместе с Шавкатом пошел провожать уважаемых гостей и, когда они остались вдвоем, напрямую спросил:

– Ты хочешь сказать, что все это – и то, что в квартире, и новенький «Жигуль» шестой модели, – все это у тебя на профессорскую зарплату?

– Ну не только, хотя профессорская зарплата совсем не маленькая. Но я к тому же готовлю к поступлению будущих абитуриентов. И ты знаешь, у меня неплохо получается.

– Ну ещё бы, кому, как не тебе, знать, какие вопросы будут в билетах на приемных экзаменах, – хмыкнул завистник.

– Ты ошибаешься, – помрачнел профессор. – Родителей своих будущих учеников я предупреждаю заранее: моя подготовка сводится только к тому объему знаний, который необходим для сдачи вступительных экзаменов. Никаких билетов, никаких поблажек, никаких подсказок. Я достаточно хорошо зарабатываю, чтобы нарушать закон и подставить под удар все свое благополучие, а, возможно, и жизнь.

– Так я тебе и поверил, – хмыкнул Шухрат и ушел, не попрощавшись.

С того дня он не давал Шавкату покоя. Предлагал самые разнообразные варианты и схемы, чтобы поставить поступление в вуз на поток. Шавкат все предложения Шухрата отметал сразу и категорично, талдыча, как попугай, что закон нарушать не станет.

Перед вступительными экзаменами, это было совсем нетрудно, Шухрат познакомился с родителями нескольких абитуриентов. Рассказав о том, что с профессором математики они дружат с детства, и проиллюстрировав рассказ кое-

какими подробностями его быта, Шухрат заверил доверчивых родителей, что «пятерка» по математике и проходной балл им обеспечены. Трое из пяти его «протеже» благополучно и, разумеется, самостоятельно поступили, двое провалились. Родителям двоих он деньги вернул, поступление троих приписал своим заслугам.

В течение всего учебного года он не прекращал попыток убедить Шавката создать «синдикат по поступлению», но добился только того, что бывший друг пригрозил, что обратится в милицию. Приближались очередные вступительные экзамены. Схема была уже отработана, доверчивых родичей теперь уже было не пятеро, а одиннадцать. Десять городских, один приехал из далекого кишлака.

Ставки он сделал, как сам себе признался, «не на тех лошадей» – почти все его претенденты провалились. Делать нечего, деньги надо было возвращать. Он и вернул. Всем, кроме кишлачного, рассудив, что тот слишком далеко, чтобы до него, Шухрата, дотянулся. Однако ж дотянулся. Да еще так дотянулся, что возбудили уголовное дело. Следователь была неопытной, как он решил, девчонкой, подследственный искренне плакал, говорил, что его оклеветали, в итоге добился того, что хоть под стражу не брали, ограничились подпиской о невыезде. Во время очередного допроса следователь спросила:

– Вы не знаете телефон профессора математики? – и назвала фамилию Шавката. – Он мне нужен срочно, а повестку

посылать – много времени займет.

«Это конец, – подумалось Шухрату. – Шавкат меня щадить не станет, всё, гад, выложит. Надо что-то делать...» К утру возник план. «Признавшись» следователю, что совесть гложет, покоя не дает, он заявил, что желает во всем искренне раскаяться. Он и раскаялся в том, что по требованию своего друга, профессора математики, находил родителей будущих абитуриентов, готовых давать взятки за поступление их детей в вуз. Да, он, Шухрат, деньги брал, но только для того, чтобы их немедленно передать Шавкату. Себе не оставлял ни единого рубля.

Следователь действительно была девчонкой неопытной, но исключительно въедливой. Эту историю она размотала до конца, в итоге чего Шухрат Мансуров получил шесть лет общего режима за мошенничество.

Статью Аркадий назвал «Хуже лжи», утверждая, что хуже лжи может быть только клевета. Постулат был весьма спорным, но придираяться никто не стал – газетная публикация вызвала много откликов, и под эту «сурдинку» Маркову легко утвердили новую рубрику «Из зала суда». Еще не успев как следует насладиться триумфом, он был вызван «на ковер» к Костикову. В кабинете главного сидел вальяжный молодой мужчина и – о чудо! – курил сигарету – Скопидомыч не выносил табачного дыма, в его кабинете не курил никто

и никогда. На приставном столике перед незнакомцем лежали пачка сигарет «Мальборо» и причудливой формы золотая зажигалка.

– Вы автор статьи «Хуже лжи»? – задал Костиков идиотский вопрос, так как прекрасно знал, что автор стоит перед ним. Аркадий счел за лучшее промолчать.

– В ходе подготовки материала к печати вы встречались с товарищем Мансуровым Шухратом Исмаиловичем? – последовал очередной вопрос.

– В городском суде я получил материалы вступившего в законную силу приговора, – сообщил Аркадий. – Поскольку Мансуров Шухрат Исмаилович к этому времени уже был взят под стражу, встречаться с ним у меня возможности не было. Материал написал по материалам уголовного дела.

– В таком случае познакомьтесь, – своим размеренным скрипучим голосом произнес Костиков. – Мансуров Шухрат Исмаилович, оправданный Верховным судом и оклеветанный вами, собственной персоной, – в голосе замредактора звучало неприкрытое злорадство.

– А что вы здесь делаете? – невольно вырвалось у Аркадия.

– Марков, не забываетесь! – прикрикнул Костиков. – Вы очень звучно назвали свою статью, обвиняя товарища Мансурова в клевете, а на самом деле оклеветали ни в чем не виновного человека вы сами. К счастью, судебные органы во всем разобрались и восстановили справедливость. Но вы

нанесли Шухрату Исмаиловичу подлый удар, опорочив его доброе имя и репутацию.

– И честь, – чуть слышно добавил посетитель.

– Да-да, и честь, – согласился Костиков. – Мы, товарищ Мансуров, примем все меры для того, чтобы исправить положение. Газета даст опровержение, сотрудник Марков понесет соответствующее, могу вас заверить, самое строгое наказание.

Бросившись к себе в кабинет, Аркадий стал лихорадочно набирать номер зампреда городского суда Окса, но не успел дозвониться, как замигала лампочка селектора – его вызвал главный редактор.

– Рассказывай, – потребовал Тимофеев. Внимательно выслушав, сказал уверенно: – Окса знаю, он нам такую подлость сделать не мог. Иди и разбирайся. От всех дел тебя освобождаю. Если все обстоит так, как ты рассказал, значит, разберешься. Но если сам напортачил, пощады не жди.

Позвонив Оксу, Аркашка несколько минут слушал долгие протяжные гудки в трубке, пока не сообразил, что Бориса Бенционовича нет в кабинете. Решение пришло спонтанно, как чаще всего и бывает в критические мгновения, – он набрал известный ему номер городской прокуратуры. Сбивчиво изложив Валентине суть проблемы, услышал решительное: – Не психуй, и главное – никому не звони. Сейчас приеду. Ты копию приговора сохранил?

Валентина Михайловна приехала через полчаса, которые

показались ему вечностью. Она была в строгой прокурорской форме, четыре маленьких звездочки капитана теперь заменила одна большая – майорская.

– Задержалась немного, решила сама дело затребовать. Ваш главный на месте? Можем к нему попасть? – энергично осведомилась она.

Аркашка метнулся в приемную, после минутной паузы Тимофеев согласился принять Тетерину.

– Прокурор по надзору за рассмотрением в судах уголовных дел Тетерина, – официально представилась Валентина Михайловна и тут же, без перехода, произнесла: – В статье вашей газеты все факты изложены верно, ошибки и искажений нет – я с делом ознакомилась.

– Но человек на свободе, – возразил Тимофеев и, спохватившись, предложил: – Да вы садитесь. Как же это все, по-вашему, могло произойти, Валентина Михайловна?

– Пока досконально во всем не разобралась, изложу свои соображения, если вы позволите. После вступления приговора в законную силу Мансурова должны были этапировать в лагерь. Утвержденное и вступившее в силу решение мог отменить только Верховный суд республики. Предположим, и это вероятно, адвокат жалобу написал. Но он должен был добиться свидания со своим подзащитным, приехать к нему на зону, подписать жалобу, отправить ее в Верховный суд. После чего ее рассмотрели бы не раньше, чем через полгода, а то и позже – такова процедура. А тут месяц прошел, и нате

вам – гражданин Мансуров на свободе. Поверьте, эта история пахнет криминалом.

– Валентина Михайловна, а вы могли бы помочь нашей газете и досконально в этой истории разобраться? Если надо, я позвоню генеральному прокурору республики и подпишу соответствующее ходатайство.

– Ничего не надо, – покачала она головой. – Я разберусь, вот только пока не нужно к этому делу привлекать внимания, еще неизвестно, кто за всем этим стоит.

Через неделю она снова появилась в редакции, улыбающаяся, явно чем-то довольная. На этот раз Тимофеев принял гостью из прокуратуры незамедлительно.

– Все оказалось намного проще, чем я предполагала. Мансуров дал конвойному взятку. Тот не устоял перед пятью тысячами рублей и помог бежать осужденному с этапа, что на самом деле не так уж сложно. Мансуров на время затаился, но тут в «Звезде Востока» появилась статья. Ему бы сидеть, не высовываться, а он ринулся в редакцию, обиженного и оскорбленного из себя изображать. Сейчас он снова арестован; теперь за побег срок ему доведяют, не меньше двух лет. Вместо шести восемь сидеть будет.

– Быстро вы, однако, разобрались в этом запутанном деле, – заметил Тимофеев.

– Мне показалось, что из-за клеветы этого мерзавца у Аркадия Александровича могут быть серьезные неприятности, поэтому я медлить не стала.

– Побольше бы таких неравнодушных людей, как вы, Валентина Михайловна, – серьезно произнес Тимофеев, – жить было бы легче.

Он вызвал свою персональную машину, выйдя из-за стола, пожал женщине руку, велел Аркадию:

– Отвезите Валентину Михайловну, куда она скажет.

В машине она призналась:

– Я так за тебя переволновалась, что даже собственные неприятности на второй план отступили.

– А что с тобой случилось? – встревожился Аркадий.

Она смотрела на него долго, пристально глядя в глаза. Потом произнесла, как будто на что-то решившись:

– Ты действительно хочешь знать, что у меня произошло? Тогда поедem ко мне. Только сначала надо в магазин заехать, а то у меня дома мышь от голода сдохла.

Стоя у плиты, не оборачиваясь, Валя рассказала банальную, в общем-то, историю. На выходные дни собрались всей семьей навестить Валину маму и на недельку у нее детей оставить – она живет в десяти километрах от Ташкента, дома сад, где полным-полно фруктовых деревьев, рядом речка, ребяташкам раздолье. В последний момент муж сослался на недомогание и ехать отказался. Настроение было испорчено, а тут еще мама стала масла в огонь подливать, высказывать свое недовольство зятем. Валентина встала на защиту мужа,

слово за слово – они поссорились, и Валя уехала. Дальше все было, как в плохом анекдоте. Только не муж нежданчиком приехал из командировки, а не вовремя вернулась жена. Муж с соседкой лежали на их супружеской постели, и, что больше всего её обидело, возле кровати валялся тот самый пеньюар, который муж ей подарил на день рождения, а она его даже распаковать не успела.

Мужа она прогнала, дети пока еще у матери, хотела побыть одна, подумать, как жить дальше.

– Валя, выходи за меня замуж, – проговорил Аркадий заранее обдуманную фразу, когда они утром сели завтракать.

– Никогда! – отрезала она мгновенно, будто была готова к этому предложению.

– Тебе со мной было плохо? – спросил он огорченно.

– Наоборот, мне с тобой было слишком хорошо, поэтому я за тебя никогда не выйду.

– Но почему? – не понял Аркашка, – объясни.

– Я тебе уже говорила, что старше тебя на двенадцать лет. Теперь представь себе: тебе исполнится всего-навсего пятьдесят. Ты мужчина в самом расцвете сил, а я пенсионерка-климактеричка. С не самым, заметь, легким характером. Ты начнешь от меня бегать к другим бабам, более молодым, и кончится это тем, чем только и может закончиться. Не хочу портить тебе жизнь и остаться в твоей памяти мегерой. Я

останусь в твоей памяти такой, какой я была сегодня ночью. Потому что другой ночи у нас с тобой больше никогда не будет. Запомни, я твой верный друг, помогу всегда и всем, чем смогу. Но мы останемся друзьями, а не любовниками. А теперь уходи, дай мне вволю нареветься.

Он, конечно, ушел, но только до ближайшего базара, где купил букет на все деньги, которые у него при себе были. С этим огромным букетом он вломился в ее квартиру и пробыл там, не выходя, три дня. Когда, очнувшись от этого угара, они прощались возле ее дома, Валентина сказала:

– Это ничего не меняет. Напротив, ты еще больше убедил меня в том, что я и так для себя решила.

Обычные люди, так сказать, рядовые граждане, влюбляются, женятся, ссорятся, снова вместе ложатся в одну постель... И ничего в этом нет сверхъестественного. Самые бурные и необычные романы, если верить им на слово, бывают только у артистов и журналистов. В их рассказах, вот уж что они умеют, так это рассказывать, страсти так и кипят. Их романы всегда полны самыми экстравагантными приключениями, разбитыми сердцами, бурными объяснениями и клятвами. Самое любопытное, в том числе и с точки зрения психологии, что все они в эти рассказы верят сами. А может, правильно делают, что верят. Иначе жизнь была бы такой же скучной и пресной, как у всех. Но они-то, и в это тоже надо

верить, не как все.

...Валентина оказалась верна своему слову. Аркадия она к себе больше не подпускала. Лишь однажды позвала его сама. В эту ночь она не дала уснуть ему ни на минуту, то ласкала, то плакала, то, прижавшись к нему, требовала, чтобы он молчал, не произносил ни слова, и молчала сама. Ничего не объяснив, утром выставила за порог. Уходя, он заметил в комнате чемодан, но, поглощенный своими мыслями, не придумал этому значения. Не дозвонившись до Валентины, позвонил ее коллеге и узнал, что Валя на три года уехала работать юридическим советником советского посольства в одну из африканских стран. Больше им встретиться не довелось. Но еще долгие-долгие годы вспоминал он ее тревожные глаза, когда она примчалась в редакцию. Чтобы выручить его из беды.

Глава двадцать первая

Свою первую книжку он назвал «Алёнкины рассказы».

Алёнка жила с бабушкой в угловой, самой маленькой комнате их Безымянного двора на улице «Двенадцать тополей». Её родители были то ли геологами, то ли полярниками, работали где-то далеко на Севере. Лет до десяти Алёнка бегала по двору да на улице босиком и в одних сатиновых, в мелкий синий горошек, трусах, которые ей сшила одна из соседок. Когда к Алёнке подходил кто-нибудь из старших ребят, а она во дворе была самой маленькой, Алёнка отбегала в сторону, высовывала язык и кричала: «Отойди, большой дурак. Что ты приставаешь? У меня трусы в горошек, что ли ты не знаешь?»

За Аркашкой она ходила по пятам, требовала, чтобы он читал ей сказки. И сама, выдумщица редкая, рассказывала о себе всякие небылицы. То она была Золушкой, то царевной Несмеяной, то Аленьким цветочком. Кое-что из её фантазмагорических бредней он запомнил и даже потом записал, чтобы из памяти не стёрлось.

После землетрясения жители Безымянного двора разъехались по всему Ташкенту. А Алёнка со своей бабушкой получили квартиру в одном доме с бабой Симой. Девушка выросла, закончила школу, медучилище, стала работать в клинике, где главврачом был близкий друг Аркадия. Так что

встречались они часто. Иногда даже слишком часто, чтобы это было случайностью. Но занятому собой «великому журналисту» Маркову было, конечно же, не до того, чтобы обращать внимание на то, как краснеет девушка, всякий раз «случайно» сталкиваясь с ним на лестничной площадке дома или в приемной главврача.

Собрав воедино свои записи, Аркашка еще немного над ними покорпел и состряпал книжонку детских выдумок. Не мудрствуя лукаво, попросил художника изобразить на обложке бегущую босоногую девчонку – в одних трусиках в синий горошек. Книжка получилась славной, но валялась бы она на редакторских столах до скончания века, если бы не был Аркашка таким везунчиком.

Вообще, везение и невезение как явление нашей жизни изучено еще очень слабо. Ну почему, скажите на милость, один получает на сдачу лотерейный билет, ворчит от недовольства, так как хотел бы получить сдачу тридцатью копейками, а не этой бумажкой. А спустя несколько месяцев выигрывает автомашину или, скажем, кухонный комбайн. Другой же ползарплаты тратит на лотерейные билеты, а в итоге – шиш. Как бы там ни было, но появлению на свет «Алёнкиных рассказов» способствовало исключительно везение автора.

Заявившись в ташкентское отделение издательства «Мо-

лодая гвардия», Аркадий направился напрямиком к главному редактору. Туту уж сработал сложившийся стереотип – журналист центральной партийной газеты Марков уже привык, что перед ним все двери открыты. Не успела секретарша доложить о его визите, как главный редактор самолично выскочил в приемную, радостно восклицая:

– Быть того не может, быть того не может! – увлекая Аркадия в кабинет.

– Сижу, понимаете, вот буквально сейчас, и голову ломаю, как бы мне познакомиться с кем-нибудь из «Звезды Востока». И вдруг секретарь мне докладывает: «К вам товарищ Марков из «Звезды Востока». Ну, разве не чудо? – не переставал восклицать Тулкун Аскаревич.

– Так какая у вас нужда к нашей газете? – поинтересовался Марков.

– Э, нет, дорогой, Будем уважать обычаи предков. Раз вы пришли ко мне, то сначала я обязан выслушать вас, – заявил главный редактор.

Без лишних слов Аркадий положил перед ним папку с рукописью.

Мельком глянув, Тулкун Аскаревич велел секретарю соединить его с детской редакцией. Через пять минут «выяснилось», что в плане редакции образовалось «окно», которое срочно нужно чем-то заполнить, и рукопись товарища Маркова – это просто спасение, как раз то, что нужно. Так что не надо благодарить, надо подписать договор, чтобы ру-

копись вставили в план сегодня.

Уже немного зная, что такое издательский мир, Аркашка сейчас думал не о том, как ему повезло, а о том, какую услугу за такое вот «волшебство» потребует у него главный редактор издательства. Выяснилось, что супруга Тулкуна Аскарovichа вскоре защищает докторскую диссертацию. А ее научный руководитель никак не может опубликовать какую-то свою статью об археологических раскопках, которая вот уже полгода находится в «Звезде Востока».

Все статьи, поступавшие в редакцию извне, регистрировались как входящие письма, и Маркову хватило одного телефонного звонка в свой отдел, чтобы выяснить: статья уважаемого академика находится в отделе науки.

Через две недели академик скупил экземпляров сто партийной газеты, где была опубликована его статья. А спустя три месяца начинающий писатель Аркадий Марков получил двадцать сигнальных экземпляров своей первой книги, в предисловии к которой было написано, что это новое, свежее слово в отечественной детской литературе.

Очередь в гонорарную кассу издательства была небольшой. Впереди Аркадия стояло всего три человека. Одного из них Аркадий знал, это был известный в республике писатель, можно сказать, классик, чьи книги на узбекском языке выходили огромными тиражами, двое других ему были

незнакомы.

– Ты, что ли, крайний в кассу? – услышал он за своей спиной голос и, обернувшись, увидел еще одну знаменитость – поэта Александра Файна.

Файн писал отличные стихи, Маркову они очень нравились, у поэта уже вышло несколько сборников, и не только в Узбекистане, но и в Москве, в издательстве «Советский писатель». Аркашка учился в музучилище с племянником Файна – Гариком – и пару раз бывал в доме поэта.

– За гонораром? – уточнил Файн у Маркова. – Первая книжка? – и зычно крикнул: – А ну, товарищи классики, расступитесь – новое дарование идет.

Подталкивая Аркадия к кассе, пояснил:

– У нас традиция – гонорар за первую книгу в кассе получают без очереди.

– Да неудобно как-то, – засмутился Аркашка. – И очередь небольшая, я подожду...

– Что значит, неудобно, подожду? – возмутился поэт. – Тебе же говорят, традиция. А традиции ломать нельзя. Это все равно что с первого гонорара хоть одну непропитуемую копейку оставить. Тогда твой первый гонорар так навсегда последним и останется.

Из издательства они вышли вместе, в открытом уличном кафе Аркадий взял у стойки бутылку шампанского, шоколадку. Выпили за дебют.

– А откуда я тебя, старичок, знаю? – спросил Файн и,

услышав про племянника, просиял: – Ну это совсем меняет дело. Друзья моего племянника – мои друзья. Давай еще по одной. Да что ты все озираешься, ищешь чего или в уборную хочешь?

– Да, – смутился Аркашка и витиевато пояснил: – Шампанское наружу просится. Не знаете, где тут...

– Не, не знаю, тут точно нет. Вон, за ширмой раковина, иди да пожурчи, не бежать же тебе в сортир обратно в издательство.

– Ну что вы, как можно! – искренне ужаснулся Аркашка.

– Только покойник не ссыт в рукомойник, – изрек поэт и радостно воскликнул: – Какой экспромт! Надо запомнить, а лучше записать. Слово «записать» – с одним эс, – хохоча добавил он.

Утром Аркашка проснулся от нестерпимой головной боли. Не понимая, где находится, огляделся – его окружили незнакомые вещи, диван, на котором он сейчас лежал, видимо, был приспособлен не для сна, а для пыток, из него торчали острыми концами обломленные проржавевшие пружины. Из соседней комнаты раздавался оглушительный храп. Аркашка поднялся, заглянул в приоткрытую дверь – на кровати спал выдающийся поэт современности Александр Файн.

Постепенно он все вспомнил. Накануне вечером Саша настоял на том, чтобы весь полученный за книгу гонорар был

пропит Аркадием до последней копейки и выразил готовность активно этому способствовать.

– Уйдем в запой, старик, на недельку, – убеждал он нового друга. – Поэт обязан уединяться, чтобы обдумать, кто он и каково его место в обществе, в литературе. А для этого нужен запой. Не вульгарная пьянка в какой-нибудь заблеванной рыгаловке, а осмысленный запой. У меня есть чудесная холостяцкая норка, там нас не найдет никто, даже телефона нет, только будка-автомат на углу дома.

Еще ни разу в жизни Аркаше не приходилось «уходить в запой». Да еще его приглашал в это необычное приключение сам Александр Файн. Надо соглашаться.

– Ты картошку жарить умеешь? – осведомился по дороге поэт.

– Умею, даже несколько разных рецептов знаю. Можно пожарить с яйцами, вообще классно получается.

– Только не с яйцами. Во время пьянок в доме никаких яиц быть не должно, я ими швыряться начинаю, все в голову стараюсь попасть. В прошлом году Толян Симбирцев ко мне приезжал из Томска, так ему после запоя пришлось наголо постричься.

...Посчитав пустые бутылки, Аркашка ужаснулся, наскоро принял душ, выскочив на улицу, поймал частника и через двадцать минут уже был в редакции. Проработав до двенадцати дня, уехал обратно «в запой». Файн еще спал, так что Аркашка успел навести в двухкомнатном вертепе отно-

сительный порядок и принялся жарить картошку. Этот продукт они вчера приобрели, как выразился Александр, «в строгой пропорции с водярой». На аппетитные запахи поэт пробудился, через десять минут, свежий и бодрый, уже сидел за столом и, открывая водочную бутылку, напевал: «Трудней всего с утра начать, об этом спорить нечего...»

– Саша, мне, конечно, известно: «когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда...», и так далее.

– Ну, давай, давай, покажи мне, как ты хорошо Ахматову знаешь, загни еще «как желтый одуванчик у забора, как лопухи и лебеда», – выверился вдруг Файн. – К чему ты этот разговор завел? Так хорошо первая пошла, и тут – на тебе! – он со своей Анной Андреевной лезет. Чего ты хотел спросить? – внезапно смягчился поэт.

— Я именно это и хотел спросить, из какого сора они растут – стихи? Понимаешь, как человек начисто лишенный поэтического дара, я всегда с восхищением относился к людям, у которых мысли не просто рифмуются, а приобретают некую завершенную форму.

– Конечно, на филфаке и в литинституте имени Горького тебе понараскажут целые теории о стихосложении. Но рассказывают, как правило, те, кто стихов не пишет. А те, кто пишет, те не рассказывают. И я, член Союза писателей СССР Александр Файн, ответить тебе не могу. Наверное, бабка бы-

ла права, когда утверждала, что ни хера мы не знаем, из какого сора растут стихи, и совершенно точно – стыда не ведают. А ты что, думаешь, в прозе как-то иначе. Из того же самого сора рождаются слова, лезут из тебя, и ты не знаешь, где они раньше находились – в каких-то тайниках твоей башки или блуждали в космосе. А вообще, я тебе так скажу. Все в этом мире вторично и то, что мы сейчас говорим, давно, может быть, много веков назад, уже кто-то сказал. Только иными словами. А мы их просто не услышали и вот теперь повторяем уже сказанное кем-то. Как можно вообще оценить чье угодно творчество, называть кого-то гением, когда лучший в мире роман был написан множество веков назад. И написан всего в двух словах: «Иисус плакал». Разве к этому можно еще хоть что-нибудь добавить?

– Откуда это? – спросил ошеломленный Марков.

– Эх, ты, эрудит! Это из Библии. В твоём возрасте пора бы уже не только лысого и лохматого читать перед экзаменом по научному коммунизму, а книги посерьезнее, те, что о жизни, – наставительно произнес Файн.

– А Библия – это о жизни?

Файн смерил его долгим взглядом, словно сомневался, можно ли ему открывать великую тайну, сказал строго:

– Только Тора, Библия и Коран – книги о жизни. Все остальное, что создано людьми, – это плагиат или вообще глупости, которые мы повторяем как заведенные. Типа «свобода – это осознанная необходимость».

– А ты что, с Марксом не согласен?

– Ну, во-первых, вопреки устоявшемуся мнению, это сказал все же не Маркс, а Энгельс. А во-вторых, почему я должен с этой глупостью соглашаться?

– Почему же с глупостью?

– Да потому, что свобода не может быть необходимостью. Необходимость – это же форма порабощения, так при чем тут свобода?

Он налил водку по стаканам, подцепил на вилку зажаристый ломтик картошки, сказал не зло, а скорее устало:

– И хватит об этом, давай лучше о бабах – мы же все-таки в запое, а не в лектории.

– Ну в лектории то, что я сейчас услышал от Файна, мне вряд ли поведают, – усмехнулся Аркадий.

– Надеюсь, у тебя хватит ума и порядочности не цитировать мои сегодняшние высказывания?

Еще три дня кряду Аркашка, проснувшись утром, уезжал в редакцию, возвращался к полудню, жарил картошку – запой шел своим чередом. Но на четвертой день, вернувшись в логово, он застал за неприбранным кухонным столом мрачного Файна.

– Ты где был? – осведомился он хмуро.

– На работу ездил, беспечно ответил Аркаша. – Да ты, Саш, не беспокойся, я сейчас мигом картошечки пожарю.

– Иди ты в жопу со своей картошечкой, – вспыхнул Файн. – Ты, может, уже не первый раз на работу ездил?

– Ну, конечно, я каждое утро, пораньше, чтобы тебя не будить...

– Да ты понимаешь, что ты натворил?! – заорал поэт. – Ты же весь запой обосрал. Опохабил саму идею чистого непорочного алкогольного затворничества. Знать тебя больше не желаю!

Изгнанный с позором «из запоя», Марков отправился домой, привести себя в порядок. Возле подъезда крутилась Алёнка.

– О, как хорошо, что я тебя встретил. А у меня для тебя сюрприз, – и он извлек из наплечной сумки книжицу «Алёнкиных рассказов». Девушка глянула на обложку, покраснела и воскликнула:

– Дурак! Большой, а дурак, – и неожиданно добавила: – А я все равно на тебе женюсь!

Через пару недель баба Сима попеняла внуку:

– Аркаша, ну зачем ты Алёнку обидел. Нарисовал её в одних трусах, а она же уже взрослая девушка. Да ещё в книжке написал, что она босиком и без платья по двору бегала, как будто ей надеть нечего было. Она обиделась...

Хлопкоробу Алим-ата Джураеву исполнилось сто лет. В свой вековой юбилей он утром вышел на поле и под вспышки нескольких десятков фотокамер сорвал с куста зеленую хлопковую коробочку со снежного цвета волокнами того, что в республике пышно именовалось белым золотом. Потом в районном доме культуры ему вручили золотую звезду Героя Социалистического Труда и орден Ленина, говорили нескончаемые речи. Алим-ата сидел в президиуме, время от времени дремал: русский язык он знал не очень-то хорошо, поэтому, когда говорили на русском, не понимая, о чем речь идет, придремывал. Услышав родную узбекскую речь, просыпался, слушал, как люди говорят о каком-то человеке, всю свою жизнь совершавшем подвиг, не очень-то соображая, что речь идет о нем самом. Но подарки дарили ему, и сомневаться, что вся эта суматоха затеяна в его честь, уже не приходилось. Потом был банкет, с которого внуки совсем уже обессилевшего юбиляра увезли домой. Отсутствия Алим-ата, понятное дело, никто и не заметил, давно уже не до него было – «вино лилось рекой, сосед поил соседа».

На юбилей славного хлопкороба Аркадий приехал по заданию главного редактора. Тимофеев предупредил, чтобы Марков его непременно дождался. Николай Фёдорович был депутатом Верховного Совета от той области, где жил столетний Джураев, и пропустить такое событие не мог. Аркашка бы давно уже и сам смылся с этого осточертевшего ему нудного торжества, но шеф, бросив на ходу: «Захвачу тебя с

собой», – уселся разговаривать с каким-то очень важным типом, и приходилось ждать, пока он освободится. Потом важный тип и Тимофеев оказались за одним столом с секретарем местного обкома партии. Когда Аркашка, специально приблизившись, прислушался, он услышал, как важный, подняв рюмку с водкой, на полном серьёзе произнес: «За мир во всем мире! Попрошу за этот тост, товарищи, выпить стоя». И все поднялись и стали благодарить важного, что он сказал то, о чём они все денно и ночью думают. Аркашку изловил секретарь райкома, на территории которого и проходило торжество. Видимо, уязвлённый тем, что его не позвали за стол, где гуляло большое начальство, райкомовский деятель стал изливать душу заезжему корреспонденту и в итоге, туша душевный пожар, влил туда столько сорокаградусной жидкости, что вскоре совсем потерял дар речи и только мычал.

Наконец, сильные мира сего поднялись и начали прощаться. Большинство из них от райкомовского коллеги мало чем уже отличались, на ногах стояли непрочно и слова произносили невнятно. «А наш-то молодцом», – с восхищением отметил Аркашка. Тимофеев и впрямь выгодно отличался от своих сотрапезников. По нему и не видно было, что он пьян, хотя Марков видел, что за каждый произнесенный тост шеф не только исправно поднимал свою рюмку, но и пил наравне со всеми.

Тимофеев уселся на заднее сиденье своей роскошной пра-

вительственной «Волги», Аркашка разместился рядом с водителем. В молчании проехали с полчаса, когда Николай Фёдорович обратился к водителю:

– Алишер, остановись и пересядь на заднее сиденье, я сам поведу машину.

Видимо, для водителя это было не в диковинку, и он безропотно выполнил команду. «Во даёт, – с восхищением подумал Аркашка. – Влил в себя немерено и за руль садится. А впрочем, какой же гаишник посмеет остановить машину с такими номерами?»

– Ну как тебе юбилей? – осведомился Тимофеев, хотя ответа не ждал. – Обычно на таких торжествах решаются очень важные вопросы, и многие руководители высокого ранга специально для этого приезжают на такие вот торжества, чтобы в непринужденной обстановке обсудить то, что они хотят. Тебе это надо знать, в дальнейшем может пригодиться. Не в каждом кабинете можно сказать то, что говорится в такой вот обстановке.

Редактор приспустил стекло, закурил и милостиво разрешил:

– Кури, если хочешь.

Куристь Аркашке хотелось уж давно, но в машине шефа он, понятно, себе такую вольность позволить не мог. Теперь, получив разрешение, полез в карман за сигаретами.

– Погоди, – остановил его Николай Фёдорович. – Попробуй-ка моих, – и протянул пачку отечественных «красно-

гвардейских».

– Спасибо, я к своим привык, – вежливо попытался отказаться Аркадий, удивляясь, что главный редактор курит такие непрестижные дешевенькие сигареты.

– Свои еще успеешь, – настаивал Тимофеев. – Да ты не гляди на пачку, это не те, что в киосках продаются за двадцать копеек. Я эти сигареты покупаю, когда в Москву на совещания в ЦК КПСС приезжаю. Только там они и есть. Это не простые «красногвардейские», а особые – их по спецзаказу делают специально для Леонида Ильича и продают в буфете ЦК, чтобы генсек думал, что такие сигареты в продаже есть.

Аркашка закурил предложенную шефом сигарету, табак был куда лучше, чем в дорогушем болгарском «ВТ», которые он раздобывал с трудом. От комментариев он, впрочем, благоразумно воздержался.

По дороге редактор говорил о всяких, ничего не значащих пустяках, но, уже подъезжая к Ташкенту, задал неожиданный вопрос:

– А ты знаешь, как называют нашу газету в ЦК? – и сам ответил: – Синагога. Намекают на то, что в моей газете слишком много евреев. Да, много, но что я могу поделать, если у нас в республике самые лучшие журналисты – евреи. Да и не только у нас... – он оборвал разговор, снова закурив.

Аркашке показалось, что в дороге хмель все-таки взял свое, иначе чего бы шеф так разоткровенничался.

Глава двадцать вторая

А Тимофеев о своей откровенности пожалел уже через неделю. После совещания в ЦК его подозвал первый секретарь Рашидов.

– В объединении «Заветы Ильича» открывается спортивный комплекс. На открытие приедут олимпийские чемпионы, чемпионы мира, Европы, Союза, – начал «хозяин республики». – Я тут на днях прочитал отчет о столетнем юбилее Джураева. Хорошо написано, живо. Вот пусть этот журналист и в «Заветы Ильича» поедет. Акилова предупредят.

Сказать, что Николай Фёдорович был озадачен этим разговором, значит, не сказать ничего. Репортаж Маркова со столетнего юбилея хлопкороба был обычным рутинным материалом, который не мог вызвать ни восторгов, ни порицания. Как редактор Тимофеев это понимал лучше всех. И вдруг Рашидов посылает к самому Акилову, дважды Герою Соцтруда, своему любимчику, не кого-нибудь, а именно Маркова. Хотя он фамилию не назвал, однако же сказал, что Акилова предупредят о приезде. Он же не просил уточнить, кто именно приедет, значит, фамилия журналиста известна.

– Ты что, знаком с Шарафом Рашидовичем? – напрямую спросил Тимофеев Маркова, вызвав его, едва переступил порог собственного кабинета.

– Ну как знаком? – замялся Аркадий. – Мы когда-то ря-

дом с Рашидовыми жили на улице «Двенадцать тополей», но они скоро переехали. С Володей Рашидовым я иногда вижу, но очень редко.

– Ты что, в доме у них бываешь?

– Нет, что вы? Только у Володи, у него же своя квартира, он отдельно живёт.

– Ну ладно. Собирайся в командировку. Поедешь в агропромышленное объединение «Заветы Ильича».

– К Акилову?! Я? – поразился Марков.

– Ты, именно ты. Причём, что любопытно, на твоей кандидатуре настоял сам Шараф Рашидович. Так конкретно и сказал, чтобы Марков, мол, ехал, – несколько исказил суть разговора с первым секретарём редактор.

– Ничего не понимаю, – пробормотал Аркадий.

– Ну и я – не больше твоего, – вынужден был признать Тимофеев.

Когда сотрудник покинул кабинет, Тимофеев с сожалением подумал, что никаких личных заданий Маркову больше давать не следует. Он вспомнил о своих ночных откровениях в машине и досадливо поморщился, уже сожалея о сказанном. «Ну откуда, откуда Рашидову может быть известен журналист Марков?», – задавал он себе раз за разом вопрос и не находил ответа. То, что «хозяин» мог запомнить сопливого дошкольника, больше двадцати лет назад жившего на одной с ним улице, – исключено. Сын что-то сказал? Возможно, хотя тоже мало вероятно. Не иначе тут Сафаров подсуетил-

ся – Рубена Акоповича недавно перевели из Андижана, и он теперь возглавлял сектор печати ЦК партии.

Тимофеев благоволил молодому журналисту. Ему нравились его расторопность, напористость и умение понимать гораздо больше, чем сказано. Николай Фёдорович, конечно, был далек от мысли, что Марков может быть настолько близок к Самому. Но как знать, кто из окружения Рашидова завтра начнет опекать журналиста. Нет-нет, в качестве особо доверенного лица Тимофеев его больше рассматривать не может. А коли так, то нечего ему штаны просиживать в отделе писем и ждать особых заданий. Надо перевести парня в отраслевой отдел, пусть вкалывает, как все.

Опытный царедворец, Николай Федорович Тимофеев с точностью рассчитал ситуацию. Фамилию Маркова первому секретарю ЦК действительно назвал Сафаров. Когда речь зашла о том, что в агропромышленном объединении построили спорткомплекс, Сафаров сказал, что это событие непременно надо осветить в партийной печати.

– Я бы туда отправил корреспондента «Звезды Востока» Маркова. Мой кадр, раньше в «Андижанской газете» работал». Да вы его знаете, Шараф Рашидович, во всяком случае, однажды видели...

Машина времени

(Заглядывая в прошлое)

Аркашка всего несколько недель проработал в «Андижанке», когда открывалась очередная ветка БФК – Большого Ферганского канала. Канал строили уже с добрый десяток лет, открывая один участок за другим. Из важного события открытия этих «веток» давно уже превратились в обычную техническую процедуру, мало кого интересующую. Но для порядка кого-то из газеты отправить следовало. Кому, однако, охота тащиться по жаре за полста километров? Вот и отправили новичка, вернее, двух новичков – Маркова и фотокара Борю Юсупова.

Машину им не дали, молоды еще барствовать, и добрались ребята на перекладных, опоздав к назначенному времени. Хотя ничего страшного не произошло, открытие по неизвестным причинам и на неизвестное время задерживалось. Потом началась непонятная суета, все забегали, притащили трибуну, подушечку с красной лентой и ножницами. Вскоре выяснилось, что находившийся в одной из соседних областей Рашидов узнал о событии на БФК и решил лично принять участие. Он уже выехал и с минуты на минуту будет здесь. В андижанский обком уже позвонили, и первый секретарь тоже сюда мчится.

Вздымая клубы пыли, причалили «Чайка» и «Волги» правительственного кортежа. Рашидов, седовласый, высокий, с золотой звездочкой Героя на лацкане серого костюма, в сопровождении свиты, сначала постоял на крутом берегу канала, потом подошел к тому месту, где оставалась тонень-

кая перемычка. Двое строителей канала уже растянули красную ленточку, секретарь обкома спешил навстречу «хозяйину» с ножницами. Приехавшие с первым секретарем корреспонденты республиканской фотохроники, не сговариваясь, горестно запричитали.

– Капец картинке, ни черта не получится, солнце как раз бьет Рашидову в лицо, кроме черного пятна, ничего не будет, – сформулировал Боря Юсупов общее горе.

– Так надо перейти на другую сторону ленточки, – брякнул Аркадий.

– Вот ты их и переведи, – насмешливо посоветовал кто-то из хроникеров, – а мы посмотрим.

Будь Марков ну хоть чуточку постарше и благоразумнее, он бы никогда в жизни не осмелился на ту «выходку», что совершил в тот миг.

Рванувшись вперед, он замахал высоко поднятыми над головой руками и что было сил закричал:

– Солнце, солнце, нельзя снимать – солнце!!!

Чьи-то крепкие руки схватили его за локти и вывернули так, что чуть суставы захрустели. Боль была такой несносной, что от этой боли он закричал про солнце еще громче, еще пронзительнее.

– Что там происходит? – недовольно спросил Рашидов и, увидев, как охранники скрутили какого-то парнишку так, что он пополам согнулся, властно приказал: – Да отпустите вы его, – и, уже обращаясь непосредственно к Аркашке, все

так же недовольным тоном переспросил: – Что происходит, что с солнцем не так?

– Шараф Рашидович, нельзя снимать отсюда, солнце всю историю погубит, – торопливо и сбивчиво начал объяснять Аркашка. – Будет темное пятно, надо снимать с другой стороны.

Когда-то, еще когда он раненым вернулся с фронта домой, Рашидов работал в газете, даже главным редактором был какое-то время. Он сразу уловил, о чем так взволнованно бормочет этот парнишка.

– Ну что же, товарищи, ради того, чтобы сохранить в истории этот важный момент, давайте перейдем туда, где солнце не помешает, – и он первым обошел ленточку и встал с другой стороны.

Уже собираясь уезжать, Рашидов обратился к одному из своих помощников:

– Георгий Алексеевич, узнай, откуда этот парень, что про солнце кричал.

– А я уже выяснил, – доложил помощник. – Это Марков из «Андижанской газеты», главный редактор Сафаров.

– Хорошие кадры у Сафарова, так ему и передай, – велел первый секретарь ЦК.

Объединение «Заветы Ильича» в Узбекистане считалось самым лучшим и самым передовым. По всем отраслям сель-

ского хозяйства. Генеральный директор объединения Ахмаджон Акилов давал стране больше всех хлопка, овощей и фруктов, молока и мяса. В объединении были свои фабрики, производящие продукты питания, одежду, обувь, свое строительное управление. Страна высоко ценила генерального директора – Ахмаджон Акилов был дважды награжден Гер-трудой, бессменно «избирался» в Верховный Совет СССР. В республике о нем ходили слухи самые невероятные. Говорили, что у Рашидова нет друга ближе и довереннее, чем Акилов, и что «хозяин» советуется с ним по всем вопросам, разговаривая ежедневно по несколько раз по прямому про-воду, который проложен только для двух этих людей. Ходи-ли слухи, что у Акилова в объединении даже не военная, а тюремная дисциплина, что за любую провинность он лично наказывает нерадивых, избивая их плетью, в которую меж-кожаных ремешков вплетен свинец. Некоторые даже утвер-ждали, что в объединении, где-то в горах, подальше от люд-ских взоров, есть тюрьма, где морят голодом и не то что еды, а воды по несколько суток не дают.

Что из этого правда, что – нет, не знал толком никто. Но сотрудникам партийной газеты было доподлинно известно, что Акилов журналистов не жалует. Во всяком случае, никто из газетчиков «Звезды Востока» не мог похвастать, что по-бывал в агропромышленном объединении. Без приглашения Акилова туда попасть было невозможно, все попытки пре-секались дюжими охранниками, а в гости к себе дважды Ге-

рой Соцтруда приглашал, в порядке исключения, только двоих – фотокорреспондента газеты «Правда» Майю Скурихи-ну и фотокора журнала «Огонёк» Вячеслава Костырю. Имел Акилов такую слабость – обожал свои портреты на обложке популярнейшего журнала и на первой полосе главной газеты страны.

И вот теперь, непонятно за какие заслуги, в овечанное сплетнями и легендами агропромышленное объединение от-правлялся ничем доселе не прославившийся Аркадий Мар-ков.

В аэропорту Намангана представителя центральной газе-ты встречал секретарь обкома партии по сельскому хозяй-ству. По дороге в объединение, а ехали больше часа, этот че-ловек не произнес и нескольких фраз. Уже понавидавшийся всякого ранга сопровождающих, Марков подумал, что обко-мовца явно тяготит его миссия. И в своих предположениях, как вскоре выяснилось, не ошибся. В области предпочитали «не совать голову в пасть тигра», и даже самые высокопо-ставленные чиновники без острой нужды в хозяйство всемо-гущего «хана», так его в Намангане звали и в глаза, и за гла-за, не ездили. Через час бешеной гонки – водитель обкомов-ской «Волги» не слишком считался с правилами дорожно-го движения – остановились у шлагбаума, перегородившего дорогу. Из капитально выстроенного КПП вразвалочку вы-

шли два дюжих молодца в узбекских чапанах, под которыми они не очень-то скрывали автоматы. Один из них вступил в переговоры с водителем, потом связался с кем-то по рации. Секретарь обкома себя никак не проявил, помалкивал, будто его в машине и не было. Второй автоматчик обошел «Волгу» с той стороны, где сидел Аркадий, наклонился к приспущенному стеклу и произнес по-узбекски: «Ассалом алейкум, хурматли мехмон. Хуш келибсиз», – что означало: «Здравствуйте, дорогой гость. Добро пожаловать». Машина тронулась дальше. Пока прибыли на место, им пришлось еще два раза останавливаться на шлагбаумах. «Не агропромышленное объединение, а какой-то военный объект», – удивлялся Аркадий.

Наконец, остановились у полевого стана. Присели на традиционном айване – деревянном возвышении, устланном кошмой. К ним приблизился старик, облаченный во все белое, поставил чайник, две пиалы. Щелкнул пальцами, какой-то мальчишка услужливо поднес ему рацию. «Уважаемый хан, – заговорил старик, – приехал гость и обком». Рация довольно отчетливо прохрипела: «Гость пусть меня дождется, обком покормите, и может уезжать».

Секретарь обкома, услышав эти слова, стремительно поднялся с айвана и бормоча: «Спасибо, я не голоден», – хотел ретироваться. Но не тут-то было. Строгим, даже властным голосом, кто бы мог ожидать такого от сублильного старца, старик сказал: «Уважаемый хан сказал «кушать», значит, на-

до кушать». Тут же появилась большая пиала с дымящейся шурпой. Вероятно, хорошо знакомый с местными порядками, секретарь обкома снова уселся на кошму, обжигаясь, стал безропотно хлебать горячий суп. Когда с шурпой было покончено, он облегченно вздохнул и поспешил к своей машине. Его никто не задерживал. Не успели осесть клубы пыли, поднятой обкомовской машиной, как у айвана резко затормозил военного образца «газик» и оттуда выбрался грузный мужчина, одетый в полувоенного покроя светлый костюм. На ногах его были мягкие шевровые сапоги, из-за голенища одного из них торчала рукоятка узбекской плетки – камчи. Это и был владыка здешних мест Ахмаджон Акилов.

Акилов долго, до неприличия, в упор разглядывал Аркашку, потом изобразил улыбку, больше напоминающую оскал, произнес:

– Таких молодых гостей давно у меня не было. Но если мой брат тебе доверяет, значит, и я тебе доверяю.

Слово «брат» он произнес с подчеркнутым пиететом, и Аркадий понял, что речь идет о Рашидове.

– Будешь сначала отдыхать, потом работать или сначала работать, а потом отдыхать? – спросил Акилов, говоря по-русски с заметным акцентом и явно подбирая слова.

– Если вы не против, – Аркадий перешёл на узбекский язык, – я бы сначала поработал.

– Хоп, – одобрил директор. – С дороги все-таки надо перекусить чего-нибудь, а потом и поработать можно.

Он направился в сторону машины, потом остановился и через плечо бросил:

– Ужинать вместе будем.

После обеда журналист, в сопровождении юркого мужичонки, отправился осматривать спортивный комплекс. Борцовская арена была выстроена в виде старинного амфитеатра. Вероятно, спортивные поединки, по замыслу архитектора, а может, и не только архитектора, должны были напоминать ристалище гладиаторов. Сопровождающий поведал уважаемому Аркадию-ака, что завтра начинается приезд гостей, послезавтра – турнир. На турнир приглашены из разных союзных республик борцы классического стиля в ранге олимпийских чемпионов, чемпионов мира и Европы.

– Не ниже чемпиона Европы! – особо, с придыханием подчеркнул сопровождающий. – Таково было требование уважаемого хана.

– А что, товарищ Акилов такой почитатель классической борьбы? – поинтересовался Марков.

Его спутник опасливо оглянулся, хотя поблизости никого не было, сказал с придыханием:

– Уважаемый, вам лучше об этом его самого спросить.

Уже позже Аркадий узнал, что в объединении существовал категорический запрет что-либо говорить об Акилове за его спиной. Никакой информации! Расправа над ослушни-

ками свершалась стремительно и жестоко. Побродив по арене еще несколько минут, Аркадий поинтересовался, откуда он может позвонить в Ташкент, чтобы передать информацию о предстоящем турнире. В правлении объединения ему выделили кабинет с телефоном. Он набросал на листке бумаги несколько строк рутинной информешки и продиктовал ее стенографистке Танечке. После чего сопровождающий довел его до машины, подобострастно поклонился и исчез так мгновенно, будто его и не было.

– Куда мы едем? – спросил Аркадий, когда машина поднималась по крутому горному серпантину и уже уши закладывать стало.

– В рай, – коротко и вполне серьезно ответил водитель.

– Так-таки в рай, – попытался журналист разговорить водителя, но ответом его не удостоили. Понимая, что в этом зазеркалье свои незыблемые порядки, он больше с расспросами приставать не стал.

Подъехали к железным воротам, которые автоматически распахнулись, и машина беспрепятственно въехала... в рай. «Во всяком случае, если рай существует, то он должен быть именно таким», – подумал Аркашка. Повсюду росли экзотические, он таких сроду не видел, деревья, кустарники и цветы, воздух был насыщен ароматом фруктов и цветов, по дорожкам важно прогуливались павлины, щебетали на ветках деревьев птицы. У крылечка причудливого домика стоял человек и радушно улыбался.

– Уважаемый Аркадий-ака, меня зовут Фазылбек, – сказал он на русском языке без малейшего акцента. – Я, можно сказать, ваш гид по этому райскому уголку. Сначала пройдем в ваши апартаменты.

Ему выделили три роскошно обставленные комнаты – гостиную, кабинет и спальню. В кабинете на столе даже стояла портативная пищащая машинка «Эрика» – Аркашка вздохнул, он давно уже мечтал о такой, да где ж ее достанешь.

Вышли из дома с другой стороны и оказались у бортика каплевидной формы огромного бассейна, наполненного прозрачно чистой водой. Фазылбек кивнул в сторону невысокого строения:

– Там у нас тренажерный зал, финская сауна и турецкий хамам – все в вашем полном распоряжении. Вы только скажите, какую температуру предпочитаете. Сейчас в гостиную вам принесут холодные закуски и напитки. Вы, конечно, можете заказать любое блюдо и те напитки, которые пожелаете, – ваш заказ будет выполнен. Но примите во внимание, что вас сегодня ждет обильный ужин. Советую попариться, поплавать в бассейне, перекусить и поспать. К приезду уважаемого хана вас разбудят с таким расчетом, чтобы вы успели собраться. В вашем распоряжении горничная, которая, если будет желание, может вам сделать массаж. Если эта горничная вас по каким-то причинам не устроит, мы ее заменим.

Н-да, такого сервиса ему еще видывать не приходилось. Оставшись один, Аркадий призадумался. Ради чего его

привезли в эту сказку наяву? Ради стострочного репортажа о том, как с десяток бугаев завтра будут пыхтеть, кряхтеть и пердеть, доказывая, кто из них сильнее? Нет, здесь явно что-то не так. Не найдя, однако, никакого ответа на свои вопросы, Аркашка, решив, что в данном случае, вопреки пословице, не утро вечера мудренее, а вечер будет мудренее утра, отправился в бассейн. Все купальные принадлежности, включая великолепный махровый халат, разумеется, новенькие, ждали его в раздевалке.

Вдоволь наплававшись, он еще заглянул в турецкую баню – хамам, но скорее из любопытства, париться ему не хотелось. Равнодушно глянув на закуски, он еще не проголодался, отправился в спальню, решив, что перед предстоящим ужином действительно следует набраться сил. Едва он растянулся под прохладной простыней, в комнату вошла невысокая стройная девушка в коротеньком шелковом халатике, явно надетом на голое тело. Она протянула ему наполненный стакан.

– Это айран с горным медом, – пояснила девушка. – Очень хорошо для сна, – и тут же спросила: – Вы желаете массаж сейчас или после сна?

– А как ваше имя?

– Мавлюда, но если вам удобнее, то вы можете называть меня по-русски – Люда.

– Спасибо, Мавлюда. Я, пожалуй, отдохну.

Едва девушка вышла, Аркадий стремительно вскочил и

стал тщательно обследовать спальню, ища микрофоны и скрытые камеры, не очень-то представляя, как эта спецтехника должна выглядеть. Ничего не обнаружив, он залпом выпил айран с медом и спустя минуту уже безмятежно спал.

Машина времени

(Оглядываясь на будущее)

Опергруппа и следователи Генпрокуратуры Союза, расследовавшие в Узбекистане так называемое «хлопковое дело», прилетели в объединение «Заветы Ильича» поздно ночью. Однако Акилов, предупрежденный своими могущественными покровителями, уже успел скрыться. Обыск в правлении практически ничего не дал, в директорском сейфе лежало несколько банковских упаковок, тысяч сто-сто пятьдесят, не больше. В подвале обнаружили тюрьму, где, по показаниям там побывавших, морили голодом и секли плетью непокорных.

Группа отправилась в горы. Подивились на «райский уголок», павлины все так же безмятежно расхаживали по саду. В сопровождении местного информатора поднимались все выше и выше, до тех пор, пока не раздались автоматные очереди. Готовый и к такому повороту событий, отряд спецназовцев, сопровождавший оперативников и следователей, принял бой. Последним отстреливался тот самый старик, что когда-то встречал Маркова. Кстати, был он не так

стар, как предпочитал выглядеть. Бобо, так все звали старика, отстреливался до последнего патрона, последний пустил себе в лоб. В расщелине, которую он с таким остервенением защищал, нашли десятки килограммов золотых слитков, множество ювелирных изделий, деньги в рублях, долларах и английских фунтах.

Акилова поймали через несколько дней. На суде он заявил, что все обнаруженные ценности – это не более чем провокация КГБ. Его адвокат упирал на то, что при изъятии были нарушены самые элементарные правовые нормы, не было понятых и даже оперативная видеосъемка не велась. По поводу тюрьмы и телесных наказаний Акилов заявил с усмешкой:

– Ишак с места не тронется, пока его плетью не огреешь. Так и человек. Разве будет он хорошо работать, если его не стегать?

Отсидев шесть лет, он вернулся уже не в Узбекскую Советскую Социалистическую Республику, а в суверенное государство под названием Республика Узбекистан. С месяц о нем не было ни слуху ни духу, потом он во всеуслышание заявил, что намерен создать новую политическую партию. Методично посещая всех богатых людей края, он просил денег на свое новое движение и на приобретение оружия. На вопрос, для чего нужно оружие, отвечал коротко: «Для охраны новой власти». Новая власть в добрые намерения мятежного «хана» не поверила, он получил шестнадцать лет лагерей и

отправился в места не столь отдаленные, откуда вернуться ему уже не было суждено.

...«Хан» приехал в двенадцатом часу ночи. Мавлюда разбудила Аркашку за час до этого, проводила в бассейн, поплавала рядом с гостем, пообещала после ужина сделать «волшебный массаж» и исчезла. Аркадия проводили в просторную комнату, где потолки были украшены причудливыми узорами искусной резьбы по ганчу. «Хан», обложенный шелковыми цветастыми подушками, возлежал на пушистом ковре возле невысокого столика – дастархана. По углам комнаты стояли свёрнутые красные знамена – такие вручали коллективам за успехи в труде на благо социалистической родины. Знамен было множество.

– Если не нравится ужинать лежа, можем перейти в европейскую гостиную, – предложил Акилов.

Андижанская школа не прошла для Аркадия даром.

– Не пристало гостю в доме хозяина свои порядки устанавливать, – сказал он, опускаясь на ковер, придвигая подушки и подгибая под себя ноги.

– Молодой, ташкентский, а обычаи заешь, – одобрительно хмыкнул Акилов и тут же, придав своему голосу строгость, спросил: – Хозяина откуда знаешь?

– Ну что вы? – развел руками Аркаша. – Откуда я могу знать такого человека. Когда маленьким был, жил на той же

улице, где жила семья Шарафа Рашидовича, – о том, что он продолжает дружить с Володей Рашидовым, Аркашка предпочел умолчать.

– А... Так, значит, хозяин твоих уважаемых родителей знает, – удовлетворенно заметил Акилов, решив, что нашел, наконец, отгадку. Он придвинул к себе пузатую темную бутылку с надписью «Martel». – После того как этот коньяк попробовал, другой пить не хочу. Мне его теперь ящиками привозят из Парижа, – заявил он бахвалисто. – Но ты, может, что-то другое желаешь пить?

– Полностью доверяю вашему вкусу. Не пробовал никогда этот коньяк, но раз вы его пьете, значит, это достойный напиток.

Акилов довольно усмехнулся. Этот мальчишка нравился ему все больше и больше – умеет оказать уважение, это дорогого стоит.

В свое время Марков объездил все районы Андижанской области, побывал, работая в «Звезде Востока», и в других регионах, так что с разнообразием узбекской кухни, как ему казалось, был знаком. Ошибался. Никогда ему не приходилось пробовать таких крохотных перепелок, нафаршированных рубленным мясом ягненка и нежнейшими кусочками курдючного сала, такой таящей во рту самсы с торчащими наружу бараными ребрышками. Необычного вкуса были лагман и самса, а шашлыков было столько видов, что Аркашка уже и счет потерял. А Акилов, потчует радушно, все

подливал и подливал в пиалы французский сорокаградусный напиток, все больше и больше раздражаясь, что гость пьет с ним на равных, не пьянея так же, как и он сам. Каким-то, даже не седьмым, а семнадцатым чувством уловил Аркаша раздражение хозяина, как и причину его. Решительно отодвинув наполненную в очередной раз пиалу, нарочито заплетающимся языком, он произнес:

– Больше не могу. Я и так из последних сил держусь. Если еще выпью, потеряю лицо, потом стыдно будет перед таким человеком, как вы. Никогда себе этого не прощу.

Настроение «хана» сразу улучшилось. Он предложил гостю пройтись, и они вышли в сад.

– Мой повар знает, если я с гостями выхожу в сад, значит, пора в плов рис запускать. Мои люди хорошо изучили мои привычки, иначе бы их здесь не было, – самодовольно произнес директор.

После получасовой прогулки вернулись в комнату. Здесь уже было чисто прибрано, даже успели проветрить. Кое-как выдержав пытку пловом, поблагодарив хозяина в самых изысканных, какие только сумел из себя выдавить, выражениях, он в сопровождении Фазылбека отправился в спальню.

На пороге Фазылбек угодливо осклабился: «Неужели Мавлюда не пришлась по вкусу уважаемому гостю?» Пьяно покачнувшись, Аркадий ничего не ответил и, нарочито заплетающейся походкой поплелся к кровати. «Провокаторы хреновы, на сладкую булочку подцепить хотят», – подумал

он, уже засыпая.

Больше всего работы на турнире было у фотографов. Трое тучных мужчин, обвешанных японскими «Никонами», беспрестанно щелкали затворами – уважаемый Ахмаджон Акилов возжелал сфотографироваться с каждой из знаменитостей по отдельности, а также в группе, и возле борцовского ковра, и сверху – так, чтобы была видна панорама новой арены. Ну а награждение участников – само собой. Каждый из именитых спортсменов получил в подарок конверт с деньгами, как выяснилось, там было по тысяче рублей, цветной телевизор «Рубин», жеребца ахалтекинской породы и шитый натуральной золотой нитью национальный узбекский халат – чапан. Почетного гостя, представителя «нашей уважаемой партийной газеты», тысячерублевым конвертом и жеребцом обошли, но телевизор и золотошвейный чапан под звуки карная и сурная, под жиденские аплодисменты собравшихся, вручили.

Сидя в самолете, Аркашка с озлоблением думал о том, что утром надо писать репортаж об этом чертовом турнире, восхищаться мастерами борьбы, организаторами всей этой показухи. Ну не напишешь же о том, как всемирно известный олимпийский чемпион, знаменосец советской сборной,

мужеством которого восхищались болельщики всей планеты, подобострастно улыбался, принимая конверт с деньгами, эту лошадь и телевизор, и как он вместе с еще несколькими атлетами раскачивали Акилова, подбрасывая его в воздух.

Перед самым отъездом из Андижана Аркашке удалось купить редчайшую по тем временам книгу американского писателя Роберта Сильвестра «Вторая древнейшая профессия». Издали ее, видимо, потому, что некто сделал вывод: обличитель нравов лживой американской прессы тем самым подчеркнет, что в советской печати такое невозможно никогда. Помнится, открыв книгу, Аркадий прочитал на первой же странице эпитафия:

«Газетное дело не искусство, а ремесло. Эта профессия почти столь же древняя, как ... словом, это вторая древнейшая профессия».

Понимая, что ничего иного, кроме восторженного репортажа, он написать не имеет права, Аркадий с горечью подумал, что грань между первой древнейшей – проституцией и второй – журналистикой практически почти неуловима. Мерно гудели моторы воздушного извозчика-тихохода «Ан-24». Скорее бы добраться до дома и залезть под струи горячего душа. Ему отчего-то казалось, что он весь вымазан какой-то липкой грязью. И еще он боялся, что отмыть эту грязь не сумеет.

Он собирался рассказать обо всем в подробностях Тимофееву, но редактор лишь руками замахал, не желая знать,

что там было, в этом объединении у Акилова, от которого лучше держаться подальше и знать поменьше.

– Николай Фёдорович, – жалобно проговорил Марков. – Они мне чапан подарили дорогой и цветной телевизор. Что делать?

– Да чёрт бы с ним, с этим чапаном, но как ты мог телевизор взять? Ты что, не понимаешь, что это взятка? – досадливо воскликнул главный редактор.

– А что мне оставалось делать? Они этот телик в самолет заташили, не бросать же его там...

– Поступим так, – решил Тимофеев. – Сейчас срочно соберем редколлегию, и ты все расскажешь.

– Мне кажется, у нас есть выход из этой щекотливой ситуации, – произнес один из авторитетнейших журналистов редакции Владимир Александрович Беляев. – Аркадий должен написать заявление в профком, что телевизор, полученный им за освещение всесоюзного турнира, просит передать в дар нашему подшефному детскому дому. А директора детдома мы попросим, чтобы она нам написала официальное благодарственное письмо.

– И заметочку надо будет об этом написать, на четвертую полосу, маленькую, незаметную, нонпарелью, но обязательно, – добавил Костиков.

На том и порешили.

– Есть еще один вопрос, – заметил Тимофеев. – Сегодня я подписал приказ о переводе товарища Маркова из отдела

писем в отдел репортажа. И хотя внутренние перестановки – это прерогатива главного редактора и в согласовании не нуждаются, я решил вас, коли мы уже все собрались, поставить об этом в известность.

Вот это сюрприз! Вот уж подарок так подарок! Аркашка был готов на одной ножке выскочить из зала заседаний. «С тебя торт, – шепнула ему Ляля. – Я, правда, не хотела тебя отпускать, но шеф настоял».

Глава двадцать третья

У него началась новая жизнь. Новая, во всех отношениях. И совершенно прекрасная.

Поездка к наманганскому «хану» Ахмаджону вызвала в редакции множество пересудов. Корифеи из сельскохозяйственного отдела чувствовали себя не просто уязвленными, но и оскорбленными до глубины души – им, специалистам, аналитикам, знавшим аграрные проблемы республики лучше всех, ни разу не довелось побывать в этом «заколдованном» объединении, о котором ходило столько самых невероятных слухов. А тут какой-то мальчишка из отдела писем едет в «Заветы Ильича» и проводит там целых три дня, и возвращается с подарками от самого Акилова. Конечно, у редакционных мэтров были свои знакомые и даже приятели в аппарате ЦК партии. Так что уже вскоре стало доподлинно известно, что кандидатуру Маркова назвал лично Сам, великий и всемогущий Шараф Рашидов.

Все стало на свои места. Теперь понятно, как этот безвестный репортер областной газетенки мог в свои младенческие двадцать один год попасть в штат главной партийной газеты. Но сплетничать и строить догадки на одну и ту же тему вскоре всем надоело. «С Марковым лучше не связываться, у него есть «лапа», – решили коллеги, и судачить перестали. Впрочем, самому Аркашке было невдомек, какая буря раз-

разилась по его поводу в редакции. Он слишком был поглощен собой и открывшимися перед ним возможностями, чтобы замечать, что творится вокруг.

Во время вечернего дежурства заведующий репортажем газеты напрямик спросил главного:

– Николай Фёдорович, посоветуйте, как лучше новенького использовать. У меня с разъездными корреспондентами просто беда, никого в командировки не выгонишь, все классики. Может, его в разъездные определить...

– Во-во, – в самую точку попал, – перебил его Тимофеев. – Внутренним распоряжением по отделу назначай его разъездным спецкором и гоняй в хвост и в гриву. Он нам потом спасибо скажет за такой опыт.

Спасибо?! Да Аркашка готов был от восторга броситься на шею своему новому начальнику, когда тот объявил, какую должность теперь занимает Марков и что в связи с этим в командировки он может ездить практически без ограничений.

И он поехал. Мотался по республике, изобретая все новые и новые темы для своих репортажей. В аэропорту и на железнодорожном вокзале его теперь знали и в лицо, и по имени не только начальники смен, но и все кассиры. Отец на день рождения подарил ему великолепную югославскую

портативную пишущую машинку, и он таскал ее повсюду с собой. Даже в шумных многоместных номерах захолустных гостиниц он умудрялся вечерами писать свои репортажи и информации, чаще всего используя вместо письменного стола подоконник.

Когда однажды его кто-то спросил, как он умудряется писать в таком бедламе, где зачастую не только людской гомон, но еще и музыка гремит, Аркашка беззаботно рассмеялся: «Шум и музыка – это ерунда. У меня к окружающим только одна просьба, чтобы, когда я пишу, меня по голове не били».

Он писал очень быстро, и стиль у него был легким – как раз то, что надо настоящему репортеру. В этом даже не было особой его заслуги – скорость и стиль – это, скорее, как музыкальный слух – или есть у человека, или нет. Закончив очередной материал, спешил на почту, заказывал разговор с Ташкентом и диктовал свои опусы сменным стенографисткам – Танечке или Наденьке. Он звонил им так часто, что девушки даже шутку придумали: «Мы теперь не редакционные стенографистки, а стенографистки спецкора Маркова».

Как только Аркадий был назначен на должность спецкора, он первым делом позвонил давнем своему знакомому – директору зоокомбината Владимиру Савельевичу Левитину. Когда-то, в первые дни своей работы в «Звезде Востока», он делал репортаж из его хозяйства, и Левитин обещал отпра-

вить его в экспедицию со змееловами. Конечно, ни в какую экспедицию его тогда не отпустили, зато теперь – пришло его время...

Савельич слово сдержал, и уже вскоре вместе с пятью змееловами Марков отправлялся в пустыню Кара-Кумы. Сначала летели обычным «Ан-24», потом ползли, чуть оторвавшись от земли, на «кукурузнике», и еще долго тряслись в кузове грузовика. Разбили палатку, старший назначил дежурных – костёр возле палатки нужно было поддерживать всю ночь. Во время ужина преподали корреспонденту первые уроки безопасности, вручили ампулу с противоядием, на случай, если змея укусит.

– Если гюрза тыпнет – точняк поможет, – сказал старший. – А вот если кобра, тот тут как звезды встанут.

– Так что, против кобры это может и не помочь? – уточнил Аркадий.

– Да ты не бзди, тебя еще никто не укусил, – проворчал старший и отправился спать.

Утром ему выдали брезентовый комбинезон, высоченные, до самого паха, сапоги-ботфорты, широкополую панаму, москитную маску на лицо.

– Маска-то зачем, откуда здесь комары?

– Чтоб каракурт за морду не хватанул, – пояснили ему.

Бродить по зыбучим пескам Кара-Кумов в этой тяжелой амуниции в сорокаградусную жару было сродни изощренной пытке. Но змееловы пришли сюда, как они высказа-

лись, не для зоопарка ужей ловить. Пойманных змей – и гюрзу, и кобру – в зоокомбинате потом «выдаивали», получая яд, бесценный для фармакологии. Опаснейшая эта работа, как и любой иной риск в мире, имела свои расценки. За ядовитую, но глупую, как считали змееловы, гюрзу платили пять рублей, за изощренную и коварную кобру – червонец. Пуще змей опасались смертельно ядовитого паука каракурта. Если змею можно было разглядеть, то каракурт своей окраской сливался с песками и был неотличим в пустыне.

Репортер бродил по пустыне вместе со змееловами десять дней. Приехав на грузовике в небольшой городок Заравшан, разместились в местной гостиничке, ожидая «кукурузника». Воды в гостинице не было, отправились в городскую баню. После баньки старший велел Аркашке: «Сбегай, молодой, в хозмаг, купи эмалированное ведро». Эмалированных не было, купил обычное цинковое. Притащил в гостиницу. Старший укоризненно покачал головой, проворчав: «Экая ты бестолочь, сказано же было – эмалированное. Ну, да ладно, авось не успеет прокиснуть». Аркашка не понимал, о чем речь идет, покуда из купленных только что бутылок не полилась в ведро водка – двадцать бутылок, ровно десять литров.

В экспедиции был строжайший сухой закон: в пустыне расслабляться нельзя было ни на секунду, это грозило смертельной опасностью. Теперь, в городе, где ни змей, ни каракуртов, можно и оттянуться. Водку черпали из ведра солдатскими кружками, закусывали сухой конской колбасой по

восемьдесят копеек за килограмм и плавлеными сырками «Дружба», как же без них.

Репортаж «Черный песок» ему удался. Яркий, сочный, образный, он передавал и суровую мощь пустыни, и характеры людей, не испугавшихся в эту пустыню прийти. Материал был перепечатан в журнале «Огонек», а вскоре раздался звонок из киностудии «Узбекфильм». Редактор студии Лариса Самарцева, гроза всех сценаристов, елейным голоском, оказывается, и она умела быть вежливой, осведомилась, удобно ли будет товарищу Маркову завтра в одиннадцать часов утра встретиться на студии с директором и председателем союза кинематографистов Маликом Каюмовичем Каюмовым.

Товарищ Марков утром собирался улетать в очередную командировку, но ради такой встречи все свои дела отложил. Он давно уже мечтал написать сценарий для документального фильма, но все его заявки бесследно исчезали в бездонных ящиках стола той же Ларисы Самарцевой.

Каюмов встретил его приветливо:

– Читал, читал в «Огоньке» и в нашей газете твой «Черный песок». Лихо пишешь. А сценарий написать сможешь? Я тебе дам нашего лучшего оператора-документалиста и отличного режиссера. Ну как, согласен? – напористо спрашивал Каюмов.

Конечно же, он согласился, еще бы ему не согласиться,

когда он так давно об этом мечтал.

– Хорошо бы, если ты со сценарием за месяц уложишься, ну максимум – за два. Мы тогда успеем и отсняться, и смонтировать до кинофестиваля. Ты уж постарайся.

В кабинете Самарцевой он высказал свое удивление:

– Мне Каюмов сказал, чтобы я со сценарием за месяц уложился. Да я тебе завтра принесу.

– Ишь ты, прыткий какой. Все месяцами пишут, а он завтра принесет. Ладно, возьми для образца несколько классических сценариев. Только ты должен знать: ни один сценарий никогда и никому не утверждают с первого раза. Опытные авторы пишут сразу три варианта, в каждом кое-что незначительное меняют. Третий вариант, как правило, утверждают. Все, дерзай. И приходи не раньше, чем через месяц. Иначе тебя не поймут. Каюмов, во всяком случае, не поймет первым.

– Так уж и всем утверждают только третий вариант? – усомнился Аркашка.

– Всем, не сомневайся. Константин Симонов свой сценарий к фильму «Голодная степь» вообще пять раз переделывал. Зато потом они с Маликом Каюмовичем за эту картину Ленинскую премию получили.

Фильм «Черный песок», с легкой руки Малика Каюмови-

ча, вышел, даже получил какую-то премию на всесоюзном кинофестивале. Но Аркадий свою картину не видел. На премьерe в Доме кино ему побывать не удалось, он, как всегда, был в командировке, да и потом не сложилось.

... Как-то раз, зайдя в комнату внука, баба Сима, ей тогда уже было далеко за восемьдесят, увидела на столе открытый пакетик с множеством мелких острых белых зубов. Она позвонила на работу внуку. Аркашка торопливо объяснил ей, что это зубы гюрзы, но уже не ядовитые, опасаться нечего. Она повесили трубку, нашла ненужную тряпицу, с опаской завернула в нее пакетик и брезгливо снесла на помойку.

В те годы он еще не понимал, разве что начинал подспудно догадываться, что смотрит, вернее вынужден смотреть, на окружающую его действительность глазами того «дирижёра», который властно руководит оркестром. И любая самостоятельно исполненная нота воспринимается как нота фальшивая, а значит – вредная. Пройдет много лет, и однажды, на каком-то семинаре по советологии в США, эксперт ООН Аркадий Марков убежденно скажет: «В Советском Союзе одна-единственная машина ни разу не дала сбоя – это идеологическая машина».

«Железный занавес» наглухо отделял советских людей «от тлетворного влияния Запада». Поэтому народ свято верил, что нет на свете напитка лучше, чем водка «Москов-

ская», еды вкуснее, чем колбаса «Любительская», фабричные пельмени «Сибирские» и обуви прочнее и красивее, чем ботинки ленинградской фабрики «Скорород». «Советское – значит отличное», – твердили газеты и лозунги. И народ свято верил, что если товар маркирован продолговатым «знаком качества», то можно не сомневаться – товар качественный.

«У нас самые лучшие в мире фильмы, самые душевные песни, а также в области балета мы впереди планеты всей», – убеждали, убеждали, убеждали газеты – и убедили.

Газетчиков использовали как инструмент идеологического гипноза. И чем талантливее был журналист, тем более убежденно мог он внушить своему читателю все, что нужно было «родной коммунистической партии». И как ни старался репортер Аркадий Марков в своих репортажах отражать только то, что он видел, и он не смог избежать общих тенденции советской печати. Он сам не заметил, как научился верить в то, что утверждал своими газетными материалами.

Машина времени

(Заглядывая в прошлое)

Как-то утром, это было еще в бытность его работы в Андижане, Маркова вызвал к себе редактор.

– Вот, из Москвы служебка пришла, – сказал Сафаров. – С завтрашнего дня понижаются цены на чулочно-носочные

изделия. Нужно подготовить полосу откликов читателей. В сегодняшней номер. Один справишься?

– Целую полосу? – удивился Аркашка и торопливо заверил: – Справлюсь, конечно.

– Но ты понимаешь, что нужно?

– Конечно, понимаю.

Сафаров вздохнул. Ему так не хотелось, чтобы этот хороший, явно талантливый паренёк уже сегодня понимал, что от него требуется.

А Аркашка шел по улице Ленина, на ходу придумывая план будущей полосы. Он заходил в уже знакомые ему организации, останавливал людей на улице, сообщая всем «радостную» новость о понижении цен на чулки и носки. Предпочитал при этом беседовать с женщинами – их легче было убедить, что понижение цен на чулки немедленно и благотворно отразится на семейном благосостоянии. Мужиков могла обрадовать разве что новость о понижении цен на водку, но этого ждать не приходилось. Заглянул он и в гастроном. Но там беседовать на эту тему было явно не ко времени. Какая-то визгливая тетка, надрываясь во всю глотку, орала, что опять вместо мяса привезли сплошные кости, да еще и вонючие, а куры, что лежат на витрине, явно издохли от старости.

Побродив по городу не больше часа, Марков вернулся в редакцию, лихо настрочил отзывы андижанцев, жизнь которых отныне будет легкой и беззаботной, так как родное со-

ветское правительство, денно и нощно заботясь о их карманах, понизило цены на чулочно-носочные изделия. Писал он об этом легко, бездумно, тщательно следя только за тем, чтобы нагнать строку до размеров газетной полосы. В тот день он сделал еще один шаг, чтобы из подмастерьев перейти в сонм профессионалов второй древнейшей.

Заняв должность разъездного спецкора «Звезды Востока», Аркадий Марков обрадовался не только неограниченной возможности ездить. Раз и навсегда избрав для себя хлопотную специальность репортера, он убеждал себя еще и в том, что репортаж – это самый честный жанр журналистики. «Моя задача простая, – говорил он, немного при этом кокетничая, в кругу друзей, – пришел, увидел, написал». Он и сам хотел в это верить, хотя с каждым днем понимал, что в партийной газете, как, впрочем, и в любой иной газете Советского Союза, требования и каноны одинаковы ко всем жанрам.

Тяжело заболел, на несколько месяцев слег в больницу, футбольный обозреватель газеты. Мастодонты редакции, хотя среди них было немало и футбольных болельщиков, на роль обозревателей не годились. Поручение писать футбольные отчеты получил спецкор Марков, ставший теперь обще-

редакционным универсалом. Его популярность просто зашкалила. Местную команду «Пахтакор», игравшую в высшей лиге, в республике обожали до фанатизма. А после того, как Аркадий провел несколько совместных телевизионных репортажей с популярнейшим комментатором из Грузии Котэ Махарадзе, его авторитет поднялся просто на недосягаемую высоту. В городском сквере, где собирались болельщики, чтобы обсудить футбольные новости, все чаще и чаще можно было услышать: «Марков сказал, Марков написал, Марков считает».

Однажды ему по какой-то причине недосуг было пойти на футбольный матч, да и игра была почти ничего не значащая для турнирного положения команды. После матча он позвонил знакомому спортивному деятелю, вызнал подробности и настрочил коротенькую информацию – больше и не требовалось. Утром пришлось отдуваться на ковре у главного.

– Это что за заголовок, Марков? – сурово спрашивал Тимофеев. – «Пахтакор» проиграл». Надо же было придумать такое.

– Но «Пахтакор» действительно проиграл, я ничего не придумывал. На то он и спорт – голы, очки, секунды; и как можно иначе написать о проигрыше?

– Значит, ты действительно не понимаешь, что натворил, – огорчился Николай Фёдорович. – Ну, хорошо, сейчас я тебе преподам урок. На дистанции десять бегунов. Девять зарубежных, один советский. Советский прибежал послед-

ним. Как ты об этом напишешь?

– Так и напишу, что наш был последним.

– Вот! Это и есть твоя главная ошибка: «наш» и «последний» – понятия несовместимые. Надо писать: «Советский спортсмен финишировал в десятке лучших».

Аркашка ошеломленно смотрел на шефа. Тот был абсолютно серьезен. Потрясенный осознанием того, что он сейчас не столько услышал и понял, а как до него это ДОШЛО, он, даже забыв попрощаться, вышел из кабинета.

Вечером Аркашка рассказал о разговоре с главным редактором своему закадычному другу Камилу. «Свое говно – варенье», – философски отреагировал Кэм, как его все звали, и добавил: – А ты не думай, думать много – опасно. Это я тебе как врач говорю.

Глава двадцать четвертая

По красавцу-городу Севастополю он бродил, не зная, куда себя приткнуть. Накануне, как всегда срочно, его погнали в штаб Туркестанского военного округа, где секретчики оформили Маркову допуск на посещение Севастополя, он тогда еще был закрытым городом, для освещения военно-морского парада.

– Я тут при чем? – удивился Аркашка, узнав о задании, хотя побывать в прославленном городе было заманчиво. – Честно скажу, я разницу между эсминцем и, скажем, крейсером, не сильно хорошо представляю.

– Поступило указание, что нужен не формальный отчет, а именно репортаж, – туманно пояснил заведомо и завистливо вздохнул: – Я бы и сам съездил на Черное море, повалялся недельку на пляже, но шеф велел тебя отправить. Ты же у нас – спецкор.

До парада было еще добрых три дня, и он теперь убивал время на пляже. Утром брал книжку потолще, заходил в буфет Дома офицеров морского флота и завтракал. Завтрак состоял из бутерброда с керченской селедочкой и стакана прохладного кисленького рислинга. Катер с морвокзала до пляжа буравил морскую гладь минут сорок. А потом было море, волшебное Черное море, и он, ныряя в прохладную соленую воду, замирал от восторга, забывая и про книжку, и про

свою любимую работу, и вообще про все на свете. Облюбовав в море огромный скользкий валун, он взбирался на него и загорал не на прибрежном песочке, а именно на этом камне, фантазируя Бог весть что. Возвращался в город к вечеру. Позволял себе немного отдохнуть – условия ему предоставили царские, отдельный номер в гостинице – и снова отправлялся в офицерский буфет. Брал какой-нибудь эскалоп, шницель, или бифштекс, удивляясь, что в блюде было натуральное мясо. Узбекский общепит мясом своих потребителей не баловал, заменяя дорогой продукт обилием хлеба и лука. Однажды Аркашка зло пошутил по этому поводу: «Узбекская поваренная книга начинается со слов «укради мясо»».

К мясному блюду добавлялась все та же керченская селедочка, только теперь с колечками лука и отварной молодой картошечкой – устоять против этого деликатеса было ну просто невозможно; и, конечно, еще пару стаканов рислинга, как же без этого...

На третий вечер перед входом в буфет Аркадий увидел косо пришипленный тетрадный листок с коряво написанным текстом: «Вечер писателя-сатирика М. Жванецкого. Цена 30 коп.». Имя писателя ему ни о чем не говорило, но время-то все равно надо было как-то убивать, и он купил билет. Зрителей пришло от силы человек десять, и потому Аркадий вы-

брал себе самое центральное место в первом ряду. На сцене появился плотный человек, и уже через несколько минут Аркашка катался по своему, никем не занятому ряду, хватался за живот, выл, визжал, утирал слезы и вообще вел себя крайне несолидно. Такого ему не доводилось еще слышать никогда и ни от кого. Закончилось выступление, писатель подошел к рампе:

– Каждому выступающему хочется, чтобы зал был полон. Но я благодарен тем зрителям, которые сегодня пришли меня послушать. Особенно благодарен зрителю из первого ряда, – и Жванецкий, глядя на Аркадия, отвесил легкий полупоклон. Журналист счел этот жест вполне достаточным для знакомства и поспешил за кулисы.

Ужинали они вместе, вместе поехали на следующий день и на пляж. Жванецкий поначалу выразил удивление по поводу странного Аркашкиного завтрака, но, отведав керченской селедки, вынужден был признать: «Такой я даже у нас в Одессе не пробовал». Избранный новым товарищем островок-валун он признал безоговорочно и с восторгом заявил: «Если бы сюда можно было поставить хоть какое-то подобие письменного стола, я бы здесь на все лето жить остался».

– Миша, почему я вас никогда не читал, не слышал ваших вступлений по телевизору? – напрямую спросил Аркадий. – У вас совершенно особый, ни на кого не похожий юмор. Своя стилистика, неповторимый ход мыслей...

– Вот именно поэтому и не видел, – грустно улыбнулся

Жванецкий.

Он рассказал журналисту, что много лет проработал у знаменитого Аркадия Райкина, но недавно ушел от него. Ушел не потому, что ему захотелось славы и известности, вернее не только поэтому.

– Понимаешь, быть великим артистом, одним из самых популярных во всей стране, – это невероятный груз. Надо все время держать себя в форме. И не только в физической. Райкину не нужна цензура. Аркадий Исаакович сам себе цензор. Он каким-то невероятным чутьем видит, где скрыты подводные камни, и никогда не пропустит на сцену ничего такого, что пройти не должно.

– Ты не слишком придирчив к нему? Мне как раз кажется, что Райкин себе позволяет такую острую критику, которую не могут позволить другие сатирики, – попытался возразить Аркадий.

– Видимость, рассчитанная на обывателей, – безапелляционно заявил Жванецкий. – Кого критикует со сцены Райкин? Продавца магазина либо максимум завмага, слесаря-водопроводчика, в крайнем случае – начальника ЖЭКа. Если речь идет о плохом планировании, то не выше уровня завода, и чтобы никак, упаси Создатель, не подумали, что может ошибаться Госплан. В текстах, которые мы ему пишем, как ты понимаешь, я у него не один, мы критикуем пьяниц, лоботрясов, стилиг там всяких. Стоит копнуть поглубже, все это тут же летит в корзину. Ну вот я и решил попро-

бовать сам выступать со своими текстами. Москва, конечно, для меня закрыта, Ленинград тоже, но вот в небольших городах иногда позволяют что-то вякнуть со сцены. Да и то, как видишь, залы от зрителей не ломаются.

– Ну вы нашли с чем сравнивать – Севастополь же закрытый город, – попытался утешить его Аркадий, и тут ему в голову пришла отчаянная мысль. – Миша, а давайте я у вас интервью возьму.

– Отличная мысль, – хмыкнул Жванецкий. – Вот только один вопросик: где ты его публиковать собираешься, интервью это? И знаешь что, перестань мне выкать. Это невежливо постоянно мне напоминать про мой возраст.

– Интервью я отправлю в «Литературную газету». Я там уже публиковался. Они-то, думаю, опубликуют.

– Ты публикуешься в «Литературке»? – с уважением спросил Жванецкий.

– Бывает, – уклончиво ответил Аркашка, но уточнять не стал.

Он не соврал. Еще работая в отделе писем, Марков стал отправлять для юмористической страницы читательские «перлы». «Клуб 12 стульев» с удовольствием публиковал фразы типа:

«У меня болит колено на ноге», «Стоит забор, близкий к падению», «А для панели я уже стара – не могу махнуть ни рукой, ни ногой, ни лопатой», «Они дали мне таблетки, и я всю ночь рвал и метался», – ну, и тому подобное.

– Я попробую, а может, и получится, – продолжал он настаивать на интервью.

– Держу пари, что откажут, – упорствовал Михаил.

– На что спорим?

– Если интервью не опубликуют, ты меня угощаешь в самом лучшем ресторане Ташкента, специально для этого приеду. А если я проиграю и интервью опубликуют, то ты пожизненно будешь бесплатно ходить на все мои выступления.

– Михал Михалыч, вы случайно не еврей? – засмеялся Аркашка.

– Еврей, но не случайно. А почему ты спросил?

– Во-первых, я газетчик, во-вторых, мы же с тобой теперь друзья, так что на твои концерты я так и так буду ходить бесплатно. Придумай себе другой штраф.

– Ну хорошо, если я проиграю, с меня любой, на твой выбор, ресторан Москвы.

Вечером они сидели в номере Аркадия.

– Мне представляется, что юмор – это такое средство самозащиты. Для любого, кто этим чувством обладает. Но для писателя-сатирика, если он в своем юморе от самозащиты переходит в нападение на власть имущих, это может обернуться трагедией, – рассуждал Михаил Жванецкий.

Скрепя сердце, сгладив особо острые углы в высказываниях писателя-сатирика, Аркадий отправил интервью в «Литературную газету», откуда его поначалу не удостоили даже формальным ответом. Каково же было удивление, когда че-

рез год материал был опубликован полностью, без каких-либо купюр.

Обещанный Жванецким банкет состоялся. Но лишь пять лет спустя.

В те годы его «коронкой» был и оставался репортаж. Может быть, еще и от того, что репортажи ему удавались лучше всего. И это признавали не только читатели, но и коллеги, у которых, как известно, доброе слово было куда дороже золота. Репортажи Маркова, написанные сочным выразительным языком, всегда были яркими и воспринимались как откровение. Вот уж что он умел так умел – быть откровенным со своими читателями. И они это чувствовали. Он находил такие слова и детали, что люди, читая его репортажи, с удивлением восклицали: «Вот это да! Как же я сам этого не заметил?»

Давние уроки его андижанского друга Марата Садвакасова не прошли даром. Аркадий мог зайти в заштатный краеведческий музей, где всех экспонатов-то не больше десятка набиралось, обнаружить там глиняный осколок, а потом красочно и образно рассказать целую историю старого кувшина. Его репортаж о змееловах вспоминали еще много лет спустя. Так же как репортаж о пожаре газовой скважины в Каршинской степи, где вырвавшееся из недр земли пламя поднялось на такую высоту, что в радиусе до километра птицы падали,

опалив крылья. В два часа ночи репортер Марков сидел в палатке, расположенной в двух километрах от огненного столба, и, не зажигая света, писал репортаж – так светло было от пламени газового пожара.

Даже когда он брал интервью, то все равно в текст беседы неизменно вставлял какие-то элементы репортажа – сначала это получалось неосознанно, а потом – специально. Редакционные корифеи, боровшиеся за чистоту газетных жанров, нещадно критиковали молодого коллегу за такое своевольное отношение к канонам журналистики, но Марков выслушивал их нападки молча и даже не каялся.

Именно из-за интервью за ним прочно укрепилась в журналистской среде прозвище Бульдог. Считалось, и не без оснований, что если Марков отправляется на интервью, то у его собеседника нет ни единого шанса беседы с журналистом избежать. Он и впрямь, после своих, еще по сути детских неудач, поставил себе сверхзадачу: если пошел на задание, пустым возвращаться не имеешь права. Коллеги, не из его, конечно, редакции, сочинили такую байку. Хоронят, дескать, какую-то знаменитость, Марков опоздал и примчался на кладбище к самому концу панихиды. Могильщики собираются крышку гроба заколачивать, как тут раздается окрик Маркова: «Минуточку, не закрывайте гроб, мне надо задать покойному еще парочку вопросов».

Прозвище Бульдог к нему, собственно, прилипло после нашумевшего интервью с чемпионом мира по шахматам Романом Судаковым. Сублильного гроссмейстера, с нелепой «гитлеровской» челкой на лбу, накрыло то самое чувство, которому все возрасты и регалии покорны. Он влюбился в прославленную теннисистку, чемпионку Уимблдонского турнира Ольгу Снежину. Официально считалось, что шахматный король у королевы ракетки берет уроки игры в теннис. По этой самой причине влюбленный воздыхатель за своей широкоплечей, крепко сложенной пассивой мотался по всему белу свету. Приехал он вместе с ней и в Ташкент, где Снежина проводила уроки мастер-класса.

К шахматному чемпиону, сбивая друг друга с ног, бросились журналисты, но Роман Анатольевич был тверд: «В Ташкент приехал с частным визитом, никаких интервью». Большой поклонник древней игры – секретарь ЦК компартии Узбекистана Уткур Салиев был огорчен безмерно: неужели великий шахматист уедет из Ташкента, не сказав хотя бы несколько добрых слов о гостеприимном и радушном узбекском народе. Своими мыслями он поделился с главным редактором «Звезды Востока».

Марков в ту пору был в командировке. Тимофеев дал задание заведующему отделом репортажа, тот послал одного корреспондента, второго, отправился на поклон к Судакову сам – все безрезультатно.

Прилетевший поутру в Ташкент Аркашка был безмерно

удивлен, когда увидел в аэропорту редакторского водителя Алишера. Тот объяснил, что шеф велел доставить его в редакцию незамедлительно.

Сделав несколько телефонных звонков, Аркадий выяснил, что знаменитость сейчас разминается на теннисном стадионе. Он помчался туда, дождался, когда Судаков выйдет из душевой, и попросил уделить ему несколько минут. Аркадия никто не счел нужным предупредить, что капризный гроссмейстер от интервью отказался категорически, и потому он был немало удивлен раздражительным, несколько даже истеричным отказом чемпиона. Марков направился к главному тренеру узбекских теннисистов – своему доброму другу Генриху Дашевскому.

– А ты можешь написать, что брал интервью у Судакова на теннисном стадионе? – вкрадчиво спросил Генрих.

– Могу даже написать, что интервью состоялось на теннисном стадионе, где работает заслуженный тренер республики Генрих Дашевский, – заверил его Марков.

Генрих подвел Аркадия к корту, где показывала свое мастерство прославленная теннисистка Снежина. О чем-то переговорив с Олей, он потащил Аркашку в буфет под трибунами и предложил скоротать время за чашечкой кофе. Минут через тридцать вместе с Ольгой в буфете появился упирающийся, словно его на аркане волокли, явно недовольный Судаков. Недовольство недовольством, но на все вопросы корреспондента гроссмейстер отвечал так же обстоятельно,

как разыгрывал свои знаменитые гамбиты.

Видно, информация об этом инциденте утекла от теннисистов, но в городе историю с интервью рассказывали примерно так. Снежина-де силой притащила Судакова, усадила его перед корреспондентом. Гроссмейстер отбивался, хныкал, но Оля гладила его по голове и уговаривала: «Ну Ромочка, ну миленький, потерпи, это не больно»...

Самые сложные интервью, как это ни парадоксально, не только укрепляли авторитет Маркова-репортера, но зачастую доставляли и кучу неприятностей. Стоило ему побеседовать с кем-то из важных иностранцев, и готово – выговор по требованию протокольного отдела МИДа. Поначалу Аркашка огорчился, после привык, в итоге даже гордился, как боевыми наградами.

Счет этим «наградам» открыл премьер-министр Японии. Самолет высокопоставленного японца приземлился, как и положено, в правительственном аэропорту «Ташкент-2». Пройдя по красной ковровой дорожке, важный гость благоговейно выслушал государственные гимны, принял от пионеров цветы, а от танцовщицы ансамбля «Бахор», она символизировала собой узбекскую красавицу, расписную самаркандскую лепешку-патыр, которую в качестве сувенира можно даже на стенку повесить. Потом начались речи. С речами принимающая сторона явно перестаралась, и когда вы-

сокий гость подходил к «Чайке», мидовский протокольник уже подпрыгивал на одной ножке – до встречи японского премьера с «хозяином республики» оставались считанные минуты. На просьбу дать интервью японец даже отреагировать не успел – вмешался мидовец и завопил, что у гостя нет ни единой свободной секунды, они и без того опаздывают.

«Я мог бы поговорить с вами в машине, по дороге», – учтиво предложил Аркадий. Выслушав переводчицу, премьер улыбнулся и жестом пригласил журналиста садиться в машину. Марков не заставил себя уговаривать. Пятнадцати минут, что кортеж мчался до резиденции, ему вполне хватило, чтобы задать необходимые вопросы. Выходя из «Чайки», Аркашка в самых любезных, на какие был способен, выражениях поблагодарил «уважаемого премьер-министра Японии за прекрасное содержательное интервью».

– А ты, падла, вазелин «Нежность» и мыло «Юность» готовь, – обратился Аркашка к мидовцу. – Уж я постараюсь, чтобы ты надолго запомнил, как партийной газете палки в колеса вставлять.

«Падла» оказался куда проворнее репортера. Едва Аркашка добрался до редакции, главный сообщил, что звонили из МИДа и требуют строго наказать Маркова за нарушение дипломатического протокола. Оказывается, японцам такого ранга, как премьер-министр, не то что «пятую точку», им даже спину показывать непозволительно. А Марков, влезая в машину, понятное дело, согнулся так, что высокий гость

мог лицеизреть все непротокольные подробности Аркашкиного телосложения.

Выговор после интервью с генеральным секретарем ЦК компартии Уругвая репортер Марков по большому счету спровоцировал сам. Явившись в резиденцию для беседы, он застал выдающегося деятеля международного коммунистического движения в бассейне. Рядом с борцом за всеобщее равенство плескалась и резвилась прехорошенькая переводчица. Выяснив, что сразу после отдыха у Арисменди важные переговоры с председателем Госплана и ему будет явно не до интервью, Аркашка зашел в раздевалку и обнаружил там, как и ожидал, упакованные купальные принадлежности. Из раздевалки можно было по специальному люку подплыть прямо в бассейн. Обнаружив рядом с собой журналиста, Арисменди не удивился, во всяком случае, вида не подал, и довольно охотно отвечал на вопросы. Он только следил, чтобы этот шустрый малый не слишком часто заплывал со стороны переводчицы.

Понятное дело, что выговор за такую выходку ему был обеспечен – мидовские протокольщики не дремали. Но разве не стоила какого-то паршивого выговора возможность поплавать в бассейне с Арисменди!

Чрезвычайный и полномочный посол Монголии в Узбекистане собрал в своей резиденции журналистов. На пресс-конференции он показал им плотный засургученный конверт.

– Принято решение о запуске космического корабля, на борту которого будут советский и монгольский космонавты, – торжественно провозгласил посол. – Имена их пока хранятся в секрете. А в этом конверте биографии будущих космонавтов. Честно говоря, мне и самому не терпится узнать фамилии и биографии героев, но я не имею права открыть этот конверт до официального заявления ТАСС о запуске космического корабля. Поэтому, господа журналисты, мы поступим так. Когда ракета уйдет в космос, я устрою прием в честь полета первого космонавта Монголии. И на этом приеме вы сможете ознакомиться с содержанием конверта.

Представители прессы одобрительно загудели – обещание пригласить на банкет их явно порадовало.

Через пару недель после той пресс-конференции Аркадий в телевизионных новостях услышал официальное сообщение о полете международного космического экипажа в составе Героя Советского Союза летчика-космонавта СССР, уроженца Узбекистана, Владимира Джанибекова и монгольского летчика – фамилию и имя с первого раза разобрать было просто невозможно, не имя, а какой-то набор рычащих звуков. Решение созрело мгновенно. Марков позвонил в редакцию и попросил задержать первую полосу, заявив, что через

несколько минут продиктует срочное сообщение по поводу космического полета Джанибекова. Следующий звонок был в монгольское посольство. Сначала дежурный, ссылаясь на позднее время, ни в какую не хотел соединять журналиста с господином послом, но, узнав, что речь идет о полете в космос гражданина Монголии, согласился. Дипломат вполне сносно говорил на русском языке, так что переводчик им не понадобился.

– Ваше превосходительство, – как и положено по протоколу, обратился Марков к послу. – Позвольте искренне поздравить вас с полетом первого гражданина Монголии в космос.

Выслушав благодарность, Аркашка спросил:

– А тот самый конверт вы уже вскрыли?

– Да нет, не успел, – признался посол.

– Так теперь уже можно. Помните, вы на пресс-конференции говорили, что вам и самому не терпится...

– А что, – загорелся посол, – вот прямо сейчас и открою. Раз уж вы первый до меня дозвонились, то первый и узнаете биографию нашего космонавта.

– Только прошу вас, продиктуйте мне, пожалуйста, по буквам имя и фамилию первого космонавта Монголии.

Посол с пониманием отнесся к просьбе журналиста, и Аркадий добросовестно записал: «Жугдэрдэмидийн Гуррагча».

Минут через двадцать Марков уже диктовал стеногра-

фистке сообщение о полете и биографию монгольского космонавта. Повесив телефонную трубку, с чувством выполненного долга, улегся спать. На часы он не посмотрел. Утром, получая очередной выговор, Аркашка узнал, что его разговор с послом закончился, как выразился сотрудник МИДа, в 00 часов 01 минуту, то есть после полуночи, что при общении с чрезвычайными и полномочными послами совершенно недопустимо. И никакие космические полеты оправданием служить не могут. Чиновник, ставший к тому времени заместителем начальника протокольной службы МИДа, не забыл, как Марков его прилюдно падлой обозвал. И забывать не собирался, пакостил, как умел. Впрочем, выговор был сущей мелочью по сравнению с поездкой в Монголию вместе с космонавтами, которую он совершил по приглашению посла.

Глава двадцать пятая

– Это Аркадий Марков? – голос в телефонной трубке был совершенно незнакомым.

– Он самый.

– А это Асияй.

– Кто? – недоуменно переспросил Аркадий, но тут же догадался, хотя, все же не веря, переспросил: – Тот самый Асияй, в смысле Вячеслав Полунин?

– Ага, – ответил задорный голос. – Все в одном стакане – и Асияй, и Слава, и Полунин.

Выступление клоунов группы «Лицедеи» Аркашка недавно видел по телеку, от номера «Асияй», как и вся страна, хохотал без удержу. И вот теперь ему с трудом верилось, что Асияй (и откуда он только его рабочий номер узнал?) звонит ему собственноручно.

Словно услышав мысли, Полунин сказал:

– Тебе привет от Сережи Юрского, это он мне твой номер дал. Сказал, как приедешь в Ташкент, сразу же позвони Аркадию. Мы с тобой когда увидеться сможем?..

Машина времени

(Заглядывая в прошлое)

В Ташкенте проходили гастроли знаменитого ленинградского БДТ – Большого драматического театра. Событие в культурной жизни узбекской столицы трудно переоценимое. По площади перед гостиницей, по улице, ведущей в концертный зал, в сквере прогуливались, словно только что сошедшие с экранов, знаменитости – Кирилл Лавров, Евгений Лебедев, Ефим Копелян, Сергей Юрский. . . Дамы из отдела литературы и искусства «Звезды Востока» писали глубокие рецензии на каждый из спектаклей. Аркашка брал интервью у актеров. Рецензии изучали и анализировали знатоки и ценители театрального искусства. Интервью Маркова – читали все. Народные артисты СССР Лавров, Копелян, Лебедев на вопросы корреспондента центральной партийной газеты отвечали безропотно, но и без особой охоты – за долгую жизнь на сцене и в кино им пришлось наверняка дать таких интервью несколько сотен. А вот с Юрским разговорились легко и непринужденно. Конечно, в первую очередь Аркашку, горячего почитателя Ильфа и Петрова, интересовало, как Сергей Юрьевич работал над ролью Остапа Бендера в фильме «Золотой телёнок», который недавно с таким триумфом прошёл на советских экранах. Беседа проходила в гостиничном номере актера – он сказал, что не может никуда отойти, ждёт телефонного звонка от жены, и все время нервно поглядывал на часы. Наконец, телефонистка соединила его с Ленинградом. Гостиничный номер был однокомнатным, выйти за дверь Аркашка не догадался, так что стал не невольным, а

вполне даже вольным слушателем этого разговора. По репликам актера он понял, что у него недавно родилась дочка и Юрский обеспокоен самочувствием младенца и молодой мамы. Под конец разговора Сергей произнес непонятное: «Но ей же вроде еще рано... Ну, хорошо, хорошо, я узнаю. Обязательно узнаю. Да, обещаю». Он распрощался с женой, интервью продолжилось.

Когда Аркашка уже закрыл блокнот, Юрский неожиданно обратился к нему с просьбой:

– Понимаете, мне даже как-то спрашивать вас об этом неловко. Но у меня в Ташкенте нет никаких знакомых, а мы с вами, как мне кажется, так здорово общий язык нашли...

Аркашке было лестно слышать такие слова от популярного артиста, и он горячо выразил готовность быть полезным.

– Дело в том, что в Ленинграде решительно нет горшков.

– Каких горшков? – не понял Аркадий.

– Детских, обычных детских горшков. Вот жена и волнуется: дочка подрастет, а горшков нет. Она спрашивает, может, в Ташкенте есть горшки. Ради всего святого, простите меня, что обращаюсь с таким, как бы это сказать, неделикатным вопросом, но, сами понимаете, ребенок...

– Один момент, – деловито заявил Аркадий и взялся за телефонную трубку. Через пару минут он уже разговаривал с заведующим секцией детских товаров ташкентского ЦУМа. Восточный этикет не позволял сразу перейти к делу, и Марков долго отвечал на вопросы о перспективах родного «Пах-

такора» в нынешнем футбольном сезоне. Наконец, озвучил свою просьбу. Выслушав ответ, сказал Юрскому:

– Он спрашивает, какой размер нужен. Оказывается, горшки трех размеров бывают – маленький, средний и большой.

– Я понятия не имею, – растерялся артист.

– А чего тут понятия иметь, – решительно рассудил Аркашка. – Ребенок же растет, значит, в итоге все три размера понадобятся.

Завсекцией подчеркнул, что детские горшки по всей стране давно уже острейший дефицит, но для ребенка «самого товарища Маркова, конечно, изыщем возможность». И тут же неназойливо попросил сезонный пропуск на стадион.

Через час Аркашка приволок в гостиницу громоздкий гремящий сверток с вождленным дефицитом. Исполнитель роли Бендера был на седьмом небе от счастья и тут же предложил отметить это дело. Легко и непринужденно перешли они на «ты», явно симпатизируя друг другу. Пожалуй, только газетчики и актеры умеют так мгновенно заводить новые знакомства, находить и поддерживать разговоры на любую тему.

– Сережа, а что если я тебя в ближайший твой выходной от спектакля вечер приглашу на плов? Можешь прийти не один, только заранее скажи, сколько вас человек будет.

– Приду, с удовольствием, но только на плов, – согласился Юрский. – Уже неделю как мы в Ташкенте, а я вашего насто-

ящего знаменитого плова так и не пробовал. Каждый вечер, после спектакля, ко мне за кулисы приходит какой-нибудь пожилой еврей, или еврейка, и говорят: «Сергей Юрьевич, приглашаем вас на плов». Я прихожу, стол ломится. Мне объясняют: «Плов тут у нас на каждом шагу, он вам еще надоест. А мы вот вам приготовили фаршированного сазана, по такому рецепту, как в Одессе еще до войны готовили». Прихожу в гости в другой раз, меня опять потчуют редким блюдом и снова уверяют, что плов мне еще надоест. А я плов хочу попробовать.

– Будет плов, – твердо заверил Аркадий.

Когда сын сообщил отцу, что завтра к ним в гости на плов приходит Сергей Юрский, Александр Семенович ужасно всполошился: «Что же я успею достать за один день? Может, ты поможешь через своих знакомых торгашей икры там раздобыть, балыка, крабов, колбаски хорошей...»

– Папа, ничего этого не надо, – возразил Аркадий. – Он приходит исключительно на плов.

– Много ты понимаешь! – вспыхнул отец. – Нужна ему эта твоя рисовая каша. Такой человек в доме, такой человек! Эх, была бы жива мама, она бы накрыла стол, что он бы потом до конца своих дней вспоминал...

Сергей Юрский был кумиром старшего Маркова, и, несмотря на возражения сына, Александр Семенович отпра-

вился на знаменитый Алайский базар, и, заплатив немислимые деньги, приволок оттуда целую гору деликатесов. В помощь, чтобы стол красиво сервировать, позвали племянницу – баба Сима уже совсем плохо видела и мало чем могла помочь.

Когда Сергей Юрьевич вошел в подъезд дома, он втянул в себя воздух и довольно произнес: «Вот теперь я верю, что будет плов, так может пахнуть только это волшебное блюдо». Но когда он увидел на столе все деликатесное изобилие, лицо у него вытянулось.

– Можешь даже ни к чему не прикасаться, – тут же успокоил его Аркашка. – Это батя расстарался, сказал, что такого человека, как ты, одним пловом кормить нельзя.

Вместе с Юрским пришел Миша Данилов, замечательный тонкий актер, к сожалению, рано ушедший из жизни. Но в тот вечер они все еще были молоды, беззаботно веселы, наслаждались жизнью и пловом, беззлобно подсмеивались над Александром Семеновичем – он ужасно огорчился, что гости не притрагиваются ни к икре, ни к балыку, ни к чему иному, а только поглощают «этот рис». Было рассказано множество анекдотов и забавных историй из актерской жизни.

Расходились под утро. На лавочке у подъезда сидел сосед с первого этажа дядя Жора. Работая дальнобойщиком, дядя Жора в рейсах не пил, отводил душу дома. Росту в нем было под метр девяносто, весу – больше центнера, водки ему требовалось много. Приходя домой, дядя Жора в квартиру

заходить стеснялся – опасался, что неловкий во хмелю может «мебель поломать» или, того хуже, «задеть» невзначай дражайшую супругу Клавдию. Дядя Жора, трезвея, сидел, вдыхая чудный воздух предрассветного Ташкента. С вышедшими соседями вежливо поздоровался, потом пригляделся внимательно и заорал, что есть сил: «Твою же мать! Бендер! Бля буду, как есть – Бендер!» Все со смеху покатались. Юрский смеялся громче всех.

Когда театр уезжал из Ташкента, актер на обороте своей фотографии сделал надпись: «Аркадию Маркову – журналисту, к которому я сразу испытал симпатию. Сергей Юрский». Дружба их продолжалась, и хотя письма писали не часто, но уж с праздниками и днями рождения друг друга поздравлять никогда не забывали.

Асисяй, как выяснилось, ждал Маркова в ближайшей от редакции столовой. Редакционные сюда сроду не заглядывали, обычная городская столовка, про которые в Ташкенте говорили: «И чего тут только нет! И мяса нет, и рыбы нет, и вообще ни хрена нет». Перед клоуном стояло нечто неопределенное, что в меню было обозначено, как «шурпа узбекская».

– Пойдем отсюда, – решительно заявил Аркадий, едва они познакомились. – Я как раз тоже голоден, так что отведу тебя в чайхану, здесь рядом.

Ему стыдно было перед гостем за эту столовскую еду.

– А чем тебе здесь плохо? – удивился Полунин. – Вы тут, видать, в Ташкенте совсем зажрались. В России такого блюда днем с огнем не сыщешь, а тут в столовке подают...

Тем ни менее он послушно поднялся и пошел вслед за Аркадием. Через служебный вход они прошли во двор издательства и устроились в уголке чайханы.

– А нельзя мне сюда посудомойкой устроиться или уборщицей, – балагурил Асияя, отведав плова и шашлыка. – Ну хоть на пару дней. Аркашка, не забирай меня отсюда, я хочу здесь пожить. Повара, узнавшие Асияя, сгрудились у раздаточного окошка и смеялись от души, так забавно выглядели ужимки и гримасы этого безмерно талантливого клоуна, специалиста, как считается во всем мире, высшей актерской квалификации.

После триумфального дебюта на центральном телевидении «Лицедеи» ожидали всесоюзной славы, больших концертных залов и соответствующих гонораров. Но ничего этого не произошло. Кто-то «наверху» тихим голосом, но так, что слышали и в Росконцерте, и в Союзгосцирке, сказал, что рано, мол, им пока еще тешить столичную публику, пусть покатаются по просторам необъятной родины. И потянулись бесконечные райцентры, колхозные клубы. Возможность приехать в Ташкент «Лицедеи» восприняли как доб-

рый знак судьбы – хоть и республиканская, но все же столица, город с миллионным населением. Но у ветреной дамочки Фортуны, пока они добирались до Узбекистана, видно, испортилось настроение. Выяснилось, что центральный концертный зал закрыли на ремонт, и где выступать приезжим гастролерам – пока неясно.

– Сунулись было в цирк, но там своя программа, крепкая и плотная, не втиснешься, хорошо хоть разрешили в цирковой гостинице шмотки бросить. Даже не представляю, что делать. Впору хоть обратно лети. А на какие шиши? – уныло говорил Полунин. – Может, ты что подскажешь. Юрский говорил, Аркадий в Ташкенте может все, для него невозможного нет.

– Слава, честное слово, я бы и рад тебе помочь, но просто не представляю, что делать надо, – признался Аркадий. Подумал и нерешительно предложил: – Вот разве что позвонить в общество «Знание» и знакомым директорам клубов...

– Ну вот, – сразу оживился Асисяй, – а говоришь, не знаю. Нет, не зря меня Сергей Юрьевич именно к тебе направил.

Он смотрел на Аркашку с такой откровенной надеждой, что Марков решил в лепешку разбиться, но помочь этому парню. Аркадию крайне редко приходилось обращаться к кому-то с просьбами, он и понятия не имел, как высоко стало котироваться его имя, имя популярнейшего в республике репортера.

Это был тот период, когда советские люди еще верили сво-

им газетам, верили, что газета – их главный и самый справедливый защитник. Всякого же рода чиновники пуще всего боялись стать объектом газетной критики. Уцелеть на своем месте после этого было практически невозможно.

В республиканском обществе «Знание» сказали, что в их построенном недавно дворце сейчас монтируют новую киноустановку и потому зал абсолютно свободен. Они даже рады будут, если там выступит ленинградский коллектив. Роскошный зал ташкентского «Дома знаний» предполагался в основном как лекторий, но публика на лекции не спешила, и лишь однажды в порыве фанатического ажиотажа здесь высадили все стекла, когда выступал Владимир Высоцкий. Кстати, гениальному барду тоже отказали в сцене центрального концертного зала. Так что «Лищедеи» могли гордиться – в Ташкенте они проходили по одному ранжиру с самим Высоцким.

Вдохновленный первым легким успехом, Аркашка набрал номер своего нового знакомого – директора Дворца культуры одного из крупнейших ташкентских заводов. Юрий Борисович был сыном какого-то крупного профсоюзного босса, и по этой причине в кинозал его дворца культуры попадали даже те фильмы, которые невозможно было увидеть в обычном кинопрокате. Как раз на просмотр одной итальянской картины и затащили друзья недавно туда Аркадия.

Услышав голос Маркова, Юрий Борисович обрадовался безмерно и, не желая слушать ни о каких делах, предложил

через двадцать минут встретиться в ресторане «Ташкент», прибавив торопливо: «Я приглашаю».

– О каком ресторане ты говоришь? – притворно испуганно округлил глаза Слава. – Я после вашей чайханы теперь жрать захочу только через неделю.

– Пошли, пошли, сам знаешь, что за рюмкой супу вопросы решаются легче.

Знакомство с Асисяем, казалось, не произвело на директора ни малейшего впечатления. Он всячески выказывал уважение журналисту, то и дело повторяя, что не пропускает ни одной статьи товарища Маркова. Пил Юрий Борисович почти не пьянея, вот только лицо после каждой опрокинутой рюмки становилось все краснее и краснее, казалось, вот-вот вспыхнет. Наконец, обед подошел к концу и Аркадий изложил свою, вернее Полунина, проблему.

– Определитесь с графиком ваших выступлений в «Доме знаний», потом решим, когда выступите у меня, – сказал Юрий Борисович и тут же поинтересовался: – А дневные выступления вас устроят?

– Кто же днем на концерт пойдет? – усомнился Слава.

– У нас своя специфика, – многозначительно и очень важно возразил Юрий Борисович. – Предприятие огромное, существует целая программа социального и культурного развития. В соответствии с этой программой в нашем Дворце культуры проводится достаточное количество мероприятий днем, чтобы их могли посетить рабочие вечерних

смен, – и добавил доверительно, словно они давними друзьями были: – Понимаешь, Славик, за дневные мероприятия мне профком перечисляет достаточно серьезные средства. А мне эти средства нужно что? Мне их нужно ос-во-ить. Ферштейн? Так что у нас с тобой интерес в данном случае может получиться обоюдным. Сколько сможешь дать дневных концертов, столько и дашь, хоть каждый день, хоть по два в день – аншлаги я тебе гарантирую. И имей ввиду, гонорар могу выплачивать после каждого выступления.

Уже подходя к машине, Юрий Борисович отозвал в сторону Маркова:

– Аркадий, можно откровенно? Какой ваш интерес?

– Не понял.

– Ну что тут непонятного? Вы хотите процент или фиксированную сумму от всех концертов?

– Я просто помогаю хорошему человеку. Мне ничего не нужно, – резко отрезал Марков.

– Ну и помогайте на здоровье, кто вам мешает? А деньги тут причем? – не смутился Юрий Борисович. – Вы обеспечиваете концерты группе «Лицедеи» во Дворце культуры завода. Вполне законное действие, есть соответствующая статья расходов, могу выплатить по ведомости – мне даже лучше. Если не хотите сами светиться, найдите кого-нибудь, на чью фамилию можно оформить...

– Я же уже сказал, мне ничего не нужно, – оборвал веле-речивого директора Марков.

– Он не подведет? – озабоченно спросил Полунин, когда Юрий Борисович уехал. – Уж больно все гладко и просто получается. К тому же, ты заметил, он в обед бутылку водки выпил? Может, просто по пьяни трепанул.

Юрий Борисович не подвел, не подвели «Лицедеев» и в обществе «Знание». Ташкентские гастроли прошли, иначе и не скажешь, с блеском. Как говорится, под занавес Аркадий договорился с местной студией телевидения и сам провел в прямом эфире часовую творческую встречу с артистом Вячеславом Полуниным.

– Привет! Ты где новый год собираешься встречать? – позвонил Полунин в конце декабря. «Лицедеев» частенько вспоминали ташкентские гастроли, Полунин и Марков перезванивались не часто, но друг друга не забывали.

– А ты в Ташкент собираешься? – обрадовался Марков.

– Как раз наоборот. Есть возможность новогодние праздники в Питере провести. Так что я тебя приглашаю. Приезжай, не пожалеешь. С Сергеем Юрским поводишься, с друзьями тебя познакомлю. Из Таллина Довлатов грозился приехать, если приедет, то к нам заглянет обязательно.

Конечно, Аркашке очень хотелось увидеться и с Юрским, и со Славой Полуниным, но встретиться с Сергеем Довлатовым... Об этом он и мечтать не мог. В Союзе его тогда еще практически не издавали, но кое-что самиздатское

этого автора Аркадию прочесть удалось. Он был в восторге от необычного, своеобразного стиля Довлатова, его неподражаемого юмора.

– А как с гостиницей, мне самому озаботиться или ты подсуетишься? – спросил он Полунина.

– Обидеть хочешь, – притворно занял Асисяй. – Обидеть артиста может всякий, приласкать – никто. А если серьезно, то после того, что ты в Ташкенте нам сделал, мы тебе не то что гостиницу, мы тебе Романовский дворец должны. Ни о чем не беспокойся. Ты будешь в гостях у «Лицедеев».

– Вот это меня и пугает, – пошутил Аркашка фразой из известного анекдота, уже в тот момент решив для себя, что поедет.

От судьбы, как известно, не убежишь, и в Книге судеб все про нас уже начертано. Вот и он не убежал, открыл свою «страничку».

Когда «Лицедееи» были на гастролях в Ташкенте, Полунин пожаловался Аркадию, что самая большая для них проблема – это обувь.

– Понимаешь, с костюмами проще. Часть из того, что покупаем, перешиваем, часть даже сами шьем, а вот с обувью просто беда. По большому счету нам нужна бракованная

обувь больших размеров, но я сколько раз бывал на обувных фабриках, на меня везде как на придурка смотрят.

И вот теперь, вспомнив этот разговор, Аркадий отправился к директору обувной фабрики. Через три дня он уже ломал голову, как потащит в Ленинград эту огромную коробку, наполненную обувным браком.

Самолет прилетел ночью. Никого из знакомых «лицеде-ев» видно не было. Раздосадованный Аркадий вышел из здания аэропорта, не представляя, куда ему направиться. В этот момент что-то громко хлопнуло и на него просыпался целый поток конфетти. Вспыхнули с десятков маленьких фейерверков, запищали пищалки, кто-то бил в бубен, а к нему на ходулях приближался в балахоне и своей знаменитой красной нашлепке на носу тот, кого уже вскоре в Великобритании провозгласят величайшим клоуном эпохи, – Вячеслав Полунин. Марков степенно приблизился и спокойно, словно ничего удивительного не происходило, обернулся к стоящему поблизости одному из актеров и сказал:

– Пусть принесут кастрюлю.

Увидев недоумение, пояснил:

– Так до Славки не дотянусь, надену ему на голову кастрюлю и за ручки подтянусь, чтобы в щечку поцеловать.

– Ага! – восторженно завопил Асисяй. – А что я вам говорил – Маркова смутить невозможно!

Он спрыгнул с ходулей, обнял друга и из необъятных недр своего балахона извлек бутылку коньяка.

– По граммулечке за встречу, – провозгласил Полунин, и бутылка пошла по кругу. Встречающих было столько, что каждому разве что по граммулечке и досталось.

Увидев огромную коробку, Слава засмеялся и, пытаясь подражать узбекскому акценту, заголосил:

– О! Ташкентский фрукты-мрукты, дыни-мыни. Подходи народ, свой огород, половина сахар, половина мёд.

– А ты загляни, загляни в коробку-то, – вкрадчиво посоветовал ему Аркадий. – Заодно и на зуб попробуешь.

Полунин открыл коробку и обомлел:

– Братцы, да это же целое богатство.

«Лищедеи», смеясь и балагурия, стали вырывать друг у друга из рук несуразную обувь, крича: «Это мне, это мне подойдет!» Шумной толпой они ввалились в свой автобус, который им, бывало, и домом служил, и отправились в город.

Аркадий несколько раз бывал в Ленинграде, но не настолько хорошо знал город, чтобы сориентироваться, куда они едут. Остановились возле семиэтажного, явно старого, каменного дома. Ребята остались в автобусе, вдвоем со Славой поднялись на третий этаж. Дверь им открыла высокая стройная светловолосая девушка. Заспанная, в домашнем халатике, она не ушла, а словно растворилась.

– Арина, ты куда подевалась? – крикнул куда-то вглубь квартиры Полунин, но, не услышав ответа, махнул рукой и заявил решительно:

– Без нее управимся. Значит, так. Ты ложись спать – я те-

бе сейчас все покажу. Завтра у нас утренняя ёлка для детишек очень больших начальников. Обещали дать подарки не только детям, но и артистам. Надеюсь, кроме конфет и мандаринок там что-нибудь посущественнее будет. Арина тебя завтраком накормит, а после утренника я к тебе заеду.

– Слава, а мы где и кто эта Арина?

– Арина моя двоюродная сестра, а может, племянница, я в этой генеалогии-гинекологии ни хрена не смыслю. Но девочка она очень хорошая и начитанная, так что вам будет о чем с ней поговорить. Квартира это ее, от родителей ей досталась, мы, кстати, и Новый год будем здесь встречать – места на всех хватит.

Насчет поговорить Полуниин явно переоценил свою сестру, или племянницу. Вот уж если кто и стопроцентно соответствовал значению своего имени, так это Арина – спокойная. Даже слишком.

Такой молчаливой женщины Маркову в своей жизни еще встречать не приходилось. Самое интересное, что, обходясь какими-то отдельными словами, Арина умудрялась изъясняться вполне даже понятно.

Едва он утром появился на пороге отведенной ему комнаты, возникшая из ниоткуда Арина жестом показала на дверь в коридоре – ванная.

На кухне она промолвила еще несколько слов: «чай», «ко-

фе». Аркадий понял, что ему предоставляется выбор. Арина поставила перед ним тарелку с омлетом – тут выбора не было, кивнула на сахарницу, хлебницу, тарелочки с нарезанным сыром и докторской колбасой. Значит, можно есть, понял Аркашка и уговаривать себя не заставил.

Арина, с кружкой, от которой исходил аромат крепкого кофе, устроилась рядом. Во время завтрака она не произнесла ни слова. Но ее молчание не тяготило. У девушки был добрый взгляд, и когда она поднимала глаза на гостя, ему казалось, что она смотрит на него... ободряюще, что ли. Он сам не мог точно сформулировать свои мысли. Единственное, что понимал отчетливо, – в этом незнакомом доме он чувствует себя вполне даже уютно.

После завтрака Арина проводила гостя в гостиную, включила телевизор. Она уже хотела уйти, когда Аркашка остановил ее вопросом:

– Вы всегда такая молчаливая или вам неприятно мое присутствие? Я могу уйти.

– Ой, ну что вы. Просто Славка сказал, что вы из Узбекистана и плохо русский язык знаете, так чтобы я вас не смущала своими разговорами.

«Ну, хохмач, не может без розыгрышей, – подумал Аркашка и озорно решил: – Розыгрыш так розыгрыш».

– Нет, Арина, русский язык я перед поездкой в Ленинград мала-мала подучил, так что мы теперь все понимаем, – он заговорил с дурашливым узбекским акцентом. – Я хочу, что-

бы вы мне шуть-шуть помогали.

– Конечно, конечно, что нужно делать?

– Видите ли, Арина, у вас тут только диван, кресла, стулья, я и так во время завтрака с непривычки себе спину натер. Не могли бы вы принести подушки, мы, узбеки, привыкли на полу сидеть, обложившись подушками.

Ни слова не говоря, она вышла и вернулась в гостиную, притащив несколько постельных подушек в белых наволочках. Аркашке, конечно, жаль было пачкать эту белизну, но роль следовало отыграть до конца. Вальяжно развалившись на подушках, он спросил: «А который час в Ленинграде? У меня же часы ташкентское время показывают».

– Двадцать минут одиннадцатого.

– О, надо торопиться. Скоро казан привезут. Арина, куда можно ковер деть?

– Ковер? – у нее округлились глаза.

– Ну да, ковер. Понимаете, – едва сдерживая смех, стал объяснять Аркашка. – Сейчас мои люди привезут сюда узбекский казан, кирпичи и дрова. Вот здесь, – он указал на центр комнаты, – я сооружу очаг и буду к новогоднему столу готовить плов. Так что ковер от огня может пострадать. Лучше всего его свернуть и вынести куда-нибудь.

И без того неразговорчивая, девушка явно потеряла дар речи. Аркадий решил, что с нее достаточно.

– Арина, я расскажу вам анекдот. Российский инженер, ну, скажем, из вашего Ленинграда, собирается ехать в команди-

ровку в Узбекистан. Маленький сынок его просит: «Папа, папа, привези мне оттуда маленького узбечёнка».

«Ну что ты, сынок, – возражает папа. – Как можно? У него же тоже папа есть и мама...»

«Ну хорошо, – уступает сынок. – Тогда хотя бы шкурку».

Арина было рассмеялась, потом нахмурилась:

– Это вы к чему?

– Это я к тому, что у нас вовсе не такой дикий край, как вам представляется. На филфаке университета, где я учился, кстати, было очень много ребят – узбеков. Некоторые из них так владеют русским языком и настолько великолепно знают русскую литературу, да и не только русскую, что мне перед ними стыдно бывает за свое невежество. Но Славке за розыгрыш мы все-таки «пятерку» поставим, вы же ему поверили.

Впервые за все утро она улыбнулась:

– Поверила.

Подушки были водворены на место, Арина спросила:

– Вы, как мне кажется, большой патриот своего края. А вы что-нибудь слышали о раскопках на могиле Тимура? Рассказывают всякие ужасы, что чуть ли не из-за этих раскопок Великая Отечественная война началась.

– Не просто слышал, а лично знаком с оператором, который 21 июня 1941 года снимал эти раскопки...

Арина слушала молча, не перебивая ни единым словом. Уж что-что, а молчать и слушать она умела, как никто.

В какой-то момент Аркадий поймал себя на мысли, что

хозяйка дома никуда не торопится, сидит, спокойно слушает, не рвется на кухню. Новый год через несколько часов, а она ни оливье не строгает, ни селедку под шубой не варганит. И вообще, в доме нет никого запаха, присущего праздничному приготовлению. Все выяснилось вечером, когда многочисленные гости приволокли с собой всякой снеди. Всех насмешил цирковой акробат Сеня Курбанов. Они с женой притащили целый мешок яблок.

– А что делать? Вы же знаете, в цирке каждый, кто имеет дело с животными, с их стола и кормится. Хорошо дрессировщикам львов и тигров – им мясо дают. А у нас с Зойкой ослик. Ему по рациону только яблоки и соль положены, – оправдывался Сеня, доставая из кармана две бутылки шампанского.

– А шампанское вашему ишаку на Новый год выдали? – не сдержался Аркашка, хотя Курбанова видел впервые. Впрочем, он уже знал, что самые общительные, простые и безалаберные из всех актеров – это цирковые.

Ближе к одиннадцати вечера стали шумно рассаживаться за стол. Кому-то не хватило места, притащили столик из кухни.

– Аркаша, усади Аришку рядом с собой, а то ей в итоге места не достанется, – озабоченно попросил его Слава.

Просьба была нелишней. Арина ничем не показывала, что

она – хозяйка дома, и гости всем распоряжались сами. Видно было, что многие из них здесь уже бывали не раз, прекрасно знали, где находится посуда, откуда принести стулья, табуретки.

Уже собирались открывать шампанское для встречи Нового года, когда в комнату ввалился огромный чернобородый человек.

– Решил из Таллина на машине добираться, как раз оказия была, да время не рассчитали, – заговорил он.

– Серега, ты бы не был Довлатовым, если бы с тобой по дороге ничего не приключилось. Честное слово, если бы ты приехал вовремя, на тебя бы никто не обратил внимания, – пошутил один из гостей.

– Намекаешь, что я опоздал специально, то есть со злым умыслом. А это неправда, – возразил Довлатов. – И вообще, кто знает, что отличает порядочного человека? Порядочный человек – это тот, кто делает гадости без удовольствия. А я и есть истинное воплощение человека порядочного.

Он победоносно ухмыльнулся и неожиданно закричал что было сил:

– А Ленка где? Я без жены Новый год отмечать не буду, – бушевал Довлатов.

– Да здесь я, здесь, не шуми, – приблизилась к нему молодая женщина. Когда она пришла и где до сих пор была, никто не знал и не заметил.

Довлатов уселся на стул, который под его весом жалоб-

но скрипнул. Снял пиджак, повесил на спинку стула, длинные рукава воланами разлеглись по полу. Аркадию очень хотелось поговорить с писателем, но Сергей вскоре уехал, заявив, что за ночь ему еще надо успеть побывать в трех местах. «Ты со мной?» – спросил он жену тоном, каким обращаются к малознакомым людям. Она молча поднялась и пошла за ним следом.

Это была сумбурная ночь. Одни гости уходили, другие приходили. Трижды являлись Деда Морозы, один из них, наиболее буйный, требовал, чтобы ему немедленно заплатили. Когда его вывели на лестничную площадку, малость помяв, он протрезвел и заявил: «Деда Мороза бить нельзя, – и резонно добавил: – Не могу же я завтра перед детьми с синяками на роже показаться».

Удивила Маркова Арина. Она почти не пила, к еде, кажется, вообще не притронулась, в основном молчала. Но на протяжении всей ночи Аркадий ловил на себе ее испытующий взгляд.

– Вы в Ленинград надолго? – спросила его Арина, когда уже почти все гости разошлись, а оставшиеся прикорнули, где сумели.

– Завтра хотел улететь, если билеты достану.

– Может быть, задержитесь на пару дней, я вам Ленинград покажу, в Эрмитаж бы сходили.

– Вообще-то на работу надо... – неопределенно ответил Аркадий.

Она пришла в его комнату, когда уже было совсем светло. Молча, ни слова не произнеся, легла рядом. Даже дыхания ее, и то почти не ощущалось. Позже, много времени спустя, Аркадий не раз имел возможность убедиться: молчаливая, покорная и уступчивая, Арина, если принимала какое-то решение, то шла к своей цели настолько твердо, что не было никакой силы сбить ее с пути.

Он улетел через два дня – раньше билетов не было. В самолете пытался вспомнить эпизоды своего пребывания в городе на Неве, но перед ним неотступно стояло лицо Арины, ее взгляд, наполненный каким-то особым смыслом. И ожиданием. Может, она слов от него каких-то ждала. Но каких? Он и сам не знал.

Два раза за полгода он прилетал в Ленинград, летом в Ташкент прилетела Арина. Он свозил ее в Самарканд и Бухару. Она смотрела молча, но ее глаза лучше всяких слов красноречиво говорили о восхищении. Потом он несколько месяцев беспрестанно мотался по командировкам, позвонить было недосуг. Она позвонила сама, застала его в редакции. Даже не поздоровавшись, своим обычным ровным и тихим голосом сообщила:

– У меня будет ребенок.

– И ты хочешь, чтобы я стал крестным отцом? – шутка получилась неуклюжей, даже дурацкой.

Арина не обиделась, спокойно возразила:

– Родной отец не может быть крестным своему ребенку.

Все стало на свои места. Закончились сомнения и терзания. Ребенок решал все.

– Ты хочешь, чтобы мы поженились в Ленинграде или в Ташкенте? – спросил он таким тоном, будто между ними все уже давно было решено и оговорено, осталось только уточнить незначительные технические детали.

– Я хочу рожать в Ленинграде.

– Прилетай в Ташкент, распишемся здесь, по крайней мере, не надо будет ждать очереди. С отцом тебя познакомлю, с бабушкой.

– Когда? – спокойно уточнила Арина.

Из роддома Арину Маркову забирали Славка Полунин и все «Лицедеи». Перед входом устроили самый настоящий спектакль. Не было на этом представлении только одного зрителя – отца новорожденного. С экипажем подводной лодки, носящей имя узбекской республики, Аркадий находился у берегов Кубы, когда радист сообщил, что у него родился сын. «Назвали Славка, в честь крестного отца», – сообщалось в радиোগрамме.

Глава двадцать шестая

Женитьба мало что изменила в его жизни. Он по-прежнему мотался по командировкам; если удавалось, выкраивал время, заскакивал в Ленинград, привозил сыну игрушки, жене – подарки. Своей жизни без газеты, в которой работал, не мыслил и о переезде в Питер даже не задумывался. К тому же в Ташкенте жили отец и баба Сима, которой уже катило под девяносто. Хотя он не много уделял им внимания, но все же... Арина не говорила напрямую, что переезжать не хочет, по своему обыкновению, просто отмалчивалась. Но он понимал, что с Ленинградом связана вся ее жизнь, так же как и его жизнь была связана с Ташкентом. А потому ни на чем не настаивал.

Ему хорошо было рядом с женой и сыном, но расставался он с ними так же легко, как расставался со своими ташкентскими друзьями, уезжая в командировки. Его это и удивляло, и даже пугало. «Неужели я не способен на такое чувство, как любовь?» – спрашивал он себя.

Однажды, когда маленький Славка заболел, он бросил все дела, примчался в Ленинград. Сына вместе с Ариной, Полушин помог, уже положили в больницу. Он приносил передачи, сидел в палате подолгу, но как только малыш пошел на поправку, с облегчением взял билет на самолет и умчался.

Москва – да что там Москва! – вся страна готовилась к Олимпийским играм. Но что-то пошло наперекосяк. То одна, то другая западные страны стали грозить Советскому Союзу бойкотом Олимпиады, предупреждая, что если СССР вторгнется в Афганистан, то ни один уважающий себя западный спортсмен не придет в страну-агрессор. Дальше всех пошла Великобритания, перейдя от угроз к делу. В Англии был размещен очень выгодный для британцев заказ на авиационные моторы к супермощному советскому пассажирскому самолету Ил-86. Советы пригрозили, что если англичане поддержат бойкот Олимпиады, то этот заказ они снимут. В итоге английская сторона отказалась от заказа на авиамоторы сама.

На все выпады Запада советская пропаганда ответила мощной кампанией по освещению подготовки к Играм. Газеты и журналы пестрели репортажами о замечательных спортивных объектах, гостиницах, дивной Олимпийской деревне, что возводятся в Москве. К этой работе были привлечены лучшие перья отечественной журналистики. Ташкентский репортер Аркадий Марков и глазом моргнуть не успел, как стал членом комиссии пропаганды национального олимпийского комитета – НОК СССР – и членом редколлегии журнала «Олимпиада-80». Командировки в журнале были сказочные – можно было без ограничений ездить на любые соревнования международного уровня, где бы они ни про-

водились. Главная задача журналистов, приезжающих на эти турниры, была одна: привезти как можно больше откликов зарубежных спортсменов, которые должны были признаться, что жили и живут на этом свете одной лишь целью – побывать на московской Олимпиаде. И Марков, как немногие из его коллег, умел добывать эти «откровенные признания», тут ему, пожалуй, равных не было.

Родившись и живя в СССР, будучи полностью продуктом советской системы, Марков, хотя и работал в газете, спрятавшись в раковине своих репортажей, политической жизни страны чурался осознанно. Так ему было проще: меньше знаешь – меньше сам себе задаешь вопросов. По поводу олимпийского бойкота он негодовал искренне и работу свою выполнял не просто добросовестно, а свято веря в правоту того, что писал. Это было очень важно – верить в сказанное тобой. Веришь ты, поверят и тебе. Впрочем, в те годы он если и рассуждал об этом, то нечасто.

Как-то раз, вернувшись в Ташкент из далекой заграничной командировки, он навестил своего друга Камила. Когда-то они жили по соседству с семьей Рахимовых на «Двенадцати тополях». Отец Камила, академик Закир Рахимов, был основоположником узбекской онкологической школы, в его клини-

ке не раз бывал Солженицын, когда работал над своей книгой «Раковый корпус». У сына академика выбора не было – он обязан пойти по стопам отца. К чести Кэма, так звали его на улице все ребята, он сделал все возможное, чтобы провалить вступительные экзамены в мединститут. Но ему это не удалось. Поступление отмечали бурно и шумно. Под утро, когда сон у родителей особенно крепок, Кэм вывел из гаража новенькую, полученную академиком в дар от правительства «Волгу», и через полчаса это лучшее достижение отечественного автопрома годилось только для сдачи в металлолом. Институт юному Рахимову все же пришлось закончить, после чего он незамедлительно был отправлен в аспирантуру. Медицинских знаний будущему доктору это не добавило, а вот в преферансе и других карточных играх Камил, вернувшись в родной город, уже был академиком, и никак не меньше.

Отец скончался, ученики академика Рахимова, занявшие высокие места в кабинетах Минздрава, решили, что теперь онкологическую клинику должен возглавить сын, тем более что он кандидат медицинских наук. Кэм томился в своем новом кресле, как на плаху шел на еженедельный обход, который обязан совершать главврач. В палате брал больного за запястье и считал пульс – хоть этому его научили. Потом интересовался, есть ли жалобы на состояние. И если больной говорил, что его что-то беспокоит, глубокомысленно изрекал: «Это бывает».

К его чести надо сказать, что он отдавал себе отчет в том, что врач он никакой. Занявшись организационной деятельностью, Камил вдруг обнаружил, что это ему интересно. Подобрал толкового заместителя по лечебной работе, он отдался техническим нуждам больницы со всей страстью. Вскоре здесь были выстроены новый детский корпус, великолепное здание радиологии; фонды на медоборудование, продовольствие и прочее, в чем нуждалась больница, он не доставал и даже не выбивал, он выгрызал все это, и больница по праву считалась в городе лучшей.

Камил оставался одним из немногих близких друзей, что сохранились в Аркашкиной жизни. Всякий раз, приезжая домой, он обязательно находил время, чтобы встретиться с Кэмом. Сидя в его кабинете, друзья дожидались, когда их позовут к столу – по инициативе главврача каждый четверг, к концу рабочего дня, для врачей готовили плов. К плову подавался дивный напиток – изобретение местного аптекаря. Он разбавлял спирт глюкозой, добавлял в пропорции, ему одному известной, минеральной воды, и употреблялась эта сорокаградусная смесь под названием «глюкоза» как нектар. «Глюкоза» кроме легкости в употреблении отличалась и ещё одним немаловажным и весьма удивительным качеством – после неё не пахло алкоголем, так что мужья домашних взбучек от жён могли не опасаться.

Друзья уже с нетерпением поглядывали на часы, когда раздался телефонный звонок. По репликам Аркадий понял,

что звонят из зоопарка, у них там что-то случилось с пантерой. Камил с раздражением говорил:

– Как вам вообще пришла мысль позвонить в онкологическую клинику? Обращайтесь к своему ветеринару.

– Чего там стряслось? – лениво поинтересовался Аркашка – ввевшаяся в образ жизни привычка задавать вопросы сработала автоматически.

– Совсем охренели, – все еще негодовал Камил. – У них пантера заболела, её надо обследовать на предмет установления или исключения онкологии. А единственный в городе эндоскоп только у нас. Так я что, такой бесценный прибор в зоопарк к какой-то кошке повезу?!

– Повезешь, еще как повезешь! – аж подскочил Аркашка. – Звони немедленно в зоопарк, скажи, что уже едем.

– Ты с ума сошел?

– Да как же ты не поймешь, я же тебя завтра на весь мир прославлю. Тебя и твою больницу. Давай, вызывай своего эндоскописта, скорую вызывай, поехали, – торопил Марков друга.

Чутье опытного репортера не подвело его и на сей раз. Через день в «Звезде Востока» вышел репортаж с простеньким заголовком «Онкологи спасли пантеру». Еще через несколько дней репортаж был перепечатан в популярном приложении к «Известиям» – газете «Неделя», потом из Союза

журналистов сообщили, что о пантере и спасших ее ташкентских онкологах написали газеты Чехословакии, Польши, Венгрии, ГДР...

Наверное, спустя годы Аркашка бы и не вспомнил про этот случай. Но опубликованный в московской газете «Неделя» репортаж круто изменил его жизнь.

1980 год как истинный глава семейства он встречал в Ленинграде, с женой и сыном. Полунин был в Лондоне, поэтому обошлось на этот раз без цирковых, и вообще гостей было немного. Третьего января позвонил Рубен Акопович Сафаров, к тому времени он уже возглавлял идеологический отдел ЦК партии. После поздравлений с Новым годом Сафаров сразу перешел к делу – он был не большим приверженцем восточных традиций, которые предписывали полчаса задавать вопросы о здоровье и делах.

– Утром можешь быть в Москве? – спросил Рубен Акопович.

– Если вечером на «Красную стрелу» сяду, то утром буду в Москве.

– Ну так садись. Тебя в два часа дня ждет Архангельский. Валентин Акимович Архангельский когда-то, до Тимофеева, возглавлял «Звезду Востока». Вот уже много лет, являясь одним из заместителей главного редактора «Известий», редактировал популярнейшую в Союзе газету «Неделя».

Аркадий хотел уже повесить трубку, но Рубен Акопович молчал, не разъединялся. После долгой паузы вновь заговорил:

– Аркашка, выслушай меня внимательно. Валентин Акимович всегда очень внимательно следит за своей бывшей газетой. Твой репортаж про пантеру ему очень понравился, он мне сам об этом говорил. Он давно к тебе присматривается и сейчас хочет предложить работу. Работу, прямо скажем, необычную, я не могу тебе говорить об этом по телефону в подробностях. Скажу только, что у тебя появится возможность работать в загрансети «Известий», перейти в разряд международников. Но эта работа сопряжена, как бы это сказать, чтобы ты понял...

– Рубен Акопович, если я правильно вас понял, мне могут предложить поудить рыбку в Амударье (Амударья – река, разделяющая Советский Союз и Афганистан. В 1980 году по главному фарватеру Амударьи проходила официальная государственная граница между СССР и ДРА. – прим. автора).

– Умница! Я в тебе не ошибся. Но ты как следует подумай. Все это непросто и, как мне представляется, связано с серьёзным риском. А у тебя маленький ребёнок.

– А при чём тут ребёнок? – он, думающий и увлечённый только своей работой, и впрямь не понимал, какое отношение к предстоящей деятельности может иметь ребёнок. Даже если это собственный сын...

Архангельский не стал ходить вокруг да около.

– Ни по каким анкетным данным ты к работе в заграничье не подходишь, – заявил он. – Но наш афганский собкор, как только там начали стрелять, написал заявление о переводе его в другой регион. На его место желающих не находится, а мы не можем ждать, события там стремительно развиваются с каждым днем и нам нужен мобильный журналист. Быстрый, толковый, пронырливый, который умеет в любую щель проникнуть. Такой, как ты. Что скажешь? Или подумать хочешь?

– Я готов, – без раздумий ответил Марков.

– Тогда поступим так, – решил Валентин Акимович. – Завтра в четырнадцать – собеседование в восточном секторе международного отдела ЦК КПСС, в шестнадцать – заседание редколлегии, будем тебя утверждать. Сейчас отправляйся в корсет, там заполнишь всякие анкеты, допуски-пропуски, ну все что нужно. Это надолго. А вечером постарайся встретиться с Бовиным, я его попрошу, чтобы он тебя обождал. Александр Евгеньевич тебе много чего полезного может посоветовать.

С Бовиным поговорить как следует не удалось. В ресторане Дома журналистов, куда они пришли, к нему то и дело подходили люди, некоторые лишь здоровались, иные присаживались, чтобы обменяться новостями, а то и просто анекдот рассказать. Единственное, что четко понял Аркадий из

разговора с известным журналистом-международником Бовиным, так это то, что в Афганистане началась война. Как бы её ни называли.

В сентябре 1979 года, сначала сместив, а затем и убив своего конкурента Тараки, к власти в Афганистане пришел «верный и надёжный друг» Советского Союза и стукач КГБ Хафизулла Амин. О себе он говорил, что «я больше советский, чем многие советские». Амин признавал только два праздника – 7 ноября и 9 мая. В эти дни он выпивал ровно по сто граммов водки, хотя спиртного не употреблял вообще. Амин никогда не упускал возможности подчеркнуть, что Афганистан стал первой страной в мире, которая в 1919 году признала советское правительство и РСФСР.

Но, придя к власти, Амин повел себя не совсем так, или совсем не так, как от него ожидали Брежнев и Андропов. Андропов – в первую очередь. Сначала его увещевали, потом дважды пытались по-тихому отравить, но оба раза неудачно. Никакого штурма дворца Амина поначалу не предполагалось. Хотели войти спокойно, подсунуть Амину бумагу с просьбой к Советскому Союзу оказать военную и иную помощь. Короче, внешне всё должно было выглядеть пристойно. Но Андропов и Щёлоков, в борьбе за близость к телу угасающего генсека, стали каждый тянуть одеяло на себя. Спецназовцы ПГУ – первого главного разведуправления КГБ –

и спецназ МВД каждый по-своему понимали задачу. 27 декабря 1979 года они не мирно вошли, а ворвались во дворец, началась стрельба, охрана дворца ответила, завязалась перестрелка, в ходе которой Амин был прошит автоматной очередью. Пытаясь сохранить хорошую мину при полностью испорченной игре, советский официоз – газета «Правда» опубликовала заявление такого содержания: «В результате поднявшейся волны народного гнева Амин вместе со своими сторонниками предстал перед справедливым судом народа и был казнен». Так началась война, которая унесла несколько десятков тысяч жизней советских людей и двух миллионов афганцев.

12 января 1980 года собственный корреспондент всесоюзной газеты «Известия» и партийной республиканской газеты «Звезда Востока» Аркадий Марков – в Ташкенте сообщая решили, что и свою газету он будет представлять тоже – ступил на афганскую землю.

Глава двадцать седьмая

В Кабуле ему предоставили пятикомнатную квартиру, машину «Волга» и двух охранников. Один из охранников был одновременно и водителем, второй – приставлен к телетайпу, который установили в одной из пяти комнат. «Телетайпист», как прозвал его Аркашка, пост оборудовал возле входной двери в квартиру, на лестничной площадке. «Оборудование» поста состояло из коврика, который охранник таскал с собой. На этом коврике он пять раз в день, как и положено правоверному мусульманину, совершал намаз, на том же коврике ночевал, свернувшись клубочком и положив автомат под голову. Все попытки зазвать его в квартиру, заканчивались тем, что «телетайпист», улыбаясь, прикладывал руки к груди и отрицательно мотал головой. Точно так же решительно отказывался он от еды, видать, боялся, что неверный ему осквернённую пищу подсунет. В уборную бежал к протекавшей внизу грязной и зловонной речке, которую «шурави» – советские спецы называли вонючкой.

Второй охранник, водитель Кемаль, представлял собой полную противоположность своего коллеги. Был он, видно, большим любителем поболтать, и они беседовали на какой-то дикой смеси узбекского и русского языков, при этом научились в итоге прекрасно друг друга понимать. Кемаль, хотя ему это было запрещено, охотно заходил в квартиру.

Когда «хозяин» работал в кабинете, вольготно валялся на диване, обожал шоколадные конфеты – выяснилось, что в свои сорок два года он этот дивный продукт попробовал впервые, – ни от какой другой еды тоже не отказывался, голод, как известно, не тетка. Но один пункт инструкции охранник выполнял четко. Едва Марков заходил в ту комнату, где был установлен телетайп, Кемаль пулей вылетал из квартиры.

В доме, где жил журналист, было и еще два охранника. Один обосновался у входа, под лестницей, второй, тоже на коврике, существовал на третьем этаже, возле такой же, как у Аркадия, пятикомнатной квартиры. Как вскоре выяснилось, в этой квартире жила родная сестра генсека афганской партии и председателя афганского правительства Бабрака Кармаля.

В первые же дни Марков нанес два официальных визита. Первым делом он посетил чрезвычайного и полномочного посла Советского Союза в Афганистане. Посол принял его радушно-равнодушно, предложил кофе, прочел лекцию о международном положении современного Афганистана и милостиво отпустил, добавив, что управляющему делами посольства все указания относительно собкора Маркова уже даны. Указания касались в основном талонов на посещение продовольственного магазина при посольстве. В этом магазине можно было приобрести за месяц: четыре бу-

тылки водки, один килограмм сливочного масла, два килограмма сырокопченой колбасы, один килограмм шоколадных конфет. «Всё остальное продаем без ограничений», – заметил управляющий. Без ограничений в посольском магазине продавали сахар, соль, сгущенку, свиную тушенку, конфеты «Раковая шейка» и грузинский чай.

Из посольства Марков направился в длинное шестиэтажное здание в центре Кабула, где находились штаб-квартира ЦК НДПА – народно-демократической партии Афганистана, министерства обороны, связи и еще несколько правительственных учреждений.

Войдя в Афганистан, советское правительство первым делом учредило институт советников. К каждому афганскому руководителю, командиру любого воинского подразделения был приставлен «мушавер» – советник. Ну, конечно же, афганские товарищи, которым оказывалось полное доверие, они, в конце концов в своей стране, могли принимать любые решения. И принимали. Но только посоветовавшись с мушавером. Советники рангом повыше хотя бы изображали видимость того, что идет процесс согласования. Мушаверы рангом пониже и до этого не снисходили «Пошел на хер, делай, как тебе велят», – приказывали они своим опекаемым, не давая труда объяснять свои решения. При этом любили рассказывать анекдот. В космос полетели советский и афганский космонавты, а также несколько собак для эксперимента. Советский космонавт вывел корабль на орбиту. Наконец,

поступила команда для афганского космонавта: накормить собак и ничего не трогать.

Большинство афганских чиновников, ленивых и равнодушных, такое положение дел вполне устраивало, они даже на работу перестали ходить, заглядывая туда только время от времени, когда надо было документы подписать. Ну и в день зарплаты, само собой, – это святое.

Понятно, что главным мушавером страны был советник генерального секретаря ЦК НДПА, председателя Революционного совета и Совета министров Бабрака Кармалая, бессловесной советской марионетки. Все эти свои должности Кармаль получил одновременно, после ввода советских войск в Афганистан. Один из генералов, работавший какое-то время военным советником Кармалая, отозвался о нем с предельно откровенным пренебрежением: «В жизни своей я не любил дураков, лодырей и пьяниц. А тут все эти качества сосредоточились в одном человеке. И этот человек – вождь партии и глава государства».

Когда вождь партии и глава государства уходил в запой – не такой детски наивный, как когда-то Марков, а запой тяжелый, многодневный, – он приезжал в квартиру сестры. Так что собкор советских газет Аркадий Марков не раз мог лицезреть в стельку пьяного афганского лидера. К дому сгонялось не меньше взвода охраны, сестра, срочно собравшись,

уезжала в родовой кишлак – братец во хмелю любил пошалить с девочками, а ей, мусульманской женщине, смотреть на это бесстыдство не пристало. Возвращалась сестра только тогда, когда Бабрак впадал в сущее буйство – сестра была единственным на свете человеком, кто его мог усмирить. Она варила брату обожаемый им бульон из баранины, самолично проверяла каждую ампулу, которую вводили в вену ее братцу, очищая кровь «пламенного марксиста» от алкоголя.

Куролесил Кармаль аж до 1986 года, когда пришедший в СССР к власти Горбачев предпочел видеть в Афганистане более уравновешенного лидера. Кармаль «по состоянию здоровья» вынужден был уйти в отставку, затосковал и перебрался в итоге из Кабула аж в подмосковный Серебряный бор, где жил инкогнито. Большинство соседей даже не подозревали, что «пьяница-таджик», который называет себя русским именем Боря Комаров, некогда был главой хоть и марионеточного, но все же правительства. Правительства той страны, где полегли десятки тысяч их сыновей, отцов, братьев, друзей и близких...

Закончил свою жизнь Бабрак Кармаль на больничной койке московской Первой градской.

Понятно, что политбюро ЦК КПСС не могло не направить в Кабул своего человека. Заведующий сектором пропаганды ЦК КПСС Виктор Петрович Поляничко был утвержден на

должность, которую сразу и не выговоришь: «советник ЦК КПСС при политбюро ЦК НДПА, политический советник председателя революционного совета, генерального секретаря ЦК НДПА, председателя совета министров Афганистана Бабрака Кармалая. Если учесть тот образ жизни, который вел марксист, так он любил себя называть, Кармаль, то страной по сути дела управлял Поляничко.

Еще перед отъездом из Москвы Бовин настоятельно рекомендовал Аркадию встретиться с Виктором Петровичем и, по возможности, держаться к нему поближе.

– Петрович – человек весьма здравомыслящий, уберезет тебя, если что, от ошибок, – наставлял опытный Бовин новичка-собкора. – Кстати, а ты не можешь достать хорошую теннисную ракетку? – внезапно изменил Бовин тему разговора.

– Для пинг-понга? – уточнил Аркадий.

– Нет, для большого тенниса. Виктор – страстный теннисист. Если явишься к нему с хорошей ракеткой, это для тебя как пароль будет. Только смотри, не забудь ему сказать, что это тебе Бовин посоветовал.

В Ташкенте у Аркашки было полно знакомых теннисистов. Он обратился к своему другу Яше Рыбальскому, чемпиону Узбекистана по теннису. «Ишь ты, чего захотел, хорошую ракетку», – скептически хмыкнул Яша, но через два

дня принес красочно расписанный кожный чехол с надписью Wilson.

– Спасибо, дружище, – поблагодарил его Аркадий и небрежно сунул чехол рядом со своим потрепанным чемоданом.

– Да ты хоть понимаешь, что я для тебя раздобыл?! – воскликнул Рыбальский с негодованием, видя, как небрежно обращаются с ракеткой, которая вожделенна для всех теннисистов мира. – Да разве ты поймешь! Ладно, я тебе на пальцах объясню. Слушай анекдот. Генерал КГБ спрашивает Ойстраха, чего это он так носится со своей скрипкой Страдивари. «Понимаете, – говорит ему Ойстрах, – для меня сыграть на скрипке Страдивари – это все равно, что для вас пострелять из пистолета Дзержинского». Так вот, запомни: «Вилсон» – это теннисный Страдивари, – патетически заключил Яша.

Поляничко встретил собкора «Известий» довольно сухо, для него главной и единственной газетой была и оставалась только «Правда». Аркашка и сам себе «в суп плюнул». Когда Виктор Петрович, словно невзначай, поинтересовался: «В посольстве уже побывали?» – Марков, не углядев подвоха в простеньком вопросе, спокойно ответил: «Разумеется».

– Вот как? – недобрый взглядом уставился на него главный мушавер. – Это кто же именно, позвольте узнать, так

разумеет, уж не вы ли?

Немного смягчился, когда узнал, что Маркова перед поездкой в Афганистан инструктировал Бовин.

– А вы что, теннисом увлекаетесь? – заинтересованно спросил Виктор Петрович, когда они уже прощались, кивая на чехол с ракеткой.

– Да нет, это, собственно, вам, Александр Евгеньевич мне посоветовал...

Но Поляничко уже не слушал, он нетерпеливо рванул молнию чехла, извлек ракетку и замер изумленный:

– Это же «Вилсон», настоящий американский «Вилсон»!»

– Ну да, там же написано, – кивнул Аркадий на чехол.

– Написано, – ухмыльнулся Поляничко, – мало что у кого на заборе написано. На чехле что угодно написать можно. Но ракетка, ракетка, это же настоящий «Вилсон»! – повторял он с восторгом. Потом спросил уже обычным деловым тоном: – Как я понимаю, вы теперь собираетесь нанести визит командиру сороковой армии.

– Да, к Максимову собираюсь, я с Юрием Павловичем по Ташкенту знаком, не близко, конечно.

– Сегодня с визитом не торопитесь, – посоветовал Виктор Петрович. – Там сейчас целая банда из минобороны, так что ему все равно не до вас. И вообще, осмотритесь сначала, с визитами еще успеете.

Возле подъезда на лавочке, ну точь-в-точь как в каком-нибудь советском микрорайоне, покуривал крепыш в десант-

ной тельняшке-безрукавке. На предплечье у него была синяя татуировка: парашют и три буквы «ВДВ».

– О! Сосед уже успел в посольстве отовариться, – воскликнул он, увидев, как Аркадий извлекает из «Волги» характерно звякнувший пакет. – Наслышаны, наслышаны, что у нас в доме новый советник поселился. Ну давай, что ли, знакомиться. Володька, – протянул он руку, и ладонь Аркашки оказалась в стальных тисках.

Машина времени

(Оглядываясь на будущее)

– Товарищ Марков, докладывает лейтенант Ганиев. Тут к вам на прием просится полковник Янчук, но пропуск на него не заказан, – произнес милиционер, дежуривший у входа в здание Дома печати.

«Янчук, Янчук, кто бы это мог быть? – стал вспоминать Аркадий. – Господи! Да это же Володька, и уже полковник».

– Лейтенант, позовите подменного дежурного и лично проводите товарища полковника ко мне, – распорядился Марков. Он выглянул в приемную, спросил секретаря:

– Клара Ивановна, тут ко мне гость дорогой, мы в Афганистане вместе работали, у нас есть что-нибудь?..

– Ну если из Афганистана, то чем-нибудь вы явно не обойдетесь. Поезжайте куда-нибудь пообедать, – посоветовала как всегда рассудительная Клара Ивановна. – Машину вы-

звать?

В этот момент в приемную в сопровождении милиционерского лейтенанта зашел полковник Янчук. На кителе его красовались нашивки четырех орденов Красной Звезды, седины заметно прибавилось, а так это был все тот же Володька – сухощавый, поджарый, напоминающий пружину, готовую вот-вот развернуться и зазвенеть.

– Какими судьбами? – поинтересовался Аркадий, когда они зашли в его кабинет и закурили.

– Я теперь во Львове, недавно полк дали, чтобы с хорошей должности на пенсию выпроводить. А тут у вас под Ташкентом, на учениях, один мой десантник погиб, парашют не раскрылся. Вот я и вызвался сам «двухсотого» сопроводить. Уж больно тебя повидать хотелось, посмотреть, как ты здесь. Рука-то зажила?

– Зажила, только на погоду ноет, проклятая. И хватит об этом. Я надеюсь, ты в свою кэчевскую гостиницу не поперся, ко мне домой поедем.

– Да какая гостиница, мне через несколько часов уже на военный аэродром, я со своими лечу, так что времени в обрез. Если позволительно, по сто грамм боевых махнем – и на крыло.

– Тогда не будем терять времени, – энергично распорядился Аркадий. – Тут у нас напротив редакции недавно открыли совершенно роскошный ресторан, в чисто восточном стиле. Сейчас мы с тобой сами себе пир закатим.

На стеклянных дверях ресторана «Зеравшан» висела табличка «Закрыто на спецобслуживание», но швейцар, глянув, кто это так настойчиво стучит в стекло, гостеприимной отворил двери. В зале царила рабочая обстановка, сдвигались столы, озабоченно сновали официанты, репетировали музыканты. Разыскав знакомого метрдотеля Сагата, Аркадий выяснил, что вечером здесь будет большая свадьба на триста пятьдесят человек, как раз ровно столько, сколько вмещает новый зал.

– Так вы, если не ошибаюсь, тоже приглашены, – сказал метрдотель.

– Ах, ну да, – вспомнил Аркадий. – А у меня из головы вон. Понимаешь, близкий друг приехал, мы с ним вместе в Афгане были. Он всего на несколько часов, вот хотел ему ваш зал показать, угостить.

– Сейчас все сделаем в лучшем виде, не беспокойтесь, – заверил Сагат. – Будем считать, что вы просто раньше всех на свадьбу пришли.

Он устроил друзей в уголке, отгородил их стол ширмой, и они прекрасно пообедали, вспоминая былые дни «за речкой».

Выйдя из ресторана, Янчук деловито взглянул на часы, трезвым голосом, будто и не выпил бутылку водки, потребовал:

– Назови мне своего самого главного врага.

– Какого врага? – не понял Марков. – Нет у меня никаких

врагов.

– Так не бывает, враги есть у всех. А у тебя просто не может не быть. Что я, не видел? Тебя охраняют менты. В приемной дамочка – у нас секретарь обкома выглядит, как ее горничная. В самый шикарный кабак заходишь – для всех закрыт, тебе швейцар в пояс кланяется. Никого в зале нет, тебе самое лучшее тащат, да еще бабки не взяли. И как же у такого человека может не быть врагов. Аркаша, брат, у меня времени в обрез. Много я не успею, одного назови. Поеду, грохну и улечу.

– Что значит «грохну», кого ты грохать собрался? Совсем с ума сошел.

– Твоего врага, брат, грохну, я же сказал. И тут же улечу, как меня и не было. Аркаша, ты же меня знаешь, все будет тихо...

Большого труда ему тогда стоило успокоить горячившего Володьку и отправить его на своей машине, чтобы он еще куда-нибудь по дороге не забрел, в поселок авиаторов Тузель, на военный аэродром.

Не успели они познакомиться, как к ним подошел еще один военный.

– Знакомься, Володька, наш новый сосед.

– Еще один Володька, и много вас тут Володек?

– Не, не много, всего трое. И живем мы все в одной квар-

тире, на первом этаже, – засмеялся тот, что был в тельняшке.

– Ну в таком случае, если других планов нет, то прошу всех троих вечером ко мне на новоселье, – предложил Аркадий.

Вечером к нему в квартиру пришли трое офицеров и еще один сосед – советник министра спорта и президента национального Олимпийского комитета Афганистана, «мушавер Вадик», как представили его Володьки.

– А ты сам по кому ведомству? – осведомился Вадим.

– Я собственный корреспондент «Известий», – не без гордости представился Аркадий.

– То-то мы всё гадали, кто же такой этот товарищ, что к нему в квартиру первым делом телетайп притащили и дополнительную охрану назначили.

– Острый же у вас глаз, все подмечаете, – заметил Марков.

– А здесь, за речкой, по-другому нельзя, – вполне серьезно заметил один из офицеров. – Но скоро сам в этом убедишься.

С соседями-Володьками встречаться Аркадию приходилось нечасто. Все трое служили советниками у командиров полков особого назначения (ОСНАЗ) афганской армии, так что в Кабуле им приходилось бывать далеко не каждый день, а собираться всем вместе удавалось и того реже.

У Володьки Янчука, самого среди них отчаянного, прозвище было Лузер. Правда, когда он его слышал, чуть не в

ярость впадал. Но бесись не бесись, а что такое не везет и как с ним бороться, не придумал еще никто. Офицер Владимир Янчук был человеком необычайной храбрости и отваги. К боевым наградам его представляли не раз. Но как только начинали оформлять документы, Янчук непременно умудрялся попасть в какую-нибудь скверную историю. В итоге получал орден Красной Звезды, которым имел право награждать командующий армией.

Аркадий даже стал свидетелем, как Янчук, представленный к ордену Боевого Красного Знамени, в итоге опять получил Красную Звезду – уже третью по счету. А дело было так. Все осназовцы ходили в бой исключительно в китайских, так называемых волейбольных, кедах «два мяча». Это была единственная обувь, которой можно было нащупать растяжку итальянской пластиковой прыгающей мины. Вернувшись откуда-то из-под Мазари-Шарифа, смертельно усталый, грязный и заросший трехдневной щетиной, брел Володя Янчук домой. Стоящую от пота дыбом гимнастерку он снял и тащил в руках, шнурки на кедах развязались и волочились по земле. В довершении ко всему он забрел к знакомому духанщику и, взяв с него клятву, что водка не палёная, купил бутылку. Вот такую картину и узрел оказавшийся на пути у Янчука военный патруль.

На требование предъявить документы Володя «включил дурочку» и, пробормотав: «Ща, ребята, у меня ксива на тумбочке», – проворно шмыгнул в подъезд. Один из сержантов

бросился было за ним, но Янчук успел дверь захлопнуть. Открыв окошко, Володька уселся на подоконник, поставил возле себя бутылку водки, вскрыл ножом тушёнку и неторопливо приступил к ужину. На угрозы майора сначала реагировал вяло, а потом, чтобы не зудел, дал поверх голов патруля короткую очередь из автомата. Патрульные залегли в непросыхающую лужу, что вызвало у капитана Янчука гомерический хохот. Ему так понравились барахтающиеся в грязи патрульные, что, когда они пытались подняться, Володька новой очередью снова укладывал их в лужу.

В результате вместо более высокого по статусу ордена он получил всё ту же Красную Звезду, уже третью по счёту.

Скромная должность спортивного советника никак не соответствовала истинному положению Вадима Панаева в Кабуле. Ларчик открывался просто. Все официальные грузы из СССР в Афганистан поступали либо по линии министерства обороны, либо по линии министерства строительства или иных профильных министерств и ведомств. А вот неофициальные посылки на имя высокопоставленных советников отправлялись через спорткомитет России, и получал эти посылки не кто иной, как Вадим Панаев. Так что человек он был здесь не просто нужный, можно сказать, незаменимый.

Именно Вадим и объяснил Маркову, что так задело Поляничко, когда он узнал о визите журналиста в посольство.

– В Союзе в любой организации есть «треугольник» – руководитель, парторг и предместкома. Здесь тоже «треугольник», только рангом повыше: Поляничко – Посол – Командующий армией. Ну, командующий армией – это понятно, он воюет, и приказы ему отдает непосредственно Москва. Посол считает, что он здесь главный, хотя от него, честно сказать, теперь вообще ничего не зависит. Есть дипломатические отношения между Советским Союзом и Афганистаном, значит, должен быть посол. Иное дело – Петрович. Советник формального главы государства. На самом же деле – сам глава этого государства. К тому же прикинь, каково ему с этим алкашом Кармалем. Того и жди от него, что какую-нибудь поганку завернет. За Бабрака можно быть спокойным только тогда, когда он в запое. Так что ты сам решай, к какому тебе берегу причалить.

– Да выбирать-то, как я понял, особо не из кого. К Максиму не пробиться, все вопросы о поездках в войска приходится согласовывать с его помощниками, а они пуще всего на свете боятся самостоятельно что-нибудь решить. Посол в моих делах мне ничем посодействовать не может. Остается Поляничко.

– Вот и правильно, – одобрил Панаев. – Будешь играть в нашей команде – никогда не проиграешь.

– А нельзя мне вообще ни в какой команде не играть?

– Нет, брат, так не получится. Я, когда ехал, тоже думал, что сам по себе буду, но не тут-то было.

– А ты как здесь оказался?

– Эх, – горько вздохнул Вадим. – Когда-то фашисты своих провинившихся во время войны на Восточный фронт ссылали, а наши теперь – в Афганистан. У нас вечеринка была, председателю спорткомитета приснилось, что я слишком много внимания его жене уделяю. А мы с ней уединились всего на полчаса. Я, как говорится, штаны застегнуть не успел, как мне «оказали высокое доверие» и отправили сюда. А тебя за что?

– Да меня вроде как повысили. Для журналиста попасть на работу в загрансеть – это очень высоко, – поучительно произнес Аркадий.

– Ну понятно, других дураков не нашлось, – сделал свой вывод Панаев.

...Следующий день собкор Марков начал с того, что решил одеться, как все. Как все – это костюм «сафари» из легкой плащевки, тонкие брюки и с накладными карманами просторная рубаша с короткими рукавами. «Сафари» носили все без исключения мушаверы. Выбрав духан с надписью «Валёдя», Аркаша зашел в душную лавку. «Валёдя» оказался выпускником партийных курсов при ЦК компартии Таджикистана, немного говорил по-русски. Но когда Аркашка, памятуя законы восточного базара, попытался с ним торговаться, хозяин лавки откинул ситцевую занавеску, и Ар-

кадий увидел установленный на кипе отрезок шелка ручной пулемет. «Афганистан – страна чудес, зашел в духан и там исчез», – многозначительно продекламировал «Валёдя», и этот стишок ему удалось произнести почти без акцента, видно, повторял частенько.

Глава двадцать восьмая

Кабул обстреливали каждый день, если точнее, то каждый вечер. На часы можно было даже не смотреть – ровно в 19:00 сначала тихо, потом все громче, протяжнее начинала выть леденящая душу сирена воздушной тревоги, через несколько секунд раздавались первые взрывы ракет. Город обстреливали с окружающих столицу Афганистана гор, и лежал он перед атакующими как на ладони. Метили в основном по центру, но и жилым микрорайонам, где преимущественно жили советские специалисты – шурави, тоже доставалось изрядно.

За несколько минут до семи Аркадий отворял настежь все окна и балконную дверь, чтобы взрывной волной стекла не повышибало, потом наполнял стакан. Если была водка – хорошо, нет – так «шилом», так здесь спирт называли, обходился. Водка была в дефиците. Четырех «посольских» бутылок на месяц явно не хватало, а в местных духанах покупать было рискованно, всякую гадость подсовывали. «Шилом» можно было разжиться, бывая в армейских частях. Аркашка уже знал, что спирт водой разбавляют, или сразу запивают, несмышленные «шпаки» – не нюхавшие порошу штатские. Настоящий «шурави» пьет «шило» в чистом виде и закусывает кусочком сахара-рафинада, лучше всего предварительно чуть-чуть смоченного водой, чтобы быстрее растворился. А уж потом можно было и холодной водичкой запить

и закусить чем-нибудь, если кусок в горло лез. После первого стакана водки или глотка «шила» позорящий мужчину животный страх понемногу начинал отступать, обстрелы моджахедов воспринимались уже не так остро. Лучше всего, если рядом был кто-то из новых друзей. Совсем хорошо, если собкор военной газеты, дружок еще по Ташкенту, Валерка Глезденев приходил, или Вадик Панаев. При посторонних Маркову было стыдно трусить так отчаянно, что липкий пот сползал с затылка за шиворот. «На миру и смерть красна», – не раз вспоминал он в такие минуты древнюю мудрость и держался в присутствии друзей молодцом. Хозяйничал, приносил сахар, воду, открывал тушенку. Одним словом, и виду не подавал, что у него внутри все холодеет от этой мерзкой сирены и от взрывов ракет.

После обстрела, когда уже на Кабул напозла черная беспросветная темнота, совершали партизанскую вылазку «в город» – ехали на центральную улицу Шеринау. Здесь находились отели, магазины, несколько баров. На раздолбанной бомбежками Шеринау светилась парочка уличных фонарей и мигал единственный уцелевший на весь Кабул светофор. Советским спецам появляться здесь было запрещено в категорической форме, но душа после обстрела требовала притока адреналина, и путешествия в запретный центр стали не просто необходимостью, но еще и неким ритуалом – мы жи-

вы, живы мы!

На Шеринау отправлялись на горбатом вишневого цвета «Фольксвагене» без номерных знаков. Этого уродца где-то раздобыл непревзойденный доставала Панаев. Днем Вадим, как ему и положено было по статусу, раскатывал на служебной «Волге», для ночных вылазок использовали вишневого «немца», который в темноте был не виден. Пробираясь со скоростью пешехода по главной улице, въезжали в открытую дверь какой-нибудь лавчонки, из открытого окна машины кидали деньги, кричали: «Бира!» – подхватив упаковку холодных жестяных банок с пивом, пятились, разворачивались и ехали обратно. Советский патруль на Шеринау появлялся редко, но пару раз приходилось давать деру.

Впрочем, все реже и реже обстрелы заставляли Аркадия в городе. Он снова, как когда-то в Союзе, был в постоянных разъездах. Названия только теперь были иными, непонятными и тревожными даже на слух – Джелал-Абад, Мазари-Шариф, Кандагар, Саланг, Баграм...

Все изменилось с тех пор, как в Афганистан приехал командующий войсками Туркестанского военного округа генерал-полковник Белоножка. Он устроил что-то вроде пресс-конференции для немногочисленных советских журналистов, на которой, само собой, был и собкор «Известий».

Машина времени

(Заглядывая в прошлое)

Юного Аркашку Маркова на неопределенное время сослали в Арнасай – живописное место, окруженное горами, километрах в ста от Ташкента. Арнасай был Меккой для местных любителей рыбалки и охоты. В одном из охотхозяйств было что-то вроде дачи и командующего ТуркВО Степана Ефимовича Белоножко, в распоряжении которого и поступал, как высказался Тимофеев, корреспондент Марков.

Туркестанский военный округ готовился встречать свой неизменно славный юбилей. К юбилею от имени командующего была написана, на основании архивных материалов, книга с эпическим названием «Краснознаменный Туркестанский». Писал сей труд кто-то из журналистов окружной военной газеты. Видно, парень получил от издательства аванс и в одночасье его пропил, ничем иным оправдать тот бред, что вылился на страницы, было нельзя. В московском Воениздате с рукописью ознакомились и тяжело вздохнули. Книга была в плане, не издать ее – невозможно, корпеть над редактурой – противно. Вернули в округ с пожеланием «изложить все нормальным человеческим языком, желательно – русским».

Белоножко, встретив в коридорах ЦК партии Тимофеева,

обратился к нему с просьбой помочь. Отрывать от работы опытного сотрудника было жалко, в Арнасай, где предстояло расчищать «авгиевы конюшни» за военным собратом, отправили шустрого Аркашку.

Писал он быстро и споро, но даже при его молодой скорости провозился почти три месяца. Примерно раз в две недели на дачу приезжал командующий с женой. Возвращались с охоты помолодевшими, за ужином мило переругивались – супруга у Белоножка была мастером спорта по стрельбе и иной раз показывала выдающемуся военачальнику, как надо в цель попадать. Молодой журналист во время ужинов присутствовал неизменно, надо сказать, относились к нему весьма доброжелательно.

Через три месяца Аркашка с облегчением покинул сей гостеприимный лесной домик, с огромным удовольствием получил спустя малое время по почте весьма солидный гонорар от «Воениздата». Вскоре позвонил ему адъютант командующего Коля Денисевич. С Колей Аркадий был знаком неплохо, его жена работала в их редакции в бюро проверок, и Николай частенько встречал супругу после работы. В Арнасай он тоже несколько раз приезжал в тот период, когда Марков корпел над «Краснознаменным Туркестанским».

– Старик, можешь подскочить в штаб округа? Для тебя сюрпризик имеется, – загадочно произнес Коля. – Пропуск я тебе уже заказал, так что поднимайся сразу ко мне.

– Командующий узнал, какой гонорар ты получил от «Во-

ениздата» и разолился, – поведал Коля. Человек, говорит, такую работу проделал, а ему за это копейки заплатили. Ну и распорядился выписать тебе премию. Сейчас сходим в нашу бухгалтерию, распишешься, ну а потом как тебе совесть подскажет – в рюмочную, или в чайхану.

– В рюмочную, и прямо сейчас, не заходя в бухгалтерию, – решительно заявил Аркадий. – Никаких денег мне не надо, и нигде расписываться я не буду.

– Совсем сбрендил? Там пятьсот рублей, – адъютант был явно озадачен.

– Ничего я не сбрендил. Все, что мне полагалось, я от издательства получил. А брат в частном порядке деньги у члена бюро ЦК – вот это действительно надо сбрендить.

– Ну, старик, ты даешь. Признал, признал.

Через несколько месяцев в зале приемов ТуркВО состоялся банкет по поводу выхода в свет книги «Краснознаменный Туркестанский». Пригасили и Маркова. Белоножкой, в парадном мундире, сияя орденами и медалями, щурясь от беспрестанных фотовспышек, улыбаясь, подписывал книгу всем желающим. Аркадий тоже взял со стола книгу, подошел к командиру: «А мне подпишете, Степан Ефимович?»

– Тебе? Да ты и сам можешь на этой книге автографы ставить, – с этими словами он размашисто расписался. – А ты почему, мне Денисевич докладывал, от моей премии отказался?

– Какое-то недоразумение вышло, товарищ генерал-пол-

ковник, – сработал «под простачка» Марков. – На самом деле я к тому времени уже получил гонорар от издательства. Ну не мог же я за одну и ту же работу оплату два раза получать.

– Ах ты шельмец, – засмеялся Белоножко. – Надо же, какой щепетильный. Ну коли ты так трактуешь, то ладно. Я тебя запомню, Аркадий Марков, – в голосе его звучало явное одобрение. Он склонился к Аркашке, шепнул, чтобы другие не слышали: – Я бы тоже не взял.

После пресс-конференции во дворце Амина, где разместился штаб 40-й армии «ограниченного контингента советских войск» – так это называлось, – Аркадий, решив, что приезд командующего в Кабул как шанс редчайший упускать грешно, пробился к Степану Ефимовичу, которого окружили генералы. Белоножко узнал его сразу:

– А, Марков, и ты здесь. Наслышан, наслышан, и читал. Молодец, хорошо пишешь.

– Степан Ефимович, можно мне к вам с просьбой...

– Тебе – можно, я же вроде твой должник, а долги терпеть не могу.

Аркадий сжато изложил Белоножко, что каждый раз, когда ему надо выехать в части сороковой армии, возникают всякие бюрократические препоны, иной раз разрешения приходится ждать неделями, а то и вовсе не дают, не объяс-

няя при этом причин.

– Полковник, – командующий жестом подозвал армейского особиста. – Оформите товарищу Маркову постоянный пропуск со всеми необходимыми печатями и подписями. В ваших документах можете сослаться на мое личное распоряжение. Пропуск вручить завтра, об исполнении доложить. Выполняйте.

Стоявшие поблизости журналисты лишь завистливо перешептывались. Ну как тут обойдешь этого Маркова, если ему сам командующий Туркестанским военным округом своим личным распоряжением выдает пропуск-вездеход.

«Аркадий, ты зря так рискуешь, – увещевали его друзья. – Ну зачем ты суешь голову в самое пекло?» Он никого не слушал, да и не слышал. Лез в такие горячие места, куда добровольно ни один здравомыслящий человек носа не сунет. Не для того, чтобы оказаться там единственным из своих собратьев по перу, а для того, чтобы наконец понять, самому разобраться, что тут происходит на самом деле.

Идеологи Кремля официально трактовали, что Советский Союз оказывает Демократической Республике Афганистан интернациональную помощь, а ограниченный контингент советских войск введен в страну исключительно для поддержания порядка. Ни о какой войне речи не было и быть не могло – так утверждала советская пропаганда. Поэтому о

том, что идет война, говорить категорически запрещалось. Журналистам, работающим в ДРА и освещающим ход этой самой «интернациональной помощи», было предписано говорить о том, что в Афганистане проходят... учения. Эта идиотская схема, в публикациях советской прессы, выглядела примерно так: «Это было три месяца назад. На перевале Саланг проходили очередные учения стрелков мотопехоты. В ходе учений рядовой (сержант, лейтенант, капитан – выше капитана звания указывать было запрещено военной цензурой) Иванов, сам тяжело раненный, вынес с поля боя командира, подорвавшегося на mine «противника». За ратный подвиг рядовому Иванову присвоено звание Героя Советского Союза, ему вручены Золотая звезда и орден Ленина».

Слово «противник» следовало непременно брать в кавычки. Читателям этого бреда оставалось только недоумевать, на каких-таких учениях командиры подрываются не на учебных камуфляжных, а на реальных минах, и каков должен быть уровень этих учений, чтобы рядовой получил звание Героя Советского Союза. И отчего, в результате этих нескончаемых многолетних учений, которые проводятся по чьей-то злой воле исключительно в «дружеском» Афганистане, плач стоит «по всей Руси великой», потому что «черные тюльпаны» день и ночь доставляют на родную землю цинковые гробы.

Не реже одного раза в месяц собкор должен отправлять в редакцию репортаж о том, как радушно встречают афган-

ское население воинов-интернационалистов, с каким нетерпением их ждут. Как плачут женщины и дети, когда советские солдаты, после короткого привала, покидают кишлак, и льют им вслед по местному обычаю воду, и бросают цветы, желая легкого пути. Никакой такой традиции лить вслед воду и бросать цветы в Афганистане и в помине никогда не существовало, этот мудизм тоже придумали кремлевские пропагандисты. Вот стрелять вслед уходящим солдатам могли – это всегда пожалуйста. Что да, то да.

...Батальон капитана Александра Плохих поднялся в горный кишлак под вечер, когда уже стемнело. У входа в поселок «интернационалистов» встречали несколько седобородых благочестивых с виду стариков, которые преподнесли им хлеб и отправились резать барана, чтобы солдаты могли как следует подкрепиться. Сытые, завалились спать. Когда утром покидали кишлак, комбат Плохих подивился – будто вымерли все, нигде ни души, и провожать никто не вышел. Как только спустились в ущелье и оказались зажатыми с двух сторон горными скалами, сверху ударили из крупнокалиберных пулеметов. У капитана полегло до семидесяти процентов личного состава. Отстреливаясь, поднялись наверх, в тот же самый кишлак, произвели зачистку. Обнаружили семнадцать человек – в основном старики, женщины, дети. Капитан приказал загрузить их в вертолет и, когда поднялись в

воздух на порядочную высоту, самолично каждого, держа за ноги, вышвырнул из люка «вертушки» в ущелье.

За полгода до этого, тогда еще старшего лейтенанта Плохих, «за мужество и героизм, проявленные при взятии Джалал-Абада» представили к званию Героя Советского Союза. За казнь мирных афганских жителей капитана Плохих военный трибунал приговорил к расстрелу. Потом выяснилось, что представленных к званию Героя расстреливать нельзя, капитана сначала помиловали, а потом отправили обратно «за речку» – кровью искупать «на учениях» свой грех.

Эту жуткую историю майор Сашка Плохих рассказывал Аркашке, когда они валялись на соседних койках в первой хирургии главного военного госпиталя Кабула.

– Саня, а почему ты их за ноги выбрасывал, мог просто вытолкнуть, – спросил Аркашка.

– Жалко мне их в тот момент не было, но смотреть им в глаза все-таки не хотел, – признался «самый хороший в советской армии майор Плохих», так его звали тогда солдаты.

...Валерку Кирсанова в армию не провожала ни одна девчонка. Был он худ, тщедушен и золотушен, как говорится, не на что позариться. Из рязанского села попал он в знаменитую учебку под Ферганой, однако статным и бравым десантная подготовка его так сделать и не смогла – где ничего не положено, там нечего взять.

Как-то вечером, когда начался очередной обстрел, Кирсанов заметил невдалеке от их позиций старика и маленького мальчишку, сидящих верхом на осле. Как они здесь оказались, было совершенно неясно, да и не до размышлений было – советские «воины-интернационалисты» открыли ответный огонь. Чья пуля, советская или душманская, попала в осла – неважно, животное завалилось на бок, дед и пацан оказались под ним, как под щитом. Действуя скорее машинально, чем осознанно, Кирсанов по-пластунски добрался до убитого животного и извлек из-под него мальчишку, тот был весь в крови. Как жив остался – непонятно, подбитого осла пулями просто в решето превратили.

– Мальчишка-то легкий был, не то что старик, – позже объяснял Валерка свои действия, – вот я его и поволок.

Благополучно добравшись до окопа, он свалил пацаненка, словно куль, облегченно вздохнув. Мальчишку стали перевязывать, он что-то по-своему лопотал, ручонкой показывая в ту сторону, где остался дед. Кирсанов вздохнул и, будто выполняя неизбежную недоделанную работу, пополз снова. Когда он, волоча старика, был уже возле своих, нашлась и его пуля. Ранение оказалось легким, но каким-то обидным, можно даже сказать, неприличным – в то самое место, где спина теряет свое благородное название. Да еще и прапор, гад, глумился: «Кирсанов, ты даже ранение как нормальный солдат получить не можешь, взял да жопу подставил».

Понапрасну глумился глупый прапор. Замполит полка

усмотрел в действиях Кирсанова истинный поступок «воина-интернационалиста», который, рискуя собственной жизнью, под огнем «противника», разумеется, во время очередных учений в ДРА, спас жизни мирных афганских жителей – семидесятишестилетнего старца и пятилетнего ребенка. Вот так это трактовал замполит, так преподнес соббору союзной газеты Маркову, с которым вместе навесил Кирсанова в медсанбате: мягкие ткани можно залечить, и не отправляя в госпиталь. После выхода в свет статьи о подвиге рядового Кирсанова замполит настроил лихое представление, и Валерка получил звание Героя Советского Союза.

Герою предоставили отпуск на родину, на десять суток, не считая дороги. Герой решил, что негоже появляться в родном селе с пустыми руками. Он представил, как обомлеют деревенские красавицы, увидев на его гимнастерке Золотую звезду, а в руках японский двухкассетник. Звезда уже была в наличии, дело оставалось за малым. Дождавшись каравана с гуманитарным грузом из Японии, Кирсанов грамотно отсек последний в колонне грузовик, расстрелял в упор водителя-афганца и сопровождающего, забрал двухкассетник и видеокамеру, остальное ему было без надобности, потому и не тронул. На вопрос дознавателя, зачем убил водителя и сопровождающего, удивленно ответил: «Так они же мне похорошему магнитофон бы не отдали...»

– Ну как такое может быть? – поражался Аркадий. – Подвиг и мародерство. Вчера он этих афганцев под пулями,

собственной жизнью рискуя, выносит, а завтра убивает за какую-то игрушку, – говорил он майору Плохих в госпитале. – Или взять твой случай...

– Не надо брать никаких случаев, – сказал, как отрезал, Сашка. Видно, этот разговор был ему неприятен. – И вообще, не ищи в жопе мозга, там – говно. Это война. Её можно называть помощью, учениями, можно даже назвать прогулкой, суть не меняется. Это – война. А на войне как на войне, слышал, конечно, такое высказывание.

Да, это была война, и он так в ней запутался, что вскоре и впрямь перестал искать смысл в том, чего не понимал. Писал то, что от него требовали, и старался особо не задумываться над происходящим. Хотя не всегда и получалось. В том смысле, что совсем уж не задумываться получалось далеко не всегда.

Поговорка «кому война, а кому мать родна» относится ко всем войнам, афганская исключением не стала. В цинковых гробах вместо трупов отправляли золото и наркотики, продавали оружие и боеприпасы, обмундирование, медикаменты и продовольствие. Продавали все, что можно было продать. Транспорты с гуманитарными грузами грабили отнюдь не так, как деревенский простачок Кирсанов, забирали на корню все, что было. Особо ценились японская радиоаппаратура, оптика, превыше всего – телевизоры. Колонны с гу-

манитарными грузами с одинаковым энтузиазмом грабили и душманы, и советские воины-интернационалисты.

Отцу и бабе Симе в Ташкент, Арине и сыну в Ленинград он писал редко и скупно. Да подробностей все равно бы военная цензура не пропустила, а передавать письма с оказией было запрещено категорически. И не то, чтобы Марков боялся строгую инструкцию нарушить, просто не хотелось пугать родных ненужными подробностями. К тому же газеты, где регулярно появлялись репортажи собкора Аркадия Маркова, они читали, подробности его нынешнего житья-бытья, видимо, дополняли в воображении сами. Отец ответные письма писал коротенькие. Такие же, как когда-то, много лет назад, присылал своей любимой Ривочке из армии. Будучи человеком малограмотным, в конце письма непременно ставил одну строчку точек, одну запятых, приписывая, что точки и запятые пусть расставит по своему усмотрению. Так теперь делал и в письмах к сыну.

Арина о себе почти ничего не сообщала, подробно писала, как растёт Славик, как радуется её, чем огорчает. О том, как поживают знакомые, хотя он и спрашивал, не сообщала вообще ни слова. Её письма были какими-то отстранёнными, так, во всяком случае, ему казалось.

Довольно часто приезжали в Афганистан артисты, преимущественно эстрадные певцы и всевозможные ВИА, которых тогда развелось множество. Большинство из них, особенно ансамбли, выступали исключительно в Кабуле, в главном военном госпитале. Собирались все ходячие больные, медперсонал. Каждый концерт – праздник, как дуновение с родной земли. Артистам долго аплодировали, не отпуская их со сцены. И они, надо отдать им должное, старались от души, иногда такие концерты длились по несколько часов.

Солисты, особенно знаменитые, частенько заявляли, что желают выступить непосредственно перед бойцами, рвались, как они говорили «на передовую». Замполиты, их сопровождавшие, долго «согласовывали», на самом деле просто вид делали, время тянули для достоверности. Потом на бронетранспортерах, чтобы антураж войны был полный, везли «на передок». На самом деле неуклюжая броня долго крутилась и петляла по запутанным окрестным тропам в предместьях Кабула, и привозила артистов в одну из вспомогательных частей штаба сороковой армии. Для пущей убедительности и реального антуража кто-нибудь из специально отряженных для этой цели сержантов или прапоров устраивал стрельбу из автомата, мог даже гранату подорвать. Иллюзия боя была полной, артисты пребывали в святой уверенности, что находились непосредственно в районе боевых действий. В штабе их не разочаровывали, некоторых даже «за участие в боевой операции» представляли к награждению орденом Красной

Звезды, так как им награждать имел полномочия командующий армией.

Глава двадцать девятая

В ноябре 1982 года скончался Брежнев. Вадик Панев на смерть генсека отреагировал весьма своеобразно:

– Сука старая, даже уйти по-человечески – и то не захотел. И ментам всем поднастрал – в их праздник лапти сплёл, – и мне в тарелку накакал.

– Тебе-то каким образом? – удивился Аркадий.

– Так у меня день рождения, хотел ребят позвать, Поляничко пригласить, так сказать, в неформальной обстановке пообщаться. А теперь в Союзе траур, какое уж тут веселье. Я же и так в моральных разложениях числюсь, а тут еще, спаси Создатель, пришьют антисоветчину какую-нибудь...

– А ты позови Поляничко на поминки по генсеку. Накроем стол, как положено, а когда он уйдет, мы тебя поздравим. Собраться можно у меня – ну вроде как на нейтральной территории.

– Аркаша, я тебя прошу, ты в войска больше ни ногой и даже по Кабулу в каске ходи – такую голову беречь надо.

Поляничко «на поминки» прийти согласился сразу, но строго-настрого велел Панаеву, чтобы, кроме него, в квартире Маркова никаких гостей не было. С собой Виктор Петрович принес бутылку водки «Столичная лимонная», украшенную множеством медалей. Такую Аркаше видеть не доводилось.

– Любимая водка Леонида Ильича, – пояснил советник. – Год берег, думал, на день рождения Леонида Ильича выпить, а теперь вот приходится за помин души.

Побыл он в квартире Маркова недолго, с сожалением сцедил в стакан остатки «лимонной», поднялся, стоя выпил, произнес неторопливо: «Думаю, с сегодняшнего дня и в нашей стране, и здесь многое поменяется. Сегодня был пленум ЦК, генеральным секретарем избран Андропов, – непроизвольно сморщился Поляничко. – Так что давай, Вадим Сергеевич, пока сухой закон не объявили, зови своих гостей, отмечайте день рождения, только по-тихому, голосить да песни орать не вздумайте, – и, видя изумленное лицо Панаева, невесело усмехнулся: – Эх, ты, конспиратор хренов, нашёл кого обманывать. Ты еще только рот открыл, а я уже понял, что задумал. Да и не ты, я думаю, это придумал -тебе бы и в голову не пришло, наверняка Марков надоумил. Ну да ладно, я не в претензии. Помянуть Леонида Ильича действительно надо было. Он заслужил. Вы это еще поймете».

Конечно, посидеть по-тихому, как велел главный советник, не удалось. И шумели, и песни орали. Под конец уже плохо управляемый Володька Янчук рвался на улицу, убеждая всех «тихо-тихо пострелять».

– Никто и не докумекает, что мы Вадьку отмечаем. Залп в честь безвременно ушедшего генерального секретаря – дело святое. Если на патруль нарвемся, так и скажем.

О том, что творится в Союзе, он узнавал понаслышке. Рассказывали какие-то страшилки, что в рабочее время патрули ходят по кинотеатрам, по магазинам, проверяют у людей документы, выявляя, кто работу прогуливает. Сообщали, что Андропов начал беспощадную войну со взятками и иными проявлениями коррупции, одним словом, «новая метла» заворачивает гайки.

Не обошлось без изменений и во дворце Амина. Юрий Павлович Максимов, чуть ли не в один день получивший Героя Советского Союза и звание генерала армии, отбыл в Москву. На место командующего 40-й армии прибыл генерал-полковник Борис Громов. Поляничко срочно вызвали в столицу, поговаривали, что он уже в Кабул не вернется, но через месяц Виктор Петрович снова появился в своем кабинете.

Предвидя возможные изменения, Бабрак запил уже совсем по-черному, Поляничко все чаще и чаще приходилось важные решения оговаривать с председателем ХАДа (аналог советского КГБ. – прим. автора) Мохаммадом Наджибуллой, тем более, что Андропов явно благоволил этому, ещё вчера малоизвестному, чиновнику.

Но самые тревожные новости приходили из родного Ташкента. Из газет Аркадий знал, что в Узбекистан направ-

лена целая бригада следователей Генеральной прокуратуры СССР, которые расследуют злоупотребления высшей республиканской номенклатуры. Это дело получило два названия: кто предпочитал говорить «узбекское дело», кто-то называл расследование Москвы «хлопковым делом». В печати то и дело появлялись сообщения об аресте секретарей обкомов и райкомов партии, председателей и директоров крупнейших узбекских колхозов, совхозов, объединений. Был арестован и дважды Герой Соцтруда Ахмаджон Акилов, в «раю» которого когда-то довелось гостить Аркадию.

В конце 1983 года Марков прочитал в газетах траурное сообщение о смерти Шарафа Рашидовича Рашидова. А вскоре в Кабул прилетел его сын Володя.

Марков настоял, чтобы Рашидов на время командировки поселился в его квартире, хотя Володя и возражал.

– Я же о тебе беспокоюсь, – убеждал он друга детства. – Ты теперь журналист-международник, собственный корреспондент «Известий» за рубежом. Не стоит тебе так явно афишировать дружбу со мной. Ты пойми, я уже не подполковник КГБ, а всего лишь начальник скромного стройуправления. Вот приехал заключать договор о строительстве жилых домов в новом микрорайоне.

– Я должности на дружбу не меняю, – упрямо возразил Аркадий. – А кому надо, тем и так все известно, тебе ли об этом не знать.

Когда заговорили о внезапной смерти Шарафа Рашидови-

ча, Володя помрачнел:

– Знаешь, сейчас стали поговаривать, что отца, дескать, специально устранили, чтобы не арестовывать члена Политбюро. Но это ерунда, уж ты мне поверь. Понимаешь, Андропов не случайно отправил бригаду генпрокуратуры именно в Узбекистан. Заметь, не в Закавказские республики, не на Украину или в Молдавию, а именно к нам. Это он таким образом сводил с отцом счеты, не простил ему, что Леонид Ильич часто папу братом называл и в сложных случаях всегда с ним советовался. К тому же отец успел откровенно высказаться. Он заявил Андропову прямо: «Вы начали расследовать уголовное дело, которому хотите придать всесоюзное значение. И на это дело напялили узбекский халат». Теперь, после того как папа умер, кое-кто поговаривает, что, дескать, Рашидов скончался от страха перед предстоящим арестом. Я так не думаю. Просто люди Андропова целенаправленно доводили его до инфаркта. Мне кажется, он не за себя боялся. Он не перенес того позора, которым измарали весь Узбекистан. Если для кого-то понятие родной земли было свято, так это для него, можешь мне поверить. Ну да хватит об этом, – решительно сказал он. – Как у тебя-то дела? Что-то раньше я твои статьи и в «Известиях», и в «Звезде Востока» чуть не каждый день читал, а теперь пару раз в месяц – и привет. Зажимают что ли?

– Никто меня не зажимает, – неохотно ответил Аркадий, и, тут же изменив тон, горячо, а с кем, если не с другом дет-

ства быть откровенным, продолжил: – Понимаешь, когда я ехал сюда, мне свет застило сознание, что я, наконец, чудом прорвался в загрансеть, буду заниматься международной журналистикой. Я же не представлял масштабов того, что здесь происходит. И мне приходится только врать. Ни одного слова правды об Афганистане пока еще в наших газетах сказано не было. Афганцы нас ненавидят. Все до единого. Ну кроме руководства страны: эти-то понимают, что их благополучная жизнь зависит только от Советского Союза. Не будет нас, американцы вздернут их на первом же столбе. Если свои не опередят. Понимаешь, сажусь за пишущую машинку и каждое слово из себя выдавливаю. Думал, отзовут, но ни хрена. Желающих совать голову в это пекло не находится. В армии бардак, дисциплины никакой. Пьют, наркоту употребляют, мародерничают. Я долго думал, отчего так. Потом понял. В Отечественную воевали за свою родину, за свою землю. А здесь за кого? Солдаты уже открыто говорят, что их сюда бросают как пушечное мясо. А это вранье про бесконечные ученья, уже курам на смех. Ну придумали бы что-нибудь более правдоподобное. Знаешь, Володя, я тебе как на духу скажу. Погибать, конечно, не хочется, а вот легкое ранение я бы пережил. Лишь бы домой отправили, ну хоть на время. А то прошусь, прошусь, и никакого толку...

– Смотри, дуралей, еще накаркаешь – тьфу-тьфу-тьфу, – Рашидов трижды сплюнул через плечо.

Плюй, не плюй, а накаркал сам себе Аркадий. Не сразу,

правда, но накаркал.

Страна беспрестанно смотрела по телевизору «Лебединое озеро». Бессмертный балет Петра Ильича Чайковского теперь не слух и взор услаждал, а был оповещением к поминкам по очередному генсеку. Когда новый, все же моложе предшественников и внушающий надежды, что трансляция «Лебединого озера» временно откладывается, сверкая чернильным пятном на обширной лысине, призывал сограждан «начать» и «углубить», собором Маркову наконец предоставили отпуск.

Внешторговые чеки и инвалютные рубли он должен был получить в Москве, афганские деньги – «афгани», здесь их попросту называли «афоньки», принес в мешках кассир. В соответствии с курсом, по ведомости, набралось миллионов десять. Никогда в жизни Аркашке не приходилось видеть таких рваных, потрепанных и даже полуистлевших денег, от которых исходил едкий запах плесени. На большинстве из купюр отсутствовали номера, но кассир заверил, что это ерунда, в духанах примут и так. Считал и пересчитывал он эти миллионы час, никак не меньше. Они с Панаевым уже успели бутылку водки «на посошок» приговорить, а кассир все мусолил купюры. Потом вздохнул облегченно:

– Здесь ровно восемь миллионов, можешь не пересчитывать.

– Почему восемь, в ведомости десять двести, – спросил Марков.

– А бакшиш? – невозмутимо проронил кассир.

– Я из тебя сейчас бакшиш сделаю, – заорал Вадим. – Совсем обнаглел. Ну, возьми, двести тысяч, хрен с тобой – пятьсот, но не два же с лишним миллиона.

Кассир плакал натуральными слезами, хватался за сердце, валялся у Аркадия в ногах, уверяя, что у него большая семья, жены, дети, мать-старушка и что меньше двух миллионов ему взять ну никак нельзя. В итоге Аркашку все эти стенания утомили, и он сквалыгу, у которого слезы высохли мгновенно, прогнал. Полученных «афонек» ему вполне хватало на то, чтобы загрузить несколько огромных сумок подарками.

Сделав всего на сутки пересадку в Ташкенте, он вынужден был полететь в Москву – там ждали его отчет в международном отделе ЦК КПССС и на редколлегии «Известий». Номер полулюкс ему выделили в гостинице «Москва», куда приехали и Арина со Славиком.

Накануне отчета в ЦК его пригласил в гости Бовин. Супруга Александра Евгеньевича Лена Петровна (она особо подчеркнула, что её имя не Елена, а именно Лена) встретила их радушно. Бовин же предупредил, чтобы на разносолы гости не рассчитывали, так как сегодня четверг. И пояснил, что

в молодые годы они с Леной дружили с молодоженами Любимовыми. У Бовиных была крохотная, но отдельная комнатуха, поэтому собирались у них. Как-то стихийно сложилось, что встречались по четвергам. Будущий знаменитый режиссер приносил бутылку «московской» водки, Лена жарила котлеты, по две на нос, и отваривала дешевую на ростовских рынках картошку, которую можно было не считать. На большее денег не хватало. Шли годы, оба, и Александр Бовин, и Юрий Любимов, стали знаменитостями, зарабатывали изрядно, но, встречаясь, хотя теперь уже и нечасто, на стол ставили только водку, котлеты и картошку – ничего другого, так было заведено раз и навсегда. Арина с Аркашей благоговейно выслушали эту историю. Им было абсолютно все равно, что будет на столе, – побывать в одной компании, за одним столом с Бовиным и Любимовым было для них тем более лестно, что Александр Евгеньевич сообщил: «Сегодня на наших с Юрием Петровичем четвергах впервые присутствуют посторонние».

Естественно, что расспрашивали его о работе в Афганистане. Когда журналист умолк, в комнате воцарилось тягостное молчание.

– Знаешь, старик, я тебя своим честным словом заверяю, что ни одного слова, тобой здесь произнесенного, за порог этой комнаты не просочится. Но я тебя заклинаю: и в международном отделе на Старой площади, и у нас на редколлегии умерь свою откровенность. Да даже не умерь, а попросту

засунь ее себе сам знаешь куда. Я даже не представляю, что они с тобой могут сделать, если услышат хоть сотую долю того, что ты здесь нам высказал.

Александр Евгеньевич беспокоился напрасно. Аркадий Александрович Марков, собственный корреспондент двух крупнейших советских газет в Демократической Республике Афганистан, и Аркаша Марков, благоговейно переступивший когда-то порог многотиражной газеты «Геолог», были двумя разными людьми.

Отпуск пролетел как мгновение, он даже не со всеми друзьями, с кем планировал, успел повидаться. Арина после Москвы прилетала к нему в Ташкент, огорчалась, что мужа почти не видит, но, верная своему непоколебимому спокойствию, внешне этого никак не проявляла.

За несколько дней до отъезда Аркадия в Кабул они ужинали в ресторане недавно построенного в центре Ташкента Дома кино. К их столу подошел Малик Каюмович. Сердечно поздоровался, сказал, что внимательно читает все репортажи Маркова, и тут же предложил написать сценарий фильма.

– Завтра загляни на студию, попьем в моей чайхане чайку, подробности обсудим, – предложил Каюмов.

– Арина, помнишь, в день нашего знакомства ты интересовалась раскопками могилы Тимура и я тебе рассказывал про оператора, который снимал эти раскопки 21 июня 1941

года. Так вот, это и был тот самый Малик Каюмович Каюмов, который сейчас к нам подходил.

На следующий день они договорились, что Марков напишет две заявки – на сценарий о жизни заставы на советско-афганской границе и заявку сценария непосредственно о каком-то «подразделении воинов-интернационалистов». Аркадий очень надеялся, что второй сценарий либо не утвердят вовсе, либо будут утверждать еще очень долго. А работа над фильмом о пограничниках сулила ему возможность хоть изредка приезжать на студию «Узбекфильм». Во всяком случае, Малик Каюмович заверил его, что это вполне реально.

Но вовсе не о новом сценарии думал он по пути в Кабул, пристроившись между двумя контейнерами в брюхе военно-транспортного самолета.

– Аркадий, из этой страны надо уезжать. Нам всем, и тебе в первую очередь, – огорошила его Арина, когда он её провожал в ташкентском аэропорту.

– Куда уезжать, зачем и почему мне – в первую очередь? – опешил он от неожиданности.

– Куда угодно, в Израиль, в Америку, хоть на Берег собачьей кости, только отсюда. И тебе, пока ты еще окончательно не превратился...

– В кого, в кого я не превратился? – взбесился он, уже догадываясь, что его безропотная и такая покорная жена может понимать то, о чем он сам думать боялся и трусливо гнал мысли, мешавшие ему спокойно спать.

– Аркаша, ты посмотри, в кого ты превращаешь себя? – продолжала добивать его жена. – Ты же перестал людям в глаза смотреть. Так ведут себя те, кому постоянно стыдно.

– Ты хочешь сказать, что я сволочь? – спросил он глухо.

Арина ласково погладила его по щеке, как ребенка:

– Нет, мой дорогой, ты не сволочь, и я очень надеюсь, что сволочью никогда не станешь. Но ведь ОНИ, они постоянно тебя подталкивают к краю этой пропасти. Вот эти, которые со Старой площади, они и есть настоящая сволочь. Я просто боюсь, что это заразно. Потому что ты уже начал писать в своих репортажах: «выполняя свой интернациональный долг». Вся эта страна проникнута враньем. Нам врут, что мы счастливые, самые веселые, самые сытые во всем мире. И запрещают самим посмотреть, как живут люди в других странах. Чем же это для нас закончится?..

– Да что я там делать буду, за границей? Я же могу писать только на русском языке и думать тоже, только на русском.

– Серёжа Довлатов тоже не хотел с Ленкой в Америку ехать, – возразила Арина. – А теперь! Его книги издаются там и на русском языке, и на английском. Его наконец весь мир узнал. А кем он был здесь?..

Конечно, каждому газетчику время от времени приходится писать что-то, о чем потом поскорее хочется забыть, размышлял он. Но в этом проклятом Афганистане творится та-

кое, о чем даже думать не хочется. А он пишет, изворачивается самым бесстыдным образом и льет на газетные страницы всю эту смердящую грязь, это вранье, которые сам же и заворачивает в блестящую обертку. Но грязь блеском обертки спрятать еще можно, а вот запах – точно нет. И если сегодня этот запах почуяла Арина, то завтра будет смердеть на всю страну. А может, уже смердит... Но уехать, как предлагает жена? Нет, категорически нет. К этому он не готов.

Глава тридцатая

Проклятая рука ну никак не хотела заживать. Ему уже сделали две операции, а толку никакого.

– Знаешь что, Музыкант, – обратился к нему доктор Касаткин тем детским прозвищем, которым его еще в школе дразнили, – тебе надо ехать в Ташкент, в институт травматологии. Пусть тебя академик Адылов посмотрит. Что-то мне не нравится, как себя твои кости ведут, как бы тебе без руки не остаться. Я напишу Адылову подробное сопроводительное письмо...

– Не надо письма, я Шакира Шариповича хорошо знаю. Еще с тех пор когда он занимался разработкой мумиё, как фармакологического препарата. Его в нашей академии наук скорые на расправу деятели чуть ли не шарлатаном провозгласили. Мне тогда за него пришлось серьезно заступаться – через газету. Помню, большой очерк был.

– А знаешь, я сейчас вспомнил эту историю. И очерк твой, кстати сказать, читал и гордился, что у меня такой одноклассник. Так что пусть тебе теперь академик добром за добро ответит. Врач он действительно блестящий. Ну что, будем оформляться? – спросил Николай Николаевич.

...Все эти песни про «черный тюльпан», «груз двести» –

все эти образы были созданы поэтами, писателями, бардами, журналистами, совсем чуточку – народной молвой. В жизни, как правило, всё гораздо прозаичнее. В первые же дни, как только стали отправлять в Союз запаянные цинковые гробы, простой советский прапорщик, заполняя накладную на отправку груза, поставил порядковый номер «200».

– Чего везем? – спросил его бортинженер.

– Тебе знать не положено, – грубо, не по-уставному, ответил прапор. В Афгане не очень-то соблюдали воинский устав и субординацию. – Твое дело в накладной расписаться: «груз № 200 получил». Вот так и пошло: «груз 200» – значит, гробы. На самом деле все грузы в бездонное брюхо военно-транспортного Ил-76 загружались в закрытых контейнерах, куда входили и танки, и все что угодно, включая гробы. Поэтому те немногие пассажиры, которых пускали на борт военного самолета, ютясь на узеньких дюралевых скамеечках и тыкаясь коленями в эти огромные контейнеры, никогда не могли знать, что там находится внутри.

...Тяжело оторвавшись от земли, Ил-76 начал свой полет – или к месту назначения, или – в вечное бессмертие. Те, кому доводилось летать часто, включая, само собой, экипажи, взлет над Кабулом называли весьма поэтично, хотя и страшно – «три круга ада». Кабул находился в долине, окруженной со всех сторон горами. По аэродинамическим качествам самолет не мог взлетать по прямой, набирая высоту под углом. Приходилось делать четыре круга, этакую спираль, чтобы на-

брать нужную высоту и взлететь над горами. До трех кругов «Ил» был уязвим для «стингеров», которыми в достаточном количестве располагали моджахеды. Поэтому сбивали советские военные транспортники регулярно. Так что любой рейс из Кабула был сопряжен со смертельным, без преувеличения, риском. Сам самолет выпускал тепловую завесу, под его брюхом «квадратом» поднимались смертники – четыре вертолета, которые также выполняли роль тепловой завесы и потому были во время обстрелов уязвимы еще больше, чем сами самолеты. Снаряды «стингеров», попав в тепловую завесу, разрывались, рассыпаясь на невиданной красоты фейерверк.

Глядя в иллюминатор на этот смертоносный «салют», Аркадий припомнил где-то вычитанное. В самом начале двадцатого века, когда появился пулемет «максим», самые светлые умы – политики, писатели, общественные деятели – были не на шутку встревожены. Они зывали к немедленному прекращению всех войн, поскольку на земле появилось страшное, невиданной разрушительной силы оружие массового истребления, способное уничтожить десятки людей. «Как чисты, но как наивны в своих помыслах и устремлениях были те люди», – подумалось Аркадию.

В самолете раздалась протяжная сирена. Несколько штатских, которых на борт провожал майор из политуправления армии, в страхе заметались по салону. Их никто не предупредил, что сирену пилоты включают, когда самолет благо-

получно пересекает границу Советского Союза. Теперь уже можно расслабиться, сюда точно ни одна афганская зараза не залетит...

Прямо у трапа самолета Аркадия встречала «скорая помощь». Внутри машины, облаченный в белый медицинский халат, поседевший и постаревший, ждал сына отец – это уж Николай Николаевич Касаткин расстарался для друга детства. Включив сирену, «скорая» за какой-нибудь час домчалась от военного аэродрома до республиканского института травматологии.

Директор института, тот самый академик Адылов, за которого в свое время вступился журналист Марков, посмотрел привезенные из военного госпиталя рентгеновские снимки и лишь нахмурился.

– Нужно делать операцию, чем быстрее, тем лучше. Завтра. Я сам соперирую, – решил Шакир Шарипович.

Машина времени

(Оглядываясь на будущее)

Он включил свет, лампочка вспыхнула и тут же погасла. Но не свет погас, а он – ослеп. В один миг, ослеп. «Амбуланс», так здесь, в Израиле, называется скорая помощь, доставил его в больницу. Позже, уже после операции, он пы-

тался выяснить, что произошло. Анатолий Серов, врач-офтальмолог, добрейшей души человек, терпеливо объяснял:

– У нас клиника, а не исследовательский институт. Мы не выясняли причину, мы ее устраняли. Случай редкий, тяжелый. Может быть, твоя ослабленная иммунка ударила по глазам, вот сетчатка и отслоилась разом.

— Почти десять лет прошло после Чернобыля. Неужто до сих пор аукается? – размышлял Аркадий.

Операция длилась несколько часов. Когда Аркадий начал воспринимать, по звукам и ощущениям, окружающую его действительность, он услышал спокойный и такой родной голос Арины:

– Я тебе бульон принесла. Попей.

– Откуда ты здесь?

– Стреляли, – явно усмехнулась Арина.

После тяжелого наркоза соображал он туго, юмора не понял:

– Стреляли?

– Ну фильм, «Белое солнце пустыни», помнишь? «Ты как здесь оказался?» «Стреляли».

– А в меня стреляли?

– Пей бульон, – раздался незнакомый голос, молодой, с хрипотцой.

Аркадий протянул руку, неуверенно спросил:

– Славик?..

Потом, будто все еще не веря, уточнил:

– Так вы что, из Америки прилетели? Как вы узнали?

– Все-таки журналист въелся во все твое существо – не успел еще в себя толком прийти, а уже вопросы задаешь, – беззлобно попеняла ему Арина. – Узнали от Славки Полунина, а ему кто-то из ваших общих друзей сказал, то ли Валя Никулин, то ли Миша Козаков. Вот мы сразу и прилетели.

Он был еще настолько слаб, что эта встреча, эти родные голоса истожили его окончательно, он погрузился в сон, а когда проснулся, испугался, что Арина, сын Славка – все это ему только приснилось. Боясь, что ему никто не ответит, Аркадий слабым голосом позвал:

– Арина.

И тут же отворилась дверь палаты, и она вошла, будто только и ждала, когда он ее позовет.

Повязку сняли только через три месяца. Сын смог побыть в Израиле всего две недели, ему нужно было возвращаться, так что Аркадий Славика так и не увидел. Арина пробыла с ним все три месяца. И только когда он уже начал различать отдельные предметы, сказала, что ей тоже пора возвращаться. Она не спрашивала, полетит ли он вместе с ней в Америку, да ему, впрочем, после операции летать самолетами пока было нельзя. Аркадий понимал, что нужно объяснить, но не находил слов. Он опять остался один в своей комнате. Бесконечно близкая, единственно родная и безнадежно далекая женщина уехала. Он так и не сказал ей важных слов. Не смог. Не смог потому, что так и не разобрался сам в себе.

После операции в институте ортопедии рука наконец начала заживать, хотя академик Адылов полагал, что двигательные функции в полном объеме вернутся не раньше, чем через год. О том, чтобы вернуться в Афганистан, не могло быть и речи. В «Известиях», как только это поняли, сразу потеряли интерес к своему бывшему собкору. В Москве делать было нечего, он вернулся в Ташкент.

Пока он улаживал свои дела, в «Звезде Востока» произошли серьезные перемены. Ушел на пенсию Николай Федорович Тимофеев, главным редактором стал Сафаров. Узнав об этом, Аркашка ринулся в редакцию.

– А я всё жду, когда ты объявишься, – не скрывал своей радости Рубен Акопович. – Хоть одна родная душа рядом будет. Гипс еще долго носить придется?

– Да это уже облегченный вариант, лангетка, – небрежно ответил Аркадий. – Я привык, почти не мешает, даже на машинке приспособился одной рукой печатать.

– Ну и хорошо, – одобрил Сафаров и тут же спросил: – Отдел репортажа примешь?

– В каком смысле?

– В прямом. А кому еще заведовать отделом репортажа, как не тебе? Да я, собственно, и не предлагаю – настаиваю.

Через несколько дней Сафаров сказал на планерке нарочито будничным тоном:

– Вчера на бюро ЦК партии заслушивался кадровый вопрос. Товарищ Марков Аркадий Александрович утвержден членом редакционной коллегии и заведующим отделом репортажа.

– Рука одна, а должностей две захапал, – желчно высказался давний Аркашкин недруг – заведующий отделом пропаганды Забровский.

– Полагаю, что Аркадий Александрович и одной рукой сможет сделать намного больше, чем некоторые обеими руками, – отреагировал Сафаров.

На следующий день, как велел главный редактор, он явился в сектор учета кадров ЦК, заполнил так называемую объективку.

– Что ж ты главного не написал? – попенял ему заведующий сектором, просмотрев анкету.

– Чего я не написал?

– Номер партбилета.

– Так у меня его нет, – признался Аркадий.

– Ну, уважаемый, когда идешь в ЦК партии, партбилет при себе должен быть.

– Нет, вы не поняли, у меня его вообще нет.

Завсектором поднялся, запер дверь изнутри, открыл шкаф, где стоял маленький холодильник, достал оттуда бутылку водки. Когда они выпили, потребовал:

– Рассказывай как на духу. Куда дел партбилет? Потерял, украли, жена в стиральной машинке постирала...

– Да никуда я его не девал. Я не член партии.

Если бы заведующему сектором учета партийных кадров сказали, что с Марса прилетел инопланетянин и будет работать на номенклатурной должности на земле, функционер ЦК удивился бы куда меньше.

– А как же мы тебя утвердили на бюро и заведующим отделом и даже членом редакционной коллегии? – растерянно спросил он.

– Ну это, наверное, вопрос скорее к членам бюро, чем ко мне, – беспечно отреагировал Аркадий.

Услышав от Маркова этот рассказ, Рубен Акопович не был столь беспечен – это же он выдвигал своего любимчика на ответственную должность, с него, стало быть, и спрос.

– Мне даже мысль в голову не могла прийти, что ты, столько лет проработав в партийной газете, не вступил в партию. Ладно, будем думать.

На следующий день вызвал к себе Маркова и сказал:

– Я тут кое с кем посоветовался, и вот что мы решили. Ты будешь в нашей редакции являть собой принцип нерушимого блока беспартийных и коммунистов.

– Вы это серьезно, Рубен Акопович?

– Я – серьезно, и тебе по этому поводу где попало шутить не советую. – жестко заявил Сафаров.

Как добыть информацию, сделать репортаж, взять интер-

вью, он знал прекрасно. Но как организовать работу отдела, понятия не имел. Выручало то, что в отделе работали опытные зубастые репортеры, которых подгонять было не нужно, они сами хорошо знали, что делать.

Как-то воскресным утром ему позвонил Сафаров:

– Аркашка, ты же живешь возле Алайского базара?

– Ну да.

– Давай-ка скоренько беги туда. Вчера для вручения республике ордена приехал новый секретарь ЦК КПСС Ельцин. Сегодня утром сбежал из резиденции и отправился на Алайский. Так что дуй туда.

– Без охраны сбежал? – уточнил Аркадий.

– Ну он-то думает, что без охраны, – ответил шеф.

В центре рынка была небольшая площадь с фонтаном. Воды в фонтане отродясь не было. На бордюре стоял высоченный человек и зычным голосом вещал: «Товарищи, я секретарь ЦК КПСС Борис Ельцин. Подходите, рассказывайте, какие у вас проблемы, как цены на рынке...»

«Ну точно, как в анекдоте про Хрущева», – ухмыльнулся Аркашка. Хрущев отправился в каком-то городишке на рынок. Местным торговцам приказали, чтобы они в этот день цены снизили. Подходит еврей к продавцу коровы и спрашивает, почем корова. «Три рубля», – отвечает продавец. Еврей идет дальше, продавец вслед кричит: почему, мол, корову не покупаешь, ведь дешево. «Я лучше еще три рубля добавлю и курочку куплю», – отвечает еврей. Так и этот Ельцин – спра-

шивает у людей, довольны ли они ценами на базаре.

В сопровождении целой толпы горожан Ельцин стал обходить базарные ряды. Зашел в хлебный магазин, да даже не магазин, а так – палатка, где в этот час было пусто, ранний утренний хлеб уже раскупили. Ельцин осмотрел пустующие полки, спросил:

– Это что там у вас, рис?

– Рис, – ответил продавец.

– А где манная крупа, гречка где? Вы что, детей одним рисом кормите?

Продавец молчал. За сорок лет, что он здесь работал, в магазин ни гречки, ни манки не привозили ни разу. Походив по базару еще с полчаса, Ельцин вернулся в резиденцию. На следующий день собрал всё республиканское руководство. Все ждали, что новый секретарь ЦК КПСС сейчас «произнесет программную речь, поставит перед Узбекистаном новые задачи». Но Ельцин свою гневную речь обрушил на... хлебную палатку. Несчастливого продавца он клеймил такими словами, как саботажник, расхититель, и требовал гнать его поганой метлой из советской торговли.

...В 1943 году Мумин Аширов, потерявший на фронте руку, вернулся в родной Ташкент. Инвалиду-фронтовику выделили кое-какие стройматериалы и поручили построить на Алайском базаре хлебную палатку. Он собрал друзей, и па-

латку за несколько дней они соорудили. С тех пор и торговал здесь хлебом директор, продавец, грузчик и даже бухгалтер в одном лице – инвалид Отечественной войны Мумин Аширов. На хлебозаводе его хорошо знали и уважали. Три раза в день в магазинчик на базаре привозили свежий горячий хлеб. Никому из покупателей, что годами, а некоторые уже и десятилетиями, ходили сюда практически ежедневно, и в голову не приходило покупать в этом магазине что-нибудь кроме хлеба.

О разгоревшемся на республиканском совещании скандале Сафаров рассказал Маркову.

– Ты сам-то зашел потом в этот магазин? – спросил он Аркадия.

– А чего мне туда заходить, если я там постоянно хлеб покупаю. Я этого Мумина-ака уже много лет знаю. Фронтовик, руку на войне потерял, золотой дядька.

– Ну вот, а секретарь ЦК товарищ Ельцин требует, чтобы этого дядьку с треском выгнали, потому что у него в магазине нет ни манки, ни гречки.

– Так он же не госснаб, не госплан и не министерство торговли, он простой директор хлебной платки, – возмутился Аркадий. – А хлеб у него, кстати, всегда свежий. За что же его гнать?

– Ты это Ельцину скажи, – иронично посоветовал Сафаров.

– Рубен Акопович, Ельцины приходят и уходят, а хлебу-

шек надо кушать каждый день.

– Крамольные вещи говорите, товарищ Марков.

– Никакой крамолы, Рубен Акопович. Тем более что Михаил Сергеевич нас с утра до ночи убеждает, что теперь свобода слова, плюрализм. Вот я в порядке плюрализма напишу очерк про фронтовика Аширова, а вы его, поддерживая свободу слова, опубликуете.

Сафаров не испугался, и очерк был в «Звезде Востока» напечатан. После такого панегирика снимать заведующего магазином с работы было как-то неловко. Единственный, кто не знал, какие вокруг него разгорались страсти, был сам Мумин Аширов. Он так толком и не понял, кто таков был тот высокий здоровенный русский, который почему-то в его магазине искал гречку.

В ночь на 26 апреля 1986 года Марков дежурил. Дежурство выдалось муторным. Горбачев разразился очередной программной речью, с множеством цитат из Ленина. Москва готовила речь к публикации во всех партийных газетах, так что приходилось ждать, пока застучит телетайп, передавая из столицы облагороженные редакторами ТАСС мудрые мысли генсека. Аркадий уже вычитал и подписал первую полосу, когда телетайп застрекотал снова. На ленте с пометками «Спецсообщение» и «молния» значилось: на электростанции в поселке Чернобыль, в ста километрах от

Киева, в 5 часов 25 минут, произошел сильнейший пожар. Пометка «спецсообщение» означала, что эта информация не для печати.

«Ну надо же какое совпадение! – поразился Аркадий. – Ровно двадцать лет назад, 26 апреля 1966 года, в 5 часов 25 минут, то есть, день в день, час в час, минута в минуту, произошло ташкентское землетрясение. А смотаюсь-ка я на этот пожар, – решил он. – А то совсем бюрократам заделался. Уже забыл, когда куда-то ездил. То гипс проклятый, то должность эта...» Сафаров отпустил его неохотно, взяв слово, что Марков уедет максимум на три дня.

Глава тридцать первая

В салоне просторного Ил-62 народу почти не было. Старшая из бортпроводников, его давняя знакомая Оленька Потапова, усадила Аркадия поближе к кухне и обслуживала самолично. Много лет назад, как раз на киевском рейсе, Оля принимала роды у пассажирки. Начинаящий репортер Аркадий Марков летел в командировку, и репортерский бог явно ему потворствовал, определили на рейс, где произошло столь необычное происшествие. Отгрохав восторженный очерк о стюардессе, Марков тогда получил не только солидный гонорар, но и премию журнала «Огонёк», на обложке которого в аэрофлотовской форме ослепительно улыбалась Оля Потапова. Само собой, девочку, которая приняла на высоте девять тысяч метров Потапова, назвали в её честь Ольгой.

– Чего самолет-то пустой? Я думал, киевский рейс всегда забит...

– Так он всегда и забит. Я сама ничего не пойму, – сказала Оля. – И ты знаешь, что самое странное: сегодня перед рейсом целую кучу билетов сдали. Может, ты знаешь, почему люди лететь в Киев отказались?

– Понятия не имею, – пожал плечами Аркаша. – Я-то сам в какой-то посёлок Чернобыль лечу, там электростанция загорелась. Но это, я специально по карте посмотрел, аж сто

тридцать кэмэ от Киева.

Ташкентский рейс приземлился в шесть утра. Странности продолжались: огромная площадь перед аэропортом Борисполь была пустынна. Ни машин, ни людей. Только одинокий дворник поливал площадь из шланга. Оленька так обкормила в самолете Аркашку аэрофлотовскими жареными цыплятами, что его теперь мучила жажда. Насобирав по карманам медяков, он направился к автоматам газ-воды и набрал сразу аж три стакана. Блаженство нарушил дворник.

– Слышь, парень, нельзя воду пить, – сказал он.

– А что, козленочком стану? – пошутил Аркашка.

– Как знаешь, – насупился дворник, – мое дело предупредить.

Дождавшись начала рабочего дня, Марков отправился в ЦК компартии Украины. Должность члена редколлегии открыла ему дверь в кабинет секретаря ЦК по идеологии.

– Все из Киева, а вы в Киев? – вместо приветствия произнес Григорий Исаевич Малоокый. – За какой нуждой?

– Да вот в спецсообщении прочитал, что в поселке Чернобыль, – ударение Аркадий сделал на последнем слоге, – электростанция загорелась.

– Ну, во-первых, это слово произносится с ударением на «о», а во-вторых, не просто электростанция, а атомная электростанция.

– Но об этом ничего сказано не было.

– Надеюсь, вы мне на слово поверите.

– Ну что вы, Григорий Исаевич, – смутился Аркадий. – Я вовсе не то хотел сказать...

– Ладно, ладно, я понял. Вы мне лучше скажите, как там наш Сивец поживает.

Дмитрий Александрович Сивец несколько лет назад приехал в Ташкент из Киева, стал генеральным директором крупнейшего авиастроительного объединения. Крутого нрава, решительный, он был из тех руководителей, про которых говорят: «Строг, но справедлив». Рабочие объединения с почтением говорили: «У нас на заводе не советская власть, у нас на заводе сивецкая власть».

– Дмитрия Александровича буквально пару дней назад видел, был у него в объединении, – ответил Аркадий.

– А давайте-ка мы ему позвоним, – и Малоокий потянулся к трубке правительственного телефона.

«Проверяет», – понял Аркадий. Когда телефонный разговор был завершен, Малоокий вышел из-за стола и пригласил Маркова в комнату отдыха.

– Дмитрий Александрович попросил меня, чтобы я оказал вам максимальное содействие, а его слово для меня закон. Когда-то я начинал под его руководством, он меня, можно сказать, в люди вывел, – доставая из шкафа коньяк, сказал Григорий Исаевич. – Ну так вот, максимальное содействие, которое я вам могу оказать, это отправить вас ближайшим рейсом обратно в Ташкент. Из Киева сейчас ни самолетами, ни поездами выбраться невозможно, все, кто могут, торопят-

ся отсюда уехать. Но вам я билет достану.

– Ничего не понимаю, – признался Аркадий. – Почему все бегут?

– Вы, видно, меня невнимательно слушали, – усмехнулся секретарь ЦК. – Я же вам сказал, что пожар произошел на атомной станции. Там был взрыв, уровень радиации таков, что трагедию Чернобыля можно уже сегодня сравнить с трагедией Хиросимы и Нагасаки. Москва пока не решается обнародовать эту информацию, но рано или поздно нам придется признать, что катастрофа произошла на АЭС.

– Я остаюсь, – решительно сказал Аркадий. – Помогите, пожалуйста, с гостиницей и, если можно, с машиной, чтобы до Чернобыля добраться.

Малоокий долго, в упор, смотрел на своего гостя, потом наполнил рюмки коньяком:

– Ну, добре. С гостиницей проблем не будет, сегодня они только пустеют, машину тоже предоставим.

В такой «Волге» Аркаше ездить еще не доводилось. И дело было не только в необычно яркой окраске и противотуманных фарах. В машине была автоматическая коробка передач. За рулем сидел старший лейтенант милиции, представившийся Николаем. Он словоохотливо поведал, что машина из сопровождения первого секретаря ЦК компартии Украины Щербицкого. Вчера по поручению главы республи-

ки на этой машине кто-то ездил в Чернобыль. Машину промыли, но из окружения «хозяина республики» велено было убрать. Вот Малоокий и воспользовался бесхозным автомобилем и закрепил за гостем. На окраине Киева остановились перед мрачным каменным зданием.

– Наша тюрьма, – пояснил Николай. Здесь переоденемся.

– Не понял, – удивился Аркадий. – Почему мы должны в тюрьме переодеваться?

– Спецкостюмов пока нет, всем, кто едет в Чернобыль, велено переодеваться в эковскую робу, чтобы свою одежду не заражать.

– Хлопчики, вы, мабуть, чайку попьете, а то мы завскладом найти не можем, отлучился куда-то, – виновато сообщил начальник тюрьмы. Он с ожесточением накручивал телефонный диск, с кем-то разговаривал, потом сокрушенно развел руками:

– У завскладом фронтовой товарищ скончался, он, оказывается, на похороны подался, так что даже не знаю, что делать.

– А у нас в сто тринадцатой форточник сидит, пусть на склад через форточку залезет и изнутри откроет, – посоветовал «кум», по тюремному начальник оперчасти.

Форточник оказался тщедушным юрким мужичонкой лет пятидесяти. Он ловко дотянулся до форточки и проскользнул в нее, как уж. Вскоре дверь склада изнутри распахнулась. Получив в награду от «кума» пачку сигарет «Прима»,

довольный зэк под конвоем отправился в свою камеру.

Николаю и Аркадию выдали полный комплект арестанта – нижнее белье, штаны с курткой, носки, ботинки и кепочку, а также по объемистому пакету из плотного, чуть не в палец толщиной, целлофана. В пакет они уложили свою одежду.

Через сто тридцать километров остановились у шлагбаума, поверх которого виднелась надпись: «КПП «Иваньково». Здесь у них тщательно проверили документы. Через пять километров въехали в поселок Чернобыль. Стоял не по-апрельски жаркий день. Чирикали птички, возле пустого детского садика на клумбе распустились яркие цветы. Ничто не напоминало о той катастрофе, которая произошла всего в сотне метров отсюда. На КПП им с Николаем выдали дозиметры и противогазы, уезжая, заглянули в созданный здесь же здравпункт и дозиметры сдали. Взамен получили по бутылке сладкого вина «Кагор» – профилактика от радиации. Покурили, дождались, когда вышел врач и махнул рукой: «Можете ехать, радиация в норме».

Он стал ездить сюда почти каждый день. На разрушенный реактор его, понятное дело, не пускали, но и вокруг было полно тем для репортажей, которые Аркадий диктовал по телефону ежедневно. Стенографистки, Танечка и Наденька, записывая, только ахали и просили дорогого Аркашу быть поосторожнее. Несколько раз трубку брал Сафаров.

– Может, вернешься? – спрашивал он и, выслушав отказ, говорил, – Ладно, тебе виднее. Хочу сказать, что из-за твоих

чернобыльских репортажей нам теперь приходится дополнительный тираж печатать. В киосках нашу газету теперь только рано утром купить можно, расхватывают до единого экземпляра. Ты только не зазнавайся, но ни в одной газете Союза нет таких подробных репортажей, как у нас.

Да он и не думал зазнаваться, ему просто было некогда. Рано утром заезжал Коля, ехали уже привычным маршрутом: гостиница – тюрьма – КПП «Иваньково» – поселок Чернобыль. В штабе по ликвидации аварии журналиста Маркова уже все знали в лицо. На третий день подскочил к нему взволнованный Николай:

– В Припять отправляют милицейский патруль. Там командует майор знакомый, я договорился, если хотите, можете с ними поехать.

Аркадий уже знал, что Припять – это городок атомщиков, на окраине которого, собственно, и находится Чернобыльская АЭС и тот самый злосчастный четвертый энергоблок, что взорвался 26 апреля. Он со всех ног бросился к бронетранспортеру. В машине ему первым делом велели надеть противогаз, заставили застегнуться на все пуговицы. Было невыносимо душно и жарко, дышать через прорезиненный мешок невероятно тяжело, но он терпел. Все терпели, а он – как все.

Пройдет много лет, а Аркадию будет снится один и тот же кошмар. Он, в составе милицейского патруля, идет по опустевшему безлюдному городу. Эхо от их ботинок разносит-

ся на сотни метров. На ветру, как жестяные, гремят пересохшие простыни, одежда. Город не просто пуст. Он мертв и не оживет уже никогда.

...Патрулирование заканчивалось, когда из одного подъезда, испуганно озираясь, выскользнула худенькая молодая женщина. Один из патрульных бросился вдогонку, схватил ее.

– Послушайте, что вы меня хватаете! – сердилась женщина. – Я ни у кого ничего не украла, я в своей квартире была. Нас когда эвакуировали, то в автобусы грузили срочно. Я халатик только, вот этот, что на мне, на голое тело накинула, ни документов не успела взять, ничего. Отправили в Бородинку. А там, в магазинах, шаром покати, уже всё раскупили. Так и хожу без трусов. Показать? – и она ухватилась за подол халата.

– Нет-нет, не надо, – поспешно проговорил майор. – Мы все понимаем, но вас же предупреждали, что в Припять заходить категорически запрещено, это же очень опасно. Для вас, в первую очередь.

– Ну и что вы со мной сделаете, арестуете, в тюрьму посадите? – чуть ли не истерически захохотала женщина...

В этот день он все-таки хватанул свою первую дозу. И противогаз не уберег. Да и не мог уберечь – спустя несколько недель выяснилось, что на складах гражданской обороны Киевской области были только антибактериологические противогазы, которые от радиации не уберегали, а только ме-

шали дышать. Так что вред от них был очевидный, а пользы – никакой.

А в тот день, вернувшись из Припяти, они сдали свои дозиметры, потягивали из горлышка сладенькое винцо, покуривали и травили анекдоты.

– Ну что, братва, с боевым вас крещеньцем, – сказал вышедший на крыльцо доктор. – Хватанули маленько.

Все шестеро, вернувшиеся из Припяти, взглянули на врача с тревогой.

– Ничего страшного, – успокоил он их. – Доза пустяковая. Зато узнаете, как себя чувствуют беременные бабы во время токсикоза. Да, хочу предупредить – если температурка поднимется, не пугайтесь. Это на пару-тройку дней, не больше.

Уже подъезжая к гостинице, Аркадий почувствовал тошноту, головокружение, во рту появился неприятный, какой-то металлический привкус. Похоже, что действительно поползла вверх температура. Больше всего он боялся, что об этом дознается Малоокий и тогда уже Григорий Исаевич точно отправит его в Ташкент.

– Коля, у меня много материала накопилось, хочу пару дней посидеть в номере, написать сразу несколько статей. Так что ты завтра не приезжай. Я сам тебя наберу, когда освобожусь.

Позвонил Сафаров:

– Аркаша, в Чернобыль отправляется отряд гидростроителей из Узбекистана, одиннадцать человек. В ЦК просили тебе передать, чтобы ты обязательно подготовил не один, а серию репортажей о том, как они там будут трудиться. Ну сам понимаешь, в духе: «если бы не одиннадцать узбекских гидростроителей, то ликвидировать последствия атомной катастрофы не удалось бы».

– Рубен Акопович, а с ними связь какая-нибудь есть?

– Завтра их бригадир должен мне звонить, чтобы я ему дал твои координаты.

– А нельзя ли его попросить, чтобы он мне кое-что привез из Ташкента?

– Все, что скажешь, ты же у нас герой. Тем более они везут с собой какое-то оборудование, так что диктуй, что тебе надо.

– Мне нужен казан и все для плова, человек на десять. И если можно, пусть одну хорошую дыню захватят.

– Ты что, там чайхану открывать собираешься? – засмеялся главный редактор. – Ладно, все тебе привезут, не сомневайся.

Знать бы, чем этот плов обернется, он бы язык себе откусил, прежде чем с этой просьбой обращаться. Но в книгу судеб нам заглянуть не дано...

Конечно, все ему доставили в лучшем виде. Чудесный

чугунный казан, мясо горного барашка, желтую морковь и длинный белый лук – «рапкан-пиёз», красноватый рис – «де-взра» – и янтарно-желтого цвета пахучую мирзачульскую дыню. Аркадий позвонил Григорию Исаевичу и рассказал, какую ему привезли посылку.

– Очень хочу, Григорий Исаевич, вас настоящим узбекским пловом угостить. Вот только где приготовить, не знаю.

– У меня на даче, – не раздумывая ответил Малоокий.

Плов ему удался на славу, он давно уже освоил это прекрасное блюдо и опозориться не опасался. Приглашенные секретарем ЦК гости ели да нахваливали мастера, поражаясь, как он умудрился приготовить блюдо, в котором каждая рисинка от рисинки отделялась. Ну а сладчайшая дыня довершила пиршество.

– Ну угодил так угодил, Аркаша, – восхищался Малоокий. – Даже не знаю, как тебя благодарить.

– А отблагодарите меня пропуском «всюду», – осмелел Аркашка. Такие пропуска он видел только у членов штаба по ликвидации аварии.

– Ну что, генерал, ты слышал, что гость просит? – спросил Малоокий начальника киевской милиции, своего соседа по даче.

– Слышать-то слышал, но только боюсь, Григорий Исаевич, что твой ташкентский гость, как только пропуск получит, так сразу на реактор и рванет.

– А мы с него слово возьмем, чтобы на четвертый энерго-

блок не совался. Дайте нам, Аркадий, слово коммуниста.

Он дал им это слово с легкостью, поскольку в партии коммунистов не состоял. Малоокому же и в голову не могла прийти мысль, что член редакционной коллегии крупнейшей в стране партийной газеты может быть беспартийным. На следующий день в приемной генерала ему вручили запамятый в пластик пропуск с красной полосой по диагонали. «Всюду. С правом въезда в закрытую зону», – было написано на пропуске. В левом верхнем уголке прямоугольника красовалась его, Аркадия Маркова, фотография. Еще с густой шевелюрой.

Вернувшись в гостиницу, он продиктовал Танечке репортаж под названием «Снова цветут каштаны». В Киеве действительно, несмотря на сентябрь, второй раз за год, зацвели каштаны.

– Аркаша, а ты сейчас где, в гостинице? – спросила его стенографистка, когда он закончил диктовать.

– Ну да.

– А ты можешь сегодня никуда не ездить? – задала Татьяна странный вопрос.

– С чего бы это? – опешил он.

– Ну, во-первых, сегодня тринадцатое сентября, число нехорошее. А во-вторых, мне ночью какой-то сон неприятный снился.

– Предрассудки, – беззаботно рассмеялся Аркадий. – Я в тринадцатое число не верю, оно у меня любимое. Я, между

прочим, в нашей газете начал работать тринадцатого числа, и в «Андижанской газете» тоже тринадцатого. Так что мне на «чертову дюжину» везет.

Конечно же, он первым делом отправился на реактор. У въезда на территорию взорвавшегося четвертого энергоблока стоял усиленный патруль – двое военных и двое милицеских. Внимательно рассмотрев пропуск, они сверили фотографию с оригиналом и все четверо с почтением откозыряли. Машина по просьбе Маркова остановилась у костра. Здесь работяги разогревали «шило». Аркадий уже знал, что на смену каждому рабочему выдавали по сто пятьдесят граммов медицинского спирта, что, по их мнению, было ничтожно мало. В солдатских чайниках «шило» смешивали с водой, кипятили на костре, и горячая смесь проникала в кровь не через девять минут, как обычный алкоголь, а мгновенно. Поговорив с минуток пятнадцать с рабочими, Марков вдруг увидел «миксер» – бетономешалку с надписью «Бухара» на лобовом стекле. «Точно кто-то из земляков», – подумал он, запрыгнул в свою «Волгу» и велел Николаю догнать «миксер». Тяжелая машина, груженная жидким бетоном, перла по раздолбанной дороге АЭС как танк. Легонькая «Волга» то и дело подлетала на ухабах. Бетономешалка въехала в здание разрушенного энергоблока и остановилась. Аркадия остановили и на въезде еще раз проверили пропуск. Николая не пустили, так что журналисту пришлось идти пешком. Дежуривший на въезде сержант предупредил, что больше трех

минут задерживаться на реакторе нельзя. Аркаша подбежал, уже запыхавшись, к машине, спросил водителя: «Вы из Бухары?»

– Нет, – ответил водила, – это машина из Бухары, а сам я из Горького. А вам зачем?

– Напишу, как водитель из города Горького работает на машине, которую прислали из узбекского города Бухары...

– Не, не напишите, – перебил водитель и пояснил, – я удошник, ну условно-досрочно освобожденный.

Аркашка от досады аж сплюнул. Удошников на ликвидации аварии было хоть пруд пруди, но писать о них цензурой было запрещено. Задумавшись, как выкрутиться из этой ситуации, он свернул не туда, потом возвращался в поисках выхода. Дежурный укоризненно покачал головой:

– Вы находились внутри энергоблока семь минут вместо трех положенных. Извините, но я вынужден об этом доложить по инстанции.

– Вынужден, так докладывай, – равнодушно ответил журналист. Ему было все равно.

Во дворе здравпункта толпился народ, ожидая расшифровки данных дозиметров. Он выпил «Кагору», присел, как обычно, закурить.

Врач что-то долго не появлялся. Во двор въехала машина «скорой помощи».

– Видать, кто-то хватанул дозу, – сказал Коля, и Аркадий согласно кивнул. Они знали, что «скорая» помощь приезжа-

ет только в тех случаях, когда надо кого-то отвезти в госпиталь. В этот момент на крыльце появился доктор. Заглянув в листок бумаги, зычно позвал:

– Марков. Марков здесь?»

– Здесь я, – откликнулся Аркадий.

– Садитесь в «скорую», – распорядился медик. – В госпиталь поедете. Вот расшифровка ваших данных, там отдадите.

– А что, у меня что-то не так? – забеспокоился Аркадий.

– Вам в госпитале все объяснят, – уклонился от ответа врач и предпочел скрыться за дверью.

Глава тридцать вторая

В киевском госпитале МВД его отвели в душ, забрав одежду для стерилизации. В душевой пожилой санитар выдал Аркадию женскую ночную сорочку, к тому же ещё и рваную: «Пижама нету не одной, халатов тоже нет, – пояснил санитар, – мабуть, завтра привезут». В этом идиотском облачении ему пришлось идти сдавать кровь, мерить давление, проходить еще какие-то процедуры. После чего Маркова отвели в кабинет, где с ним беседовал врач.

– Когда вы приехали в Чернобыль? – спросил доктор.

– Полгода назад.

– А почему так долго работали без смены?

«Он что, даже не удосужился посмотреть, кто я по профессии?», – с удивлением подумал Аркадий, но, не вдаваясь в подробности, ответил уклончиво:

– Такова специфика моей работы.

Врач что-то записал в историю болезни – похоже, этот ничего не значащий ответ его устроил.

– Вас предупреждали, что внутри энергоблока вы можете находиться не более трех минут?

– Предупреждали.

– А вы пробыли там семь минут, то есть в два с лишним раза превысили нормативное время.

Аркадию надоел этот бессмысленный разговор, скорее на-

поминающий допрос. Он чувствовал, как с каждой минутой покидают его силы, раздражает эта нелепая, одетая на голое тело, рваная рубаша и то, что во рту снова появился отвратительный медный привкус и скопилась горькая слюна.

– Что вы меня отчитываете, как школьника, который опоздал на урок. Ну пробыл я на реакторе больше положенного, так что? Вы теперь откажете мне в лечении, или укол от бешенства сделаете? Я лечь хочу, понимаете, элементарно хочу лечь, – он уже почти кричал.

– Вы здесь свои порядки не устанавливайте, – грубо оборвал его врач. – Мы знаем, когда вам нужно лечь. Я еще не закончил беседу с вами.

– А я закончил, – Аркадий поднялся со стула, но ноги подкосились, и он, ловя руками воздух, рухнул на пол.

В санитарный самолет его внесли на носилках. В салоне он очнулся. Очень хотелось пить. Он лежал все в той же идиотской женской сорочке, но рядом с ним находилась, уже простерилизованная, его тюремная роба. И такой родной она ему в тот момент показалась.

Профессор Левин посмотрел историю болезни вновь прибывшего Маркова и помрачнел: лучший в стране специалист-гематолог, мировая величина, он яснее других осознавал, что с такой дозой не живут. У Геннадия Соломоновича Левина до сих пор перед глазами стояли эти ребята, что в му-

ках, начиная с 9 мая, когда умер первый из пожарных, уходили из жизни один за другим. Левин делал иногда в сутки до восемнадцати операций, валился с ног, но все было тщетно. В Японии уже давно существовали препараты и иные методики лечения лучевой болезни, но Советский Союз отказывался принять от японцев гуманитарную медицинскую помощь.

Один из помощников Горбачева, ухоженный, в безукоризненно сшитом костюме, благоухающий французским парфюмом, с нескрываемой угрозой в голосе попенял ученому:

– Вы, товарищ Левин, вероятно, хороший ученый, но плохой патриот. Обращение к японцам за помощью будет означать признание масштабов катастрофы и нашу неспособность оказать действенное лечение. А это недопустимо.

– А хоронить каждый день десятки людей допустимо?! – вспыхнул Левин. – И вы еще смеее здесь рассуждать о патриотизме.

– Не забываетесь, товарищ Левин! – прикрикнул на него чинуша.

– Я не забываюсь, а вот вы забылись, и, судя по всему, очень давно, – ответил он, теперь уже совершенно спокойно.

Левин написал подробную докладную записку Горбачеву и передал ее академику Чазову. Личный врач генсека и министр здравоохранения, Чазов сумел передать докладную Горбачеву, и – о чудо! – генеральный секретарь ЦК КПСС с доводами академика Левина согласился.

Первым в Москву прибыл японский профессор Таро Ямадо. Его заслуги в области гематологии были признаны во всем мире. С Левиным они встретились как хорошие друзья, академики были знакомы уже не один десяток лет. Без лишних предисловий Геннадий Соломонович показал Ямадо две истории болезни: журналиста Маркова и подполковника пожарной охраны Героя Советского Союза Телятникова.

– Телятников одним из первых прибыл на тушение пожара, дозу облучения получил такую же, как и все остальные. Переведен к нам из киевского госпиталя 29 мая. С такой дозой облучения он из всех пожарных выжил единственный. Марков, доза облучения такая же, как у Телятникова. Поступил к нам тоже из киевского госпиталя месяц назад.

– Никогда не постичь нам тайн природы человека, – вздохнул японский ученый. – С такими показателями эти двое должны были уже давно нас покинуть, а они живы. Я предлагаю попробовать на них совершенно новую методику. Полное заменное переливание крови, но не разовое, а четырехразовое.

– А схема уже отработана? – заинтересовался Левин.

– Да, лабораторные исследования и множественные эксперименты привели меня к выводу, что полное заменное переливание, именно в четырехразовом цикле, можно делать один раз в два месяца. При этом замена крови производится

в течение суток в специальной барокамере. Чертежи я привез, полагаю, вашим инженерам не предоставит особого труда такую барокамеру изготовить.

Через неделю барокамера была готова, но пока только одна. Первым на операцию отправили Телятникова. Через 24 часа 15 минут, как и утверждал японский специалист, кровь удалось заменить полностью.

Через сутки в барокамеру поместили и Маркова. Пробыв там 24 часа, он еще трое суток провел в реанимации.

Как только закончилось переливание крови Маркова, профессор Ямада поспешил в аэропорт – советские власти не нашли достаточных оснований для продления визы японскому ученому. Прощаясь с Левиным в международном аэропорту Шереметьево-2, академик Ямада посоветовал коллеге: «Я бы обоих больных поместил в одну палату. Так вам будет удобнее не только наблюдать за ними, но и контролировать разницу в изменении тенденций после каждого переливания. Не забывайте, что вы находитесь только в начале пути, впереди еще три операции».

Ни Маркова, ни Леонида Телятникова никто в больнице не навещал, посещения больных чернобыльцев были запрещены самым строжайшим образом. Правда, в московский госпиталь один раз на пожарной машине обманом сумели проникнуть сослуживцы Телятникова. Они были разоблаче-

ны, но успели просунуть Леониду в форточку бутылку водки и черный хлеб. Подружившиеся Лёня и Аркаша устроили ночной пир, после которого спали без сновидений.

Через девять месяцев, спускаясь по широкой пологой лестнице в вестибюль больницы, Аркадий увидел в огромном во всю стену зеркале худющего мужчину, на котором одежда болталась как на вешалке – в больнице он похудел на восемнадцать килограммов. На костистом лице этого доходяги в зеркале смешно торчали нос и уши, на голове, напоминающей бильярдный шар, не было ни единого волоска. В этом малосимпатичном субъекте выписанный из клиники пациент с большим трудом узнал того самого Аркадия Маркова, что весной прошлого года вылетал на пару дней из Ташкента, чтобы написать репортаж о пожаре на неведомой ему электростанции.

Дома ждал его страшный удар. Первой ушла баба Сима. Она всегда говорила, что проживет ровно девяносто лет, и прожила ровно девяносто. Накануне, отец рассказал потом о этом Камилу, она пожаловалась бывшему зятю:

– Не знаю, Саша, за какие грехи меня Бог наказал, заставив пережить всех моих трех детей. Но мне уже девяносто. Скоро уйду.

И ушла.

Александр Семенович похоронил тещу и вскоре сам ока-

зался на больничной койке, в онкологической клинике Камила Закировича. Рак легких последней стадии забрал его через пару месяцев. В последний путь Маркова-старшего провожали друзья сына.

Известие о смерти близких подкосило и без того слабого Аркашу. Он провалялся в постели около двух недель, не желая никого видеть. Понемногу приходя в себя, стал отвечать на телефонные звонки, дверь отворял. Приезжали проведать друзья, коллеги. Аркаша обратил внимание, что здороваются с ним, как бы это сказать, с опаской, что ли. Даже руку протягивают для пожатия, вытянув на всю длину и стараясь не приближаться. Его это рассмешило. Пришедшему к нему Вите Воронину, старому другу своему, он сказал:

– Ну, что ты, Витёк, жмешься подальше. Радиация – это же не заразно, тем более доктора говорят, что всю эту гадость – уран, стронций, цезий – из меня вытравили. Так что давай, друг, обнимемся по-братски. Витька от смущения покраснел аж до корней волос, потом пробормотал:

– Да ну тебя к черту с твоими шуточками. Выкарабкался каким-то чудом с того света, так и веди себя пристойно...

Работать в полную силу он пока еще не мог, проводил в редакции по полдня, но Сафаров делал вид, что не замечает отсутствия своего заведующего репортажем – должность за ним сохранили.

Появился Камил, до которого Аркашке никак не удавалось дозвониться, и он даже начал сердиться, что старый друг носу не кажет. Они встретились в кооперативном кафе, которые теперь как грибы после дождя повылазили по всей стране. Кафе почему-то называлось «Болгария», но в меню значилось: «Еврейская национальная кухня». Для Ташкента это было диво.

Камил выглядел удрученным, всегда щеголеватый, был в несвежей рубашке, давно нуждавшихся в утюге брюках. Выпив по первой за чудесное выздоровление Аркадия, Камил огорошил друга: арестовали его жену, она уже почти год находится в следственном изоляторе. Зухра, закончившая юридический факультет университета, работала начальником квартирного отдела города. Её обвинили в том, что она за огромные взятки выписывала ордера на квартиры в строящихся домах, которые уже были выделены другим людям. Подследственной Зухре Зияевой инкриминировали получение взятки в размере трехсот с лишним тысяч рублей – сумма, по тем временам тянувшая на расстрел. Зухра, конечно, все отрицала, но её и слушать не стали. Молодую женщину арестовали вечером, возле детского садика, куда он пришла забирать своего трёхлетнего сынишку. Ей даже не позволили малыша до дому довести.

«Эх, сейчас бы с Валюшей посоветоваться», – вспомнил Аркадий прокурора Валентину Тетерину, но та как в воду канула. И все-таки он раскопал эту историю. Не зря же его

когда-то коллеги Бульдогом прозвали. Ни ранение в Афганистане, ни смертельная радиация, полученная на атомном реакторе, репортерскую хватку Бульдога не ослабили.

Конечно, и это знает всякий журналист, каждой газете вольно, или даже невольно, приходится обижать людей, марать их репутацию, иногда втапывая их в грязь, корежа судьбы. Ни одна газета не обходится без этого. Но если журналист встает на чью-то защиту, то нет вернее друга, чем газетчик. И это тоже известно всем, по крайней мере всем тем, кому на помощь приходила газета. И уж коли журналист берется помочь, то он тратит на это куда больше времени, чем на то, чтобы кому-то испортить жизнь. Пришедший на помощь корреспондент, так уж повелось в газетном мире, готов не спать ночами, преодолеть черт знает какие расстояния, чтобы по крупицам собрать необходимые ему для защиты факты. А иногда газетчик не боится и вступить в борьбу с сильными мира сего. И это тоже факт, который никто не посмеет опровергнуть...

...Небольшой деревянный особнячок, где размещался квартирный отдел города, загорелся ночью. Дерево и огромное количество бумаг, которым было буквально нашпиговано здание, горели споро. К тому моменту, когда подоспели

пожарные, им тут уже делать было нечего, разве что залить пеной догорающие головешки. Документы, а вместе с иными и книгу ордеров, как и положено, списали. В этот период в Ташкенте, в самом центре города, московские строители стали возводить три высотки. На развешанных плакатах горожане могли увидеть, как будут выглядеть «дома будущего». Каждый вожделенно вздыхал – вот бы в одном из этих чудо-домов квартиру получить. Ну кто-то мечтал, а кто-то энергично действовал. И Айниса Мухамеджанова таким вот инициативным гражданам могла поспособствовать. Схема была такова.

Желающих получить квартиру в новом доме знакомили с представительной женщиной, всегда одетой в строгий деловой костюм и невероятной белизны блузку. Облик дополняла изумительной кожи папка на золотистой молнии. К зданию горисполкома Мухамеджанова подъезжала на черной «Волге» с правительственными номерами. Пробыв там не меньше часа, возвращалась и приглашала присесть рядом «клиента». Шофер покорно отправлялся покурить. Извлекала из папки ордер с печатью, один из тех, что якобы сгорел во время пожара квартирному отделу. Клиент готов был выложить денежки сразу, но «кристально честная» чиновница, останавливала: «Только когда состоится заседание жилищной комиссии и в этом ордере появятся ваши паспортные данные, только тогда и рассчитаетесь. А сейчас предлагаю поехать на строительство и посмотреть вашу будущую

квартиру». Прорабу на стройке и мысль в голову не приходила проверить у солидной женщины «из горисполкома» документы. Он покорно провожал «начальницу» с ее сопровождающим в указанную квартиру. Мухамеджанова советовала будущим новоселам на всякий случай поставить во входную дверь свои замки, назначала встречу через неделю и уезжала. Проехав пару кварталов, расплачивалась с водителем двадцатипятирублевой купюрой и отправлялась по своим делам, которых у мошенницы было хоть отбавляй.

Обман раскрылся, когда дома стали заселяться. Мухамеджанова поняла, что рано или поздно её найдут. Она решила опередить события и написала в прокуратуру письмо, где донесла, что преступный замысел был целиком и полностью разработан начальником квартирного отдела Зухрой Зияевой. Себе Мухамеджанова отвела скромную роль показа квартир будущим жертвам, «покаявшись», что за каждый показ Зияева платила ей десять рублей. Клевете охотно поверили – схлестнулись интересы городского прокурора и мэра города, которые меж собой что-то не поделили. И об этом тоже прознал вездесущий репортер Марков.

То был короткий период, когда горбачевская перестройка позволила советским газетчикам чуть-чуть поострее заточить свои перья. И дело тут было вовсе не в том, что новый глава государства действительно решил навести порядок. Ему куда важнее было доказать, что порядка не было до него.

Понимая, какую реакцию в обществе может вызвать такая статья, Сафаров все же дал согласие на публикацию. Была своя причина ненавидеть прокуратуру и у главного редактора «Звезды Востока». За год до этого в семье Рубена Акоповича произошла трагедия. Сафаров, побывавший во Франции, привез сыну невиданные доселе в Союзе сабо. Аркашка их тут же надел и отправился на улицу. К нему подошел сосед, вертлявый и всегда «под кайфом» племянник городского прокурора Рустам.

– Дай-ка мне померять, – потребовал он у Аркашки, укаывая на обновку.

– С какой стати? – возмутился паренек. – Это подарок отца.

– Снимай, я тебе сказал, – потребовал как всегда обкуренный анашой Рустам.

Аркаша Сафаров был парнем не робкого десятка и за себя постоять умел. Но шило, которое наркоман всегда держал при себе, вошло Аркаше прямо в сердце. Следствие длилось недолго – преступника обнаружить не удалось, он пропал бесследно. И прокуратура дело прекратила. Разумеется, Рубен Акопович прекрасно понимал, что прокурор племянника попросту спрятал. Но когда он об этом сказал новому первому секретарю ЦК, тот сердито ответил: «Мне не нужно, чтобы главный редактор партийной газеты и главный про-

курор города враждовали. Подайте друг другу руки, сядьте в чайхане за плов и забудьте эту историю». Только человек черствый, беспредельно циничный и равнодушный к чужому горю мог посоветовать отцу забыть про смерть сына и с виновником своего горя сесть за один стол.

Накануне выхода статьи в кабинете Маркова раздался звонок «вертушки» – с тех пор, как он стал членом редколлегии, у него установили правительственный телефон.

– Я бы хотел вас видеть. Через час у меня, вас устроит? – говорил по телефону городской прокурор.

– К сожалению, я занят, сегодня к вам подъехать не смогу, разве что завтра, – ответил Аркадий.

— Вы что, не понимаете, кто вас вызывает? – разгневался прокурор.

– Вы не можете меня вызвать к себе без согласования с отделом административных органов ЦК, так как я являюсь членом редколлегии, – спокойно возразил Аркадий.

– Насколько мне известно, вы всего лишь заведующий отделом, – продолжал настаивать прокурор.

– У вас явно неполные данные, сожалею. Позвоните в ад-моддел ЦК, так будет проще.

Поняв, что строптивый журналист вызова в прокуратуру не испугался и не уступит, прокурор несколько изменил тактику:

– Завтра в вашей газете выходит статья по делу Зухры Зи-яевой...

– Простите, что перебиваю, – вклинился в разговор Марков. – Полосы завтрашнего номера партийной газеты являются документами особой секретности. Как вы узнали, какая именно статья будет в завтрашнем номере?

– Это неважно, как я узнал, у прокуратуры свои возможности. Я вам настоятельно советую с этой статьей не торопиться, а еще раз тщательно все проверить. Необоснованная критика в адрес прокуратуры будет расценена как клевета, а это уже уголовным делом пахнет. Надеюсь, вы меня поняли.

– Гораздо лучше, чем вы себе это можете представить, – бесстрашно заявил Аркадий.

Когда он дословно передал свой разговор с городским прокурором Сафарову, тот вздохнул и развел руками: «Со всем страх потерял. Ты, видно, в Афганистане и в Чернобыле такого насмотрелся, что теперь тебе сам черт не страшен. Знаешь, я бы не осмелился так разговаривать с прокурором. Не то что даже не осмелился. А просто выбрал бы более тонкую тактику разговора. А ты ему – напрямую, что думал, то и говорил. Я горжусь тобой, Аркашка, и хочу, чтобы ты это знал».

Статья Аркадия Маркова вызвала в республике эффект разорвавшейся бомбы. Впервые газета открыто встала на защиту конкретного человека, обвиняя в неправомочных действиях прокуратуру. Статью в рамках вывешивали в городском транспорте – вагонах метро, трамваев, в автобусах и

троллейбусах. Письма в редакцию повалили тысячами. Люди благодарили газету, что она встала на защиту невинно пострадавшей женщины. На прием к журналисту Маркову записывались сотни жителей республики, надеявшиеся найти у него защиту от прокурорского или милицейского беспредела.

Ровно через неделю после публикации статьи к нему в редакцию пришли счастливые Камил и Зухра.

– Завтра иду восстанавливаться в должности, – сказала Зухра, – а сейчас идем ужинать в ресторан.

Утром его вызвал к себе Сафаров. В кабинете главного находился начальник управления уголовного розыска МВД республики Владимир Дмитриевич Шиманский. Когда-то, в молодые годы, Аркашка, как тогда говорили, встречался с Нэлькой Шиманской. Нэлька собиралась замуж за каждого парня, кто приближался к ней ближе, чем на метр. Аркашка исключением не был. Пару раз он побывал у нее дома, большого восторга у родителей девушки визит журналиста не вызвал.

– Позвольте узнать, молодой человек, где вы были вчера вечером? – язвительно осведомился полковник, едва они поздоровались.

– А я что, должен теперь докладывать о том, как провожу свое свободное время? – набычился Марков.

– Все намного серьезнее, Аркадий Александрович, – покачал головой Шиманский. – Ну хорошо, не хотите отвечать, я сам вам скажу. Вы с вашим другом доктором Рахимовым и его супругой Зияевой были в кооперативном кафе «Болгария», которое вам так нравится. Вы заказали фаршированного сазана, холодец по-домашнему, селедочку и курицу с черносливом. Из спиртного – две бутылки водки «Посольская». Я ничего не путаю?

– Неплохо, – одобрил Рубен Акопович, пытаясь, видимо, разрядить напряженную обстановку.

– А теперь скажите, только честно, куда вы делись? – продолжал настаивать Шиманский.

...За их столом, уже через полчаса после того, как они пришли, стало шумно и многолюдно. Подходили друзья, просто знакомые, поздравляли Зухру со счастливым освобождением, провозглашали тосты. Какой-то малый все время изливался перед Марковым по поводу его беспримерной смелости, то и дело увлекая его покурить на улицу. На улице, по крайней мере, было не шумно и не душно, так что он соглашался. Когда мужики уже забыли, по какому поводу здесь собрались, Зухра попросила Аркашку посадить ее на такси. Он проводил жену друга, но возвращаться к столу передумал. Решив, что надо прихватить чего-нибудь домой, чтобы пару дней не связываться с готовкой, отправился к директору, через пятнадцать минут ему принесли увесистый пакет, и, чтобы не идти обратно в зал, Аркашка вышел через слу-

жебный ход, оказался на параллельной улице, и уже вскоре частник мчал его домой.

Вот это все он и рассказал Шиманскому. Владимир Дмитриевич вскочил, широкими шагами зашагал по кабинету, возбужденно восклицая: «Ну честное слово, в рубашке родился, просто в рубашке родился...»

Потом успокоился и рассказал историю, достойную пера ну разве что Юлиана Семенова, но никак рангом не меньше. Тот малый, что изливался в своих симпатиях к Маркову, не случайно таскал его на улицу «покурить». Во время одного из таких вот перекуров должна была завязаться драка. Подоспевший наряд милиции, на основании того, что дерущиеся находятся в нетрезвом состоянии, отправил бы их не в райотдел милиции, а в вытрезвитель. В вытрезвителе каждого клиента, в соответствии с инструкцией, раздевают и отправляют в душ. Из пиджака Маркова должна была выпасть крупная сумма денег – десять тысяч рублей в банковских упаковках. Остальное было бы, как говорится, делом техники. Но тут что-то пошло не по задуманному сценарию. Марков перестал выходить на улицу, провокаторы решили драку затеять в зале, но журналиста и там обнаружить не удалось. Пометавшись вокруг здания кафе, они поняли, что «объект» упустили.

– Так кто же затеял эту провокацию? – спросил Аркадий Шиманского.

– Ну, вероятно, кто-то из тех, кому очень не понравилась

ваша статья, – вполне серьезно ответил Владимир Дмитриевич. – Я бы, Рубен Акопович, на вашем месте отправил куда-нибудь в командировку товарища Маркова, недельки хотя бы на две, лучше на месяц, пока мы тут со всем этим не разберемся.

Аркадий пошел проводить полковника до лифта. Когда они остались вдвоем, Шиманский заметил с усмешкой:

– Хорошо, что моя Нэлька за тебя замуж не вышла.

– Это почему же? – слегка обиделся Аркашка.

– Да на хрена мне зять с такими проблемами? – буркнул полковник и вошел в лифт.

Глава тридцать третья

Он и уехал. Только не на недельку и даже не на месяц, а навсегда. Хотя и не сразу.

...Драка между Ельциным и Горбачевым в любом случае должна была обернуться большой бедой для многострадальной этой страны. Наиболее прагматичные политологи исход предрекали такой: «Если победит Ельцин, смерть наступит мгновенная, если победит Горбачев, подыхать будем долго, агонизируя и отрезая от тела страны по кусочку». Не будучи тогда еще особо искушенным в политике, Марков составлял свой пазл из отдельных, ему самому известных фактов и фактиков. Ельцина он видел, что называется, в деле. И у него сложилось собственное мнение об этом человеке: груб, жесток, безмерно властолюбив и при этом недальновиден. Ради достижения цели готов идти что по головам, что по трупам – все едино. Партию коммунистов, вернее сказать, шестую главу о ее руководящей и направляющей роли, вышвырнули из Конституции СССР чуть позднее, в марте девяностого, а тогда приспешники Ельцина уже цинично требовали: «Партия, дай порулить». Те, кто умело раскачивал лодку под названием Союз Советских Социалистических Республик, решили проверить, где «течёт». Текло отовсюду: то в Прибалтике, то на Кавказе, то в Средней Азии вспыхивали конфликты националистического и религиозного толка, скорее напо-

минающие локальные гражданские войны.

В узбекском городе Фергана, в районе, где компактно жили турки-месхетинцы, на дверных ручках домов на рассвете появились красные лоскуты. Опыаненная водкой и гашишем толпа узбекских националистов перла на эти красные лоскуты, как бык на красную тряпку. Турок вытаскивали из домов – взрослых, детей, стариков, всех без разбора, запирали в подвалах и поджигали живьем. Спасти удалось немногим.

О том, что началось в Фергане, Аркадий узнал от Сафарова и уже через час, прихватив с собой фотокорреспондента редакции Лёню Гусеинова, вылетел туда. Когда-то, еще до революции, город носил русское название – Скобелев. Едва ли не самый зелёный и ухоженный в Узбекистане, город отличался чистотой и уютом. Да-да, иначе и не скажешь, Фергана всегда был уютным городом.

И вот теперь Аркадий не узнавал уютную Фергану, куда так любил приезжать. Улицы были замусорены, повсюду шаталась полупьяная молодежь, преимущественно в чёрных тюбетейках (чёрная, без орнамента, узбекская тюбетейка означает, что её обладатель подчиняется только религиозным канонам – прим. автора), они горланили какие-то лозунги, разбивали камнями стекла витрин, припаркованных автомобилей. Взяв у собкора по Фергане машину, сам собкор, человек уже немолодой, ехать категорически отказался,

журналисты пробрались в посёлок Комсомольский, где жили турки-месхетинцы. Некоторые дома уже догорали, в иных пожар только-только разгорался. От одного из домов отъезжала грузовая машина с горлопаящими в кузове молодчиками, уж подпалившими дом. Аркадий увидел, как заблокирована подставленной лопатой дверца подвала, и понял, что туда согнали людей.

– Может, ещё успеем, Лёня ты со мной? – и они ринулись к дому. В подвале действительно была заперта многодетная семья. Сколько там было ребятшек, он не сосчитал, да и не до того было. Все они, как только дверь подвала открыли, бросились прочь. Ташкентские журналисты уже подошли к своей машине, когда из развернувшегося грузовика в них полетели булыжники и увесистые палки. Фотокора Лёню защитил один из фотоаппаратов, разлетевшийся вдребезги, Аркашке прицельно брошенная палка попала в плечо. «Волга», куда запрыгнули журналисты, дав газ, рванула с места, на неё градом обрушились камни. Гусеинов, как над ребенком, причитал нал разбитым фотоаппаратом, Марков потирал ноющее плечо, уже успевшее опухнуть.

Весь день они ездили по городу, побывали в местном управлении милиции. Майор, с покрасневшими от бессонницы глазами, зло сказал:

– У нас все камеры предварительного заключения этими

бандитами забыты. Верите, я бы лично каждого из них своими руками расстрелял – я же видел, как они людей живьем жгли. Но Москва строго-настрого приказала – никого не трогать. До утра изолировать, чтоб проспались, а утром отпустить. Как можно?! Бандитов – и отпустить? Да еще и десять раз повторили, чтобы пальцем никого не тронули.

Побывали корреспонденты и за городом, где трехслойная цепь солдат, вооруженных автоматами, охраняла чудом спасшихся от расправы месхетинцев. Их было около ста человек. От того, что они рассказывали, кровь в жилах стыла. Одна женщина, седая, как лунь, сидела прямо на земле и, раскочиваясь, баюкала куклу.

– У неё на глазах её дочку, всего два годика ей было, бандиты подняли на вилы и убили, – рассказал какой-то мужчина, вроде сосед этой женщины. – Она вчера совсем чёрная была. А сегодня совсем белая. Наверное, ума лишилась, вон, видите, куклу баюкает, думает, что это ее девочка...

Подъехали к зданию обкома партии, где был создан оперативный штаб. У штаба стояло оцепление – совсем молодые мальчишки с погонами внутренних войск. Вооружены они были автоматами, перед собой держали лёгкие прозрачные щиты из пластика. Перед оцеплением уже собралась толпа националистов, всё также полупьяных, обкуренных анашой. Время от времени кто-то из молодых бандитов подходил к солдатику, рукой отодвигал щит, плевал в лицо и вразвалочку удалялся к своим. Толпа начинала гомерически ржать.

Солдаты стояли навтытяжку – оказывать сопротивление им было запрещено.

– У ваших ребят хотя бы патроны есть? – спросил Аркадий офицера, стоявшего тут же.

– Проходите, гражданин, тут стоять не положено, – рыкнул капитан. – А то...

– Что «а то»? – переспросил Аркадий. – Твоим пацанам в лицо плюют, а ты отворачиваешься, будто ничего не видишь. Надо же, ляпнул: «Стоять запрещено». А этим не запрещено? – он кивнул в сторону бандитов, и тут же устыдился своей вспышки: что мог сделать этот капитан, если у него был приказ. – Ладно, капитан, извини, погорячился. Вы сами-то откуда?

– Из Рязани, сегодня утром прилетели и сразу вот сюда, – уже вполне миролюбиво ответил капитан.

Ночью в штабе состоялось оперативное совещание, на которое из Москвы специальным рейсом прилетел министр внутренних дел СССР Вадим Бакатин. Тот самый Бакатин, что вскоре возглавит КГБ и сдаст американцам, в качестве подарка, важнейшие секреты советской разведки.

Бакатин еще раз подчеркнул, что «данный конфликт следует рассматривать как проявление национального и религиозного самосознания местного населения» – эту фразу, явно для него подготовленную, он прочитал по бумажке. Сославшись на мнение генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Сергеевича Горбачева, ментовской министр особо подчерк-

нул, что острое противодействие власти может только обострить конфликт.

Члены штаба, местные руководители, подавленно молчали. Вопросов никто не задавал.

– Если вопросов нет, то будем считать заседание штаба закрытым, – подвел итог Бакатин.

– У меня вопрос, – неожиданно даже для себя самого вскочил с места Аркадий. – Товарищ Бакатин, члены советского правительства не видят того, что здесь творится, знают только по докладам, но вы же смогли убедиться в этом сами. Я видел, как вы сегодня приезжали туда, где спасшихся людей спрятали. И женщину эту наверняка видели, у которой ребенка на вилы подняли. И потом, как вы, министр, можете допустить, чтобы вашим солдатам, солдатам внутренних войск, бандиты плевали в лицо?

– Кто это? – спросил Бакатин у секретаря обкома партии, сидевшего возле него.

– Это товарищ Марков, член редколлегии нашей партийной газеты «Звезда Востока», – ответил секретарь обкома.

– Я даже газеты такой не знаю, – громко и пренебрежительно бросил Бакатин.

Услышав эту реплику, Аркашка не сдержался:

– Вас, как коммуниста, это не красит. Газета «Звезда Востока» вторая в стране, после «Искры», большевистская газета.

– Не занимайтесь демагогией, товарищ как вас там... И

не вздумайте писать в вашей газете, что какого-то ребенка подняли на вилы. Это все плод вашей нездоровой фантазии.

Аркадий уже собой не владел.

– Я сам решу, что мне писать, а чего писать не следует, – в гневе выпалил он.

– В таком случае считайте, что вы уже не работаете.

– Интересно знать, откуда вы меня собираетесь увольнять, если о существовании моей газеты вам даже неизвестно? – насмешливо, враз успокоившись, спросил Аркадий, но секретарь обкома уже тянул его за рукав и умоляюще бубнил:

– Товарищ Марков, ну, товарищ Марков, успокойтесь, не надо.

А он был спокоен. И спустя час, спокойно продиктовал по телефону свой первый репортаж, в котором четко обозначил свою позицию: человек, посягнувший на жизнь другого, невооруженного человека, является бандитом, никакие национальные и религиозные мотивы оправдать убийство не могут, и судить такого преступника следует в строгом соответствии с Уголовным кодексом.

Лёню Аркадий отправил в Ташкент, сам пробыл в Фергане еще неделю. Он разговаривал с пострадавшими, с милиционерами, с простыми жителями города – хотел разобраться, что действительно здесь произошло, что спровоцировало эту невиданную вспышку жестокости людей, рядом с ко-

торыми он сам прожил столько лет, считая узбекский народ трудолюбивым, гостеприимным и исключительно миролюбивым. Но стоит ли эту горстку взбесившихся фанатов отождествлять со всем народом? Ответа он пока не находил.

Сафаров встретил его хмуро.

– Все твои репортажи, которые ты прислал из Ферганы, перепечатала западная пресса. А про бандитов даже японская центральная газета не поскупилась на первую полосу. В ЦК рвут и мечут, жаждут твоей крови или скальпа, – сообщил ему Сафаров, когда он вернулся в Ташкент.

– Я-то тут причем? Наша газета во всех крупных странах и продается, и в библиотеках есть...

– Вот-вот, я то же самое пытался в ЦК объяснить, слушать не хотят. Придется тебе теперь самому объясняться перед новым секретарем по идеологии. Но знаешь, как говорят, что есть две новости – хорошая и плохая. Так вот, это новость хорошая.

– Ого! Какая же плохая?

Рубен Акопович взял со стола большую фотографию, протянул Маркову. На снимке была изображена огромная толпа людей. Кто-то из них над головами поднял полотнище. На нем крупными буквами было написано:

«Марков – враг узбекского народа».

– Что это?

– Это первый официально санкционированный митинг недавно созданного национального движения «Бирлик». Они на площадь вышли с этим транспарантом, – ответил Сафаров. – Бирликовцы подали на тебя заявление в суд. Требуют наказать за твои клеветнические высказывания в советской и западной прессе. Более всего упирают на ложную информацию, что ребенка подняли на вилы, и на то, что ты националистов обозвал бандитами. Аркашка, – голос Рубена Акоповича стал грустным. – Я думаю, тебе надо уехать. И не в командировку, не на месяц. Тебе из страны надо уехать. Я не удивлюсь, если завтра в ЦК тебе просто не оставят выбора.

– Рубен Акопович, скажите прямо, решение что, уже принято?

– Боюсь, что да. Точнее не скажу, сам не знаю. Завтра с утра езжай в народный суд, вот твоя повестка в качестве ответчика. Заседание в десять, но судья просила тебя приехать хотя бы на полчаса раньше. После суда созвонись с помощником секретаря ЦК, узнай, когда он сможет тебя принять. Кстати, помощником стал твой давний приятель Марат Садвакасов.

Народный судья Алла Владимировна Мартынова была с Марковым предельно откровенна.

– Аркадий Александрович, я читала все ваши статьи и со-

гласна с вами целиком и полностью, разделяя вашу тревогу по поводу будущего нашей республики. Но у меня трое детей, и я обязана думать в первую очередь об их будущем. Вы меня понимаете?

– Алла Владимировна, понимаю, и никаких претензий с моей стороны не будет. Какое бы решение вы ни приняли.

– Ну вот, начинается, – всплеснула руками Мартынова. – Гляньте в окно.

Аркадий выглянул в окно. К зданию суда, перегородив дорогу, трамвайную линию и даже тротуар, подъехало сразу несколько огромных автобусов «Икарус». Из переднего в этой колонне автобуса вышли люди, которые сразу растянули зеленое, исламского цвета, полотнище с надписью: «Марков – враг узбекского народа». Именно этот транспарант видел вчера на фотографии Аркадий.

Судебное заседание длилось недолго. Суд признал, что в одном из абзацев «неверно поставленная в тексте запятая может существенно влиять на общий смысл изложенного», в связи с чем суд вынес решение «оштрафовать гражданина Маркова Аркадия Александровича на сумму пять рублей ноль-ноль копеек».

Марат встретил Аркашку душевно.

– Горжусь тобой, старик. Ты стал лучшим репортером в этой республике и одним из лучших в стране. И не спорь со

мною, это не комплимент другу юности, это холодная констатация факта. Сегодня этот факт признает и секретарь ЦК, порка предстоит показательная, – откровенно заявил Марат.

– Что посоветуешь?

– Не ерепенься. Хотя бы потому, что решение уже принято, повлиять на него ни ты, ни Рубен, ни я – никто не может.

– Да какое решение, ты можешь не тянуть кота за все его подробности?

Но Марат не успел ответить, Маркова вызвали «на ковер».

– Мне уже сообщили, что суд признал ошибочность ваших публикаций в связи с ферганскими событиями, – вместо приветствия произнес секретарь ЦК.

Аркашка хотел возразить: суд лишь признал, что запятую можно было поставить и в другом месте, но, памятуя наставление Садвакасова, промолчал.

– У вас семья, кажется, в Америке, жена и сын?

– А при чем тут моя семья? – опешил Аркадий, который мог ожидать чего угодно, только не такого поворота.

– Я полагаю, вам надо воссоединиться с семьей. И как можно быстрее. Так будет правильно. Все необходимые указания по вашему оформлению ОВИР уже получил. Советую вам не затягивать с отъездом. Вы противопоставили себя целому народу, Марков, и мы не можем этого потерпеть.

– Я противопоставил, если вам угодно употреблять такой термин, себя не народу, частью которого себя считаю, а группе бандитов, – не сдержался все-таки Аркадий.

– Вы не можете считать себя частью народа, который вас называет своим врагом, – как отрезал секретарь ЦК.

В ОВИРе, где очередь из евреев, греков и немцев, желающих репатриироваться на историческую родину, была, наверное, на несколько месяцев, его приняли незамедлительно. Выездная из СССР и въездная в государство Израиль визы уже были готовы. Ему оставалось только расписаться в журнале учета виз.

– Но у меня семья в Америке, – растерялся Аркадий. – При чем тут Израиль?

– Ваша мать по национальности еврейка, у евреев национальность определяется по матери. Так что вы имеете все законные основания на репатриацию в Израиль. Репатриации в Соединенные Штаты Америки не существует, так что поезжайте в Израиль, а оттуда хотите в Америку, хотите на Луну – куда угодно, – терпеливо объяснил ему инспектор ОВИР. – А теперь распишитесь вот здесь, – и он протянул Маркову бланк.

– Что это?

– Это уведомление о том, что вы лишаетесь советского гражданства. И еще одно, пока не забыл. Если у вас есть неоплаченные штрафы или иные официальные платежи, советую оплатить, иначе при выезде могут быть проблемы.

Ошарашенный от происходящего и от стремительности, с

какой все это свершилось, Марков пробормотал, что на него наложен судебный штраф.

По дороге в суд он все еще не верил, что это его, родившегося в этом городе, знавшего здесь каждый переулок, вышвыривают отсюда словно нашкодившего щенка. «Да что там из города, тебя из целой страны только что вышвырнули», – возникла мысль и засела в мозгу как заноза.

Получив на руки решение суда, он отправился на почту. У девушки в окошке он спросил, сколько стоит перевод пяти рублей. Услышав ответ, на почтовом квитке, не отказав себе в злорадстве, написал: «Учитывая, что в решении районного народного суда не сказано, за чей счет отнести сумму денежного перевода, три копейки вычитаю из оплачиваемого мною штрафа. И в графе сумму перевода обозначил цифрами и прописью: «4 р. 97 коп. (четыре рубля девяносто семь копеек)».

От щедрот советских отвели ему на сборы три дня. Никаких проводов он не устраивал. Зашел попрощаться с Рубеном Акоповичем, попросил его Марату Садвакасову привет передать, звонить в ЦК не стал, мало ли... С Камилом и Зухрой посидели в их любимой шашлычной в старом городе – вот и все провода.

Из шашлычной напрямиком отправились в аэропорт. Странно было предъявлять вместо паспорта бумажку-ви-

зу, но пограничник отреагировал спокойно. Таможенник, осмотрев его вещи, все в один чемодан уместились, пересчитал деньги и предупредил, что с собой в Израиль можно провозить не более ста долларов США, провоз советских денег запрещен.

В посольстве Нидерландов, на Ордынке, где размещалась группа израильских дипломатов, ему выдали бесплатный билет на рейс Москва – Будапешт – Тель-Авив. И уже ночью он сидел в салоне самолета, уносящего его в черное небо, в новую жизнь, пугающую своей неизвестностью.

Глава тридцать четвертая

– Родственники в Израиле есть? Друзья? – сотрудник министерства по делам новых репатриантов в тель-авивском аэропорту имени Бен-Гурина был сух и деловит.

– Родственников нет точно, может быть, друзья какие-то найдутся, сразу и не вспомнишь, – ответил Аркадий.

Чиновник еще раз просмотрел его документы.

– Скажите, а вы тот самый А. Марков, из «Звезды Востока»?

Аркаша удивленно вскинул брови: – Вы что, тоже из Ташкента?

Чиновник улыбнулся, оказывается, он умел улыбаться, приложил палец к губам:

– Мне здесь не задают личных вопросов. Так куда вы собираетесь ехать?

– Скажите, в Израиле есть газета на русском языке?

– Есть. В Тель-Авиве.

– А можно меня устроить куда-нибудь поближе к редакции?

– Ну хорошо, направлю тебя в отель «Марина». Только учти, ты там долго не проживешь.

– Это почему же?

– Мы туда направляем в основном репатриантов с детьми. Там сейчас народу больше, чем тараканов. Тебе положено

бесплатное такси от аэропорта до места назначения. Так что, выписываю тебе направление в «Марину»?

– Выписывайте. И если знаете адрес редакции русской газеты, тоже напишите.

Утром, невыспавшийся в этом репатриантском вавилоне, Марков отправился разыскивать редакцию газеты «Наша страна». Главный редактор Рита Старовольская встретила его довольно равнодушно.

– Хотите для нас писать – пожалуйста.

– Может быть, вы мне подскажите, какие темы вас интересуют? – спросил Аркадий.

– Вы мне только что сказали, что вы профессиональный журналист. Так пишите.

– А если вам не подойдет, то сразу туда, – он указал кивком на мусорную корзину. Редактор лишь кивнула.

Каждое утро он теперь начинал с того, что покупал «Нашу страну». На седьмой день был опубликован его первый репортаж. Аркашка счел совпадение весьма символичным. К этому времени ему удалось снять неподалеку от редакции квартиру. Вернее, это не совсем была квартира. В поисках жилья он уже ноги сбил, когда его окликнул какой-то толстяк, стоявший на пороге овощной лавки:

– Русский, квартиру ищешь? Заходи.

Толстяк оказался польским евреем, с ужасающим акцентом, но все же изъяснялся на русском языке. Он объяснил, что его магазин переезжает в другое помещение, а это он го-

тов сдать.

– А жить тут как, тут же ничего нет, – поразился Аркадий.

Толстяк показал ему подводку для воды, сказал, что здесь можно поставить и раковину, и даже душевую оборудовать.

– Зато ты посмотри, какая у тебя будет огромная комната, не комната, а зал приемов, – убеждал он. – И еще одно богатство.

Он через черный ход вывел его во дворик, огороженный металлической сеткой, где громоздилась целая груда ящиков и коробок из-под овощей.

– Завтра я все это вывезу, за два дня покрашу стены, оборудую тебе душевую и туалет – и у тебя прекрасная квартира, да еще и двор для отдыха, – увещевал его магазинщик.

За месяц Аркадий опубликовал пятнадцать материалов.

– Вы действительно профессионал, – признала Старовольская. – Пожалуй, лучший из тех, кто обращался ко мне, приехав из Союза. И именно поэтому я дам вам совет. Поступайте на какие-нибудь курсы, овладейте специальностью, которая вас будет кормить. Поверьте, при всем желании я не могу вас взять на работу. У нас работают всего несколько человек, все они предпенсионного возраста. Увольнять их – хозяину дороже, слишком большую надо будет выплачивать компенсацию. А расширять ради вас штат он не станет.

Аркашка устроился на маленький заводик. Штамповщиком. В первый день он изорвал на себе в клочья всю одежду. На второй день уронил железную болванку на ногу мастеру, на третий – вывел из строя штамп. Штамп немецкого производства был установлен на заводе в 1948 году, том самом году, когда было создано государство Израиль. Хозяин завода вызвал наладчиков. Приехали два молодых парня. Они умоляли Аркашку, чтобы он показал им, на какую нажал кнопку, чтобы штамп раскололся надвое.

Глядя на Аркашку плачущими глазами, хозяин завода увещевал:

– Сынок, если ты захочешь сломать стену – пожалуйста, если хочешь, можешь уничтожить весь мой завод. Я прошу тебя только об одном: чтобы лично у тебя не пострадал даже мизинчик.

Неизвестно, чем бы это закончилось, но началась война. Одна из множества на протяжении не очень-то еще и длинной истории израильского государства. Завод временно закрылся. Три дня кряду он искал в «Нашей стране» хоть что-нибудь отдаленно напоминающее репортаж с места событий, но не нашел. На четвертый день отправился в редакцию, спросил Риту напрямую, где репортажи, почему их нет?

– Да мне просто отправить туда некого, у нас же одни бабки да дедки.

– Отправьте меня, – предложил Марков.

– Ты же языка не знаешь.

– Это не преграда, отправьте, не пожалеете. Вы мне только оформите все необходимые документы, остальное уж моя проблема.

Через несколько дней хозяин газеты поинтересовался у главного редактора, отчего так стремительно взлетел вверх тираж. Рита объяснила, что это все благодаря военным репортажам нового автора. Вернувшись из Ливана, Аркадий отметил и свое благополучное возвращение с войны, и должность – его взяли в «Нашу страну». На полставки, но ведь взяли!

В газете «Наша страна» появилась новая рубрика «В гостиной у Маркова». Всё началось с пасхальных праздников. Перед этим важным праздником евреи выбрасывают из дому все ненужные вещи. Среди них попадаются и такие, которые вполне могут послужить рачительному хозяину. Побродив по окрестным улицам, Аркашка вполне даже обставил свое уютное до этого жилище – притащил пару вполне сносных пуфиков, ничего себе стол и аж двенадцать складных стульев – по возрасту гораздо старше его самого, но совершенно еще пригодных для прямого назначения.

В праздник, когда никто не работал, Милка Романовская уговорила Маркова взять интервью у заезжей знаменитости – певицы-барда Вероники Долиной. С Романовской Арка-

дий познакомился в редакции, куда она пришла давать объявление. Романовская была одержима идеей организовать в Израиле концерты самых лучших советских артистов. Что ей, кстати, в итоге и удалось.

Редакция в праздничные дни была закрыта, пришлось интервью брать дома. Долина явилась с гитарой, сел на пуфик, вытянула свои длиннющие ноги и тронула гитарные струны. Он даже про интервью сначала забыл, так великолепны были ее песни.

– А классно ты придумал, с этими пуфиками, – тараторила, уходя, Милка. – Я теперь всех своих артистов буду в твою гостиную приводить.

Рубрика со временем стала настолько популярной, что побывать в гостинной у Маркова считалось престижным. Уже живущие здесь – знаменитый актер театра «Современник» Валентин Никулин и Леонид Каневский – майор Томин из сериала «Следствие ведут знатоки», поэт Игорь Губерман и практически все знаменитости, которые приезжали в Израиль на гастроли, все они давали интервью, сидя на тех самых пуфиках, что подобрал Аркашка в предпасхальные дни на соседней улице. Он завел фломастер, и на белой стенке его известные гости стали оставлять свои автографы. А вот автограф Губермана он спрятал в стол.

Когда Губерман впервые появился в его доме, они познакомились так. Приятель, пришедший с поэтом, сказал Аркадию: «Знакомься, это Игорь Губерман».

– Ого! – восторженно откликнулся Аркадий. – Сам Губерман!

– Гарик, знакомься, это Аркадий Марков, – представил приятель хозяина дома.

– Ого! – в тон Аркашке откликнулся Губерман. – Сам Марков!

Гости были чуточку навеселе, самую малость, для поддержания прекрасного настроения.

– Вот всем хорош Гарик, но матерится нещадно, а без слова «жопа» и одной фразы сказать не может. Ну скажи, не можешь?

– Могу, – ответил Губерман, пошарил глазами, взял лежавшую на столе бумажную салфетку и фломастер. Минутку подумал, что-то черкнул и протянул Аркадию салфетку, на которой поэт начертил:

«Я с детства не любил овал,
Но все же жопу рисовал».

Вся страна погрузилась в сладостную и страстную пучину предвыборной кампании. Есть такая байка про невероятную политизированность израильского общества: если в обычной стране в президенты баллотируются два, три, ну от силы четыре человека, то в Израиле на пост главы государства баллотируется восемь миллионов претендентов – по количеству населения, включая новорожденных. И вот пришла

пора израильтянам выдержать очередное испытание их хваленной демократии.

На заре двадцатого столетия граф Мальборо сэр Уинстон Леонард Спенсер Черчилль изрек: «Демократия – наихудшая форма правления, однако ничего лучшего человечество не придумало. Моё лично мнение, что с демократией носятся как с писаной торбой и пытаются натянуть на нее абсолютно любое общество».

В начале двадцатого века государства Израиль еще не было и в помине. Однако не очень образованный, но невероятно афористичный сэр Уинстон Черчилль как в воду смотрел, говоря, что любое общество готово натянуть на себя демократию как форму правления. Что Израиль и поныне подтверждает ежедневно.

В 1948 году на Генеральной ассамблее ООН, где было провозглашено государство Израиль, Давид Бен-Гурион заявил, что «мы станем нормальной страной, когда у нас появятся воры и проститутки». Появились. И в первую очередь в политике – такого количества воров и проституток, как в политике, нет ни в одной сфере израильской жизни.

Существует чисто израильский, что характерно, анекдот. В переводе с иврита он звучит так: «Когда Бог создавал мир, он решил каждому народу дать два качества, чтобы человечество развивалось равномерно. Англичанам дал аккуратность и законопослушность. Русским – упорство и физическую силу. Японцам – трудолюбие и терпение. Итальянцам

– музыкальность и артистизм. И так каждый народ получил два ведущих качества. А по поводу израильтян Бог попросил ангела написать: «Израильтяне будут умными, порядочными и разбираться в политике». Ангел удивился и спросил: «Всевышний, почему ты дал всем по два качества, а израильтянам три? Это же делает израильтян выше всех народов». «Ты прав, – ответил Всевышний. – Но то, что сделано, не может быть изменено. Поэтому поступим так: израильтяне будут обладать тремя качествами, но для баланса с другими народами смогут применять одновременно только два из них». Итог: израильский порядочный политик не может быть умным. Израильский умный политик не может быть порядочным. А умный и порядочный израильтянин не может быть политиком».

Общественные организации новых репатриантов появлялись в невероятном количестве. Практически каждый день – по несколько новых. Общество помощи новым репатриантам. Союз рыжих. Общество матерей-одиночек и отдельно – общество отцов-одиночек. Организация защиты медиков, выходцев из СССР, Фонд поддержки ликвидаторов аварии на Чернобыльской АЭС... В редакцию «Нашей страны» звонили с утра до ночи, приглашали, порой просто требовали приехать на собрание вновь созданной организации, поддержать её средствами печати.

Аркадий, как единственный в газете репортёр, просто с ног сбился. Первыми его затянули к себе активисты общества помощи новым репатриантам, естественно – выходцам из СССР. В большой четырехкомнатной квартире в престижном районе Тель-Авива собралось человек тридцать, а то и больше. Хозяин квартиры, высокий одноглазый молодой человек – ну, прямо персонаж из Ильфа и Петрова, подумалось Аркашке, – ходил по комнатам, увещевал собравшихся:

– Каждый из вас в своих районах должен составить списки наиболее нуждающихся, но не просто тех, кому не хватает, а у кого безвыходное положение. Я знаю, как это бывает. Я поначалу нигде не мог устроиться на работу, собирал объедки, и не стесняюсь сейчас в этом признаться, – вещал Александр Орловский.

Собравшиеся слушали, согласно кивали, не забывая при этом угощаться обильно выложенными на столах пирожками, булочками, всевозможными чипсами, запивая не менее щедро выставленными здесь прохладительными напитками, чаем и кофе.

– А вы, Александр, сами где работаете? – спросил Аркадий председателя.

– По ночам посуду мою в ресторане. Вот сейчас закончу наше собрание и пойду на работу, посуду мыть. Я ведь по профессии инженер, так что о работе по профессии мне и мечтать нечего, вот и устроился туда, где платят хорошо.

– У вас большая семья? – поинтересовался Марков.

– А причем тут моя семья?

– Да я к тому, что вы арендуете большую квартиру, наверное, здесь много людей проживает...

– Семья пока не приехала, они еще в Союзе. Как только освоюсь полностью, вызову их сюда. Вот пока что квартиру снял.

– Вы сейчас говорили о списках особо нуждающихся. Из каких средств вы намерены им помогать?

– В Израиле невероятно большое количество различных благотворительных фондов. Просто мы, недавно приехавшие, их пока не знаем. Но в предвыборном штабе партии «Авода» («Авода» – рабочая партия Израиля, долго находившаяся у власти. – прим. автора) мне обещали помочь и дать координаты наиболее действенных фондов. Я не сомневаюсь, что раздобуду средства для оказания помощи самым нуждающимся.

«Никто ему ни копейки не даст», – думал Аркадий по дороге на другое собрание. Вообще, все это сборище вызвало у него смутное чувство чего-то искусственного, какого-то плохо отрепетированного спектакля. Станиславский бы точно сказал свое сакраментальное: «Не верю!»

Марков ошибся. Орловский деньги получил, несколькими новым репатриантом были выделены средства, о чем немедленно оповестила своих читателей «Наша страна».

...В Обществе рыжих веселье было в самом разгаре. И не мудрено. Здесь, в отличие от предыдущего собрания, на столах сверкала этикетками знаменитая израильская водка «Кеглевич». Марков употреблял водку «Казачок» стоимостью три с половиной шекеля. Его коллега Лазарь Данович остроумно называл эту водку «пляшущие человечки» – на этикетке были изображены танцующие казаки. «Кеглевич», стоившая десять шекелей, была им, журналистам, тогда не по карману. Видно, у рыжих материальное положение получше, чем у газетчиков. Гремела музыка, рыжие веселились вовсю. Среди музыкантов Аркадий узрел ташкентского знакомого – лабуха из ресторана «Бахор».

Боря Аркашке обрадовался, тут же потащил земляка к столу, отметить встречу.

– Что тут происходит? Для чего собрали рыжих? – спрашивал Аркадий земляка.

– Понятия не имею. Позвали, вот и пришел. Ты посмотри, чувак, как клёво, бухла – хоть залейся, хавки – обожрись. Я с момента приезда в эту Израйловку еще так не отдыхал.

– Но за чей счет этот банкет?

– Говорю же тебе, союз рыжих позвал, я же – рыжий. Давай я тебя с Михаилом познакомлю, он здесь главный, ему будешь свои вопросы ставить. Ну еще по одной?

Михаил Беренбойм, как представился главный рыжий, был не просто заурядно рыжим, а какого-то сияющего медного цвета.

– Идея создать союз рыжих принадлежит мне, Беренбойму, – самодовольно заявил Михаил, явно гордившийся своей фамилией. – Ну, конечно, придумал все это Артур Конан Дойль, но союз рыжих Израиля придумал я.

– Для чего?

– Что значит, для чего? – сделал обиженный вид Михаил. – Нам тут, в Израиле, и так хреново живется, вот я и решил объединить хотя бы рыжих. Будем встречаться, проводить вот такие веселые вечера. Разве плохо?

– Да, но на это нужны средства. Я смотрю столы накрыты, музыкальная аппаратура тоже, наверное, денег стоит, не говоря уже о помещении.

– В Израиле есть фонды, которые поощряют создание всяких общественных организаций новых репатриантов, ну, чтобы они быстрее адаптировались в новой стране. Им понравилась моя идея объединить рыжих, вот они и дали согласие финансировать нашу общественную организацию.

«Опять эти невидимые фонды, щедрые до безумия», – недоумевал журналист.

Своими сомнениями он поделился с Ритой.

– Различные благотворительные организации действительно существуют, в период предвыборных кампаний, они, естественно, активизируют свою деятельность, – уклончиво ответила главный редактор.

– Целенаправленно помогая какой-то конкретной партии, я правильно понимаю?

– Не забывай себе голову. Лучше отправляйся на площадь Государства, там какой-то отец-одиночка объявил голодовку.

На площади Государства, в самом центре Тель-Авива, к развесистому дереву был прикован собачьей цепью рыжий человек. Аркадий без труда вспомнил, что этого очень рыжего и очень кудрявого он вчера видел на сборище у Беренбойма.

– Чего добиваешься? – спросил он без всяких предисловий, ему эти активисты уже начали поднадоедать.

– Признания статуса отцов-одиночек и увеличения для них пособия.

– А чем отец-одиночка от одинокой матери отличается? Только не говори мне о половых признаках, я про Адама и Еву наслышан.

– Ну... – замялся отец-одиночка. – Я еще концептуальную программу не разработал, но главное – привлечь внимание к проблеме.

– К какой же проблеме ты собираешься привлекать внимание, если этой проблемы сам не знаешь. И потом – почему именно голодовка? Ну ладно, скажи мне лучше, вас, таких вот отцов, в твоём обществе много?

– Уже пять человек.

– Ну если целых пять, то вас несомненно ждёт успех, – съязвил Аркадий.

В это время к ним нерешительно приблизился молодой

человек и, смущаясь, спросил:

– Вы из газеты?

Получив подтверждение, поинтересовался:

– А может, вы и обо мне напишите? Я – фашист.

– Кто?! – опешил Аркадий.

– Фашист, – подтвердил парень. – Официально зарегистрированный фашист.

– Замечательно, фашист в еврейском государстве. И кто ж тебя, фашист, зарегистрировал?

– Министерство юстиции, как и положено. Вы не понимаете, сама по себе фашистская идеология – это очень позитивная политическая система. Просто Гитлер её исказил.

– А ты, значит, решил ошибки Гитлера исправить. И много вас таких фашистов в Израиле?

– Пока я один. Так вы будете обо мне писать?

– Пошел на х.., – грубо выругался Марков. Он уже устал быть корректным с этими идиотами, которые, как ему начало казаться, сбежали из дурдома.

Острый взгляд репортера, пытливый ум, выработанная за долгие годы привычка складывать целое из мелких, подчас совершенно разрозненных деталей, помогла ему и теперь. Особенно после того, как он стал регулярно наведываться в штаб предвыборной кампании партии «Авода». Сначала он приходил сюда, как в место, где концентрировалась полезнейшая для репортера информация. Но постепенно стал прислушиваться и приглядываться, чтобы лучше понять, что

происходит вокруг. Когда партия организовала в Иерусалиме митинг, на котором собрались пять тысяч репатриантов из Советского Союза, картина прояснилась полностью. Это был замечательный политический ход – объединить в единую электоральную силу всех новых репатриантов, приехавших из огромной страны. Им действительно было трудно адаптироваться в новой для них стране. Не зная языка, обычаев, ментальности и даже истории этой страны, они не могли не испытывать всех возникших перед ними проблем. А политологи, разработавшие программу их объединения на выборах, умело подливали масла в огонь. «Вам непросто плохо, вам очень плохо. И виновато в этом государство, которое не подготовилось к вашему приезду. Вам не дают работу не потому, что вы плохие специалисты, а потому, что вы приехали из России, вы для местных не евреи, вы – русские. Вас повсюду обманывают, вам недоплачивают, используют на самой неквалифицированной работе, превращая врачей, учителей, ученых в дворников и полумоек. Но стоит нам, нашей партии, прийти к власти, как жизнь ваша изменится, по вашим улицам среди кисельных берегов потекут молочные реки». Они находили всех этих орловских, беренбоймов, отцов-одинок и прочих трутней, которые не работу искали, а возможность, ничего не делая, жить припеваючи. Они легко, без зазрения совести, ввали, что деньги на улучшение жизни репатриантов им выделяют некие фонды и благотворительные организации, настойчиво внушая мысль, что все это со-

здается при помощи партии, которая единственно способна улучшить жизнь новых граждан страны.

«Учите иврит, подтверждайте свои дипломы или овладейте новыми специальностями, устраивайтесь на работу», – говорили им израильтяне. «Голосуйте на предстоящих выборах за нашу партию, и все ваши проблемы разрешатся сами по себе», – убеждали их бесчисленные активисты рабочей партии, расплотившиеся по всей стране со скоростью тараканов.

В предвыборный штаб частенько заглядывал пожилой высокий мужчина в неизменно просторной белой рубашке. Академик Хаим Рои заведовал в Тель-Авивском университете кафедрой политологии. В те годы он, ни разу в жизни не побывавший в СССР, считался едва ли не лучшим в мире советологом. Рассказывали такую историю. В университете на каком-то семинаре собрали приехавших из Союза ученых-гуманитариев. «В аудитории есть москвичи?» – спросил академик. Набралось человек пятнадцать. Ученый повесил на доску карту Москвы и предложил москвичам проложить наиболее короткий маршрут проезда от Ленинского проспекта до нового микрорайона Выхино. Присутствующие москвичи предложили четыре наиболее удобных варианта. Академик предложил пятый, поразивший жителей столицы тем, что его вариант был лучше.

– Хотите заработать? Честно и хорошо, – обратился Хаим Рои к Аркадию. Полиглот, владеющий девятью языками, он и на русском языке говорил отлично.

– «Увы, но улучшить бюджет нельзя, не запачкав манжет», – процитировал Марков. – Так считает мой друг поэт Игорь Губерман.

– Ваш друг хороший поэт и, видимо, остроумный человек, – серьезно признал Рои. – Но из каждого правила есть исключение. Приезжайте завтра ко мне на кафедру, и я вам постараюсь это доказать.

В довольно тесном кабинете, заваленном журналами, рукописями, Маркову едва удалось протиснуться к столу, за которым восседал завкафедрой.

– Я внимательно читаю все ваши статьи о новых репатриантах в «Нашей стране». И с каждым днем вижу все отчетливее, что вы понимаете, какие планы преследует «Авода», готовясь к выборам в Кнессет (Кнессет – израильский парламент, состоящий из 120 депутатов. – прим. автора). – Думаю, вы не сомневаетесь, что в итоге все эти партийные обещания – не более, чем ловкий предвыборный ход. А активисты из новых репатриантов в итоге окажутся не у дел, их просто вышвырнут за ненадобностью. Так вот, у меня к вам деловое предложение. Мы на кафедре разработали анкету, суть вопросов сводится к тому, чего ожидают новые избиратели нашей страны от выборов, в которых они впервые принимают участие. Если вы согласитесь, вам предстоит опросить тыся-

чу респондентов.

– Тысячу?!

– Вы не ослышались. Как видите, это честный и беспристрастный опрос, который к тому же хорошо оплачивается. По итогам анкетирования, и учитывая ваш опыт общения с новыми гражданами страны, я полагаю, вы сможете написать работу для нашего научного сборника. Публикацию такой работы я гарантирую. На всякий случай, бланки анкет для вас я подготовил, – и академик кивнул на две увесистые упаковки.

– Но как я справлюсь один? – усомнился Аркадий.

– Вы можете привлечь к этой работе социологическую группу, но это стоит денег. Так что решайте сами. В любом случае ваши манжеты останутся чистыми.

Он даже не представлял, насколько это будет трудно – опросить тысячу человек. Но он справился. Работа увлекла Аркадия, и над статьей, обобщающей анкетирование, он трудился с большим интересом. Пожалуй, такого он не испытывал ни разу за все свои годы работы журналистом.

К этому времени выборы в парламент уже завершились, левые пришли к власти, в большой степени благодаря «русским», которые помогли им почти десятью процентами мандатов. Как и предсказывал академик Рои, все общественные организации новых репатриантов в один день растворились

в небытии, так же, как бесследно исчез «Союз рыжих» в известном рассказе Конан Дойля.

Глава тридцать пятая

Произошел небывалый, в полном смысле – уникальный в истории мировой дипломатии случай. Из страны назначения выезжал чрезвычайный и полномочный посол одного государства, а прибыл к месту назначения посол другой страны. И случился этот казус с Александром Бовиным. Александр Евгеньевич был назначен чрезвычайным и полномочным послом Союза Советских Социалистических Республик в государстве Израиль. По дороге, испросив на то разрешения министра иностранных дел, новоиспеченный дипломат заехал в Великобританию, где в знаменитой лондонской библиотеке проработал три дня. Для истории мироздания три дня даже не песчинка, для истории отдельного государства, некогда занимавшего одну шестую часть земной суши, оказалось вполне достаточно: лодка, которую раскачивали Ельцин и Горбачев, все же перевернулась, Союз Советских Республик перестал существовать. Александр Бовин, выехав из Москвы послом СССР, в Израиль прибыл послом нового государства – Российской Федерации.

Узнав о приезде наставника, Марков бросился в аэропорт. Бовин, увидев среди встречающих «крестничка», откровенно обрадовался. Они вместе выбирали жилую резиденцию для посла, заказывали все необходимые атрибуты – флаг, государственную печать, поскольку государственный флаг

СССР и гербовую печать теперь разве что в музей можно было сдать.

Через месяц после приезда Бовин обратился к Аркадию с просьбой.

– В Израиль приезжает Евтушенко. У него в разных городах будут творческие встречи. Нужен информационный спонсор, чтобы о выступлениях поэта как можно больше народу узнало. Посольство такими средствами не располагает. Может быть, можно с хозяином твоей газеты как-то договориться... Если надо, я даже готов официальное письмо от посольства написать.

– Попробую, – неуверенно пообещал Аркадий.

Владелец «Нашей страны» прекрасно помнил, как репортажи нового сотрудника из Ливана существенно повысили тираж газеты. Он поверил на слово Аркадию, что опубликованные в газете новые стихи самого известного русского поэта будут способствовать процветанию его издания. Аркашка, обещая новые стихи Евтушенко, глубоко сомневался, что Евгений Александрович сгорает от желания опубликоваться в их газете, но иного убедительного аргумента ему в голову не пришло.

Евтушенко – высокий, шумный, одетый, по своему обыкновению, в немислимой расцветки блузу, – задавал кучу вопросов; признался, что обожает любую национальную кух-

ню. Всё это он тут же выложил Аркадию, едва они переступили порог гостиничного номера. Узнав, что в Тель-Авиве есть ресторан «Кавказ», где готовят хаш, поэт загорелся желанием ехать туда немедленно. Он с удовольствием раздавал автографы и фотографировался «на память». Узнав, что Аркашка родом из Узбекистана и умеет готовить плов, сразу же напросился в гости к новому знакомому. На плов Аркадий пригласил и Александра Евгеньевича.

Плов удался, гости ели да похваливали. Разговорам не было конца – каждому было что вспомнить и рассказать из своей полной событиями жизни. Прощаясь, Евтушенко достал из сумки новый сборник своих стихов, написал на внутренней стороне обложки: «Аркадию Маркову, моему брату, коллеге, повару». Аркашка, прочитав, аж зарделся – сам Евтушенко назвал его братом и коллегой. Было чем гордиться.

– А своё что-нибудь подаришь? – спросил Евтушенко.

– Да у меня нет ничего. Издал пару книжонок, так и то сто лет назад.

– Это ты напрасно, – пожурил Евтушенко. – Тебе, брат, непременно надо писать. Начать, может быть, с документалистики, но непременно писать прозу.

– Знаешь, Женя, я считаю, что лучше быть хорошим журналистом, чем плохим писателем, – возразил Аркадий. – Я себя, кроме как журналистом, никем другим просто не вижу. Знаешь, как говорят репортеры: газета – единственная женщина, которой я не изменяю.

– Саша! – воззвал Евтушенко к Бовину. – Ты посмотри на этого нахала. С кем он смеет спорить? С классиком, с самим Евгением Евтушенко. Нет, ну право слово, нахал. Запомни, – он теперь обращался к Аркадию. – Из тебя получится хороший писатель. Ты только начни, и не затягивай. Ты и так уже слишком много времени потерял.

Снова позвонил академик Рои, сказал, что нужно срочно встретиться, лучше завтра, в кафе Дизенгофф-центра, часиков в десять утра. Кафе было известно тем, что там любили собираться представители местной богемы. Выбор академика Аркадия удивил, но уточнять он не стал.

Академик сам объяснил причину выбора этого места: «Отсюда недалеко до миссии ООН, нас с тобой там ждут в одиннадцать».

– В связи?..

– Лучше, если ты все услышишь сам, а не в моем изложении. Могу только сказать, что твоей работой по итогам выборов заинтересовались. Но мне кажется, не только этой работой. Впрочем, я уже сказал, что лучше тебе самому всё услышать. Допивай свой кофе, и пойдём.

В просторной комнате, где из мебели был только круглый стеклянный стол, да стоящие вокруг него глубокие кожаные кресла, их встретил мужчина лет сорока в строгом темном костюме.

– Ваша работа о формировании перед выборами этнического электората представляется нам достаточно интересной. Так или иначе, в этой работе вы затронули проблемы защиты прав личности. Я имею официальное поручение секретариата ООН предложить вам сотрудничество.

– В каком качестве?

– В качестве эксперта. Мы предлагаем вам выехать в командировку в Соединенные Штаты Америки на три месяца. Цель командировки – беспристрастная оценка возможности монолитного использования русскоязычного электората в интересах той или иной партии. Как это, к примеру, было сделано в Израиле, и так глубоко вами исследовано.

– Но я же работаю. Вряд ли редакция готова предоставить мне отпуск, даже за мой собственный счет, на три месяца.

– Речь не идет об отпуске. Ваша командировка будет, разумеется, соответственно оплачена, как и тот итоговый материал, который вы подготовите. Но речь не об этом. По сути дела, командировку, которую я вам сейчас предложил, следует рассматривать как некое испытательное задание. К вам хотят присмотреться на предмет вашего использования в качестве штатного эксперта одного из комитетов или комиссий ООН. Иными словами, вам предстоит полностью изменить род своей деятельности.

– А если я не пройду этого испытания?

– Мистер Марков, я и так вам сказал больше, чем следовало. Но ваша жизнь – это только ваша жизнь, я не собира-

уюсь вам навязывать никакого решения. Билет на самолет до Нью-Йорка забронирован для вас через неделю. Если вы откажитесь от нашего предложения, прошу дать знать об этом за сутки до отлета.

«Газета – единственная женщина которой я не изменяю», – сказал он совсем недавно Евтушенко. Сказал не для красного словца, а потому, что действительно искренне так о себе думал. И что теперь? Ему предлагают не просто сменить профессию, уехать за океан, ему предлагают образ и суть жизни, а значит, и самого себя – изменить. Но разве он, Аркадий Марков, к этому готов? И вдруг сам собой всплыл вопрос иной: «А разве нет?»

Когда-то, когда Арина уговаривала его эмигрировать из Советского Союза, она прибегла и к такому аргументу: «Там, на Западе, ты узнаешь, что такое по-настоящему сводная пресса, истинная свобода слова, а не показная, как здесь. Ты раскроешься там как творческая личность. Посмотри на Сережу Довлатова. В Союзе его преследовали, книги не хотели печатать. Когда Ленка его уговаривала, он тоже ехать не хотел. А теперь в Америке он издается, его даже на английский язык переводят, сейчас собрание сочинений к печати готовят».

Когда его, Аркадия, вышвырнули из страны, он утешал себя тем, что в Израиле сможет со страниц газеты говорить обо всем открыто и беспристрастно, объективно и правдиво – как мечтал в юности, наивно полагая, что честнее репортажа нет жанра. Ну и с чем он столкнулся здесь? Те, кто громче всех орал о свободе, преследовали одну-единственную цель: внешне свободная и беспристрастная пресса должна свободно служить только их целям. Да, в Израиле законодательно запретили партийную печать. И народ израилев возликовал – ах, какие мы все демократы, какие мы все свободные от политических пристрастий. Но остались владельцы газет, телевизионных каналов, радиостанций. Магнаты, преследующие исключительно свои политические и финансовые цели. И армия «свободных» журналистов, денно и нощно, «свободно» и «беспристрастно» отстаивающая их интересы. Может быть, пресса и служит интересам общества, но в еще большей степени журналисты служат интересам своих хозяев.

На самом деле все эти мысли лезли ему в голову потому, что он хотел, готов был изменить свою жизнь, но боялся в этом признаться сам себе. «А можно ли вообще начать новую жизнь? – задавался он вопросом. – Есть ли она вообще, эта новая жизнь или существуют только старые грехи, которые мы тащим до конца своих дней?» В голове царил полный сумбур...

«Влияние русскоязычного электората на политическую жизнь Израиля и США в период предвыборных кампаний» – так называлась его работа, опубликованная в научном вестнике ООН. Работа, которую ученый совет рассмотрел как докторскую диссертацию в области политологии. Он честно и беспристрастно сделал свой прогноз: в США монолитное использование русскоязычных избирателей практически невозможно, как маловероятно оно впредь и в Израиле – обманутые в своих ожиданиях избиратели вряд ли, как бараны, еще раз пойдут на звон бубенчиков и сладкую приманку.

Вскоре после этой публикации его пригласили посетить штаб-квартиру комитета ООН по борьбе с международным терроризмом. Ответственный секретарь комитета чех Йозеф Гжечков сделал ему неожиданное предложение:

– Не хотите ли, господин Марков, побывать на вашей бывшей родине, в Узбекистане? – и пояснил: – У нас возникает ощущение, и оно подкрепляется, скажем так, компетентной информацией, что в Узбекистане назревают весьма тревожные события. Созданная там организация «Исламское движение Узбекистана – ИДУ» активизировалась за последнее время чрезвычайно. К созданию этой организации приложили руку такие известные террористы, как «Черный араб», более известный, как Хаттаб, и даже так называемый «террорист номер один» Усама Бин Ладен. Активисты ИДУ проходят обучение в лагерях по подготовке боевиков в Афгани-

стане и Чечне, они уже открыто говорят о свержении существующего в Узбекистане строя и установлении там халифата. Скажу вам больше, но конфиденциально нам стало известно, что руководители ИДУ уже даже распределили между собой должности в будущем халифатском правительстве. Возглавляет эту организацию человек, провозгласивший себя верховным халифом и правителем будущего Узбекистана, – некий Салай Мадаминов, или, как его еще называют, Мухаммад Солих. Он сейчас прячется в одной из скандинавских стран. Возможно, вы что-то о нем слышали...

– Не может быть! – не скрывая изумления, воскликнул Аркадий. – Да я же его прекрасно знаю, ну то есть знал. Ташкентский поэт, Мухаммад Солих – это его творческий псевдоним. Стишки такие всё писал лирические – «светик-цветик-от меня вам всем приветик». И вдруг главарь, террорист, верховный халиф. Даже не верится.

– Тем не менее это так, – жестко возразил Йозеф. – Мы и не сомневались, что вы хорошо знаете Узбекистан, прожив там много лет, у вас наверняка осталось достаточное количество людей, мнению которых вы можете доверять. Сегодня – это одна из самых тревожных точек на земле. У вас будет ооновский дипломатический паспорт, министерство иностранных дел Узбекистана и советник президента Узбекистана по международным вопросам получают наши официальные депеши с просьбой оказывать вам всемерное содействие. Если по возвращении вы примите решение стать

штатным экспертом нашего комитета, то будем считать этот вопрос решенным. Да, чуть не забыл – поздравляю вас с присвоением степени доктора политологии.

Глава тридцать шестая

Это не мощный двухэтажный «Боинг-747», это машина времени переносила его через океан, возвращая в прошлую жизнь. «Остановиться, оглянуться,

На том случайном этаже,

Где вам приходится проснуться», – вспомнилось давно прочитанное у Жуховицкого и запавшее в памяти.

Сколько в его жизни было этих случайных этажей, где приходилось просыпаться. Вот только остановиться и оглянуться всё было недосуг. Недосуг было подумать, где ты проснулся и почему ты здесь, и вообще – кто ты таков, Аркадий Марков? Построил ли ты дом, посадил дерево, родил сына? Скажешь: «Да, сына родил». Твоя ли в том заслуга? Участие – да, а заслуги-то никакой. Славка вырос, не зная отца. То есть он, конечно, знает, что у него есть отец, даже видел его несколько раз. Но никаких чувств к нему не испытывал. Ни любви, ни ненависти. Не радовался, когда встречались, не тосковал в разлуке. Ну не тоскуют же люди по городам, в которых никогда не бывали.

Формально они с Ариной до сих пор муж и жена, разводиться не стали, даже и разговора об этом никогда не заводили. Ни ему, ни ей этот формальный брак не мешает. Они оба понимали, что между ними выросла такая стена, которую им уже не преодолеть никогда. Да он к этому и не стремился.

Аркадий отдавал себе отчет, что семья его только тяготит. «Может, я какой-нибудь моральный урод, не способный любить, или болезнь такая есть – семейная фобия, – порой думалось ему. – И дал ли кто-то четкое определение, что такое счастье. Несчастливым человека может сделать кто угодно, человек счастливым может сделать себя только сам. И кто сказал, что ты обязан быть счастливым? С чего ты сам решил, что можешь и умеешь любить, что непременно будешь любимым? А что если ты напрочь лишен этого чувства? Лишен, и всё». Он не знал, что себе ответить. Просто решил, что семейные узы для репортера – обуза. Для себя он выработал простенькое оправдание: если человеку что-то неординарное дано, то непременно что-то должно быть и отнято. Его работа – это свыше, отсутствие семьи и привязанность к ней – плата за награду талантом.

Конечно, он не был пуританином. Встречи с женщинами случались, не так уж, кстати, и редко. Но он за версту чуял, где легкая интрижка может перерасти в серьезные отношения, и прерывал эти связи сразу, решительно и бесповоротно. Он был уверен, что безошибочно может разгадать претендентку, посягающую на его свободу, утверждая, что чуёт их даже со спины. Женщин он цинично разделял на две категории: «сестры милосердия» и «процедурные сестры». Телефоны нескольких «сестер милосердия» хранились в его контактах. Они могли переночевать, им милостиво позволялось прибраться в квартире, приготовить завтрак или обед,

промурлыкать что-нибудь ласковое – но не более. К «процедурным сестрам» относились приятные, преимущественно случайные связи, в большинстве своем одноразовые, которые так нередки в судьбе любого мужчины, вынужденного по роду профессии колесить по всему белу свету. Он даже не давал себе труда запомнить их имена, как редко спрашивают имя медсестры, которая в поликлинике берет кровь на анализ или меряет давление и которую, скорее всего, больше никогда не увидишь. А если и увидишь, то не вспомнишь – она же процедурная сестра, сделала процедуру и исчезла из твоей жизни.

Стюардесса в бизнес-классе, ему по статусу эксперта ООН теперь полагалась такая категория полетов, уже третий раз предлагала что-нибудь выпить, и он попросил виски со льдом в надежде расслабиться и уснуть. Но сон не шел. Напротив, состояние, настигшее его именно сейчас, на высоте одиннадцати тысяч метров, и настойчиво заставлявшее «остановиться, оглянуться», не покидало.

А с чего все началось? Прочитанная в четыре с половиной года книжка «Остров сокровищ». Музыкальная школа, ненавистная скрипка, потом училище, альт, консерватория. Первые робкие заметки в «Молодежной газете», падение в котлован, искалеченная рука. Он тогда даже обрадовался, что можно уйти из консерватории. Притон алкоголи-

ков – многотиражка «Геолог» и через год областная «Андижанская газета». Марк Кошеватый, который заявил редактору, что из Маркова никогда не выйдет журналиста, поверившие в него Рубен Акопович Сафаров и Марат Садвакасов. И в итоге центральная партийная газета Узбекистана, где он, собственно, и состоялся как репортер. И не просто репортер, а Бульдог, как прозвали его коллеги. Афганистан, ранение, госпиталь. Чернобыль, облучение, снова госпиталь. И сразу после этого Фергана, разнузданные бандиты, поджигающие людей в их же домах, лозунг экстремистов «Марков – враг узбекского народа» и изгнание, впрямь как врага народа, из страны, лишение гражданства. А потом Израиль, страна, о которой он ничего не знал, потому что знать не хотел. Он был вне политики, репортер Марков. Вернее, хотел думать, что находится вне политики.

Сказать по правде, эта страна встретила его достаточно приветливо. Он не испытал тех тягот абсорбции, которые выпали на долю других репатриантов. Работа по специальности, как журналист достаточно быстро завоевал известность, два раза даже возглавлял рейтинг лучших журналистов Израиля. По большому счету он должен быть благодарен этой стране. Он и был благодарен. Но и сказать, что полюбил эту страну, он, положив руку на сердце, тоже не мог. Недавно ему рассказали анекдот. В Иерусалиме произошло редчайшее природное явление: выпал снег. Городские власти, растерявшись от неожиданности, со стихийным бедствием

не справлялись. На помощь пришли военные, стали убирать снег танками. В это время на остановке автобуса сидит старый еврей, а рядом двое молодых парней о чем-то беседуют на русском языке. Старый еврей, обхватив голову руками, бормочет в недоумении: «Снег. Танки. Русские. Где я?!»

Аркадий тряхнул стакан, звякнули кубики льда в виски. «Самолет, лед, виски. Где я?» – с усмешкой подумал он. У него в кармане лежит паспорт ООН, к нему прилагаются две пластиковые карточки: «Мировое свидетельство о рождении» и «Удостоверение гражданина мира». Когда разглядывал эти документы, то даже гордость испытал: надо же, он, Аркаша Марков, – гражданин мира. А если подумать – это же грустно. Гражданин мира – это значит человек без своей страны...

Он глянул на экран телевизора над его креслом – самолет уже летел над Узбекистаном. Десять тысяч километров пути было позади. Но не весь путь.

О своем прилете он предупредил только Камила.

Было еще довольно раннее утро.

– Завтракать ко мне домой поедем или, как раньше, в старый город на лагман?

– Ты еще спрашиваешь? – воскликнул Аркашка, предвкушая обжигающий вкус любимого с детства блюда. Они уже были в самом центре города, когда возле высотного зда-

ния увидели что-то невообразимое. Идущая впереди них белая машина вдруг... взмыла вверх, высоко над трамвайными проводами, даже не задев их. Зависнув на мгновение в воздухе, автомобиль плавно, или им так казалось, начал снижаться, и только после его соприкосновения с землей раздался оглушительный взрыв, а к небу взметнулся столб огня. Камил судорожно нажал на тормоз, но их машину взрывной волной отшвырнуло к самой обочине дороги. Где-то невдалеке, со стороны центральной площади, раздались автоматные выстрелы – прошедший Афганистан репортер не сомневался, что палят из автоматов. Потом раздался еще один, теперь уже отдаленный, взрыв, за ним другой.

Друзья переглянулись. «Ты знаешь, где представительство ООН? Быстро гони туда», – распорядился Марков. В миссии уже были оповещены о приезде эксперта. Ему объяснили, что связались с министерством иностранных дел и с МВД Узбекистана. Там сами ничего конкретно пока сказать не могут. Известно только, что некие лица пытались подорвать комплекс правительственных зданий, центробанк, здание службы национальной безопасности Узбекистана. Одна машина взорвалась в центре города. Террористы, отстреливаясь, убили и ранили несколько полицейских, а также мирных жителей – подробности, количество жертв и пострадавших пока уточняются. Аркадий позвонил в Нью-Йорк. Ответственный секретарь комитета Йозеф Гжечков, несмотря на огромную разницу во времени, словно ждал его звонка.

– Аркадий, мы вам такого не поручали, – невесело пошутил он. – Просто хотели, чтобы вы разобрались в обстановке. Если можете уже сообщить какие-то подробности, я включу диктофон.

Аркадий продиктовал полученную в миссии информацию, добавив несколько деталей из личных наблюдений.

К концу дня стало известно, что боевики Исламского движения Узбекистана (ИДУ) предприняли попытку захватить власть в стране. В это утро в правительственном здании должно было состояться совещание всех руководителей республиканского ранга, с участием президента. Мотор машины, набитой до отказа мешками с взрывчаткой, заглох. Боевики выскочили из машины и, отстреливаясь из автоматов, бросились наутёк. Погибли более ста человек, много раненых. Кортёж президента, оповещенный о ЧП, успел свернуть с опасного маршрута. Но сам президент уже через несколько минут приехал на место трагедии. Было также взорвано несколько машин возле банка, телевизионной вышки, вблизи здания службы национальной безопасности. Есть разрушения и раненые, погибших там не было.

Аркадий пробыл в Ташкенте неделю. Отправил в пресс-службу ООН несколько репортажей с места события. И даже небольшую, но очень трогательную зарисовку об одной из погибших – пятнадцатилетней девушке-узбечке.

Айгуль приехала в Ташкент из далекого кишлака в Каршинской степи. Поступила в медицинское училище. В воскресенье, вместе с девчонками из группы, они пошли на площадь Независимости (центральная площадь в столице Узбекистана. – прим. автора), сфотографировались на фоне огромных стеклянных зданий – молодые, смеющиеся девчонки, радостные, что они в Ташкенте, что учатся, что жизнь прекрасна и небо голубое.

– Через месяц будет готово, – сказал фотограф.

– Ой, а почему так долго, мы фотографии домой хотели отправить родителям.

Они были такими трогательными, эти вчера еще кишлачные девчонки, что фотограф сжалился:

– Ладно, так и быть, приходите во вторник утром, напечатаю. Только точно, а то я потом на месяц в отпуск уеду.

Сбежать с занятий всей группой они не могли, решили, что за фотографиями поедет Айгуль, самая бойкая из подруг.

Она и приехала, эта девочка, еще толком и жить не начавшая, и попала под автоматную очередь, когда террорист, убегая с площади, отстреливался.

– По совету израильского академика Рои мы просмотрели ваши статьи о войне в Ливане. У вас там есть очень любопытные замечания, – говорил вернувшемуся в Нью-Йорк Арка-

дию Йозеф Гжечков. – Вы, господин Марков, со временем можете стать весьма серьезным аналитиком. И чтобы проверить правильность моих выводов, предлагаю вам, не откладывая, написать книгу ваших наблюдений за ливанской войной. Материала у вас достаточно, принимайтесь за работу.

Позже, в основном в кругу друзей, Аркадий назовет «Войну без победителей» своей самой нелюбимой книгой. Впрочем, его мнение прямо диаметрально расходилось с официальным. «Война без победителей» была переведена на многие языки, специалисты по Ближнему Востоку считали, что у них давно не было такого образного пособия, какое они получили благодаря господину Маркову и его книге.

Потом его на несколько месяцев отправили с лекциями в Европу, на полгода – в Австралию. А через год он снова летел в Ташкент, где должен был состояться суд над террористами, совершившими вооруженную попытку захвата власти в Узбекистане.

За решеткой сидели шестнадцать человек. На процесс приехали журналисты из многих стран мира. Приходя каждый день в суд, Марков понимал, что здесь, на открытом заседании, никаких подробностей расследования этого уголовного дела он не услышит. После объявления приговора – одиннадцать наиболее отъявленных приговорили к расстрелу – он приложил все усилия, чтобы встретиться с мини-

стром иностранных дел Узбекистана. Эта встреча Аркадию была необходима. Он задумал написать книгу и понимал, что материал для книги ему просто так никто не предоставит. Нужно было распоряжение властей. Можно было, конечно, пойти официальным путем, через ООН, но он все еще чувствовал свою неразрывную связь с этой землей и решил, что личное общение даст больше пользы.

Министр иностранных дел Республики Узбекистан Азиз Камиллов не зря считался одним из самых дальновидных и тонких политиков в своей стране. Идею Аркадия Маркова он уловил сразу и влёт.

– Не стану скрывать, мы очень хотим, чтобы кто-то настоящему беспристрастно оценил то, что произошло в Узбекистане, и масштабы, уровень той беды, которую мы сумели предотвратить не только для себя, но и для многих стран Центральной Азии, – говорил ему Камиллов. – Я хорошо помню вас по работе в «Звезде Востока» и был удивлен, когда узнал, как с вами обошлись после Ферганских событий. Поверьте, я не пилюлю вам задним числом пытаюсь подсластить, а говорю искренне. Ну что ж, тем, кто принимал это решение, должно быть стыдно – вы теперь эксперт ООН, с вашим мнением обязаны считаться. Но для меня лично очень важно понять, как вы сами относитесь к этой проблеме.

– Азиз Хафизович, я тоже буду с вами откровенен. На людей, которые приняли решение о моей высылке, по-друго-

му не называю, я обижен. Но извините, если мои слова покажутся вам выпендренными – я не могу обижаться на землю, где родился, ел хлеб, получил образование и специальность, на землю, где похоронены мои родители. Я, так же как и вы, считаю, что угроза исламского терроризма, нависшая над странами Центральной Азии, это угроза не просто серьезная, но и судьбоносная. Если вы помните, я ведь сам заговорил об этом впервые еще десять лет назад, побывав в Фергане. Могу гарантировать вам одно – книга, которую я хочу написать, будет правдивой и объективной.

– Это то, что нам сегодня необходимо. Я постараюсь в самые ближайшие дни доложить о нашем разговоре президенту и, зная его отношение к этой проблеме, полагаю, что и он идею книги поддержит. Тем более, – грустно улыбнулся министр, – других желающих я что-то не наблюдаю, ни среди наших, ни среди зарубежных авторов.

Он задержался в Ташкенте на два месяца – министр иностранных дел сообщил, что президент Узбекистана распорядился предоставить в распоряжение господина Маркова все имеющиеся по этому делу материалы. Без ограничений и вне зависимости от степени секретности. Доведенное до сведения генерального прокурора, министра иностранных дел и директора службы национальной безопасности, это решение президента, мягко говоря, их шокировало. Такого они припомнить за годы своей службы не могли.

А один из бывших коллег Аркашки по «Звезде Востока»

лишь хмыкнул: «Бульдог – он и в Америке Бульдог. Уж если Марков в какую-то тему вцепился, то уж не выпустит, будьте уверены».

Глава тридцать седьмая

Рукопись книги, которую он назвал «Волчья логова», была уже сдана в издательство, когда однажды он проснулся часов около пяти утра. Сначала, спросонья, не понял, что его разбудило. Потом осознал, что ему приснился текст. Нет, не слово, не отдельная фраза, а полностью текст, важный и неповторимый. Боясь, что он растворится, как растворяются сны, Аркадий бросился к компьютеру и за несколько минут напечатал приснившееся. Уснул он потом крепко и проспал еще несколько часов. Проснувшись, вернулся к приснившемуся тексту, пытался его править, но в итоге оставил, слово в слово, запятую к запятой, без всяких изменений. Именно этот текст, вместо эпилога, он отправил в издательство:

«Открытое письмо главарям террористических организаций.

Вы называете себя волками, и это то единственное, в чем я с вами согласен. Вы действительно волки, а вернее сказать – волчья стая, затаившаяся в своем логове. Но хочу напомнить вам старую жизненную истину. Когда волк, крадучись, ночью пробирался в село и загрызал там овцу, то вслед ему стрелял только один сторож. Но когда нападала стая волков, то ружья брали все способные стрелять жители села и выходили навстречу стае. Называлось это идти всем миром. И не было еще ни одного случая, чтобы стая побеждала. Слыши-

те, ни одного. Волки бежали всегда, бежали, трусливо поджав хвосты. И вас ждет та же участь. Потому что мы живем своим миром. Тем миром, где мы пашем и пишем стихи, поем песни и смеемся, любим и рожаем детей. И в этом мире, где живут люди, **НЕТ И НИКОГДА НЕ БУДЕТ МЕСТА ВОЛКАМ**. Вы же в своем волчьем логове точите клыки, плетете нити заговоров, готовы весь мир отравить наркотиками и залить кровью. И теми же устами, что вы отдаете команду «Убей неверного!», вы произносите имя Всевышнего и, оскверняя священную книгу прикосновением оружия, приносите свои бесчеловечные клятвы, поправ тем самым религию и святые заповеди, данные Богом людям.

Вы пытаетесь внушить всему миру, что боретесь за национальную идею и чистоту религии, но весь мир уже понял, что это только маскировка, прикрывающая жестокость, ненависть, жажду власти и корысть. Вы прекрасно знаете, что никакой народ никогда добровольно не примет этих ваших «идей», а потому вы и не стремитесь повести народ за собой, вы просто хотите его превратить в рабов. В рабов, покорных вашей воле, рабов, которые будут на вас бабтрачить денно и ночью, обеспечивая вашу сытную волчью жизнь. Своим одурманенным и одураченным приспешникам вы внушаете: «Если народ с нами, мы победим». Вот именно – если! Но в нашем человеческом мире народ уже давно сбросил ярмо рабства, вдохнул прекрасный и чистый воздух свободы, и нового порабощения не желает никто. Так что ни

на какие «если» вы можете не рассчитывать. По всему миру рыдают вдовы, которых вы оставили без мужей, и плачут осиротевшие из-за вашей «борьбы» дети. И вы еще смеете говорить о поддержке народа.

Я далек от наивной мысли достучаться до вашего разума и души, которых у вас просто нет. Я лишь хочу этим письмом сообщить вам, что обычные, простые люди во всем мире, те, кто называется народом, они вас ненавидят и презирают. Хотя я думаю, что и ненависть – это для вас слишком сильное чувство. Ненавидеть можно сильную личность, врага открытого, а не вас, трусливо кусающих из-за угла. Так что остается вам только презрение людское. Вот, собственно, и все, что я хотел довести до вашего сведения. Вместе со всем миром презирающий вас Аркадий Марков».

За книгу «Волчье логово», которая разошлась по всему миру, писатель Аркадий Марков получил две награды. Высший орден Республики Узбекистан и объявленный террористами ИДУ через интернет газават – то есть поход, войну против него. В интернете появилось такое сообщение, адресованное Маркову:

«И учти, собака, если нашей жизни не хватит, чтобы расправиться с тобой, тебя уничтожат наши дети, наши внуки или правнуки, но обязательно уничтожат».

На тот же электронный адрес, откуда поступила угроза, Аркадий ответил: «Спасибо, что отмерили мне три жизни, раз рассчитываете, что со мной будут расправляться ваши

внуки и правнуки».

«Война без победителей» и «Волчье логово» сразу выдвинули его в ряд самых авторитетных в мире экспертов и аналитиков по проблемам исламского терроризма. Хотя сам он так не считал.

Полагая, что обе книги по большей части все же носят изрядную долю хроники, он чувствовала некую недоговоренность. Вот это чувство и погнало его сначала в кубинскую тюрьму Гуантанамо, потом на плато Устюрт в Каракалпакию, где среди азиатских солончаков была воздвигнута тюрьма для террористов. Если в Гуантанамо его, эксперта ООН, образно говоря, водили за ручку и показывали только то, что можно было показать, то на плато Устюрт, в тюрьме «Жаслык», ему предоставили все условия и любую информацию, которую он только пожелал. По указу президента Узбекистана книга «Волчье логово» была переведена на узбекский язык. Если в городах её продавали в книжных магазинах, то в сельской местности почтальоны бесплатно приносили ее в каждый дом. Так что автора книги в Каракалпакии встречали чуть ли не как национального героя. Только одного не позволил ему начальник тюрьмы – ночевать в камере с заключенными террористами. Итогами этих поездок стало сразу несколько документальных книг.

Поняв, что фигура Усамы Бин Ладена – это не миф и

не международная страшилка, – Аркадий всерьез занялся изучением биографии и деятельности «террориста № 1». Его книга о Бин Ладене разошлась, как и «Волчье логово», по всему миру. Но именно Бин Ладен стал причиной того, что Маркову пришлось сложить с себя полномочия эксперта ООН.

Об уничтожении Усамы Бин Ладена в Пакистане американцы сообщили как о сенсации века. И в море его труп утопили для того, чтобы никому не вздумалось навещать могилу самого большого злодея планеты Земля. Но у Маркова на сей счет были совсем иные соображения. Из своих источников, им хорошо и неоднократно проверенных, он доподлинно знал, что Бин Ладену удалось подсыпать препарат, разрушивший и без того его большую печень, что в итоге и привело к смерти Усамы. Эту операцию, длившуюся не один год, осуществил тщательно законспирированный разведчик, отнюдь не американский, много лет проработавший в Афганистане и сумевший проникнуть в самое близкое окружение террориста номер один.

Но когда Марков поделился своей версией гибели Усамы на заседании ооновского комитета по борьбе с терроризмом, то наткнулся на глухую стену непонимания и даже враждебности.

– Соединенные Штаты обнародовали официальное сооб-

щение о ликвидации Бин Ладена. Вряд ли мнение официального эксперта ООН может быть отличным от официального мнения страны, на территории которой находится штаб-квартира нашей организации, – было сказано Маркову.

Как же они, эти чиновники, боялись потерять свои теплые насиженные места в этой международной синекуре под названием ООН. Боялись лишиться своих комфортабельных домов и вилл, отдыха на самых престижных курортах и командировок в любую страну мира, и еще многого такого, что делало безоблачной и такой комфортной их жизнь. В том, разумеется, случае, если они не просто сохраняют, но и ежедневно будут демонстрировать верность своей организации.

– Да что вам дался этот Бин Ладен? – искренне недоумевал Йозеф Гжечков.

– Вы правы, он мне даром не сдался. Просто я полагал, что иметь свое мнение в нашем департаменте не возбраняется.

– Господин Марков, с такими взглядами на жизнь вам пора писать не аналитические справки, а романы, ну или детективы.

– А что, пожалуй, недурная мысль, – согласился Аркадий.

Ну как же это было здорово! Тот первый свой детектив об Усаме Бин Ладене он писал взахлеб, отходя от компьютера лишь на пару часов, чтобы забыться коротким сном и снова проснуться – бодрым, веселым, деятельным и счастливым.

И писать, фантазировать, сочинять. И не думать о том, что кто-то может не согласиться с его мнением. Ибо несогласные могут попросту не читать его книгу. И на его, Аркашкиной, судьбе это теперь уже никак не отразится.

Детектив был опубликован одним из лучших московских издательств, с книгой Аркадий отправился в писательский поселок Переделкино, в гости к Евтушенко. Евгений Александрович был болен, но давнего «брата, коллегу и повара» встретил восторженно-иронично: «Ну что, надо было столько лет выпендриваться, чтобы в итоге сделать так, как я тебе советовал? Сколько лет назад я велел тебе прозу писать? Ну говори, сознавайся».

Это и вправду была совсем иная жизнь. Поначалу он сам себя боялся, боялся, что напишет скучно, неинтересно, поражался, откуда вдруг стали возникать в его сознании сюжеты, и держался за эти сюжеты, как за спасательный круг. Понемногу научился своевольничать, не быть таким зависимым от сюжета, а создавать полноценные образы своих героев. Он называл подлецов подлецами, негодяи приобретали в его текстах самые отвратительные черты характера, а герои были красивы, благородны и умны. Со своими читателями он теперь делился собственными представлениями о добре и зле, чести и порядочности, верности и предательстве. Для них, его читателей, не было запретных тем, он делился с ни-

ми – или всё же с самим собой тоже? – самым сокровенным, наболевшим. И это было прекрасно.

И еще Аркадий осознал: что бы он ни делал: ел,пил, спал, плавал в море или летел в самолете – в душе его жила книга. Та его книга, которую уже начал писать.

Он гулял по парку, шел по улице – и вглядывался в людей. Но теперь как-то по-особенному. Тут же придумывал им биографии, судьбы, житейские коллизии. Сначала эта игра его забавляла, потом стала необходимостью, переросла в неотделимую часть жизни.

Когда он садился за компьютер, мир, весь внешний мир, отступал на задний план. Он переставал встречаться даже с друзьями. Ему не было ни одиноко, ни скучно – он жил в окружении своих героев, разговаривал с ними, радовался их успехам, огорчался неудачам, поощрял, наслаждался, негодовал. Весь нерастраченный запас эмоций, которые, как выяснилось, уже давно рвались наружу, теперь воплощался в его книгах.

Как-то из Далласа позвонила Арина. Они не виделись уже много лет, давно не разговаривали по телефону. Он решил, что-то случилось.

– Нет-нет, – успокоила его Арина. – Просто в нашем русском магазине купила твой новый роман.

– Это какой?

– Про Чернобыль. Ты очень увлекательно пишешь. И герои у тебя такие жизненные. Я в конце даже всплакнула.

– Этого не может быть! – искренне удивился Аркадий. Всегда спокойную Арину он не только никогда не видел, но и не представлял плачущей, тем более над книгой.

Она довольно долго молчала, но он слышал ее дыхание и не разъединялся.

– Я горжусь тобой, – услышал он в трубке, и разговор прекратился.

Критики не оставляли без внимания ни одной книги Аркадия Маркова. Но эта телефонная рецензия была для него самой важной. И приятной.

Эпилог

«Собрание сочинений в пяти томах» – выглядит фундаментально и слух, если произносить отчетливо, с расстановкой, радуется и ласкает.

«Так это что, итог?» – он даже вздрогнул от этой мысли и опасливо оглянулся, словно проверяя, не услышал ли кто. Весь этот год он жил с ощущением чего-то недосказанного, скорее даже – невысказанного. Маркову вспомнились слова редактора его книги «Волчье логово». Пожилая женщина, у которой в домашней библиотеке были книги с автографами самых известных писателей, чьи рукописи она редактировала, говорила ему:

– Аркадий, вы ступили на путь, для любого литератора заманчивый, интересный, но очень зыбкий. Не скрою, у вас есть все задатки, чтобы стать хорошим писателем, – легкий стиль, четкое изложение, достаточно эрудиции и знания жизни. Но вы должны помнить – каждая новая книга должна быть лучше предыдущей. И эти оценки вы должны будете себе выставлять сами. Если вы не станете самым строгим своим критиком, вы потеряете то главное, ради чего человек начинает творить. И еще. Никогда, ни вслух, ни даже мысленно, не говорите «последняя книга». Надо говорить «новая книга», а последняя – еще не написана.

Он еще раз взглянул на лежавшие перед ним стопкой но-

вые, такие солидные на вид, книги. Положа руку на сердце, в издании пятитомника большой его заслуги не было. Издательство решило своему постоянному автору сделать юбилейный подарок. Собрали всё, что у них когда-то издавалось. Преимущественно, конечно, документальные книги, их все-таки больше. Из прозы – два-три детектива, несколько повестей, романы, написанные за предыдущие десять лет. И все равно его не оставляет чувство, что он не сказал, во всяком случае, пока не сказал, своим читателям чего-то главного. А может, этого главного он не сказал им потому, что сам еще не понял.

Высшие силы наградили его талантом чувствовать слово. Как он распорядился этим даром? Помогал людям жить – это прекрасно. Но кому-то этим же своим талантом жизнь испортил. Да, и такое бывало. «Но то были мерзавцы, взяточники, мошенники, террористы», – попытался оправдать он сам себя. Но какой-то властный внутренний голос прозвучал строго и даже неприязненно: «А кто тебя судьей назначил?»

Он тряхнул головой, словно освобождаясь от этого наваждения. Да, ему приходилось лукавить, изворачиваться, чего там! – попросту врать. Особенно в те годы, когда он занимался журналистикой. Как, собственно, любому газетчику, которого в итоге нанимали – власть или магнаты, значения не имело. Но то журналистика, вторая, как известно, древнейшая профессия. Вторая после...

Но в книгах, своих книгах он всегда был предельно че-

стен. И ни за одну из них ему перед собой не стыдно. «Так кто же ты, Аркадий Марков, праведник или грешник? – спросил он себя и усмехнулся. – Ну не праведник – это точно. Но и грешником себя считать тоже как-то не хочется».

Люди, пришедшие к религии, к Богу, путем, чаще всего тернистым, называются вернувшимися к ответу. Да, человеку не дано вернуться к самому себе, прежнему. Но он может вернуться к ответу. Наверное, у каждого думающего человека должен наступить такой момент, когда он сам себе обязан ответить на множество вопросов. В том числе, или в первую очередь, на вопрос: «А как ты жил, как живешь теперь?» Может быть, настало время и ему ответить на этот вопрос. Или этот ответ – сюжет новой книги?

Аркадий открыл компьютер. На экране появилась первая строка: «ВЕРНУВШИЙСЯ К ОТВЕТУ». Он взял со стола старинный философский трактат, еще раз перечитал так запавшие ему в душу строки и процитировал их под заголовком:

«Владыка мира, Ты сотворил праведников. Ты сотворил грешников... А все же не сказано заранее, кем должен быть человек – праведником или грешником».

Возможно, это было начало новой книги. Как знать. Время покажет...